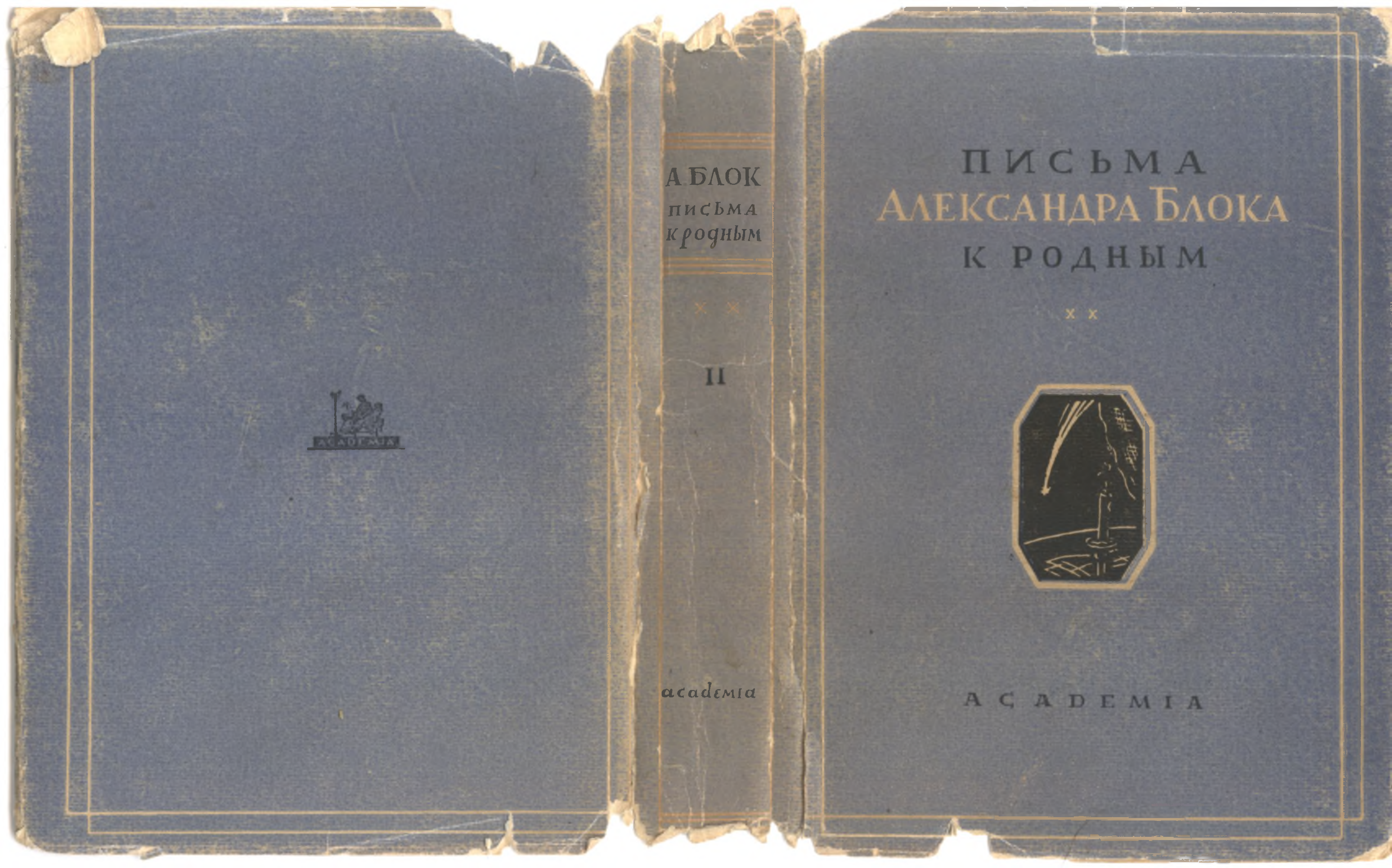

ACADEMIA
А БЛОК
ПИСЬМА
К РОДНЫМ
II
academia
ПИСЬМА
АЛЕКСАНДРА БЛОКА
К РОДНЫМ
ACADEMIA

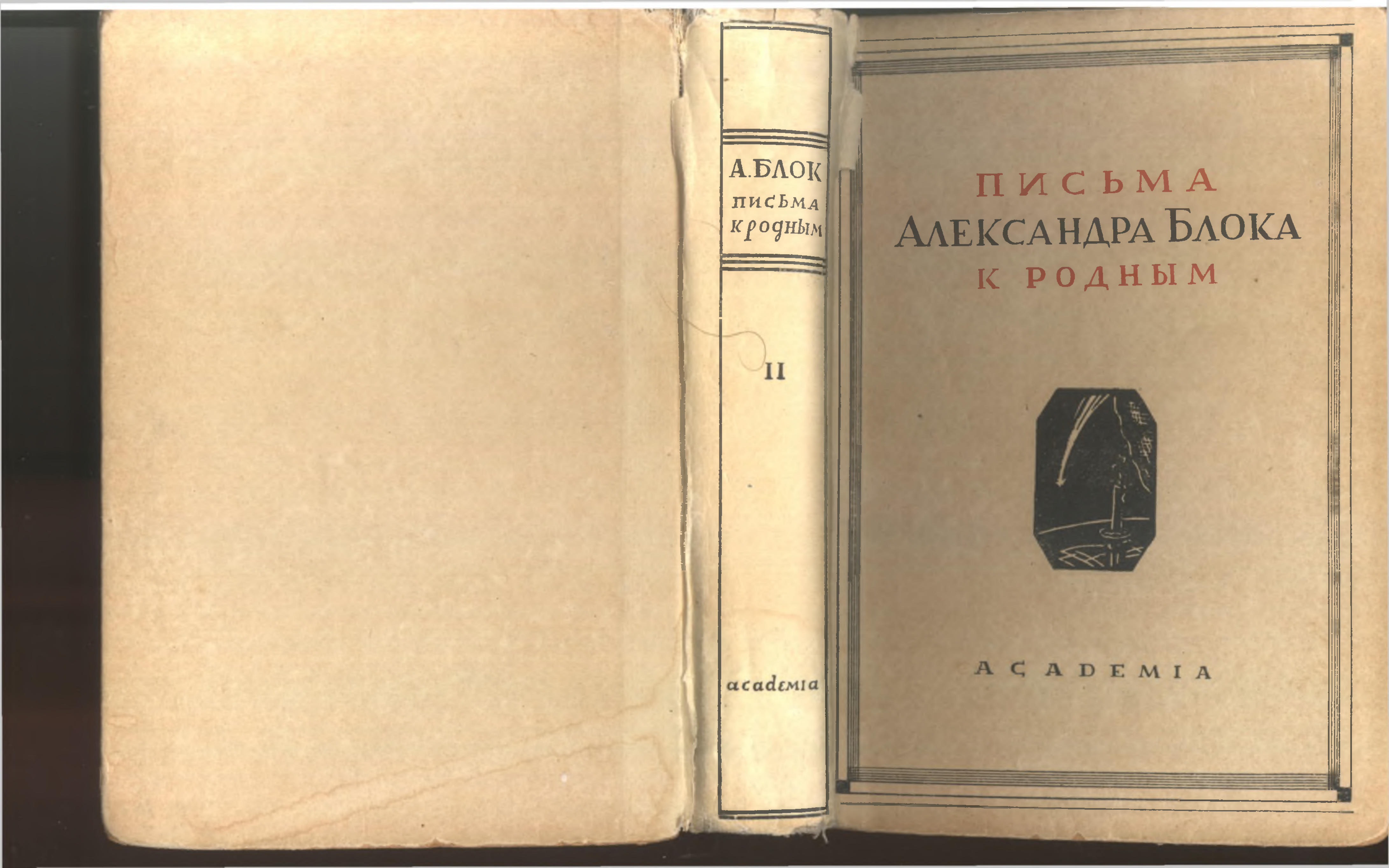
II том писем Ал. Блока к родным обнимает период от 1910 до 1921 года включительно, т. е. до конца жизни поэта. Письма отражают такие этапы его творчества, как написание поэмы „Возмездие“, пьесы „Роза и Крест“, и настроения, под влиянием которых писал он „Двенадцать“ и „Скифы“. В них выражено его отношение к войне, к Московскому Художественному театру (подготовка к постановке „Роза и Крест“), к Февральской и Октябрьской революции, а также отражается интимная жизнь поэта и его деятельность на службе — на фронте, в Чрезвычайной следственной комиссии, в Большом драматическом театре и в издат-ве „Всемирная литература“. Письма, написанные с полной откровенностью к матери, близкой ему по духу, дают возможность проследить все оттенки его изменчивых настроений и отношения к событиям и к людям и показывают все стороны его богатого дарования и мятежного духа.

Цена 5 р. 90 к.
Переплет 60 коп.

«A C A D E M I A»

Москва, Кузнецкий мост, 7/18
Тел. 434-37

Ленинград, Социалистическая, 14
Тел. 138-98



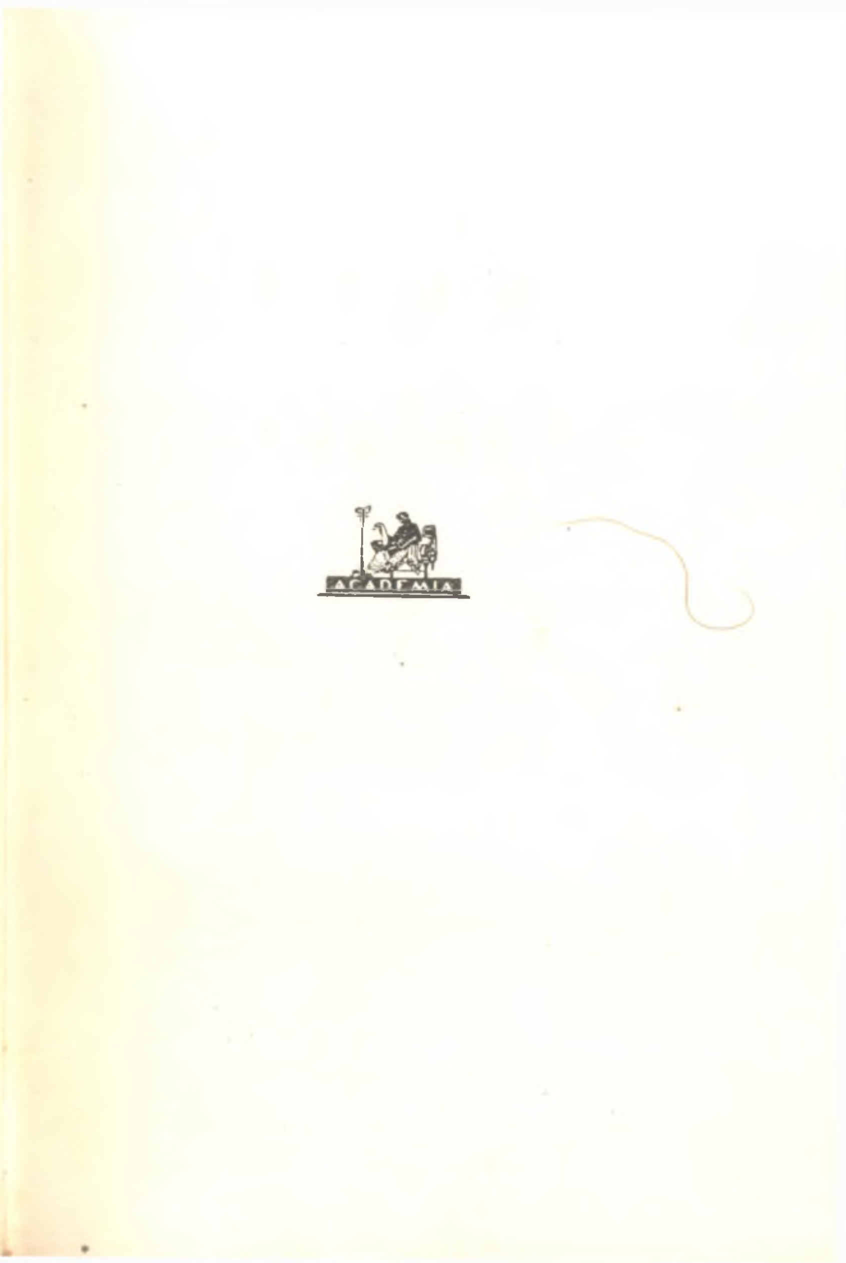
А. БЛОК
ПИСЬМА
К РОДНЫМ
II
academia
ПИСЬМА
АЛЕКСАНДРА БЛОКА
К РОДНЫМ
ACADEMIA

[illegible] условия възникновения
на естетического произведения
[illegible] 125–126
[illegible] пишешь? – 113

„Возмездие", 122, 124
[illegible] от декадентства" в поэме
„Возмездие", 124

Отношение к людям, 193
Ненависть к европейской
„цивилизации", 166, 170

Язык Стриндберга – простота его и символичность. — 217


ACADEMIA

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРНОГО БЫТА

ПИСЬМА

А. БЛОК

„ACADEMIA“
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПИСЬМА
АЛЕКСАНДРА БЛОКА
К РОДНЫМ

II

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И
С ПРИМЕЧАНИЯМИ
М. А. БЕКЕТОВОЙ
И ПРЕДИСЛОВИЕМ
В. А. ДЕСНИЦКОГО

„ACADEMIA“
1932

Супер-обложка и переплет
по рисункам художника
В. П. Белкина

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ БЛОК

1921 г.

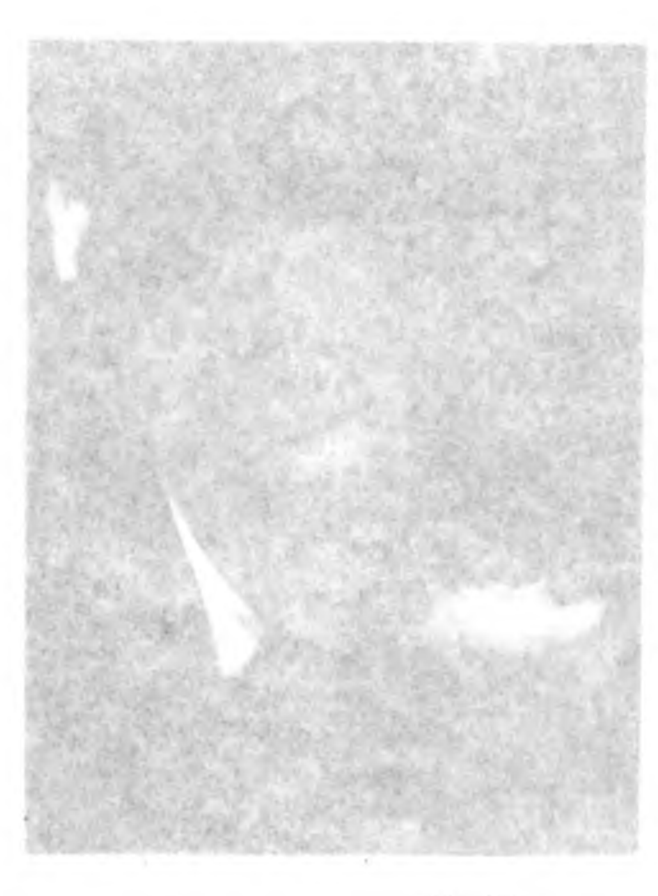
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТВОРЧЕСТВА А. БЛОКА

Наиболее [illegible] для исторического понимания и социологического осмысления является творчество тех художников, которые выражают мироощущение вчера еще господствовавших общественных [illegible], а [illegible] сегодня уже [illegible].

Уходящий [illegible] класс [illegible] художники [illegible] в [illegible] приговора своему [illegible] в выполнении очередных задач исторического процесса. В то же время они чувствуют себя обладателями великого наследия, всей той культуры своего класса, которая создана на основе эксплуатации трудящихся и которая [illegible] свежих [illegible] самыми пышными цветами.

Уходящий класс, сбитый с позиций материального господства, потерявший экономическую основу своей социально-политической власти, упорно продолжает бороться на позициях духовной культуры, расслабляя тем волю победителя, облегчая и [illegible] рода соглашений и социальных [illegible].

[illegible] уже [illegible] мо-гильщик[illegible]



СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТВОРЧЕСТВА А. БЛОКА

Наиболее сложным, наиболее трудным для исторического понимания и социологического осмысления является творчество тех художников, которые выражают мировосприятие вчера еще господствовавших общественных групп, а неумолимым сегодня уже сдаваемых в архив истории.

Уходящий общественный класс стоит перед судом истории; художники часто участвуют в вынесении приговора своему классу, оказавшемуся несостоятельным в выполнении очередных задач исторического процесса. В то же время они чувствуют себя обладателями великого наследия, всей той культуры своего класса, которая создана на основе эксплоатации трудящихся и которая к закату своему расцветает самыми пышными цветами.

Уходящий класс, сбитый с позиций материального господства, потерявший экономическую основу своей социально-политической власти, упорно продолжает бороться на позициях духовной культуры, расслабляя тем волю победителя, облегчая и создавая возможности всякого рода соглашений и социальных компромиссов.

Положение еще более осложняется, когда уже на самом празднике победы нового общественного класса, хотя и в качестве молчаливого свидетеля, но с угрожающими символами сомнения и протеста, присутствует его завтрашний могильщик.

Это заставляет победителя более бережно относиться к „ценностям“ вчерашнего дня, искать в них оружия против грядущей беды. Тем самым, в свою очередь, и идеолог побежденного класса становится в двойственное, противоречивое положение. Враждебный культуре — в его понимании, отсутствию культуры — своего победителя, он заражается его страхом перед еще более грозным „варваром“, который, в свете эксплоататорских тенденций и побежденных и победителей, несет в себе гибель всякой культуре, смертный приговор всякому искусству, всяким утонченным завоеваниям „духа“.

Отсюда—двойственность восприятия и показа действительности в творчестве даже самых „гуманных“ представителей уходящего класса.

Русский исторический процесс XIX века, в течение которого тянулся торг феодального дворянства и промышленной буржуазии о формах и доле участия в организации общества и государства, дал целый ряд „мучеников“ — и защитников „общечеловеческой“ культуры, поставленных судьбами их класса в двойственное положение. Выходцы из потревоженных дворянских гнезд — Герцен, Тургенев и др. — в различных тонах по степени резкости и отрицания — дали уничтожающую критику своего класса как единственного организатора социально-экономических и политических отношений в России. Дали в то же время дворянские писатели — и не могли не дать как представители своего класса — резкую критику своего победителя, в художественном и публицистическом показе развернув картину завтрашнего буржуазного свинского чавканья (Герцен, Щедрин и др.).

Но всем им не чужд ужас, в большей или меньшей степени, перед горящим конечным „варварством“ — „материалистического-промышленного пролетариата“. Отсюда — „незрелый“, робкий сициализм Герцена, его проклятия буржуазии кровавого 1848 года, его ненависть к мещанской пошлости и нищете „духа“, но отсюда же — его боязнь перед грядущим,

опасения за то разноцветное оперение, которое дала „человечеству“ развернутая дворянская культура, создавшая, хотя на крови и поте крепостных крестьян, превосходные цветы гуманности и красоты. Отсюда — даже у безжалостного к поместному дворянству Салтыкова, беспощадного обличителя буржуазного хищничества, слышатся ноты сомнения в предчувствиях грядущего „коммунистического“ единообразия.

Творчество таких художников, перекочевывающих на позиции нового общественного класса, но с остатками своего классового духовного багажа, особенно сложно и противоречиво, эстетически многозначимо и как бы притуплено в своей социально-классовой направленности.

Отсюда „непонимание“, напряженная борьба вокруг них за то наследие, на котором якобы не подняты знаки классовой обусловленности, борьба за них как за носителей общечеловеческой правды, вечно прекрасной гуманности.

Именно на оценке творчества таких художников и выросла та ядовитая буржуазная теория о внеклассовой интеллигенции, о надклассовой сущности созданий искусства как вечных ценностей, которые должны быть дороги всякому общественному классу.

Уходящее феодально-дворянское общество эстетизировало явления своей духовной культуры и прежде всего — искусства. В длительном процессе уживания феодального дворянства и промышленной буржуазии, в результате полного освоения финансовой буржуазией функций хозяйственного и политического властвования, в обстановке нарастания общей опасности — пролетарской революции, грозной и для буржуазии и для охвостья феодальной аристократии, эта эстетизация была воспринята и буржуазией, еще так недавно брезгливо ворчавшей на барскую эстетику дворянства, которая для нее была символом поместной бесхозяйственности.

Финансовая буржуазия эпохи начинающегося распада высоко котирует и религию, и идеалистическую философию,

и формы дворянского быта, если только они эстетизированы и не противопоставлены программно идеологии классового господства буржуазии, взяты в отрыве от конкретной действительности, поданы как завоевания всего „человечества", стоящие вне и выше презренной прозы классовой борьбы за низменные материальные интересы.

Недаром русская буржуазия накануне пролетарской революции терпимо относилась к дворянской эстетике. Эту терпимость она заводила так далеко, что не только позволяла своим приказчикам — Милюкову и кадетам вообще — бороться за духовные ценности, якобы завещанные им гуманной классической литературой, но согласилась даже на „эстетизацию" дворянского поместья (аграрная программа кадетской партии). Ей, буржуазии, было чрезвычайно выгодно, что „внеклассовая" интеллигенция громила пришедшего „хама" за его неуважение к культуре, к „вечным" завоеваниям человеческого духа. Ведь эта эстетическая надклассовость была настолько действенна, что в Октябрьские дни 1917 г. временно соблазнила даже и тех, которым, в сущности, она совсем не к лицу (интеллигентская истерика по поводу „расстрела" Василия Блаженного).

Буржуазия кануна революции усиленно культивировала эстетизацию разных областей духовной культуры. Эстетизировалась религия. Отсюда — напряженный интерес к древней русской иконописи, к религиозному искусству живописи (Васнецов, Нестерев, Врубель и т. д.) как к явлению якобы только эстетического порядка, к церковной архитектуре к религиозной музыке (характерны в этом плане восторги А. Блока перед „Хованщиной" — Мусоргского),[1] отсюда —

[1] „Хованщина" еще не гениальна (т. е. не дарование св. духа), как не гениальна вся Россия, в которой только готовится будущее. Но она стоит в самом центре, именно на той узкой полосе, где проносится дыхание духа... Мы еще

эстетизация философии, увлечение В. Соловьевым, идеалистической философией Платона и т. д.

Быстро и легко воспринималось вторжение в литературу эстетизации культовой символики даже отсталых крестьянских религиозных систем, достаточно напомнить кликушество Мережковских, сектантско-хлыстовские всхлипывания Клюева, чертовщину Ремизова, мужицкого Иисуса Есенина. Елеем умащенная глава Клюева, есенинские сапоги с набором, религиозно-философские эстетские радения Мережковских были так же созвучны эпохе, как и на все пуговицы застегнутый дворянский сюртук Бунина, как цветные кофты и крашеные физиономии футуристов.

И было бы нелепым, наивным вздором суждение о безнадежном разладе со своим классом у представителей различных „измов" в искусстве кануна революции, когда они создавали ту или иную теорию „искусства для искусства". Теории могут создаваться разные, могут расцвечиваться в яркие красочные сочетания, но звучат они как явления социально-значимого порядка только в свете общественной практики, для искусства в частности — практики художественного творчества, продукция которого социально потребляется.

Только в свете этой практики и самые теоретические высказывания могут быть расшифрованы как степень и форма примыкания к определенной общественности и отталкивания от другой, а не как индивидуальные и групповые декларации лишь на языке и в области чистой эстетики. Ведь и язык эстетики — тот же язык общественных отношений, что и язык парламентских речей, уличной борьбы, только по условиям момента, по требованиям экономии и соотношения классо-

этого не затвердили. Для раскольников это — азбука уже лишняя, может быть, даже докучная, как для народа наши „народнические" волнения и мероприятия. Господь с тобой!" Из письма к матери. 29 н. 1911 г.

вых сил, язык завуалированный, освобожденный якобы от служения злобе дня, используемый для создания „надклассовых“ общечеловеческих ценностей.

В этом смысле знаменитая речь Достоевского на юбилее Пушкина оказала громадную услугу политического порядка дореволюционному русскому классовому государству, может быть, не менее значительную, чем художественные образы его романов (Раскольников, Верховенский, Зосима и др.), чем его „дневники писателя.“ Ибо Достоевский поднял на высоту общечеловеческого и вечно прекрасного, эстетизировал „общенациональное“ (образы и все творчество Пушкина), вынес его за рамки классовой борьбы, чем продолжает соблазнять многих и в наши дни, казалось бы, свободные от всяких идеологических туманов, которые сдернуты у нас с лица земли суровым свежим ветром классовой пролетарской революции.

*

В свете этих общих положений я подхожу и к „проблеме“ А. Блока. В плане характеристики А. А. Блока как личности нет никакого труда вскрыть эту связанность его с уходящей — даже ушедшей как целое в его понимании — дворянской культурой. В своей „автобиографии“ он вспоминает как радости детских лет „благоуханную глушь маленькой дворянской усадьбы“ (с. Шахматово). Это „благоухание“ пропитывает его ранние детские письма, опубликованные в I т. его „Переписки с родными“ (Лнг., Academia, 1927). Здесь и неизбежные для дворянской усадьбы собаки, и постоянные взаимные внутрисемейные подарки. Ребенок в эстетическом плане воспринимает усадебную природу: приносит „букетик земляники“ тете Мане, дарит матери розы — „оне очень красивы и хорошо пахнут“, пишет ей, что „шиповники отцветают, а серебрянка в полном цвету... Везде такая прелесть!“ Отношения между членами семьи основаны на культе чувственной нежности: „Сегодня на гумне я попросил у Ан-

дрея листик синей бумаги... Андрей очень любезно подарил его мне и, подошедши, потребовал у меня, чтобы я поцеловал его; при этом он обнял меня и поцеловал сам".

Отношения с внешним миром, с людьми иной социальной среды воспринимаются в плане той же сентиментальной идиллии, кем-то организованной для хорошей дворянской семьи. Эта идилличность звучит в детских письмах поэта, она входит в детское сознание как явление быта культуры. „Вчера,— пишет ребенок матери,—... пришли бы еще позже, если бы не старик из Семеновского 74 лет не провел их ближайшей дорогой. Дидя говорит, что этот старик шел замечательно быстро и перенес через ручей деток... Когда они пришли сюда, то дидя велел напоить старика чаем и дал ему денег, а тетя Софа дала ему леденцов для его детей. Не успела она оглянуться, как старик бросился и расцеловал ее; дидю точно так же".

С усадебным дворянским мировосприятием мальчик входит в школу и пишет матери в 1897 г.: „Гимназия страшно плебейская и совсем не вяжется с моими мыслями, манерами и чувствами... Я наблюдаю там типы купцов, хлыщей, забулдыг и проч."

Сознание своей культурной особенности, связанности с традициями дворянской усадьбы не покидает никогда А. Блока, а в пору зрелости получает законченное теоретическое оформление. В этом смысле показательно предисловие А. Блока к трагедии Грильпальцера „Праматерь" („Пантеон", 1908). Трагедия Грильпальцера, по его мнению, для современной России символизирует медленное разложение дворянства, когда-то сыгравшего великую роль и теперь увядающего, как осенняя георгина, без аромата, „во мраке и сырости старых садов". Сказать о дворянстве „вместе с социал-демократами": „туда ему и дорога" — Блок не хочет, ибо он „полюбил" и „любит" дворянство: „... для того, чтобы увидеть чью-нибудь гибель, будь то обряд, или сословие,

или отдельный человек, надо сначала полюбить погибающего, проникнуть в отходящую его душу, значит — горестно задуматься над ним". В этой „горестной задумчивости" он называет трагедию Грильпальцера „интимной трагедией", понятной только „в черные дни", когда „несчастное человечество" переживает такую же тяжелую эпоху, как пережил Грильпальцер и „какую приходится переживать нам".

И поэт так обобщает свое настроение: „Чем дальше Грильпальцер" „опускает концы в воду" своей мрачной мистики, тем больше просыпается во мне публицистическое желание перевести пьесу на гибель русского дворянства; в самом деле, тот, кто полюбил его нежно, чья благодарная память сохранила все чудесные дары его русскому искусству и русской общественности в прошлом столетии, кто понял твердо, что пора уже перестать плакать о том, что невозвратно воротились в землю его благодатные соки, но что нельзя еще шумно радоваться этому, когда на той же благоуханной земле, рядом с новыми благородными породами, топорщатся дерзкие и хамские чертополохи, — кто знает все это, тот поймет..." и т. д.

Эти настроения оформлены не только в „Предисловии" к „Праматери". Вот что пишет А. Блок матери из Германии в 1909 г.: „О, если бы немцы взяли Россию под свою опеку! От этого только стало бы легче дышать, и не было бы больше позорной жизни. Здесь только есть настоящее величие жизни, готичеекая жизнь, умеющая освятить даже государственную службу. Здесь я не устыдился бы и не усумнился бы найти заработок и служить в любой конторе. Служить в Германии — значит состоять на посту". К Германии развернутого и преуспевающего в ту пору капитализма Блока влечет, несомненно, то, что в ней сохранилась вся эстетизируемая им феодально-дворянская прусская „готика" — организующее значение феодальной юнкерской аристократии (в провинциальной жизни, в армии, государственном аппа-

рате) и почтительное отношение к ней и ее „культуре" немецкого буржуа. Сохранившаяся в Германии „готика" делает его терпимым и к самой буржуазии немецкой. „У немецкой буржуазии, — пишет он матери в 1911 г., — не такие заплеванные и заклейменные лица, как у русской".

Отношение А. Блока к буржуазному обществу, его культуре и мещанскому быту резко отрицательное, но он не смертельный враг буржуазии и организованного ею общественного порядка. Ему многое в нем неприемлемо, но „никогда,—пишет он отцу в 1905 г., — я не стану ни революционером ни строителем жизни... По природе, качеству и т е м е душевных переживаний", — ибо „нужно иметь одну „подкожную" идею или мечту, которая протекает вместе с кровью то спокойно, то бурно, то в сознании, то подсознательно" (из письма матери 1909 г.). А „подкожные" идеи А. Блока не влекли его ни к участию в буржуазном строительстве, чуждом ему „по природе", ни к строительству новой жизни, через отрицание буржуазного строя, ибо его „идеи" уходили своими корнями в далекое отжившее прошлое. Поэтому он и предпочитает, или... совсем не жить в России, плюнуть в ее пьяную харю, или изолироваться от у н и ж е н и я — политики, да и „общественности" (партийности). — Поэтому-то, сообщая матери из Италии в 1909 г., что ему „очень близко все древнее — особенно могилы этруские, их сырость, тишина, мрак, простые узоры на гробницах", он заявляет: „Ничего из жизни современной я до смерти не приму и ничему не покорюсь. Ее позорный строй внушает мне только отвращение. Переделать уже ничего нельзя — не переделает никакая революция. В с е люди сгниют, несколько человек останется. Россия для меня — все та же — лирическая величина. На самом деле ее нет, не было и не будет. Я давно уже читаю „Войну и мир" и перечитал почти всю прозу Пушкина. Это существует."

Своей обособленности, отчужденности от жизни А. Блок пытается найти биологическое и социологическое объяснение.

В 1908 г. он пишет матери: „Проклятая отвлеченность преследует меня. Злюсь за это на своего отца (!)... Он декадент до мозга костей, ибо весь яд декадентства и состоит в том, что утрачены сочность, яркость, жизненность, образность, не только типичное, но и характерное.“

Проблему психической раздвоенности, социальной обреченности, декаданса он хочет мыслить как одну из вариаций темы „отцов и детей“. И в опыте поэтического осмысления своей „судьбы“, нигилистической опустошенности психики А. Блок пишет в „Возмездии“.

... Сыны отражены в отцах:
Коротенький обрывок рода —
Два-три звена — и уж ясны
Заветы темной старины:
Созрела новая порода [1]

История XIX в. обидела „отцов“:

В то время земли пустовали
Дворянские — и маклаки
Их за бесценок продавали.
... Власть тихонько ускользала
Из их изящных белых рук,
И записались в либералы
Честнейшие из царских слуг,
А все в брезгливости природной
Меж волей царской и народной,
Они испытывали боль
Нередко от обоих воль.

На фоне этого общего оскудения — отец „декадент до мозга костей“, социальный яд психики которого поэт чувствует и в своей крови.

[1] И здесь и далее цитирую „Возмездие“ по изданию 1922 г.

Пушкинскими ямбами дает в „Возмездии“ поэт позднюю разновидность лермонтовского демона:

Он впрямь был с гордым лордом схож
Лица надменным выражением
И чем-то, что хочу назвать
Тяжелым пламенем печали...
Потомок поздний поколений,
В котором жил мятежный пыл
Нечеловеческих стремлений,
На Байрона он походил...
... И выражение власти то ж
И то же порывание к бездне.
Но —тайно околдован дух
Усталым холодом болезни,
И пламень действенный потух,
И воли бешеной усилья
Отмечены сознаньем.

От „демонизма“ отца поэт тянет нити к сыну, к отраве его психики наследием отцов:

... За вялыми словами
Нередко шевелилась злость...
Внушал тоску и мысли злые
Его циничный, тяжкий ум,
Грязня туман сыновних дум.

Нет надобности, ни смысла использовать эти поэтические осмысления родовых кровных связей „отца“ и „сына“ в плане узкобиографическом в целях разыскания прямых влияний, биологической обусловленности. Но они представляют несомненную ценность как указания на сдвиги в психике когда-то руководящей общественной группы, которая, в предчувствии своей социальной гибели, осмысляет „великое“

прошлое, в нем ищет права на бытие в новой слагающейся общественности... приготовляется индивидуализм, это значит старинное „общественное“ (миродержание) отпускается с миром, просыпается и готов зашуметь н а р о д („Возмездие“).

Характеризуя в поэме „отца“, поэт пишет:

... Констан дружил
В нем с Пушкиным и Штейн с Флобером.
Свобода, право, идеал —
Все было для него не шуткой...
Он, утверждая, отрицал
И утверждал он, отрицая.
... Книжной крысой настоящий
Мой Байрон стал...
Он диссертацией блестящей
Стяжал отменные хвалы...

Одну из немногочисленных работ отца поэта мы используем в настоящем очерке, чтобы посмотреть, как в смене поколений распадающегося поместного дворянства воспринималась его идеологами ликвидация классового господства, как по-разному, но исторически обусловленно, закономерно, его представители определяют свое место в жизни, предлагают свои услуги восходящей буржуазии, заявляют права на те или иные позиции политического, культурного, позднее — поэтического руководства и воспитания новых хозяев жизни.

Характерно, что при всем внешнем разнообразии идеологических поз разных поколений, при всем своеобразии социального положения данной группы дворянства („интеллигенция“, потерявшая эксплоататорские связи с „землей“, с поместьем и сохранившая только воспоминание о прежнем „миродержании“), мы и в ее высказываниях чувствуем единство социальной направленности с другими группами прежде

мощного поместного дворянства. Борются ли потомки прежних миродержавцев за обломки своей экономической мощи, за непроеденные дворянские гнезда — опорные пункты для эксплоатации обнищалого крестьянства, захватывают ли они командные посты в центрах новой государственности (Государственная дума), ушли ли они, наконец, в „интеллигентские“ профессии (профессора, писатели, художники, юристы и т. д.) — всех их, вплоть до оголтелых черносотенцев, объединяет уважение и любовь к общечеловеческой гуманной „культуре“ дворянской эпохи русской общественности.

В своей исторической справке мы остановимся не на „блестящей диссертации“ А. Л. Блока (Государственная власть в европейском обществе. СПБ, 1880), варшавского профессора государственного права, а на его книге („Политическая литература в России и о России“, Варшава, 1884). Не будем мы входить в оценку обеих работ, тем более, что, при внешней эрудиции и остроумии автора, научная ценность их не высока и для своего времени. Несмотря на эпитет „книжной крысы“, данный ему сыном, и на высокую оценку его диссертации („блестящая“), А. Л. Блок в науке был дилетантом, работал на материале „из вторых рук“, как был он талантливым дилетантом и в искусстве. Но для нас его книжка интересна как классовый документ, как исповедь одного из идеологов класса, сознающего свою историческую обреченность; исповедь, сделанная на языке социологии и политики, в то время как следующее поколение переведет ее на язык искусства, поскольку для него язык политики становился все менее и менее действенным, переставал звучать организующе.

Внешне посвященная исключительно критическому анализу двух еще недавно господствовавших концепций русского исторического процесса — западнической и славянофильской, политическая исповедь профессора-дворянина внутренно ориентирована на современность, на ту расстановку обществен-

ных классов, — с *оглядкой на Запад*, — которая происходит в России восьмидесятых годов. Публицист-дворянин стремится нащупать ту социальную позицию, которую может занять вчерашнее господствующее сословие; и эту позицию он находит для дворянства, как для „интеллигенции“, в роли носителя начал общечеловеческой гуманности, специфически русской культуры, в роли организатора надклассового социального мира и благополучия.

А. Л. Блок широко пользуется художественной литературой для развития и демонстрации своих положений, и эти многочисленные литературные цитации, стилистическая особенность его работы — своего рода социальная поза, документ на преимущественную „интеллигентность“, заявка на исключительное *наследие прошлой* русской культуры (дворянской) и символов великого национального государственного прошлого. В порядке побочных, попутных утверждений А. Л. Блок прежде всего снимает с своего сословия, с поместного дворянства обвинение в „жестоких поступках“, в классовом эгоизме, чувствуется, что едва ли не в этом вкус книги и весь ее аромат.

Примыкая к теории австрийского социолога Л. Гумпловича, А. Л. Блок соглашается, что „не в одной только „петровской“, а и в допетровской России существовали так называемые „командные классы“, отделенные от народа в тесном смысле слова. Без них не обходится вообще никакое государство в мире, ибо всякая государственная жизнь как таковая сводится к „господству людей над людьми“. Но на всем протяжении книги он постоянно подчеркивает, что это „командование“ в России носило совсем особый характер, чем на Западе. „У нас, например, — заверяет он, — Аксаковы, Самарины, при всем своем „барстве“, являлись некогда ревностными охранителями не дворянских или помещичьих, а только крестьянских земельных интересов.“ В противовес П. Чаадаеву с его философическим пессимизмом, А. Л. Блок находит

„чарующие воспоминания“ в русском историческом прошлом. Его „чаруют“ образы князей, строителей земли, духовные и светские подвижники, Петр Великий, дворянская интеллигенция. Даже крепостное право он склонен отнести едва ли не к „чарующим“ воспоминаниям своеобразной русской государственности. „Прикрепление крестьян к земле...— пишет он, — было последствием общей системы повинностей, общего государственного „тягла“, наложенного на все сословия. Поэтому и вытекавшая из него крепостная зависимость была в сущности не такою „рабскою“, как та, которая обусловливалась одними частными правами и интересами разных европейских „сеньоров“ или американских „плантаторов.“

Новая русская история, с Петра I, по его мнению, отличается резким своеобразием от западноевропейской: она, „полная всяких личных происков и всякой кружковщины“, не знает ни общих „гражданских войн“, с свирепым пуританским изуверством, ни общих политических „происшествий“ в утонченнейшем парижском вкусе, во вкусе „Варфоломеевской ночи“, „сентябрьских убийств“, „нантских потоплений“ и т. п., ни общей политики „крови и железа“, свойственной не только „абсолютным“, но и „ограниченным“ государям в бывшей священно-римско-немецкой „республике князей“, где, по словам прусского короля Фридриха-Вильгельма было „невозможно высунуться из окна без каски на голове“.

Причины этого своеобразия А. Л. Блок видит в том, что в русской истории наиболее широко выявились „положительные начала монархической власти как естественной объединительницы разрозненных общественных сил“. Другую причину он находит в особенностях культурно-исторического облика вчерашнего господствовавшего русского дворянского сословия, проявлявшего в XVIII и XIX вв. только „смягченные формы сословного господства“. Конечно, говорит дворянский публицист, „охраняемое по необходимости даже великою Екатериною потомство „начальствовавших в древности

мужей“ не сейчас согласилось лишиться своих прежних привилегий и сделаться просто „почтеннейшей публикой“. Зато оно еще раньше само положило начало другому... оригинальнейшему явлению русской жизни, имя которому — интеллигенция... Явление это всего более чуждо именно „гнилому Западу“. „Наше дворянство всегда много „служило“, отчасти еще „кормилось“ от своих поместий, но относительно мало господствовало“.

Своеобразие в тонах дворянского национализма, отмечаемое для прошлого, А. Л. Блок видит и в современной ему русской действительности.

„...Современную Россию, переживающую один из труднейших „переходных моментов своей исторической жизни, надо сравнивать не с нынешнею, а с прежнею, полуфеодальною и полубуржуазною, полуреволюционною и полуреакционною Европою, где было поменьше чем у нас мягкости и широкой человечности во всех вообще жизненных отношениях... Клерикализм, аристократизм, капитализм со всеми их социальными последствиями и целою сетью общественных предрассудков, от которых не мало терпели и доныне еще терпят западные европейцы, но которых почти не знало и не знает русское общество“.

Оформляет это своеобразие нашей современности русская интеллигенция, дворянская в своем зарождении и традициях, которая, „поддерживаемая всем государственным строем, как бы возвышается над разными сословными рамками и отличается сравнительно большею независимостью по отношению к „капиталу“, потому что два главных источника силы — образование и богатство — издавна не сосредоточиваются у нас, как на Западе, в одних и тех же руках, в руках буржуазного мещанства“.

И профессор государственного права рисует государственное и общественное положение интеллигенции как „целого общественного класса“, в котором — его мечта — возродится,

не потеряв своего исторического лица, российское благородное дворянство, богатое „образованием“ и „умственными потребностями“. „Тут уже в известной степени могут объединяться самые разнородные элементы общества. С одной стороны интеллигентные люди служат „государству“ и по крайней мере внешним образом примыкают отчасти к так называемым „командующим классам“. С другой стороны они своими высшими духовными стремлениями, а также интересами своего материального благосостояния связываются с „землею“, с **народом**, с тою „меньшею братиею“, по отношению к которой они способны быть не только какими-нибудь феодальными „господами“ или буржуазными „хозяевами“, но и просвещенными руководителями, наставниками, учителями, врачами и т. п., иногда с бескорыстнейшими, чистейшими и возвышеннейшими намерениями... Все это пока еще более мечта, чем действительность. Но А. Л. Блок хочет верить в реализацию своей мечты.

На этом пути Россия может спастись и от западноевропейской „социологии“ и „политической экономии“, от подавления всякой „индивидуальности“, как в Англии, где, — ссылается на Гейне профессор, — „машины действуют как люди, но зато и люди действуют как машины“. Надежду на сохранение „простора для настоящего индивидуализма“ подает А. Л. Блоку и русское „общинное владение землею“, с наделом для каждого крестьянина, которое „есть некоторая гарантия против безземельного пролетариата, разлагающего всю социальную жизнь Западной Европы и **почти** немыслимо при данных условиях русского или по крайней мере великорусского деревенского быта“.

Заключительным аккордом „исповеди“, в которой уходящий общественный класс предлагает себя в качестве служилой политической и культурной силы новой слагающейся общественности, предпосылкой социально-психологической легкости заключения союза между дворянской интеллигенцией

и буржуазией звучит похвала российской интеллигентской (дворянской) „простой нравственной беспринципности, составляющей у нас весьма обычное явление“, ибо она „имеет несомненно свои хорошие стороны, так как открывает простор всем добрым инстинктам человеческой природы и избавляет людей по крайней мере от ненужного зла, искусственно порождаемого иными европейскими „принципами“ и почти неразлучными с ними предрассудками.“ В этой дворянской похвале „беспринципности“, несомненно облегчающей сделку с „буржуазным индивидуализмом“, слышатся уже ноты обреченности, предвестия распада, намечаются социально-психологические черты того „декаданса“, признание наличия которых и в своей природе отравляет воспоминание „сына“ — поэта о „благоухающей прелести дворянской усадьбы“.

Вопрос о смысле своего бытия как члена „рода“, как представителя класса, когда-то командного, стоит и перед представителем поколения начала XX века. Тот путь для „интеллигенции“, который намечал дворянский идеолог восьмидесятых годов XIX в., был уже пройден.

„Сын“ вырос не только в традициях дворянской усадьбы, но и в обстановке профессорской семейственности, которая была связана с дворянской культурой, но в то же время и органически включена в обстановку буржуазного быта. Буржуазная общественность стирала черты дворянской обособленности, брала себе на службу птенцов дворянских гнезд (Родичевы, Петрункевичи, Шаховские, Муромцевы, Милюковы и т. д.), причем „служба“ заходила так далеко, что в ней тонули черты дворянской специфической „готики“. [1]

[1] Даже в пожаре революционных дней 1917 г. поэт пишет о себе: „Я ведь люблю кадет по крови“, но при этом немедленно и добавляет: „но мне стыдно было бы быть с ними заодно“ (Дневник А. Блока, запись 16 июля 1917 г.). 19 марта 1917 г. поэт пишет матери: „Для меня мыслима и приемлема будущая Россия как великая демократия (не непременно новая Америка)“.

И представитель нового поколения, младший Блок, крепко слит с новой общественностью, но, включаясь в нее, ей обусловленный, он сохраняет позу старой сословности, чувствует себя хранителем традиций, которые влекут его на „Куликово поле“, в далекое (великое!) прошлое, в ушедший мир королей и принцев, романтической любви к прекрасной даме, королевских шутов и поэтов.[1] Поэт сознает, что он невозвратим, что он не реален; потому в творчестве поэта он протравлен романтической иронией, черты жизненных установок в нем стерты; данный в дымке символов, поэтической резиньяции, в ритмике неканонизированного церковного гимна, сектантского радельного песнопения, когда-то надрывно щипавшего дворянские сердца цыганского романса, опоэтизированной народной песни, он только эстетически противопоставлен той культуре, тому быту, который пришел на смену дворянской „готике“.

Но традиции этой готики сильны в поэте, именно они организуют его поэтическое сознание. Даже в 1917 г. он ставит вопрос, кто „сильнее“: он ли, поэт, наследник дворянской культуры, или „Федот“, который в Шахматове (именье поэта), пишет А. Блок, „изгадил, опоганил мои духовные ценности“, для которого „двугривенный и керенка то, что для меня источник неоцениваемого никак вдохновения, восторга, слез“.

[1] В своем тяготении к прошлому, к экзотике во времени русский поэт XX в. перекликается с французским романтиком прошлого века, с Теофилем Готье, который в обстановке распада французской „готики“ так же эстетизировал искусство и жизнь и поднял знамя „искусства для искусства“. Нас, романтиков, говорил Т. Готье, обособляет экзотизм, стремление к экзотике в пространстве и времени: Il y a deux sens de l'exotisme: le premier vous donne le goût de l'exotique dans l'espace, le goût de l'Amérique le goût des femmes jaunes vertes etc. de goût plus raffine, une corruption plus suprême, c'est le goût de l'exotique à travers les temps.

И отвечает: „Я сильнее и до сих пор, и эту силу я приобрел тем, что у кого-то (у предков) были досуг, деньги и независимость, рождались гордые и независимые (хотя в другом и выроҗденные) дети, дети воспитывались, их научили (учила кровь, помогала учить изолированность от добывания хлеба в поте лица) тому, как создавать бесценное из ничего, „превращать в бриллианты крапиву...“

И когда случилось то, что предчувствовал поэт в пору 1905 г., он тяжело воспринимает ликвидацию последних материальных опорных пунктов дворянской культурности. Матерью поэта в 1917 г. было получено письмо из Шахматова о разгроме усадьбы. „Ваше Превосходительство, Милостивая Государыня Александра Андреевна. Именье описали, ключи у меня отобрали, хлеб увезли... В доме произвели разруху. Письменный стол Александра Александровича открывали топором, все перерыли. Безобразия, хулиганства не описать. У библиотеки дверь взломана. Это не свободные граждане, а дикари, человеки-звери. Отныне я моим чувством перехожу в непартийные ряды. Пусть будут прокляты все 13 номеров[1] борющихся дураков“ и т. д. Письмо написано каким-то верным дворянским холопом, в дни революции сохранившим рабий стиль крепостной эпохи. Но письмо было приложено к „Дневнику“ поэта, оно было созвучно его настроениям. В „Дневнике“ за январь месяц 1921 г. мы читаем такую запись: „В маленьком пакете, спасенном... из шахматовского дома: листки любимых тетрадей... Листки из записных книжек, куски погибших рукописей моих, куски отцовского архива, повестки, университетские конспекты (юридические и филологические), кое-какие черновики стихов, картинки, бывшие на стене во флигеле. На некоторых — грязь и следы человеческих копыт (с подковами). И все“ (разрядка моя.— *В. Д.*)“.

[1] Списки кандидатов различных партий в Учред. собрание.

Свершилось. Только следы „человеческих копыт" от всего того, на чем лежала неизгладимая печать благоухания дворянской усадьбы. В предчувствиях этого свершения прошла и вся жизнь поэта, в них было погружено и его творческое сознание. Он всю жизнь ищет, как бы ему сохранить это „благоухание", которое для него связано с судьбами „интеллигенции" (та же проблема, что и у поколенья „отцов"), с традициями дворянской культуры, русской классической дворянской литературы. От борьбы на политической арене он отказывается и неоднократно заявляет: „Я никогда не возьму в руки власть, я никогда не пойду в партию".

Путь жизни и творчества — а для А. Блока эти пути слиты в один — поэт находит в эстетизации искусства, в искусстве он реализует свой мир, образы которого им даны только под знаком прекрасного. Явления реальной действительности не включены в этот мир; поскольку же они через ритм поэтического соприкосновения с внешним миром все же входят в словесную ткань блоковской лирики, они освобождены от идейной устремленности, от направленности к выводу за пределы только символики поэтических переживаний. Исключительно в эстетический план берет А. Блок мир, эстетизируя старую культуру, собственный романтический облик, облик иронического поэта, который не принимает мира, ему данного судьбой. Мещанскую пошлость буржуазного быта поэт резко отрицает, не стесняя себя в выборе выражений для ее морального осуждения; так, в 1917 г. буржуазия на языке его „Дневника" — „буржуазная сволочь", „буржуазная б...ь". Но от этой „буржуазной сволочи" он никуда не уходит, и свое эстетизированное искусство он предлагает ее же избранным представителям, которым доступны его лирические переживания, романтическая символика его поэзии.

Как европейская феодальная аристократия предлагает баронам европейской финансовой буржуазии и американским миллиардерам своих титулованных дочерей, свои обветшалые

дворцы, потускневшие портреты предков, как Теофиль Готье, мечтавший о мире замков и коронованного мещанства, в своем стремлении к чистому искусству, в сущности, учил тупых буржуа „прекрасной жизни", на которую уже не было средств у потрепанных революцией потомков гордых крестоносцев, так и поэзия Блока с ее эстетизацией искусства,— не что иное, как последняя попытка сохранения социальной позы обломками когда-то мощного командного класса.

Материальное и политическое основания обособленной позы исчезли, печальный факт осознан и самим поэтом. Свершилось то, чего боялся еще Гоголь, исчезла „прекрасная Эллада", сохранившаяся только в стихах Пушкина, в романах Л. Толстого, в повестях Тургенева.

Едкая насмешка победной воинствующей буржуазии разложила внеэстетические ценности дворянской культуры, под угрозой оказались и последние ценности духа: „искусство и религия умирают в мире, мы идем в катакомбы", записывает поэт в „Дневнике" (март 1913 г.). В прозе жизни потускнели моральные, философские, политические принципы дворянства; для поэта неприемлемо тупое омещанившееся самодержавие, лишена смысла классовая дворянская мораль. От религии для жизни поэта остался только крест на груди и церковный обряд, лишенные организующей силы, осталась вера в веру „народа". Вместо живых политических традиций — поэтические образы прошлого.

Но опоэтизирована не только классическая дворянская литература; опоэтизированы и крест и обряд, и самая вера в веру народа включена в стиль дворянской культуры кануна революции. Как студент А. Блок собирался писать кандидатское сочинение о чудотворных иконах божией матери. Устраивая квартиру после свадьбы, молодой Блок пишет матери (30 авг. 1903 г.), что у них „в каждой комнате — по два больших образа и еще маленькие. Купили лампадки и зажигаем". Многомиллионный русский народ, по

мнению поэта, „с XV века несет одну и ту же однообразную и упорную думу о боге (в сектантстве)“, между тем как „крошечная кучка русской интеллигенции... в течение десятка лет сменила кучи миросозерцаний“ (письмо матери 27 ноября 1907 г.). Отсюда интерес к сектантству (см. письма к матери — 30 н. 1907 г., 2 м. 1909 г. и др.), отсюда же и дурацкое клюевское „обручение раба божия Александра рабе божьей России“, поэта радует, что его стихи поют в Олонецкой губернии.

Для Фета, учителя раннего Блока, эстетизация поэзии — освобождение ее от „внеэстетических“ моментов (политика, мораль) — была выводом искусства с фронта классовой борьбы, ибо поэзия как действенное оружие служила другим общественным группам. Некрасовской „музе мести и печали“ нельзя было противопоставить поэзию, загруженную обветшалым идеологическим багажом распадающегося дворянства, и лирика выведена с поля битвы, бой продолжался в романе (Л. Толстой), в публицистике (отец А. Блока — один из многих).

Ввести идеологию с заднего крыльца (эстетизация дворянской культуры в целом, даже и в тонах романтической иронии) для эпохи Фета было немыслимо. Свежи были воспоминания барской конюшни; во всеуслышание плакала крестьянская муза Некрасова, хоронила барскую Русь народническая литература, едким и злым становился смех сердитого Щедрина. И фетовская эстетизация не шла дальше гимнов русской природе, воспроизведений в лирике ее красоты и переживаний замкнутого „человека“, человека перед лицом природы и только ее, которая „не знает“ ни борьбы ни человеческих проклятий. Да и своя среда пока плохо слышала Фета, не понимала его любви к „красоте“, — она еще продолжала барахтаться в тине материальности: проедала выкупные платежи, пыталась капитализировать поместное хозяйство, бороться с бойко наседавшим чумазым.

Если для поколения Фета дворянская историческая „красота“ прошлого была даже источником некоторого социального смущения и моральной застенчивости в жизненной борьбе (дворянское покаянье, поза кающегося дворянина), то к началу XX века обстановка совершенно изменилась.

В России полностью развернулись противоречия не *сословно организованного государства*, а *развитого капиталистического общества*, противоречия, лишенные всякого поместного „благодушия“ и дворянского сентиментализма; на смену ленивой усадебной сытости пришел судорожный быт рубля и купона. Рубль, который все покупает и все продает, который в бешеном процессе накопления не знает усталости, математическая точность 12-часового рабочего дня на фабрике и заводе, полуголодная жизнь пролетария на основе добровольного и юридически оформленного „соглашения“ сдвинули в городской памяти свежесть воспоминаний о поместной барщине и собачьей месячине дворовых, об идиллической работе на лоне природы, без часов, от зари до зари. Проститутка на улице большого города, в сотнях и тысячах законом охраняемых домов терпимости, пьяная атмосфера ресторанов и трактиров, городской голод, городские рубища отодвинули в прошлое поместные гаремы, барские кабаки на больших дорогах, ужасающие крестьянские голодовки дореформенной эпохи. Пошлость мещанского быта буржуазии и ее лакеев (хорошо оплачиваемой части буржуазной интеллигенции — адвокаты, врачи, газетчики, писатели, инженеры и т. д.) давали психологическую возможность опоэтизировать даже дворянские псовые охоты, застойную пьяную тоску дворянского провинциального быта и тем более покаянные срывы в область гуманности и мировой скорби отдельных представителей поместной усадьбы.

В эстетизации жизни и искусства нашла для себя социально-психологический выход та часть дворянской и с ней слившейся иносословной интеллигенции, которая не „служила“

государству, которая не пошла в банкирские конторы, не приняла по тем или иным причинам прямого и непосредственного участия в „промышленной жизни". Но, разумеется, для этой интеллигенции уход в „искусство для искусства" ни в малейшей мере не был уходом от жизни. Если для наследников дворянской культуры, не примиренных с исчезновением „готики" из общественных и государственных отношений, их „искусство для искусства" было закономерно обусловленной социальной позой, своего рода удобным и выгодным жизненным стилем (все же наследники великого прошлого, великой культуры и государственности!), то эта поза их к данному историческому моменту была и своего рода социальным заказом новых хозяев жизни.

Рафинированная буржуазия эпохи финансового капитализма уже не понимает своих дедов и даже отцов (отсюда наивная теория быстрого биолигического „вырождения" русских буржуазных родов), не понимает Солдатенковых, Третьяковых, Поляковых, которые дешево издавали умные книги, собирали скучные портреты, грубые жанровые картины.

Рябушинские, Морозовы, Терещенки не хотят скучной материалистической прозы и буржуазно-чопорной деловитости своих отцов и дедов. И, наряду с увлечениями последним криком западноевропейского буржуазного искусства, они становятся восторженными поклонниками дворянской красоты; как Бунин, который не может забыть запаха усадебных антоновских яблок, они готовы плакать о гибели дворянских „вишневых садов", которые еще вчера так старательно вырубали их отцы.

Отсюда—„Старые годы",[1] „Мир искусства",„Золотое руно", „Аполлон", мусатовские девы, сомовские маркизы, версальские фонтаны А. Бенуа, антикварские увлечения буржуаз-

[1] Последняя книжка этого журнала раскрытая лежала на столе в кабинете мин. вн. дел Протопопова, когда туда в февральско-мартовские дни вошла революция.

ного снобизма. Отсюда—эстетизация искусства, отсюда — все направления в поэзии от символизма до футуризма и их теоретические осмысления с утверждением искусства как самоцели, как высшей ценности культуры. Отсюда же, через задний двор (в эстетическом только плане!) — обратный ввод в литературу и бога, и внеклассовой морали и философии, оказавшихся нужными и для буржуазии, когда перед ней встал во весь рост революционный пролетариат.

Эстетизация искусства, проводимая символистами, помогла буржуазии преодолеть радикализм ее молодости, который заставлял Поляковых, Пантелеевых, Павленковых сражаться с богом, философским идеализмом, с политическим мракобесием. Те издавали Дидро, Вольтера, Гиббона, Лассаля, Маркса, Дарвина, Писарева, а их дети — под знаком красоты, эстетизации искусства и жизни — воскресили старцев Оптиной пустыни, обслюнили берега святого озера в Керженских лесах, через крыльцо поэзии восславили похабного В. Розанова, возвели в святые Владимира Соловьева, загнали в церковь легальный марксизм (Бердяев, Булгаков).

В поэзии символистов были ноты и неприятия, критики и осуждения буржуазной пошлости, в пору острых социальных и политических сдвигов эти ноты звучали как протест против строя капиталистической эксплоатации. Но эти моменты не были длительны, тяготевшие в 1905 г. к левому крылу общественности — Бальмонт, Брюсов, Минский, Соллогуб, А. Блок — иные даже „социал-демократы“, с разгромом революции вернулись на старые позиции. А ноты социального и политического протеста даже придавали поэзии эстетизирующих направлений начала XX века ту необходимую пряность, без которой она была бы слащавой и мало пригодной к широкому потреблению, вне узких пределов „церкви“ той или иной поэтической школы.

Но поэтическая реставрация ценностей прошлого все же была на первом плане, всегда оставалась ведущей линией в

творчестве эстетизирующих искусство школ и направлений. И в этом смысле поэзия А. Блока, для которого „форма — плоть идеи“, может быть, даже в большей мере, чем других поэтов.

Поэзия А. Блока — поэзия города, города развитого капитализма, с показом его противоречий:

Вечность бросила в город
  Оловянный закат.
Край небесный распорот.
  Переулки гудят.
Все бессилье гаданья
  У меня на плечах.
В окнах фабрик — преданья
  О разгульных ночах.
Оловянные кровли —
  Всем безумным приют.
В этот город торговли
  Небеса не сойдут.
Этот воздух так гулок,
  Так заманчив обман.
Уводи, переулок,
  В дымносизый туман...

Стихи о Прекрасной Даме, М. 1905.

Городу противопоставлена красота романтических мечтаний поэта о Прекрасной Даме, красота, идущая над пошлостью города, выше его. И эта красота вычерчена по всему циклу стихов, причем внешняя символическая графичность принудительно для читателя подчеркивает религиозно-мистическую напряженность переживаний поэта. По всему циклу струится символика образов и слов, своим настойчивым возобновлением ведущая в мир идеалистический, в мир религиозных представлений и переживаний мистической эротики: Вечная Жена, Купина, Владычица, Солнце Завета, Святыня, Лучезарный Лик, Несравненная Дама, Судьба, Господня

Рука, Богородица Кроткая, Царственный Ответ, Осанна, Оный День, Царь, Рок, Недостижимая, Непостижимая, Вышнее Веленье, Тихая, Ясная, Страшный и т. д. без конца.

В этих прописных буквах — целая система, законченное миросозерцание, развернутый поэтический канон, воплощенный в ритмику лирического пафоса гимнов и молитв, страстных воздыханий, патетических молений, в которых земная эротика дается в одеянии религиозно-мистических феодальных реминесценций.

Религиозная поза через эротику вводится в план исключительной эстетизации, она дана вне догматической, вероисповедной оформленности, взята вне публицистичности, как прием „искусства для искусства". Также в творчестве А. Блока даются и другие идеи отжившего прошлого. Путем их эстетизации, вывода якобы за пределы прозаической современной действительности символические вехи поэтического сознания становятся эмоциальными узлами для миросозерцательного восприятия лирических движений поэта.

Перечитайте, например, „Стихи о России", в том их объединении и сочетании, которое дано в издании журнала „Отечество", 1915 г.[1] Об этом сборнике поэт пишет матери 29 мая 1915 г. Посылаю... „Стихи о России". Все не заказное (разрядка А. Блока). Посмотрите, в цепь каких воспоминаний, образов, сравнений, лирических переживаний погружена тема о России, сражающейся на полях Галиции и Восточной Пруссии за интересы империалистической буржуазии. На языке формалистов — тема „остранена" — развернута в образах великого национального исторического прошлого. Связана в своем становлении и развитии с националистическим, неумирающим и неизменным образом „единой русской души".

[1] На задней обложке под ценой: „Чистая прибыль от издания поступает в Общество Русских Писателей для помощи жертвам войны".

Вот в какой лексике, в какой системе образных представлений движется лирически развиваемая тема России, дети которой — в реальной действительности — бессмысленно проливают свою кровь во имя чуждых им интересов. Русь (всегда Русь, а не Россия!), Русь — жена моя, наш путь степной, святое знамя, ханской сабли стан, степная кобылица, ковыль, Непрядва, поганная орда, светлый стяг, святое дело, Лик Нерукотворный, Поле Куликово, Псалтирь, Царица, закачаюсь на кресте, в челне Христос и т. д.

В этих бесконечных архаизмах, лирических воспоминаниях тема России в войне „остранена" настолько, что исчезли все ее контуры современности, затерты черты реальной действительности; но в то же время сняты и возможности неприятия этой действительности, ибо война — это сама судьба неизбежный исторический рок, новое чудо национального величия. Нет немцев, нет капиталистических армий, нет ужасов современной военной техники. И сегодня, как на Куликовом поле, Русь стоит в степи, кругом — ковыль, воины скрещивают мечи и сабли, на Русь „тучей черной двинулась орда", а Русь идет против нее со щитом, на котором „светел навсегда" „Твой Лик Нерукотворный."

Поэт вводит в цикл стихов и мотивы современности.

Нет, не вьются там по ветру чубы,
Не пестреют в степях бунчуки...
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки...
Степь, да ветер, да ветер, — и вдруг
Многоярусный корпус завода,
Города из рабочих лачуг...
На пустынном просторе, на диком
Ты все та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом.
И другая волнует мечта...

Поэту даже думается, что „над степью пустой загорелась... Америки новой звезда!“ Вводит он в свой цикл и буржуазию, торгашей, которые способны „грешить бесстыдно, непробудно, счет потерять ночам и дням,“ „пройти сторонкой в божий храм“, положить в тарелку „грошик медный“, а потом „обмерить на тот же грош,“ „под лампадой у иконы пить чай.... переслюнить купоны... и на перины пуховые в тяжелом завалиться сне.“

Но и эти черты современной России, а не княжеской Руси, только контрастные пятна, которые не организуют эмоций поэта; для него Россия и такая — „моя“, и она ему „всех краев дороже.“ В „Стихах о России“ нет реальной войны, на войне — дальнобойные орудия, бомбы, ядовитые газы, блоковские же мечи и стрелы — не оружие, а поэтические образы, которые уводят нас за пределы действительности. И если мы захотим поставить поэту вопрос, итти ли „Руси“ на новое „Куликово поле,“ то мы найдем и ответ, который превращает цикл неодновременных по возникновению стихотворений в единое целое.

Вот уходит на войну новый эшелон — „веселый горнист заиграл к отправлению сигнал и военной славой запел тот рожок, наполняя тревогой сердца.“

А мы, остающиеся, для которых „в этом поезде тысячью жизней цвели боль разлуки, тревоги любви, сила, юность, надежда?“

Нет, нам не было грустно, нам не было жаль,
Несмотря на дождливую даль.
Это — ясная, твердая, верная сталь,
И нужна ли ей наша печаль?

ибо, говорит в другом стихотворении поэт:

Россия, нищая Россия...
Тебя жалеть я не умею,
И крест свой бережно несу...

Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты.

Ну, что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты все то же — лес да поле,
Да плат узорный до бровей.

Так освобождается искусство от непосредственного служения действительности; эстетизируется поэзия, жизнь и быт, самый образ поэта: в этом социальная поза утерявшей почву под ногами, прежде мощной общественной группы, ибо к активной борьбе ее представители чувствуют себя непригодными:

Мы дети страшных лет России...
В сердцах восторженных когда-то
Есть роковая пустота...

Но и лишенное якобы идейной содержательности искусство, направленное исключительно на изображение прекрасного, по существу никогда не порывает с действительностью, никогда не перестает служить оружием в классовой борьбе. Так и А. Блок опоэтизированную им сложную систему религиозно-мистических переживаний, возведенную до пределов вечной неизменности, идею единой великой русской национальности включает через поэзию в жизнь и борьбу за жизнь. В утверждении вечной красоты в искусстве — самоутверждение „интеллигенции" на верхних ступенях социальной лестницы как хранительницы заветов прекрасного романтического прошлого. Если поколение „отцов" предлагало деловой буржуазии свой ум и знание, политический опыт, то дети идут

к рафинированной буржуазии XX века с призывами от пошлости уйти в мир прекрасного, воплощенного в классовое искусство прошлого и ныне творимого, — ведь были же в Италии великолепные Медичи, почему им не быть и в купеческой Москве (в биографическом плане — дружба поэта с сахарным принцем Терещенко). Поскольку эти призывы были успешны, поэт вооружает буржуазию, обезвреживая поэзию и выводя ее с первого плана социальных боев, но в то же время и разоружает, развращает, расслабляет ее волю ядом старой отжившей недейственной культуры.

Мы не пишем здесь поэтической биографии А. Блока, не вскрываем чередования отдельных этапов в его цветистом и многогранном творчестве. Мы знаем, что с эстетизацией понятий и вещей, исторических событий он обращается не только к рафинированной финансовой буржуазии, которой не чужды мечты о новом „рыцарстве“, о новой необременительной религиозности. Он идет и к пролетариату, и к той „кандовой“ России, которая на языке дворянской интеллигенции всегда обозначалась словом „народ“ с прописной буквы. Вековая традиция дворянской и буржуазной культуры закрепила за „народом“ сплошную массовость, классовую нерасчлененность миллионов однотипных особей, ведь при „круглоте“ Каратаевых были так естественны и логически нужны классово и сословно организованные ведущие общественные группы, так закономерны были угловатые Болконские, колючие Ростовы: „безликие“ голоса судьбы — Александры Кутузовы, Пьеры Безухие, цветные кометы на однотонном небе крестьянской Руси — Онегины, Печорины, Лаврецкие.

Поэт идет и к народу, и через мистику снежных вьюг и религиозных экстазов он перебрасывает для интеллигенции поэтический мост к „народной“ душе, полной экстатическими восторгами религиозного эротизма, оторванными от лексики и ритмики православия; в лирику А. Блока вплетается образность и ритмика мистического сектантства, которая в

конечном счете вводит его в „скифскую“ струю творчества (эсеровские, народнические мотивы, в биографическом плане — Клюев, Есенин, Иванов-Разумник).

Вот лексика и образность сборника стихов „Снежная ночь“: ветер голубой, живые струи, запрокинутое лицо, пленная душа, снеговая купель, второе крещенье, новый мир, третье крещенье — Смерть, сердце закатилось, серебряный ключик, пронзительный взор, рая дщери, целители истомы, святая стая и т. д. без конца, как в сборнике сектантских песнопений, обработанных талантливым поэтом.

Поэт дает в своих стихах словесные зарисовки — образы, которые напоминают мистическую графику рукописных масонских, сектантских сборников:

Из очей ее крылатых
Светит мгла.
Трехвенечная тиара
Вкруг чела.
Золотистый уголь в сердце
Мне вожгла.

У меня в померкшей келье —
Два меча.
У меня над ложем — знаки
Черных дней.
И струит мое веселье
Два луча.
То горят и дремлют маки
Злых очей.

К поэзии мистического сектантства ведет и ритмика стиха этого цикла.

Крылья легкие раскину,
Стены воздуха раздвину,
Страны дальние покину.

Вейтесь, искристые нити,
Льдинки звездные, плывите,
Вьюги дальние, вздохните!

В сердце — легкие тревоги,
В небе — звездные дороги,
Среброснежные чертоги!

Рукавом моих метелей
Задушу.
Серебром моих веселий
Оглушу.
На воздушной карусели
Закружу.
Пряжей спутанной кудели
Обовью.
Легкой брагой снежных хмелей
Напою.

Ты ль нисходишь?
Ты ль уводишь, —
Ты, кого я полюбил?

Над бескрайными снегами
Возлетим!
За туманными морями
Догорим! и т. д. [1]

[1] Несколько строк из сборника скопческих песен, приложенного к работе Н. Надеждина „Исследование о скопческой ереси“, 1845 г.

... Чтоб из этого мне места
Поскорее свободиться,
К вам бы, детушки, явиться!
Надо мною вам молиться...
Выручайте, мои други,
Чистой верой со слезами! и т. д.

Подает руку поэт и пролетариату, врагу того царства мещанской пошлости, которой не хотел служить певец умирающей феодальной „готики". Но и в отрицании буржуазии и поэтическом приятии пролетарской революции А. Блок остался верен себе, своему восприятию явлений действительности, для их эстетизации, остался во власти своих религиозно-мистических и националистических представлений. В поэме „Двенадцать" он провозглашает:

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем.

Дает четко отчеканенный лозунг:

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Но для читателя до конца поэмы так и остается неясным кто же, собственно, этот „враг" и где его искать на предмет уничтожения. Ибо тема пролетарской революции переплетается с темой „Святой Руси", ибо в поэме „гуляет голытьба", это она стреляет в Святую Русь, в кондовую, в избенную, в толстозадую! Но ведь „голытьба гуляла" и в XVII и в XVIII вв., и это не помешало, как настойчиво утверждал отец А. Блока, величию Руси,— веселое озорство проходило, а старая Русь оставалась все же со своим богом единая и великая.

И сын его, поэт, представитель нового поколения интеллигенции, отражая в поэтическом „туманном зеркале своеобразный, веселый ужас, который сидит в русской душе",[1] и „гулякам" XX века, пролетарской революции, предпосылает как вождям, по меньшей мере, благословляющего, всепро-

[1] Слова А. Блока о футуристах в статье „Безбожество, безвдохновенье" (апрель 1921 г.); цитирую по сборнику „Современная литература", Лнг. изд. „Мысль", 1925.

щающего спутника, „национального“ Иисуса в белом венчике из роз.

В другом произведении, являющемся откликом на событие пролетарской революции, в ожидании предполагаемого наступления немцев на революционный Петербург, поэт становится даже в позу народного трибуна, отдает свою лиру на служение мотивам гражданской поэзии. Но его „Скифы“, в которых он призывает „старый мир“ „на братский пир труда и мира“, звучат тонами все той же национальной обособленности, мессианского величия единой исконной Руси.

И как последний хранитель заветов той культуры, которая создана, в его представлении, дворянской интеллигенцией для народа-богоносца, — для всего мира в славянофильской христианско-социалистической редакции Достоевского, — он подает руку через грани столетия великому „интеллигенту“ первой половины XIX в., поэту Пушкину, положившему начало эстетизации искусства.

Они едины в позе национальной мессианской обособленности, они едины в их угрозах Западу, не понимающему великой загадки Востока. Поскольку целое столетие разделяет двух поэтов, Пушкин — трибун от имени националистической гордой государственности, еще не пережившей распада, и его ода „Клеветникам России“ звучит как дипломатическая нота, в поэтическом оформлении освобожденная от стеснительных условностей выхолощенного языка официальных актов. Блок же, последний представитель „готической“ культуры, поэтический идеолог интеллигенции, которая потеряла свое государство и не приняла государства буржуазной мещанской пошлости, говорит от имени национального „хаоса“, от имени „стихии“. Эта стихия поглотила государственность и дворянство, и буржуазию, но она спасет — верит поэт — национальное единство и величие и сделает дорогую ему Русь с ее „культурой“ — Мессией мира, мира

начал, вечно бывших в русской „душе“, во имя которых можно и нужно отказаться от всякой сословной и классовой ограниченности.

Но тон „оды“ — тот же, что у Пушкина, тон угрозы непонятным, стихийным, новым и страшным для Запада.

Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!
. . . .
Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

И, переведя на язык Владимира Соловьева (его „Три разговора“, где В. Соловьев пугает Европу Востоком, китайским нашествием) историческую задачу революционного пролетариата, задачу пробуждения порабощенных империализмом стран Востока, он грозит Западу:

... Мы — отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый Гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить...

В своем беглом очерке я, повторяю, не ставил себе задач осмысления творчества А. Блока в строгой последовательности отдельных этапов его эволюции, в различных стадиях и формах его примыкания к русской общественности, к меняющимся явлениям бурной исторической действительности начала революционного XX века. „Судьба“ Блока и его творчество, как и той „интеллигенции“, поэтическим выразителем которой он хотел быть и часто был, знает подъемы и падения. Задачи изучения поэзии А. Блока как одного из самых

ярких и талантливых представителей предсмертного заката русской феодально-буржуазной общественности и государственности еще не поставлены серьезно. Как поэт в своих исканиях и достижениях он — наш современник; наш современник он и в своей идеологической направленности, поскольку и в советской стране и — тем более — у охвостья старой Руси, выброшенного бурей революции за ее географические пределы, еще не умерли мечты о новых исторических возможностях „интеллигенции“ (политические процессы наших дней убедительно говорят об этом), талантливым поэтом которой был А. Блок, законный сын своих „отцов“.

Изучение поэзии А. Блока как явления исторически обусловленного — пока еще только на стадии собирания и систематизации материалов, причем и это собирание, и потребительское освоение блоковского наследия нередко не выходят за пределы эстетского вчувствования и житийного идолопоклонства. Литературная критика в „борьбе“ за Блока пыталась связать его с пролетарской революцией, выключить его из присущей ему от начала до конца единой социальной направленности. В этом отношении особенно импрессионистична, субъективна оценка поэзии А. Блока, данная Л. Троцким („Литература и революция“, М., 1923).

По словам Троцкого, „Блок не пошел в революцию, но душевно равнялся по ней. Уже приближение 1905 г. открыло Блоку фабрику (1903 г.), впервые подняв его творчество над лирическими туманностями. Первая революция пронзила его, оторвав *(?! В. Д.)* от индивидуалистического самодовольства и мистического квиетизма. „Революция, обрушившаяся на поэта каменным дождем фактов, геологическим обвалом событий, начисто не то что отрицала, а отодвигала, отметала дореволюционного Блока... Надо было выбирать... И он выбрал, написав „Двенадцать“. „По мнению Л. Троцкого, в „Двенадцати“ „индивидуалистическое искусство приобщилось к революции“, и он восторгается тем, что „у Блока

нет и тени попытки благочестиво посахарить переворот.

Троцкий категорически декларирует для Блока „судорожный и патетический разрыв со всем прошлым" в 1917—18 гг., уверяет, что „Блок рванулся к нам. Рванувшись надорвался" и т. д. В плане троцкистского понимания революции и роли интеллигенции в ней такая патетическая фразеология имеет, разумеется, определенный политический смысл, но выяснению социальной природы поэзии А. Блока она не помогает ни в малейшей степени". [1]

В этом очерке я хотел наметить пути к вскрытию социальной направленности, исторической тональности поэзии Блока. Без их постижения у слагающейся пролетарской литературы нет ни права ни возможности устанавливать с поэзией Блока отношения и связи преемственности и творческого преодоления.

[1] Сам А. Блок пишет в „предсмертных записках" о своей поэме „Двенадцать": „... Те, кто видят в „Двенадцати" политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой,— будь они враги или друзья моей поэмы. Было бы неправдой вместе с тем отрицать всякое отношение „Двенадцати" к политике. Правда заключается в том, что поэма написана в ту исключительную и всегда короткую пору, когда проносящийся революционный циклон производит бурю во всех морях—природы, жизни и искусства; в человеческой жизни есть такая заводь, вроде Маркизовой лужи, которая называется политикой... Моря природы, жизни и искусства разбушевались, брызги встали радугою под нами. Я смотрел на радугу, когда писал „Двенадцать", отчего в поэме осталась капля политики. Посмотрим, что сделает с этим время. Может быть, всякая политика так грязна, что одна капля ее замутит и разложит все остальное; может быть, она не убьет смысла поэмы, может быть, наконец, — кто знает! — она окажется бродилом, благодаря которому „Двенадцать" прочтут когда-нибудь в не наши времена."

Цит. по сб. под ред. Немировского и Вольпе „Судьба Блока". Изд-во писателей в Ленинграде, 1930.

В плане таких установок биографические материалы, в том числе и издаваемая переписка А. Блока, приобретают большое значение для читателя и тем более для исследователя. Сам А. Блок, несмотря на поэтически оформленную оторванность его лирических переживаний от запросов и нужд реальной действительности, прекрасно сознавал единство жизни и ее поэтических отражений. Только при таком положении искусства и была возможна и имела исторический смысл социальная поза поэта, эстетизирующего и искусство и жизнь в искусстве. В этом и была его историческая миссия как последнего представителя той „интеллигенции", которая, в его представлении, создала культуру новым хозяевам жизни и прежде всего буржуазии.

Кто будет ее наследником и захочет ли кто быть этим наследником, поэт не знал. Мечтал он о прусской „готике" для России, о союзе развитой буржуазии и культурного дворянства, но он готов был — в меру своего разумения и классовой природы — поскольку реальной базы для такого союза уже не было, звать „интеллигенцию" на службу к „народу", и „голытьбе", пролетариату, если он явится носителем для всего мира начал культуры исторического Сфинкса, великой в прошлом блоковской Руси.

Повторяем, сам поэт дает право на понимание его творчества в неразрывной связи с его восприятиями действительности. Вот, например, пишет он матери 18 янв. 1910 г.: „Я особенно чувствую возмущение против так называемых „хороших", „приличных", „милых" и т. д. людей. Все это, надо полагать, разрешится стихами". Или — заметка в дневнике 11 янв. 1918 г. по адресу воюющих западноевропейских государств (Германии, Англии, Франции): „...На морду вашу мы взглянем нашим косящим, лукавым, быстрым взглядом; мы скажемся азиатами, и на вас прольется Восток. Ваши шкуры пойдут на китайские тамбурины" и т. д. — тот круг идей и образов, который нашел поэтическое воплощение в „Скифах".

Ту же мысль находим мы и в публицистическом произведении А. Блока, в „Катилине“ (Пб., 1919): „Стихотворения, содержание которых может показаться совершенно отвлеченным и не относящимся к эпохе, вызываются к жизни самыми неотвлеченными и самыми злободневными событиями“. Правда, сказано это А. Блоком по поводу стихотворений Катулла, но в полной мере, разумеется, эти слова можно отнести и к творчеству нашего поэта.

В. А. Десницкий

ПИСЬМА

1910 г.

255.

МАТЕРИ.

9. I. 1910, вечером.

Надеюсь, мама, что ты тоже мне пишешь в эту минуту. Мы приехали (1) с различными почестями, я целый день разбирал вещи, книги и письма, и отвечал на письма, а сейчас пойду в ванну.

Вот уморительное письмо от шепляковской Катерины (2). А имел ли Егор (3) право продать лошадь и корову? Что касается этого Платона (4), то не попробовать ли взять его в работники раз он садовник? Все это, разумеется, до весны откладывается.

Пока меня заботят здешние дела. Пиши мне, насколько возможно, чаще, хотя бы коротко.

Была ли у тебя m-me Теплова и не привез ли Теплов известий об очереди? (5)

Целую крепко, господь с тобой.

Саша.

Люба тоже пишет.

256.

ЕЙ ЖЕ.

11 января 1910.

Мама, письмо твое получил вчера, сегодня Люба сдаст объявление в „Новое Время“ (1). Вчера я был у Мережковских, которые все мне очень понравились. Мы очень хорошо поговорили.

Известно ли тебе, что кроме кометы Галлея (2) (безопасной, вроде Нат. Ник.) идет другая неизвестная — настоящая незнакомка? Хвост ее, состоящий из синерода (отсюда — синий взор) может отравить нашу атмосферу, и все мы, помирившись перед смертью, сладко заснем от горького запаха миндаля в тихую ночь, глядя на красивую комету. Живы останутся только 200.000 рабочих в шахтах и, выйдя на свет божий, найдут „орудия производства“, миллиарды и трупы.

Сейчас пришло твое второе письмо. У тебя хорошие планы. А у меня — следующий: я очень много говорил с Философовым о докторах. В пятницу вечером пойду к известному доктору по грудным и нервным болезням — Чигаеву в Свято-Троицкую общину — для подробного разговора о тебе. Об этом его предупредит Философов. Кроме того, что он лечит всех Дягилевых, Философовых и т. д. и лечил царскую фамилию, он двадцать лет лечит З. Н., был в нее влюблен, и бывает у Мережковских в качестве друга дома. Если он сам не пригодится, то может, во всяком случае, посоветовать психиатра. Кроме того, Ф-в говорит о Науке и остерегает во всяк. случае от Бехтерева и Розенбаха (3), которые — хамы. В виду всего этого, напиши мне поскорее (так, чтобы я получил до пятницы), какие

главные пункты, по твоему, нужно поставить на вид этому доктору, а также — всё, чем тебя пользовал Вейс. Я буду говорить с ним и о санатории (Ф—в упоминает тоже — Ригу и какую то в Финляндии).

Тетя сама хотела ехать в Ревель после 15-ого. 13-ого приглашает нас, Женю и Панченку поздравлять ее (вместо 12-ого). Целую крепко, господь с тобой.

Саша.

257.

ЕЙ ЖЕ.

13 января 1910.

Мама, сегодня пришло твое письмо. Сегодня в „Нов. Вр.“ есть объявление. Подождем неск. дней и, если не будет предложений, объявим еще на три дня. А об интендантстве и „отст. военных“ было в „Речи“(1) — и это, по моему, идея.

О комете читай в „Речи“. Я надеюсь [найти] увидать ее сегодня вечером перед отходом к тете — с Никол. моста.

Сейчас я из банков и иду уже во второй раз к дантисту. В пятницу пойду рассчитываться с тетей Софой (2).

14 — заседание „Поэтич. Академии“, 15-ого я — от докт. Чигаева — зван к Сюннербергу, в субботу буду у Мережковских, в воскр. буду делать визиты Сологубу и Бородаевскому (3). Я очень оживлен—комета, разумеется, главная причина. Оказывается, можно „опасаться“ хвоста кометы Галлея, а о второй — еще решительно ничего не известно, кроме того, что она летит со страшной быстротой.

Вот тебе несколько пошлостей об отце (4). — Ангелина поправляется от инфлуэнцы и в скорости мы к ней пойдем. — У нас пока был только Чулков. — Такова хроника.

Целую тебя крепко, пиши и господь с тобой.

Саша.

258.

ЕЙ ЖЕ.

16 января 1910.

Мама, вчера я был у Чигаева, рассказал ему подробно все, что в твоем письме, и еще от себя. Он очень внимательный, простой русский человек, пожилой, не особенно тонкий. Вот что он сказал, кроме того, конечно, что он должен видеть тебя самоё: все признаки — характерно неврастенические, включая и головную боль, которая — есть признак сильнейшей степени неврастении. Впрочем, возможны и зачатки иппохондрии (слова „Spession" он не знает). Лучшее средство — санатория, в которую следует поселяться, может быть, на 3—4—5 месяцев в зависимости от больного; нужно, чтобы, под влиянием ежедневного режима и докторского ухода (не бестактного, что он понимает), стихал понемногу один строй мыслей и переживаний и заменялся новым. Дело психиатра и есть, по его мнению, строго различить, где кончается мировоззрение и мистика и начинается болезнь, и затем уже наблюдать, по каким законам движется специфически болезненное (такие законы всегда на лицо). Что касается санаторий, то есть одна в Лигове (его знакомого д-ра Шернвальда — ее проспект я достану здесь

Александр Александрович Блок
1908 г.

и пришлю), а другая в Химках, но ни о той, ни о другой подробностей он не знает.— Много говорил я с ним о внушении, которым он много занимался теоретически. Он говорит, что внушение совсем не действует на очень малое число людей (3%), но на массу, зато, действует только частично. Рассказывал о демонстрациях, какие ему делали в Германии и относится к внушению положительно ([хотя] знает случаи, когда оно действовало навсегда), но считает его опасным и находит, что о внушении не может быть и речи, пока не увидишь и не узнаешь хорошо больного.

Нового во всем этом, конечно, немного, однако, я хотел бы, что бы ты пошла к Чигаеву; тогда он может быть рекомендовал бы тебе и хорошего психиатра (со многими он знаком) и определил бы, необходима санатория, или нет.

Сейчас я от Мережковских, где получил новую книгу Д. С. „Больная Россия“. Вчера, кроме доктора, был у тети Софы (расплатился, должен получить еще бумаги) и на вечере у Сюннерберга. В среду мы были у тети с Женей, Панченкой и Алей Мазуровой (1) — это было недурно, но душно нечеловечески. В четверг я председательствовал на собрании в Поэтич. Академии, а во вторник мне принесут новый сюртук. Таковы события. Еще: сегодня была няня Соня (2), а в след. суб. я читаю на закрытом вечере у кн. Эристова (3).

Об ответе на объявл. в Нов. Вр. я справлюсь на почте в понедельник. Отчего ты не пишешь? Целую крепко, господь с тобой.

Саша.

Кометы не видал, она уходит.

259.

ЕЙ ЖЕ.

18 января 1910.

Мама, сегодня пришло твое письмо. За то, что ты делаешь визиты, а Францик тебе это позволяет, я прямо сержусь на вас обоих. Всякому человеку нужно быть, хотя бы до minimum'а таким, каков он есть, существуют черты, которых не преодолеешь. Таковы для *нас с тобой* (обоих соверш. одинаково) — отношения к „обыкновенным", посторонним „ближним".

Я знаю твердо, что если я начну „исполнять обязанности", вроде твоих (хотя бы, по отнош. к родственникам Марьи Тимоф. Блок, или к своим), то я долго не выдержу. Потому я поневоле (по обязанности перед самим собой) должен экономить себя — и *ни за что не отдам ни одной* части своей души (или „досуга", или времени) таким посторонним людям. В противном случае — я могу сойти с ума без всяких преувеличений (теперь чувствую, между прочим, что Варшава, т. е. все эти конные и пешие артиллеристы, к которым я ничего, кроме глубокого презрения, испытывать не могу, — дались мне не дешево: я сыграл роль хорошо, но второй раз играть ее *не буду*, потому что *мои* нервы расшатаны этим подлым гостеприимством и навозными любезностями).

То, что Франц. этого не понимает, еще естественно, но почему ты не принимаешь в рассчет *простой эномомии*, — не понимаю. Иначе говоря, это объясняется только ослаблением твоей воли: она перевернута наизнанку и производит работу бесплодную (ни о карьере, ни

Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттух,
мать А. Блока

о спасении приличий уже не может быть и речи, при условии твоих припадков), и потому — надрывается. Помни, что каждый твой „визит“ отзывается на мне.

С буд. осени все это марево, разумеется, испепелится окончательно. Однако, я думаю, что тебе, как можно, скорее следует: 1) или переехать в Пб. — временно, хотя бы для того, чтобы поговорить с доктором. 2) или, поговорив опять таки с доктором здесь (с Чигаевым) ехать в санаторию на 3-4 месяца, а оттуда — в Шахматово. Лиговский проспект я тебе пришлю и в Химки напишу. Мож. быть, придется впрочем остановиться на Риге или Финляндии.

— Послезавтра у тебя будет тетя.

— Я всё еще не могу сосредоточиться из за хлопот с литераторами, дантистом, метр. свид., и пр. Однако, чувствую себя бодро. Пиши чаще: Господь с тобой. Целую тебя крепко.

Саша.

На объявл. в „Нов. Вр.“ ответа нет (сегодня). А что интендантство?

260.

ЕЙ ЖЕ.

18 янв. 1910.

Сейчас запечатал письмо, но приписываю еще: тетя едет к тебе, по моему, усталая и, относительно нас обоих, растерянная. Но это ничего, я надеюсь, что тебе будет с ней спокойно. Что касается меня, то я ужасно зол эти дни, у меня острый мозг и я особенно чувствую возмущение против т. н. „хороших“, „любезных“, „прилич-

ных“, „милых“ и т. п. людей. Все это, надо полагать, разрешится стихами. Но людей я долго не полюблю и долго не забуду им (особенно „хорошим“) того, как они оскорбляли и пытали меня своим гостеприимством и скромностью.

Однако, господь с тобой, желаю тебе быть тише меня. Целую тебя крепко и люблю.

Саша.

Нервы расстроены. Пиши почаще и *при тете*, а то я начинаю беспокоиться через 2 — 3 дня.

Отцовский мрак находится еще на земле и вокруг меня увивается. Этого человека надо замаливать.

261.

ЕЙ ЖЕ.

22. I. 1910.

Мама, письма твои — два — получил. Они для меня довольно успокоительны, но я просто не знаю, что делать? Написал в Химки, чтобы прислали проспект, но не уверен, что письмо дойдет и ответ последует, так как живу в России.

Был я у владельца лиговской санатории — д-ра Шернвальда. Санатория находится за Лиговым, в саду; место есть, кажется, впрочем, одно. Не знаю, ехать смотреть, или нет. Проспектов не имеется. Д-р Шернвальд мне не особенно понравился — чем, не знаю. Кроме того, одно слово „Лигово“ может привести в исступление. В Шувалово съезжу, хотя надежды мало.

Что касается кометы Галлея, то, кажется, бояться и надеяться нечего. Я в ее хвосте разочаровался после того, как ушла большая комета 1910 года.

Пишу фельетон для „Речи“. Тратим деньги. К нам пристают с просьбами чуть не ежедневно, это очень мучительно, кажется, скоро начнем отказывать. Ангелину все еще не видал — как огня боюсь Беляевых. Метрич. свидет. мне обещали в консистории выдать 28-ого, но я не съумел дать взятки и боюсь, что заставят придти еще, пока не дам. Шахматово выкуплено — остается получить бумаги. Завтра читаю у Эристова, в воскр. — секция р. ф. о. Зубы в пнд. будут готовы, кроме вставки новых. Люба все ходит по рынкам и приносит хорошие и не очень хорошие покупки. Целую крепко, иду в ванну. Сюртук новый умопомрачителен. Шнелю отдано переплетов на 60 рублей. Господь с тобой.

Саша.

О санатории: советую написать в Ригу — это всего надежнее, все таки. Пусть тебе пришлют проспект. Экономить на этом ни в каком случае нельзя, вообще, надо отнестись к этому очень серьезно, а деньги (хотя бы часть) взять у меня, это будет для меня первая настоящая, реальная и приятная трата (кроме Шахматова).

Относ. докторов и их возмутительно противоречивых диагнозов (происходящих, надо полагать, от невнимания — неужели уж они все так безбожно бездарны?) ты права. Но санатория не исчерпывается доктором. Там ряд разнообр. приемов — режим, сон, пища, диэта, электризации, фосфоризации (если последние существуют), и пр. и пр. — и разобщение с миром.

Я принимаю фитин с приезда, м. б., он уже действует на меня: ем и сплю изрядно.

Паша давно поправилась.

262.

ЕЙ ЖЕ.

27 января 1910.

Мама, о санатории и пр. скоро уж решим. Завтра я наведу справки о Шувалове, в суб. надеюсь узнать у Философ. о Гельсингфорсе. Рига и меня несколько смущает — не понимаю, куда она относится. Франц. расскажет тебе о квартире, кот. мы смотрели. Когда ты приедешь, я бы хотел, чтобы ты пошла, кроме Наука, к Чигаеву.

О комете я как то перестал думать, или думаю редко. Ужасная суета, против которой я, однако, ничего не имею.

Ангелина, говорит Люба, прелесть. Я того же мнения. Но окружают ее православные горбуны. Впрочем, ей самой это не опасно, только затрудняет доступ к ней. — Сейчас солнечное утро, Люба ушла в музей Штиглица.

Целую крепко, господь с тобой.

Саша.

Франц. поздравляю с послезавтрашним днем(1). Он что то печальный и усталый.

Вчера вечером у нас были Женя и Аля Мазурова. Было весело, говорили много вздору и хохотали.

263.

ЕЙ ЖЕ.

29 января 1910.

Мама, из твоего сегодняшнего письма, которое мне очень понятно и близко, следует, по моему, что надо решать, наконец, как быть. Я хочу это решение взять на себя, а именно: ты приедешь через несколько дней и поселишься в квартире

рядом с нами — временно (перед санаторией), или на несколько месяцев, это мы увидим потом сами. Пойдешь, кроме Наука, еще к Чигаеву. В гостиннице жить во всех отношениях нельзя.

Как только ты мне напишешь, что решаешь (а это надо поскорей), я проделаю дверь (1). Надеюсь, что это будет на днях. Тогда можно перевезти и мебель, как говорил Франц. — О Шуваловской санат. я справлялся, она не внушает доверия. Прямо в санаторию ехать не следует уже потому, что тебе нужно „выговориться“ со мной.

А я, в общем, бодр и делаю дела. Ответа жду поскорее. Господь с тобой, целую крепко.

Саша.

Получила ли ты „Аполлон“ с моими стихами?(2)

264.

ЕЙ ЖЕ.

31 января 1910.

Мама, у нас новый и еще более гениальный план нашего размещения. Дверь мы открыли уже. Тебе остается привезти: 1) кровать; 2) свой привычный умывальный стол, по возм., с кувшинами; 3) туалет с зеркалом и 4) темные шторы. Всё остальное — белые занавески на окнах, платяной шкап и ост. мебель — будут в той комнате, где ты будешь жить, а именно, — где мы теперь обедаем. Прислуга будет одна — Паша, которая очень довольна, и намерена тебе угождать. Ходить через тебя никто не будет, а мы будем спать в новой квартире, оттуда же будут ходить посетители. Я уже устроил свою спальню — мне очень нравится. Моя комната будет общей. С твоей рядом будет ванна, которую т. о. и переносить не придется.

Так всего удобнее и дешевле. Если ты уедешь в санаторию, всё равно мы оставим две квартиры за собой до 1 мая, т. е., до отъезда в Шахм., и нам будет гораздо удобнее. Теперь по квартире можно ходить — настолько она велика и просторна.

Сейчас пришло твое письмо — очень успокоительное. Мы целый день переставляемся. Сейчас же высылай вещи, и сейчас же приезжай сама. По моему, нам будет так очень хорошо.

Пригласим Чигаева. Философов на днях узнает о Гельсингфорсе все подробно.

Тетя у нас была — и это было недурно. Жить с ней даже неск. дней (наедине) я бы, конечно, тоже не мог, и Люба тоже.

Я имею очень много с тобой говорить опять. Ждем тебя на днях, и считаем это решенным. И именно — с мыслью не возвращаться в Ревель. Напиши, когда приедешь, я встречу на вокзале. Целую крепко тебя, господь с тобой.

Саша.

Теперь у нас кварт. № 3 и 4 ($3+4=7$; $3\times4=$ $=12$). (1)

265.

ЕЙ ЖЕ.

1 февр. 1910.

Мама, сегодня наша квартира совсем новая, просторная, проводят звонки и электричество, завтра перенесем последнюю мебель к твоему приезду. Чигаева мы пригласим, конечно, сюда. Мне сейчас наконец вырвали зуб — приятно и не болит. Пришло твое письмо, из которого видно, что ты все еще думаешь о гостиннице.

Лучше всего теперешняя средняя комната, в которой стоят книги и мы будем кушать. Совершенно непонятно только, почему ты откладываешь свой приезд — гораздо полезнее ехать поскорее. Прошу тебя, отправь сейчас же те вещи, о которых я вчера писал, и приезжай дня через 2—3. Вещи, всё равно, будут на своей петерб. кварт. в буд. году, а летом постоят у нас или и весной, если ты уедешь в санаторию. Привези мои книжки. Сегодня веч. к нам придут „молодые" Ивановы (1), завтра — Ангелина с матерью, в среду — собр. у Дризена, в четв. — поэт. академия. Целую крепко, господь с тобой.

Саша.

Писать надоело, гораздо лучше говорить.

266.

ЕЙ ЖЕ.

2 февр. 1910.

Мама, сейчас получил твое письмо, это хорошо, что ты согласна приехать. Жаль, что ты откладываешь. Значит, в понедельник 8-ого я встречу тебя в 10 ч. у. на вокзале.

Вещи все будут, как ты пишешь. Хорошо бы, всетаки, привезти две шторы: хотя у тебя и будет ширма (моя), но к весне будет всё светлее (да и теперь уж много солнца). Привези. Кроме того, у тебя будут белые занавески. Читала-ли ты мой вчерашний фельет. в Речи? (1) Сегодня вечером мы ждем Ангелину, а вчера у нас были Ивановы; с А. П. очень хорошо говорить...

Целую. Господь с тобой.

Саша.

Напиши еще до отъезда.

267.

ЕЙ ЖЕ.

5 февраля 1910.

Мама, пишу тебе, надеюсь, последнее письмо, так как в понедельник жду. Есть новые сведения о разных санаториях, все это я лучше расскажу устно. — Когда насмотришься на людей „обыкновенных", начинаешь особенно любить и ценить „своих". Вчера в нашей Академии было опять очень хорошо. Я председательствовал, собрание было многолюдное, доклады читали Зелинский и Вяч. Иванов.

В квартире стало и удобнее, и просторнее, и красивее, и больше воздуху. Твоя комната к понед. будет окончательно готова.

Что же ты не пишешь? Господь с тобой.

Саша.

268.

ЕЙ ЖЕ.

6 февраля 1910.

Мама, сейчас пришло твое письмо, а я уже начинал беспокоиться. Да, разумеется, приезжай, говорю самым определенным образом, хотя это и решено и я тебя встречу на вокзале 8-ого в понедельник в 10 ч. утра. Твоя комната выходит совсем светлая.

Господь с тобой.

Саша.

Сегодня иду к Мережковским, — завтра — позировать художнику Пархоменке (1) и обедать у тети, т. к. Паша уходит на свадьбу. — Конверт белый последний, и письмо последнее.

269.

ЕЙ ЖЕ.

1 апреля 1910.

Мама, сегодня я получил твое письмо. Бодрись и лечись, что же делать. Я тоже буду бодриться. Хочу в Шахматово. Плотников (1) просит скорей приезжать и посылать Владислава, он уже приготовляет доски и тес. Вчера были Франц. и тетя, а также — Ангелина с М. Т. „Речь“ не посылаю тебе — там нет ничего интересного, а с 1 апреля всё равно будут высылать.

Пришли „Весы“ с оконч. Серебр. Голубя. Я еще не дочитал. Там есть такое место: „Будто я в пространствах новых, будто в новых временах“, — вспоминает Дарьяльский слова когда-то любимого им поэта: и тот вот, измаялся: если останется в городе, умрет; и у того крепко в душе полевая запала мысль. И невольно слова любимого поэта напоминают другие слова, дорогие и страшные:

В бесконечных временах
Нам радость в небесах,
Господи, помилуй!
Мы, оставя всех родных,
Заключась в полях пустых,
Господи, помилуй!“ (2)

Действительно, во мне всё крепче полевая мысль. Скоро жизнь повернется — так или иначе, пора уж. Кошмары последних лет — над ними надо поставить крест.

По тому, что ты пишешь, доктор Соловьев (3) — милый человек. И гораздо лучше, в конце концов, что он — антимистик, не всем же и не вечно видеть изнанку мира и погружаться в сны.

Ах, да! Мы с Любой недогадливы. В столе нашлись три тысячи, о которых мы совсем забыли. Ими и покроются все расходы до осени, т. е., до новых получек. — Сейчас Люба у Таты. В субботу она пойдет к докторше.

Господь с тобой.

Саша.

Сегодня „Зигфрид", так что я не иду в академию. Еще более, чем музыки, я хочу однако земли, травы и зари.

270.

ЕЙ ЖЕ.

4 апреля 1910.

Мама, что же ты не пишешь?

Ты знаешь из газет, что 1 апр. умер Врубель. Я видел его в гробу — в первый раз. У него — маленькое лицо, всё сжатое страданием — плотно сжаты глаза и рот под белокурыми усами. Последние месяцы он изнурил себя окончательно тем, что решил, что, если он простоит 17 дней, бог даст ему изумрудные глаза.

Приходил перед одной из панихид Ге и просил меня от имени своей матери (1) говорить речь на могиле. Я и сказал единственную речь, которую ты, вероятно, прочтешь в газетах. Художники не говорили, преимущественно от неуменья говорить; но присутствовали все, и Серов, который ближе всех был Врубелю (кроме Яремича, который в Киеве). Даже Беклемишев вел себя очень истово и заботливо (2). Писателей почти не было. Странно, что отпевали в Академии, и гроб всю дорогу (верст

5) несли ученики А. X. — Здесь весна и жарко. Пиши, как ты лечишься, и вообще. Господь с тобой.

Саша.

Куплен великолепный книжный шкаф.

271.

ЕЙ ЖЕ.

5 апреля 1910.

Мама, я получил сегодня твое письмо, очень интересное. Главное, надо надеяться на силы природы, которыми тебя лечат — электричество и пр. Мож. быть, и ничего, что доктор не осматривает. Пиши мне еще.

Люба — у сестры Врубеля, смотрит непроданные рисунки. Вот тебе моя вялая речь (1). Я терзаюсь статьями, мне тошно от рассуждений, хочется быть художником, а не мистическим разговорщиком и не фельетонистом. Мне кажется, что, когда это пройдет, я опять помолодею. Ох, Мережковские! А сегодня пришла милая записочка от З. Н. Может статься, что я брошу и начатый фельетон и ответ Вячеславу (2). — В среду 7-ого у нас будут обедать Ге и Яремич.

Господь с тобой.

Саша.

272.

ЕЙ ЖЕ.

8 апреля 1910.

Мама, сегодня пришло твое письмо. Я и хочу жить и собираюсь еще; но, чтобы она без надрывов; это не значит — благополучна, потому что

благополучия и не нужно; но чтобы не было досадных и внежизненных препятствий, к каковым относятся сейчас, преимущественно: твое нездоровье и моя словесность, которая отвлекает меня от творчества. Потому—поправляйся, жить еще можно.

Сегодня я буду говорить в Академии (1) — довольно пространно, не особенно живо, и надеюсь потом замолчать надолго, т. е., не писать статей и не теоретизировать. Мне нужно будет еще только развить свою речь о Врубеле, но это не относится к статьям. Она пойдет в очень хорошем Киевском журнале, редактируемом Яремичем, который весь год будет посвящен Врубелю. С Врубелем я связан жизненно и, оказывается, похож на него и лицом (вчера Яремич приносил много рисунков и автопортретов его).

Плотников просит скорее присылать Владислава и я опять пишу об этом Франц. Ефим (2) пишет, что рекомендованный им — его двоюродный брат, что он за него вполне ручается, что этот челов. знает немного садовое дело и готов придти для переговоров, когда угодно.

Я тебе пошлю на днях „Сб. Лит. Ф.“ (3)

Главное я, по обыкн., забыл: Люба была вчера у О. Ю. Каминской, которая сказала, что она совершенно здорова и лечить нечего; так что и это не задержит нашего отъезда в Шахматово, на которое я надеюсь.

На днях у нас очень долго просидел Скалдин — совершенно новый и очень интересный человек. Подозревать его в чем бы то ни было очень нехорошо (4).

Господь с тобой.

Саша.

273.

ЕЙ ЖЕ.

12 апреля 1910.

Мама, я вчера получил твое письмо и весь день печалился. Не стоит говорить об этом. Ты прекрасно знаешь мои мысли, и всякие теоретизированья — только вредны. Живи, живи растительной жизнью, насколько только можешь, изо всех сил, утром видь утро, а вечером — вечер, и я тоже буду об этом стараться изо всех сил в Шахматове — первое время, чтобы потом, наконец, увидеть мир. Я читал в „Академии" доклад, за который меня хвалили и Вячеслав целовал, но и этот доклад — плохой и словесный. От слов, в которых я окончательно запутался и изолгался, я, как от чумы, бегу в Шахматово. Вероятно, и в моем письме к тебе были какие-ниб. лживые слова, которые тебя расстроили, ты бы им не верила.

Вчера Владислав уехал в Шахматово. Я велел ему смерить все комнаты и написать, тогда мы привезем с собой обои. Я купил тебе полольник и совок, также Любе совок, а себе — пилу, которой можно пилить сучья и низко и высоко. Пожалуйста, пиши мне, не думай, что я отношусь к тебе строго. Я вовсе не жду, что ты совершенно поправишься, но на некоторое излечение очень надеюсь. Пока еще рано судить. — Господь с тобой, целую тебя.

Саша.

Получила ли ты Сб. Л. Ф. и еще одну дрянь — красненькую. Мож. быть, я еще пошлю тебе на днях книжку. Я тут разделался с фельетонами. У нас была уже Гибель богов — Ершова чест-

вовали и он был рассеяннее, чем обыкновенно (1).— Если тебе не нужно, пришли мне назад речь о Врубеле, Женя хочет ее иметь. Или — пошли ему прямо, как хочешь. Я ее совершенно переделаю, и напечатаю у Яремича в Киевском журнале, который весь будет посвящен Врубелю в эт. году —

Я хочу наверху, как мы говорили, сделать во всю стену — книжную полку и хранить там все книги настоящие и будущие, и из дома и из флигеля, оставляя внизу только необходимые и часто читаемые; пусть ни в столовой, ни в гостинной не будет полок (или — только одна в гостинной). Наверху сухо, это будет и красиво и сохранно.

274.

ЕЙ ЖЕ.

16 апреля 1910.

Мама, Христос Воскрес. Твое вчерашнее письмо меня обрадовало и несколько успокоило. Мы хотим ехать в начале Фоминой, если успеем все сделать. По обыкновению, задерживает всякая дрянь — столяр и т. п. К тому же, на праздниках все закрыто.

Речь о Врубеле не посылай Жене, если тебе жалко, я ему дал черновик. На *** плоха надежда, он уехал, книги не получили и мы, жена его беснуется и восстановляет его против нас. На пасхе мы пойдем к Ивановым и к Ангелине, кроме того, Вера Конст (1). зовет смотреть к ним Кальдерона (2), которого они будут играть.

Плотники придут на Фоминой. Владислав жалуется на Егора, мы наведем порядки.— Странный твой доктор, однако. Лечение, всетаки, сде-

лает свое, независимо от него. Получила ли ты еще повесть Ремизова, которую я тебе послал?

Господь с тобой.

Саша.

275.

ЕЙ ЖЕ.

19 апреля 1910.

Мама, ты напрасно беспокоишься, очевидно наши с Любой письма пропали в пасхальной корреспонденции. Посылаю тебе сейчас ответную телеграмму. Сегодня и вчера, напротив, особенно празднично и молодо я чувствую себя, против обыкновения. Весна ли тому причиной, или что другое,— не знаю. Мож. быть, пасха.

Сегодня вечером мы идем к Вечеславу смотреть представление Кальдерона. Люба пойдет туда из Худож. Театра, где будет Вишневый Сад, ее позвала Зверева, которая сейчас ушла. Завтра пойдем к Ивановым.

От тебя тоже очень давно нет писем, верно, пропали. Пиши.

Целую. Господь с тобой.

Саша.

276.

ЕЙ ЖЕ

Телеграмма (1).

Сокольники Санатория Александре Андреевне Кублицкой Пиоттух.

Всё благополучно письмо пропало Христос воскрес пишу.

Саша.

277

ЕЙ ЖЕ.

21 IV 1910.

Поздравляю тебя мама с именинами и пошлю тебе в подарок, если есть в продаже, новую книгу стихов Гиппиус (1).— Мы сейчас (вечер.) вернулись с коломяжского ипподрома, где Латам пробовал летать, но не полетел. Два раза не поднимался, а на третий поднялся, описал круг и опять сел на землю. Все это однако было очень замечательно — миллионная толпа, весенний день и изящнейшая Антуанетта (имя его летучки).

Пишу тебе кратко, потому что устал, потом напишу подробнее.

Господь с тобой.

Саша.

Тебе всё время так же скверно, как ты пишешь?

278.

ЕЙ ЖЕ.

24 IV 1910.

Не понимаю, что делается с письмами. Твое письмо от 20 IV пришло только вчера. Мы в неустанной суматохе — тысячи посещений и мелких делишек. Билеты я хочу брать только после завтра (в понед.), потомучто заболела Паша, надеюсь, несерьезно.

Единственное, что сделал Егор — это набил ледник, и хорошо (пишет Владислав). Остальное— поправимо.

На пасхе было следующее: в понед. ночью (после Кальдерона) мы с Верой Конст. катались по островам на лихаче и по морю на лодке, а утром пили чай у нас. Вели очень милые разго-

воры. На след. день, встав к обеду, обедали у тети и с ней вместе были на Николаевской у Ивановых. В среду утром пришли А. В. Гиппиус и Ге, потом мы с Любой были на полете Латама, о котором я тебе писал. В полетах людей, даже неудачных, есть что то древнее и сужденное человечеству, следоват., — высокое. В четверг весь день был столяр, а к обеду пришли А. В. Гиппиус и Толстой (1). Вечер. пришел еще Самойло (2). С А. В. мы сидели до поздней ночи, и было очень хорошо. Отец его сидит в сумасшедшем доме, сам он уже уехал назад в Ковно. — В день твоих именин днем я гулял по островам, а вечером пришел именинник Ракитин (3) и Аля с женихом. Разошлись опять таки на рассвете. Сегодня я делал дела, а вечером пойдем к Ангелине, что нам обоим ужасно трудно (т. е., преодолеть Беляевых, до такой степени удаленных от жизни).

Посылаю тебе стихи Гиппиус. Поклонись от меня доктору Соловьеву. Тетя уже печалилась на то, как ты отнеслась к Панченковским „пророчествам".

Уедем мы, значит, на Фоминой, еще не знаю, в какой день. Надо еще устроить дела с банками и укладчиками, повидаться с Ремизовыми и Ге, получить от Кублицких зажиленные ими документы, и пр. Господь с тобой, пиши, последнее твое письмо получше.

Саша.

279. ЕЙ-ЖЕ.

29 IV 1910.

Твое письмо, мама, меня до некоторой степени успокоило опять. Пожалуй, хорошо, что ты решила остаться.

Завтра едем. Вчера и третьего дня смотрели аэропланы. В „Речи“ описывают хорошо.

Напишу тебе с Подсолнечной. Господь с тобой.

Саша.

280.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, подъезжаем к Подсолнечной — ок. 7 час. утра.

Из Шахматова буду писать, конечно, реже, особ. пока, но ты не беспокойся. Сама пиши. Сейчас пойду на почту и положу деньги в сберег. кассу.

Господь с тобой.

Саша.

281.

ЕЙ ЖЕ.

Шахматово 3 мая 1910.

Как ты себя чувствуешь, мама? Мы уже пьем молоко и чувствуем себя лучше. Здесь все в след. положении: пристройка вся разобрана, угол дома поднят, полы сняты; вынимаем гнилье из стены и намереваемся ставить печи белого изразца — две новые, только в передней — оставим старую (кроме того, разумеется, в пристройке). Балкон сделан еще до нас, и вышел необыкновенно красиво — колонны, точеный балясник и потолок. Приблизит. к 1 июня что ниб. одно будет готово, хотя, мож. быть, и опоздают, потомучто работы, как и следовало ожидать, прибавляется. Зато матерьялу пока понадобилось меньше. — Обои выбраны все, их пришлют из Пбга. — Серый — худой, но бодрый,

собаки голодные и ласковые, Егор — любезный и обещает все исполнить. Однако, мы потерпим от него изрядные убытки, повидимому, но поправимые. Встретили мы его весьма неприветливо. Лес цел за исключ. пустяков. Овес еще не сеян, и не знаю, будем ли, хотя пока еще не поздно; навозу, разумеется, мало. Рожь взошла недурно. Люба сеет цветы, Владислав пашет огород. Катерина купила корову и будет носить нам молоко. Ананьевна постарела и ослабела, но продолжает петь и работать. В колодце много воды. Я еще не рублю (1). Писать то лень. Целую тебя.

Господь с тобой.

Саша.

282.

ЕЙ ЖЕ.

4 мая 1910.

Мама, от тебя письма сегодня нет, — беспокоюсь.

Завтра Владислав с мужиками едет за вещами. Сегодня нанят Николай (1), двоюродн. брат Ефима, придет в субботу и до 1 июня будет жить без жены. Нанят за 20 рублей (с женой), харчи свои, кроме того, что с наших полей (т. е., мясо, крупа). Он мне нравится. Перед ним приходил Платон, который понравился Любе, но мне менее — довольно известный тип, и уж очень умоляет взять его. Николай больше с достоинством и похож и говором и манерами на Ефима, только более щуплый. Ничего — отъестся. — Сдали четырем Шепляковским мужикам обработать и посеять овес — за 20 рублей (овес хороший купим на станции, Егоркин — мелкий и сорный). Будет посеяно

к Николину дню. — В доме работают хорошо пока. — Пиши. Господь с тобой.

Саша.

Я крепну.

283.

ЕЙ ЖЕ.

7 мая 1910.

Мама, 5 мая опять не было от тебя письма. Верно, ты себя опять нехорошо чувствуешь? Надеюсь, будет завтра.

У нас наделано уже много. Сегодня посеян овес (куплен на станции) — хороший, 30 пудов. Прямо на посев пошел дождь. С домом возня. Мы решили делать пристройку в два этажа, это будет красивее по отн. к дому и совершенно упразднит вопрос о флигеле (1). Наверху буду жить я, а внизу Люба. Обойдется это во всяк. случае дешевле, чем новый флигель, потомучто фундамент и крыша остаются те-же. В сад будут выходить и от меня и от Любы два больших итальянских окна. Денег достанем как нибудь, если не хватит.

А что ты относит. денег? — К 1 июня, мож. быть, что нибудь одно будет готово, хотя — обои, крыша... Что же ты не пишешь? Господь с тобой.

Саша.

Завтра придет новый работник.

284.

ЕЙ ЖЕ.

1910 г. 11 мая вечер.

Мама, в прошлую почту пришли твои два письма — очень хорошие. А то я уж беспокоился. Теперь посылаем опять после большого пере-

рыва (с субботы) — завтра. У нас все очень интересно и масса событий. Николай, пока что, показывает себя с самых лучших сторон. Егора выживаем и руганью и миром — он обещает очистить всё теперь в воскресенье (это уже не первый срок) и сдать „всё“ (хотя многого нет). Однако, главное всё нетронуто — лес, дрова (которые свезены только с угольн. ям), коляска, серый, машины.* — 9-го на ярмарке в Рогачеве Люба с Николаем купила двух лошадей: Вороного — за 127 р. и Мальчика (серый с яблоками) — за 90 р. Оба — по 5-ти лет, шалуны, особ. вороной — очень сильные, сытые, высокие и красивые (особенно, Вороной). Серый отъелся и толстый, и собаки отъелись. Корову (другая цела) приведет Ив. Ник. Негин на днях. Будет куплена тележка (тарантасик) для езды на станцию, в Боблово, всеобщих катаний и пр. — С домом небольшая задержка из за леса, но на днях опять пойдет быстро работа. Нас в усадьбе с рабочими масса народу — и весело. Посеяно 2 десят. овса, завтра посадят картофель, шорник чинит сбрую, будет куплена новая бочка для воды, конюшню исправили. Я уже подчищал лес. С лесом за хлопотами еще ничего не предприняли. Вот, кажется, хозяйственное всё.

Спим и кушаем много. Шел и снег и дождь, теперь теплеет опять.

Как то ты себя чувствуешь? Я бы хотел, чтобы ты приехала на всё готовое, но, пожалуй, это не удастся, уж очень грандиозные у нас планы. Еще крыша, пристройка, окраска окон и дверей, обои — всё впереди. Пиши. Господь с тобой. На

* За всё про всё мы берем с него вексель на 60 р.

ст. ездят около двух раз в нед. (приблизит. — среда и суббота). Но если случайно не будет, ты не беспокойся, значит — очень много работы. Получаем груды журналов и газет.

Господь с тобой.

Саша.

285.

ЕЙ ЖЕ.

18 мая 1910.

Мама, ремонт очень затягивается, так что дай бог чтобы кончился к Петрову дню. Надо уж всё делать, как следует. Выходит, конечно, дорого, зато хорошо и удобно, дом будет совсем отделан. Приехав, ты увидишь крышу зеленую, балкон белый, печи изразцовые и нашу пристройку — двухэтажную! Я очень много этим занимаюсь, а Люба — хозяйством. Теперь работает много народу, Николай пашет, посадили картофель, сеем вику, будем чинить загоны, Владислав чистит двор, гумно и проч. после ушедшего, наконец, Егора, с которым поступлено непреклонно, насколько я только способен.

Пожалуйста, позови себе непременно психиатра со стороны и не скупись на деньги. Об этом пишет мне и Франц. Деньги (есть ли еще у тебя что-нибудь?) мы доставим тебе скоро: или пришлем, или Люба, которой надо лечить зуб и покупать разное для дома в Москве, привезет тебе —300 рублей. Я думаю, если ты пролечишься еще до 1 июля и позовешь постороннего доктора, — это принесет довольно существенные результаты. Ремонт почти немыслимо кончить раньше, а жить во время постройки тебе здесь будет неудобно.

Лошади работают хорошо, только у Вороного

оказалась та же болезнь, что у вашей Ревельской лошади — мокрец — мокнет около копыт. Люба каждый вечер моет ногу и перевязывает, а также — палец плотнику. Мы наладили почти весь инвентарь уже — и колеса и сбруи и проч. — Не пишу я пока ничего — страшно хлопотно с ремонтом. Все рабочие — разных губерний и профессий — интересны, я с ними очень много разговариваю. Каменьщики — Тверские, печники, плотники и маляры — здешние. Тверские развитее и с идеями.

Напиши мне, как ты относишься к продолжению леченья? — То, что ты пишешь об интересе разных людей к моим стихам, мне довольно приятно, но как то глухо — не в этом дело. Пусть хоть кто нибудь переживает теперь то, что я переживал, оплакивал, воскрешал и опять хоронил десять лет тому назад. Немножко смешно.

Пиши. Господь с тобой. Целую тебя.

Саша.

286.

ЕЙ ЖЕ.

29 мая 1910.

Мама, я целые дни провожу на постройке тороплю, как могу, и страшно боюсь, что не кончить к Петрову дню. Работают хорошо, но дела очень много; кроме того, около Троицы уйдут все к себе домой почти на неделю. Зато, надеюсь на хороший результат. Очень гнать тоже нельзя, чтобы не делали кое как.

Почти ни о чем пока не думаю, кроме этого. Так и лучше, иначе было бы печально, нужно отдохнуть от дум. Люба рассказала мне всё о тебе. Карточка с... ...нехорошая, но Люба говорит,

что ты теперь другая. Почтовых перерывов, надеюсь, больше не будет. О психиатре думал не я, а Франц., который писал мне об этом; я же, как ты знаешь, больше надеюсь на природу, чем на докторов: пятидесятый доктор — как то сомнительно, чтобы он оказался лучше прежних 49-ти. Писать сейчас могу только так — скучно — очень озабочен постройкой. Целую тебя. Господь с тобой.

Саша.

Сегодня еще новое изобретение. Лестница в сенях наверх и ко мне пойдет иначе и не отнимет места у комнаты (бывшей моей) (1), так что та увеличится — и будет одна хорошая лишняя комната. Что кас. Аннушки, то она будет жить вдвоем с Пашей в огромной девичьей (2) (кладовая упраздняется), а относительно выгод и преимуществ этого мы с Любой можем представить ряд очень веских доказательств. — Господь с тобой.

287.

ЕЙ ЖЕ.

31 мая 1910.

Мама, работы подвигаются, главная задержка — за печами. Печник поехал в Москву искать еще рабочих.

Вчера приехали Ирина (жена Николая) с двумя детьми — славная, и дети славные, и Аннушка. Тетя проехала в Сафоново (1). Сегодня Ефим привез летники и сам их сажает — настоящим садовничьим способом. Обещает научить этому весной Николая. Я всё время на постройке. Очень мне нравятся все рабочие, все разные, и каждый умнее, здоровее и красивее почти каждого ин-

теллигента. Я разговариваю с ними очень много. Одно их губит — вино — вещь понятная. Печник (старший) говорит о „печной душе", младший — лирик, очень хорошо поет. Один из маляров — вылитый Филипп Липпи (2) и лицом и головным убором и интересами: говорит все больше о кулачных боях. Тверские каменьщики — созерцатели природы. Теперь работают 14 человек, и еще придут новые. — Пристройку мы подождем обшивать (и переход к ней с комнатой), только потолки обошьем. В доме уже стелют полы, которые были склеены раньше (в посту).

Люба хозяйничает, завтра привезут капусту. Всё уже в цвету на лугах, что может цвести — пестрое. Жарко, приготовляется, пожалуй, засуха, в саду на нижней дорожке блекнет трава. Луг под садом зарос такой травой, что пни пропали (3). — Пиши, в воскрес. от тебя не было письма. Не почувствовала ли ты себя хуже после отъезда Любы? Господь с тобой, целую.

Саша.

288.

ЕЙ ЖЕ.

2 июня (1).

Мама, сегодня приехала тетя, ночует во флигеле, а я — на своей верхушке (2). Окна еще недокрашены. 6-ого, наконец, вывезем тебя, что бы там ни было. Нужно еще кое что купить в Москве, так что я (или Люба) приеду не с самого утра.

Ну, господь с тобой, целую тебя крепко.

Саша.

289.

ЕЙ ЖЕ.

3 июня 1910.

Что ты, мама, беспокоишься из за таких пустяков, как кладовая?(1). Конечно, она будет, если ты хочешь. Можно уменьшить ее немного? Если не хочешь, можно сделать и по старому. Аннушке помещение тоже будет — можно и во флигеле. — Маленькая комната в пристройке увеличится и в ней будет старое итал. окно. Работы идут, задерживают всего больше печники, но и у них дело пошло скорее — приехало четверо из Москвы. Мне очень нравится всё, что строится, по моему — красиво даже и без обшивки. Всё идет быстро, насколько только возможно.

Тебе мое письмо попало не во время. А теперь — что?

Я послал, наконец, статью о Врубеле в Киев. От Жени получил очень хорошее письмо и от Ангелины. Смертельная жара — сегодня мы встали в 6 ч. у. и спали днем, как рабочие. Я читаю Мельникова-Печерского (2) — местами хорошо. Дни длинные, время идет тихо. Господь с тобой, лучше ли тебе? Целую крепко.

Саша.

290.

ЕЙ ЖЕ.

7 VI 1910.

Мама, письма от тебя не было, мы посылали в пятницу. Завтра едут за красками, обоями и проч. (почти всё пришло из Москвы). Сегодня работали только печники — я гоню всех, на сколько могу.

Как ты себя чувствуешь? Мне тяжело что-то. Господь с тобой.

Саша.

291. ЕЙ ЖЕ (1).

Вторник.

Мама, пишу тебе только немного — так. Я совершенно забыл одну бумагу, без которой нельзя достать денег. Поэтому ездил в Петербург на 5 часов, но и те — там тоска и уныние. Достал и бумагу и деньги, купил остальные дверные и оконные приборы и висячую лампу в столовую (у Зимина (2) — как то тебе понравится). По кр. м., большая и светлая. Сейчас возвращаюсь в Шахматово, опускаю письмо на Подсолнечной.

А какая грозовая погода!

Мы ведь окрашиваем весь дом — ты, мож. быть этого не знала? Т. о., всё с домом будет покончено. Оттого и денег не хватило. Пока что — плотники намереваются кончить к Петрову дню, а маляры — к Казанской (3). При малярах ты можешь жить во флигеле.

Может статься, что и плотники не успеют и останется еще немного. Теперь работали и в это воскресенье, их 12 человек, но уж очень много дела, а они не умеют особенно торопиться. Я хочу непременно всё кончить — нельзя бросить так. Что ты думаешь об этом?

Господь с тобой.

Целую тебя.

Саша.

Надеюсь, что есть от тебя письмо на почте, куда я сейчас пойду.

292.

ЕЙ ЖЕ.

11 июня 1910.

Мама, я опять приободрился и слежу за работами. Очень хочется сделать решительно всё (включая окраску д о м а) и возможно, что успеем и это. В крайнем случае, я думаю, тебе бы не было неприятно пожить несколько дней во флигеле в моей комнате, пока будут только маляры (а плотники, печники и проч. уйдут)? Мне это очень важно знать. Торопливость может испортить, а, если дать еще время, будет кончено, по крайней мере, со в с е м домом (кроме разве мелочей, которые сделаем сами,— вроде задвижек на окна и двери). Пока что — уже вставляют окна, достилают полы в доме (но не в пристр.), привезли матерьял для обшивки и выкрасили крышу в первый раз, а балкон — во второй. Вид совсем новый, мне страшно нравится, боюсь только, как тебе. Тетя тоже соскучилась в Сафонове, мы поедем туда скоро.

От тебя очень давно нет писем, и я беспокоюсь. Вообще постоянно за тебя болит сердце. Хорошо, что тебе дали перевод, если Бронштейн (1) не будет гнать. Скажи ему, что я ругал „Универс. Библ.“ главным образом потому, что был взбешен Эллисовским переводом (2), вообще же, при среднем качестве переводов, она однако очень, по моему, полезна (и я постоянно ей пользуюсь). Этого Ришпенишку я ведь тоже не знаю, но имя, конечно, поставлю с удовольствием („под редакцией“ что-ли ?). Рони то, пожалуй, поблагородней и поглубже (если можно говорить о французской глубине) (3).

Дом в Шахматове после́ ремонта

Вторую часть Фауста Гете окончил, когда ему было 82 года (следовательно, около 1830 года).— В ученого гомункула не верю.

Господь с тобой. Каждый вечер крещу тебя.

Саша.

293.

ЕЙ ЖЕ.

Мама, уж оставайся еще на неделю после 29-ого, делать нечего. Плотники то кончут, но маляры не успеют. Работают 22 плотника, в доме всё готово, уже проклеивают бумагу под обои, приготовляют для окраски окна двери и обшивку. В пристройке тоже все налажено, остается лестница наверх, обшивка двух комнат, крыша крыльца и пилястры. Маляров теперь человек 8, когда ты приедешь, они еще будут здесь. В крайнем случае, переночуешь во флигеле. Как ты хочешь,— чтобы я приехал за тобой, или не приезжал, или встретил на Подсолнечной?

Это хорошо, что ты хочешь в Шахматово. Мне строительство до смерти надоело, и я всеми силами стараюсь кончать его. Господь с тобой.

Саша.

22 июня (1).

5-е (июля) — скверное число, лучше уж тебе ехать 4-ого, или 6-ого (2). Напиши, когда.

294.

ЕЙ ЖЕ.

25 VI 1910.

Мама, если будет прохладно,— я приеду за тобой в санаторию, а, если жарко,— то Люба. Это

происходит оттого, что у меня нет костюма, в котором было бы сколько нибудь прилично въехать в Первопрестольную,— кроме зимнего.

4-ого или 6-ого?

С одной стороны я очень хочу, чтобы кризис переезда миновал поскорее, а с другой — боюсь, что окна не высохнут.

Сегодня оклеили потолки у тебя, в гостиной и пол-столовой. Газетами уже всё проклеено. После глянцу будут красить окна и двери в первый раз, потом — обои, потом — окончательная окраска.

Стекла на всей северной стороне лиловые (т. е., маленькие (1), как прежде), в гостиной и столовой — синие, в спальнях — белые, а у меня — красные! Как то тебе понравится?! На фронтоне нашем — „розас“ (2). Домостроительство есть весьма тяжелый кошмар, однако, результаты способны загладить все перипетии ухаживанья за тридцатью взрослыми детьми.

Господь с тобой. Целую тебя крепко.

Саша.

295.

ЕЙ ЖЕ.

29 VI 1910.

Мама, если ты можешь еще подождать, то лучше мы (т. е. я или Люба) приедем за тобой 6-ого. Тогда по кр. мере тебе удастся (хотя и не совсем наверно) спать первую же ночь у себя в комнате.

Последние плотники ушли еще третьего дня, теперь работают только маляры, но вяло из за праздников. Однако оклеено всё, кроме девичьей и верха. У тебя оказался ужасный бордюр, кото-

рый мы переменим уж после твоего приезда (захватим в Москве), а в столовой не хватило бордюра. Окна выкрашены только в гостиной, и то только в первый раз. Еще надо красить двери, балкон, крыльца, крышу (второй раз) и весь дом, при чем пристройка еще не зашпаклевана. Сегодня приедут еще маляры из Москвы. Обещают кончить всё к Казанской — едва ли, плохо верю. Надоело мне страшно: точно держать экзамен — два месяца безвыходно смотреть за каждым шагом.

Дожди идут, клевер мокнет, но это не беда. Цветут розы и липы, поспевает малина.

Господь с тобой. Я думаю, напишу еще.

Саша.

296.

ЕЙ ЖЕ.

Телеграмма (1).

Мск Сокольники Санатория Соловьева Александре Андреевне Кублицкой.

Приедем за тобой восьмого наверно.

Саша.

297.

ЕЙ ЖЕ.

13 окт. 1910.

Мама, у нас метель. В лесу уже много снегу. Федор (1) принялся за вторую половину пруда, тополь распилили (2). В колодце появляется мелкий камень в сыром песке, похоже на речное дно.

Дом закрыт плотно и уютно щитами и ставнями. Без этого было бы очень неприятно жить. Мы переселились совсем в пристройку, обедаем в ма-

ленькой комнате. Очень тепло. Как только вы уехали, старый дом стал огромным и пустым. Мы с Афанасием (3) сделали всюду запоры, исправили окна, и сейчас же началась метель. Завтра жду от тебя письма, а мож. быть и двух (из Петербурга и Ревеля).

Сегодня мы ходили по Малиновой горе и по Праслову. Старый лес зимой напоминает Гейне. Мы купили себе валенки, а скоро придется купить лыжи. Стихи еще не дописаны.

Господь с тобой. Целую тебя крепко.

Саша.

У нас очень вкусная баранина от Якова.

298.

ЕЙ ЖЕ.

Шахматово, 22 окт. 1910.

Мама, два твои письма пришли с прошлой почтой. У нас был два дня сильный ветер, дом дрожал. Сегодня ночью дошел почти до урагана, потом налетела метель и к утру мы ходили уже по тихому глубокому снегу. До сих пор было нехорошо и нервно, снег всё украсил. Сейчас, к вечеру, уже оттепель. Капает с крыш и с веток; мы слепили у пруда болвана из снега, он стоит на коленях и молится, завтра от него, пожалуй, не останется уже ничего.

Однако прожить здесь зиму нельзя — мертвая тоска. Даже мужики с этим согласны. Мы рано ложимся спать. Я за это время переписал наполовину сборник стихов (1), написал массу писем и читал Ницше, который мне очень близок.

В колодце нет перемен, но это ничего, потому что идет только четвертая сажень. Пруд кончен, с Федором мы рассчитались. В начале ноября, вероятно, уедем. Теперь, говорят, пойдет дождь на неделю, а к ноябрю уже встанет настоящая зима.

Господь с тобой.

Саша.

Мы ходили в валенках. Сильных морозов еще не было.

299.

ЕЙ ЖЕ.

25 окт. 1910.

Мама, у нас оттепель, глубокий снег, а под ним вода. Мы почти не выходим. Я всё время переписываю стихи, читаю, и по ночам вижу сны. Жизни кругом нет, и мы уедем очень скоро, хотя и заказали санки. Колодезь пусть дороют без нас, а, если и на 10-ти саженях не будет воды, — подождем до весны. Впрочем, пока 4 сажени.

Так как я получил из Москвы телеграмму: „Мусагет, Альциона, Логос (1) приветствуют любят ждут Блока“, то я думаю, не заехать ли мне в Москву перед Петербургом. Но не уверен, сделаю ли это. На счет лекции не решил еще.

Вячеслав Иванов скоро возвращается из Рима и будет читать лекции на Раевских курсах. Чулковы — во Флоренции (!), а Манька Борисова (2) выходит замуж. Городецкий написал мне очень милое письмо. Тоже — Верховский. — И я перечитывал свою статью о драме, но нашел ее неинтересной. Таких статей у меня десятки, и я не хочу вклю-

чать их в книгу, разве — переработанные. Сборник стихов выходит, кажется, недурной (около 150 страниц).

Твое письмо получил.

Господь с тобой.

Саша.

300.

ЕЙ ЖЕ.

29 окт. 1910.

Мама, сегодня мы начали укладываться и хотим ехать 1-ого или 3-его. Но — сильное половодье. Пруд полон, овраг тоже, вода шумит. Не знаю, доберется ли завтра Николай до станции, а то ты можешь не получить письма. Вода может задержать и нас.

А колодезь-то новый пришлось бросить и засыпать — на 4-х саженях. Из разговоров Николая с Аристархом (1) выяснилось понемногу, что этот плут надеется не менее, чем на 10—15 сажень, — а мне сулил не больше 5-ти. Тут мы и бросили — он разочарован. Но этим не кончилось. Решили вычистить старый, но Аристарх предложил за ту же цену выкопать новый рядом. Стал копать — и наткнулся на какой то древний сруб, который гнил в земле и портил нашу воду — повидимому когда то давно засыпанный колодезь. Аршина через $1^1/_2$ пришлось бросить и это — из за бревен и жидкой грязи (похожей на дно Невы около казарм). Начал еще рядом (т. е., уже четвертое место!). Теперь, слава богу, готово. Глубина всего 3 аршина, на дне ящик и сильный ключ бежит с Малиновой горы. Но, так как место на полусклоне, — пришлось выравнивать площадку

впереди (на двух бывших колодцах) и отводить ручей, который как раз сегодня чуть было не унес всей новой насыпи. В конце концов будет колодезь, перед ним — площадка, а еще перед ней — глубокая канава (2 × 1¼ арш.) — отвод воды в ручей. Через канаву — мост, и еще 1 — 2 моста по дороге, где тоже придется сделать отводы, иначе — снесет землю. Надеемся, что будет воды бочки 3-4 (а м. б. и больше) — чистой. Все эти неудачи, однако, не превысят 50-ти рублей, ассигнованных на колодезь. Колодезьная авантюра мало вносит интереса. Вообще — тоскливо и страшно пусто. Октябрь другого характера, чем Петербургский — светлее, но Петерб. я предпочитаю — на чистоту черно-желтый. Читаем много.

В прошлую почту от тебя письма не было, ты, вероятно, рассчитала, что мы пошлем в среду, а послали во вторник.

Пишет ли тебе Женя?

Господь с тобой.

Саша.

301.

ЕЙ ЖЕ.

Мама, я опускаю это письмо к тебе и уезжаю в Москву (а Люба в Пб. — завтра). Читала ли ты прилагаемое известие о Толстом? (1)

Твои два письма пришли одновременно — это лучше. Очень хорошо ты пишешь о моих письмах.

Сейчас будем укладываться.

Колодезь готов. Снегу нет — похоже на весну — зеленая трава, под окном — цветок в бутоне.

Завтра вечером я буду на лекции Бори о До-

стоевском в рел.-филос. обществе в Москве. Боря пишет, что фельетон Мережковского обо мне есть действительно мерзкий либеральный донос... на символистов (2). Посылаю тебе „Аполлон“. Я получил хорошее письмо от ⁂ — она мирится со мной. В Париже читали мои стихи (прилагаю афишу, которую прислала Анна Ивановна (3); и заметку Венгеровой). — Аничков хочет предложить мне редактировать сочинения Лермонтова (новое издание). Мы с Любой хотим учиться итальянскому языку у Берлица (4). Пишу мало потомучто тороплюсь. Ну, господь с тобой.

Саша.

31 окт. 1910.

302.

ЕЙ ЖЕ.

5 ноября (1).

Мама, пока ничего не пишу тебе подробно. Сегодня приехал из Москвы; мы сегодня нашли квартиру — хорошую: Пет. Ст. Малая Монетная, 9,* кв. 27. Переедем послезавтра. Сейчас сидим у тети. Господь с тобой.

Саша.

303.

ЕЙ ЖЕ.

Мама, я всё еще не могу написать тебе, как следует. Мы устраиваемся, квартира хорошая.

* 6-й этаж (мансарда), лифт, 4 комн., ванна, комн. для прислуги — 55 р. — со всем, контракт на 10 месяцев.

Как повлиял на тебя Толстой?
Господь с тобой.

Саша.

9 ноября (1).
Напиши. (2)

304.

ЕЙ ЖЕ.

10 ноября 1910 г.

Мама, я эти дни читаю все газеты. Ты говоришь — оскорбительно. Конечно, все известия и мнения оскорбительны, но я не знаю, чьи более — правые, или левые. Пожалуй, левые: они лежат на животе и пищат. „Нов. Время“ — холодно и малословно, а это для меня — всего важнее (1).

Относит. семьи я тоже не совсем с тобой согласен. Иначе говоря, эта пошлость не так вредна, как другие некоторые (например, Милюков и Родичев (2), едущие на автомобиле на похороны). Кроме того, никто из семьи не соврал, что у Т. было намеренье раскаяться. Всетаки, это много.

Да, Боря женится, вероятно, через год, а теперь, через месяц, уезжает отдыхать на год на какой ниб. южный остров. Пожалуйста, не говори никому об этом и о том, что я тебе пишу. Я видел двух барышень, но, по обыкновению, не уверен, которая. Если одна — то мне нравится, а другая — очень не нравится. Впрочем, мож. быть, не могу судить.

В Москве все близкие люди (т. е., Мусагет) производят трогательное и сильное впечатление (Боря, Эллис, Меттнер, (3) Рачинский, Петровский, Сизов и др. нек.). Сережу не видал — он с ними далек.

Об издании моих книг лучше тебе рассказать. Вообще, писать обо всем этом почти невозможно. Приеду в Ревель, только не знаю еще, когда.

Сегодня я иду к бар. Дризену. Очень хороший портсигар, спасибо. — Квартира молодая и хорошая, мы почти устроились. На углу Б. и М. Монетной — новый дом, деревянный этаж (верхний). Мебель красивая.

Мне грустно. Господь с тобой. Целую крепко.

С а ш а.

305.

ЕЙ ЖЕ.

16 ноября 1910.

Мама, сейчас получили поздравления, целую Франц. и благодарю. Люба, верно, напишет, она убежала на аукцион. Вчера я очень поздно вернулся, был у Вячеслава вечером с Аничковым, у которого обедал. Вообще — вижу много народу. Был у Дризена, у Городецких, катался с Городецким на лыжах в Лесном. У меня образуется, кажется, много работы. Независимо от того, что надо составить заново собрание стихов, я возьму, вероятно, редакцию полн. собр. Ж у к о в с к о г о (1); это — серьезная историко-литерат. работа, очень хорошо оплачиваемая (30 р. с листа), т. е., для Жуковского — несколько тысяч. Придется, вероятно, нанять какого-ниб. прив.-доцента для черной работы, в которой требуется специальное самолюбие и ученость (критика текста и пр.). Кроме того, Аничков просит написать статью для ист. литерат. — о поэтах 80-х годов (2).

Жуковский, вероятно, не на один год.

Сегодня поминают Толстого в рел. фил. общ. и у Дризена. У последнего — скучно, в рел. фил. я встречусь с Мережковскими (3), а кроме того, у нас обедают тетя и Аля Мазурова. Да и я не хочу идти сегодня никуда.

Тристана и Изольду я тебе пришлю, если не привезу. Я думал было ехать вчера, но не вышло, у Вячеслава сидел до 4-х час. ночи.

Квартира почти готова. Очень уютно и хорошо. Сырости нет.

Господь с тобой, крепко тебя целую.

Саша.

306.

ЕЙ ЖЕ.

16 ноября (1)

Мама, я только что опустил тебе письмо, как получил твое. Целую тебя за журнал. Где ты его видела, или у кого спросила?

У нас тоже сильный мороз — похоже на Рождество. Я выходил погулять. Целую.

Саша.

307.

ЕЙ ЖЕ.

22 ноября 1910.

Мама, я решил отвечать Мережковскому на его гадости. Лучше хоть поздно. Написал письмо и буду опровергать печатно. Когда сделаю это, пришлю тебе его фельетон. Занимаюсь очень много составлением I тома стихов. Живем мы очень тихо и скромно. Были раз в цирке около нас. Вчера вечером приходил Верховский. Сейчас Люба

с визитом у Аничковых. Тристан тебе выписан. Я вообще чувствую себя уравновешенно, но сегодня изнервлен этими отписками Мережковскому. Это просто противно.

Восьмидесятники, не родившиеся символистами, но получившие по наследству символизм с запада (Мережковский, Минский), растратили его, а теперь пинают ногами то, чему обязаны своим бытием. К тому же, они мелкие люди — слишком любят слова, жертвуют им людьми живыми, погружены в настоящее, смешивают всё в одну кучу (религию, искусство, политику и т. д. и т. д.) и предаются истерике.

Мережковскому мне просто пришлось прочесть нотацию. Они уже больше, кажется, ничего не чувствуют и не понимают.

Я рад тому, что ты пишешь о моей детскости. Господь с тобой.

Саша.

Еще мы были у Ангелины и Мар. Тимоф. Последняя — не мешает и, кроме того, довольно несчастна, больна. Они подарили мне очень хорошую книгу — Niebelungenlied (1) — привезли из Берлина.

308.

ЕЙ ЖЕ.

25 ноября (1).

Спасибо тебе, мама, за посылки. Я сижу и скучаю сегодня — потому что 25-ое число. Все остальные дни было напротив оживленно. 22-ого мы были в Алекс. театре на Мейерхольдовской постановке под названием: „Дон Жуан Мольера“. Хорош был только Варламов (2). — 23-его я по-

лучил письмо от Сережи, который слышал о нас от тети Сони (3), хочет говорить со мной до конца и просит передать тебе и Любе „сердечный привет“. Он приедет в Пбг в конце зимы. Потом у нас был Верховский, а вечером мы пошли к Городецким, где были Чулковы и Толстой. Всё было лживо, немузыкально и очень неприятно — 24-ого я застраховал Шахматово (8400 р. по оценке — больше пока нельзя — без агента), а вечером приятно проводил время у Вячеслава Ив. с Аничковым и Эрном (4). В Москве и в Петербурге будут этой зимой торжественные заседания памяти Вл. Соловьева. Я буду читать на обоих — в Пбг. — стихи (его или свои), а в Москве — речь о его стихах.

Мережковские уехали, чего я не знал, посылая свое письмо; надеюсь, ему перешлют в Париж.

Вчера Франц. не застал меня.

Господь с тобой, целую крепко.

Саша.

309.

ЕЙ ЖЕ.

29 ноября (1).

Мама, по твоим письмам я думал, что ты очень многого не пишешь. Тетя говорит, что тебе, действительно, спокойнее. Вообще, в ее словах я услышал что-то новое и не не поверил.

Я думаю приехать к тебе только на Рождестве. Я не столько делаю что нибудь, сколько оправляюсь и приготовляюсь. Мы живем очень тихо и очень спокойно, я больше не пью.

С тех пор, как я не писал тебе было вот что: 26-ого я получил длинный ответ от Мережков-

ского. Лучше бы он не писал вовсе, я окончательно разозлился. Письмо христианское, елейное, с уверениями в „искренности“ и „взволнованности“, с объяснениями, мертвыми по существу. На это я ему написал еще длиннее и еще резче (уже в Париж, они уехали). Печатно возражать не буду — поздно и Женя отговорил. Во всяк. случае, с этим покончены счеты, как они вообще поканчиваются со многими, по моей инициативе. Во многих моих отношениях с людьми — глупое легкомыслие прошлых лет, и я стараюсь, при всяком удобном случае, приканчивать с ними. Нас остается очень тесный круг — прежние (из самых первых) московские, а здесь — Вячеслав Иванов и неск. умных дружески расположенных людей — не хулиганов.

27-ого вечером был Женя.

28-ого я был днем у тети, а вечером на лекции прив. доц. Адрианова в Педагогич. Институте „О кризисе соврем. символ. поэзии“. Лектор (похваливавший меня, предпочитающий меня Брюсову и Сологубу, но вместе с тем — предпочитающий мне В. Гофмана, П. Кожевникова, Сергеева-Ценского и Б. Зайцева) — чужой человек, поклонник ничтожества вообще — во всех его проявлениях. Оттуда с Ангелиной (и М. Т.) мы пришли к нам пить чай.

Сегодня я заказал себе новое пальто — с барашковым воротником. Мое уж очень мерзко. Придется также купить барашковую шапку.

Кругом почти всё чужие люди. Большинство прежних, казавшихся близкими, чуждо. В этом есть для меня что то новое и холодное, потому — приятное.

Господь с тобой.

Саша.

Это письмо я получил давно, но справлялся у тети, нет ли здесь чего нибудь вредного тебе. Она говорит, что безобидная и глупая дама. Поступи по усмотрению (2).

310.

ЕЙ ЖЕ.

3 декабря 1910.

Мама, сейчас получил второе письмо от Николая; всё благополучно, скотина жива и здорова. Пишет разные соображения о матерьяле. Афанасий уже сделал санки и отделал буфет. Снегу до сих пор нет, „а если выпадает вместо дождя“ (?)

Женю я люблю видеть, но вижу редко. К ругательствам с литераторами поостыл.

Сейчас иду мерить новое пальто.

Раз в трамвае я встретился с Барабановым — Икаром. (1) Мы хохотали всю дорогу, он — от простой веселости, а я от того, что не мог смотреть на него без смеху. С гимназии он потолстел, но ничего актерского в нем нет. Танцовать стал случайно и непосредственно.

Пишу речь для вечера памяти Вл. Соловьева (будет в Тенишевском училище 14 декабря). — 1-ого дек. был у Дризена, где читалась новая пьеса Сологуба (автором) (2). Я ее не слушал от скуки ее, от присутствия Далматова, Карпова, Арабажина, Ходотова и пр. отнюдь не символических лиц (3), и наконец — оттого, что разговаривал с некоей баронессой Ливен (4). Она — молодая и красивая, хотя несколько похожа на m-me Теплову. Хотя у нее удивительные руки и голубое платье с серебром и газом, — в ее способе выражений

есть нечто неожиданно мещанское. Она изучала в Риме quattrocento и написала драму „Цезарь Борджиа“.— Вчера днем пришла А. А. Городецкая (5), с которой мы долго сидели вдвоем и приятно разговаривали. Любы не было, она все ходит в рынок. Написала тебе письмо, но не посылает, говорит, что фальшивое, и хочет писать другое.

Получила ли ты мое предидущее письмо? Господь с тобой.

Саша.

311.

ЕЙ ЖЕ.

8 декабря 1910.

Мама, я действительно беспокоился, что ты не пишешь, пока вчера не пришло письмо к Любе. А мне это время тяжело. Очень темно и оттепель, трудно что нибудь делать, и от всего устаю.

4-ого вечер. я был долго у Вяч. Иванова, говорил с ним вдвоем. 6-ого мы были у Ангелины, там были ее подруги; впрочем, она сама гораздо замечательнее их. Вчера (7-ого) весь день у меня был Меттнер. Боря уже уехал в Сицилию. Я скоро отошлю в печать 1-ый том.— Вечером мы были на концерте какой то Девет, исполнявшей произведения какого то Гречанинова, м. пр.— детскую песню на мои слова („Вербочки“) (1). Музыки не было, но было много утомительных знакомых.

Сегодня вечером, мож. быть, придет Женя. Я всё еще сочиняю речь о Вл. Соловьеве, это очень трудно.

Господь с тобой.

Саша.

312.

ЕЙ ЖЕ.

13 декабря 1910.

Мама, сегодня я дописал, наконец, речь, которую буду читать завтра под заглавием: „Рыцарь-монах“ (1). Сейчас гулял по островам в новом пальто.

8-ого вечером у нас были Женя, Пяст, Аля Мазурова и Гущин — все, кроме Жени, случайно, что всегда приятней. 9-ого днем опять был Метнер. Я получил от Бори открытку из Палермо. 10-ого были Городецкий и Верховский. 11-ого я был у Пяста. Вчера весь день были — сначала Городецкий, а потом Кузьмин-Караваев (2), так что я от разговоров изнемог. В среду предстоит самое трудное, а именно — у нас будут обедать Аничковы, Л. Я. Гуревич (3) и Кузьмины-Караваевы. Я сам это затеял, а теперь с ужасом думаю об этом (4).

Что же ты не пишешь?

Я покончил с „Грифом“, он присылает мне на днях последние 14 экземпляров Стихов о Прекрасной Даме. Не знаю, что издавать прежде — новый сборник, или I том. —

Надеюсь, вы не впускаете m-me Теплову? — Вчера от Николая опять пришло письмо, что всё благополучно.

Господь с тобой, напиши, целую тебя.

Саша.

313.

ЕЙ ЖЕ.

16 декабря 1910.

Мама, я получил твое письмо вчера. Когда я приеду, привезу тебе читать свою речь и книг —

интересных и неинтересных. Мож. быть, правда, что мне не были бы неприятны „Гугеноты“, и именно благодаря éducation sentimentale (1). Однако, я отказался идти завтра и в „Игоря“ (2) — Люба пойдет с Женей. — Завтра у нас обедает тетя.— 13-ого мы были у Жени на именинах. Племянницы — очень хорошие — совершенно из другого мира. Очень привлекательные, в лучшем смысле слова — „мещанки“. Мне впрочем больше нравится не Вера, а Люся (3).

Соловьевский вечер прошел вяло, так что лучше бы его не было. Нагнали актрис, а потом сами жалели. Я демонстративно ушел от чтения Мусиной из первого ряда, и Ведринскую (4) не стал слушать. Я начал второе отделение, думал всё время, как бы выпить чаю и промочить горло. Публика, встретившая и проводившая хлопками, не понимала или пряталась в себя, так что я стал сокращать. Единственно хороша была Поликсена Сергеевна (5). Вчера я был у нее. Вчера же обедали Кузьмины-Караваевы — они оба очень хорошие. Аничковы не поняли и пришли вечером. Любовь Яковлевна телеграфировала, что не придет, чему я втайне обрадовался. Хотя разговоры были очень интересные, но я невыносимо устал, как всегда, когда гости приходят неслучайно. Аничков выпустил очень хорошую книгу, которую я тебе тоже привезу читать (6).

Господь с тобой, целую крепко. — Люба сегодня в восторге — тетя Соня прислала старье — слона и „портфейль“ (7). Люба катается по ковру.

Саша.

314.

ЕЙ ЖЕ.

Мама, я приеду, надо полагать, в сочельник утром — на несколько дней Рождества. Если не изменю, не буду больше писать. Не стоит меня встречать — еще опять поезд опоздает. Я могу приехать на извозчике.

Господь с тобой.

Саша.

20 XII. (1)

315.

ЕЙ ЖЕ. (1)

Мама, я доехал хорошо и спал, хотя спальных мест не было. В Гатчине пил кофей. Целую Франца и тетю. С новым годом! Господь с тобой.

Саша.

Ревель. Малая Батарейная 10. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

1911 г.

316.

МАТЕРИ.

3 января 1911.

С Новым Годом, мама. 31-ого мы с Любой весь день говорили, вечером пришел Женя и застал нас за очень тяжелыми разговорами. Он ушел в 11-ом часу, и новый год мы встретили уже хорошо. 1 января я бродил по городу, было совсем

особенное небо и какая то веселая бодрость во всем. Вечером я пошел в цирк — и было весело. Вчера я дописал (почти) поэму, которую давно пишу и хочу посвятить Ангелине (1). Вечером Люба пошла на Плевицкую (2) одна, а я был на елке у Безобразовых. Зашел перед этим к Жене, и мы пошли вместе. Там были Вячеслав, Ремизов, Кондратьев, читали стихи, было довольно хорошо. Потом мы с Киселевым (3) (другом Сережи) зашли к Вячеславу, я надел маску и дурачил Замятнину (4) и Кузмина. Опять читали стихи и досидели до утра, так что я лег в 6 часов, и встал сегодня поздно. В 5 часов мы идем обедать к Ангелине, где будет приехавшая из Варшавы М. О. Мединг. Около 15-ого я буду повторять свою речь о Соловьеве (с нек. перемен.) в рел. фил. обществе — здесь. К доктору пойду завтра. Чувствую себя не хуже. Послал тебе Тристана. Господь с тобой. Целую тебя крепко. Не стало ли тебе хуже?

Саша.

Боря прислал карточку из Туниса (5).

317.

ЕЙ ЖЕ.

6 января 1911.

Мама, я креплюсь, хотя чувствую себя неважно, особенно — днем. К вечеру — лучше. Вчера был у доктора и жаловался ему на неврастению (м. пр. Женя очень хвалит этого доктора, говорит, что он знаменитый и вылечил его крестного отца от какой то серьезной болезни). Доктор советовал ехать в Аббацию и вообще на Далматинское побережье Адриатического моря; потом он вспрыснет

мне в следующий раз спермин. Советовал также пожить в санатории в Риге. Спец. леченье кончится скоро, через неск. недель. Все это недомогание, конечно, не так уж велико, но я слишком привык быть здоровым. (Спермин только усиливает обмен веществ). — Вчера днем был Городецкий, уже жалующийся на своих хулиганов (Аверченок (1), Куприных (2), и т. д., — кстати я послал тебе „Всемирную историю“ Сатирикона), говорящий о своих грехах против культуры и о желании замкнуться. Очень милый. Завтра вечером у нас будут Ремизовы и Городецкие. — Вчера вечером был Пяст, который хочет издавать новый журнал; просидел до 6-ого часа ночи.

Начать работу, как следует, мне всё не удается. Метнер просит присылать и новый сборник и первый том и пишет, что они постараются издать весной то и другое. Но новый сборник всё не готов (и поэма тоже) — кажется лучше отложить до осени. Пошлю только первый том.

4-ого мы обедали у Ангелины. Весь вечер я проговорил с ее дедом. Он старик умный и небезъинтересный, только, всетаки, это было лишнее. Много лишнего. Сегодня приходила ***, а я удрал из дому. Люба поняла и нисколько не обиделась.

В следующий раз к доктору пойду в субботу.

Это — вся серия таких карточек. Нравится ли тебе? (3)

Господь с тобой.

Саша.

О Шахм. еще ничего не решили.

318.

ЕЙ ЖЕ.

9 января 1911.

Мама, сейчас пришло твое письмо. Сегодня я кончил первый том и посылаю в Москву. Сборник — не механическая работа: надо дописать и поэму и несколько стихотворений. Я всё еще кое что переделываю и подчищаю. Чем зрелей — тем лучше. „Земли в Снегу", всё равно, продано только 1000, остальная 1000 осталась, и придется ждать с третьим томом.

Вчера мне вспрыснули спермин; кажется, повлияло на настроение. Вчера вечером я опять смотрел борьбу в цирке.

Читаю новую повесть З. Н. Гиппиус в Рус. Мысли (1). Видел ее во сне, и решил написать примирительное письмо Мережковскому.

Третьего дня у нас были Ремизовы и Городецкий. Мы очень хорошо говорили с Ремизовым.— О загранице, и даже о санатории, подумаю.

13-ого вечером будем у тети. А ты получила Тристана? Я не понял по письму, получила ты, или нет?

Господь с тобой. Целую.

Саша.

319.

ЕЙ ЖЕ.

13 января 1911.

Мама, вчера я встретил случайно Франца по дороге к доктору. Мне третий раз вспрыснули спермин. Действует хорошо. Леченье кончается, мне уже можно всё, кроме перцу. Впрочем, я ничем не буду злоупотреблять. У нас две новости:

я почти решил ехать в Москву на Соловьевский вечер (между 5 и 12 февраля). Второе — секрет до 15 февраля: мы затеваем журнал, пока маленький, с будущего года — большой. Редакционная коммиссия — Пяст, Аничков и я. Ближайшие сотрудники — Вяч. Иванов, Ремизов, Верховский и Княжнин и мы трое. Инициатор — Пяст. Всё это только разрабатывается, но 1 № должен выйти 15 февраля. Потому не пишу тебе ничего больше.—

Сейчас приходила Ангелина с курсов. Мы хорошо говорили. При ней пришел Гржебин и предложил мне от лица „Шиповника“ — издавать „полное собрание“. Я, конечно, отказался от Шиповника вообще, но его был рад видеть; кроме того, предложение Шиповника — приятный признак для книжного рынка. Потом мы завтракали с Ангелиной.—

Сегодня идем вечер. к тете. — От Бори я получил хорошее письмо из Африки. Он живет в деревне около Туниса, страшно доволен жизнью и „счастьем после 6-ти лет страданий“. Я очень рад за него.

Завтра придут Пяст и Аничков для продолжения совещаний.— Всё забываю написать, что я давно получил 1 № „L'Art et les Artistes“. Это — очень приятный, маленький и скромный журнал. — Господь с тобой.

Саша.

320.

ЕЙ ЖЕ.

17 янв. 1911.

Мама, сейчас пришло твое письмо. Если будет бригада в Слониме,— думаешь ли ты жить в Пе-

тербурге? Меня по этому поводу еще ничто не осенило, но скорее я за Петербург.

Чувствую себя бодро — спермин помогает. Постоянно видимся с Пястом и думаем и хлопочем о журнале. После завтра читаю речь о Соловьеве (речь переделана) в рел. фил. обществе (здесь). С Панченкой было тяжело, я чувствую к нему симпатию по воспоминанию, но он — очень чужой.

Вчера прибежал Чулков, сидел весь день; это не было трудно, как я думал. Я ему сказал, как отношусь к его литературе и к его порханию над жизнью, он принимал это, не обижаясь. — Сегодня идем с Пястом к Вяч. Иванову.

Наследство получено в Варшаве, сколько еще неизвестно, ведем „благородный спор" с Марьей Тимофеевной; скоро все деньги перешлют сюда.

Господь с тобой.

Саша.

321.

ЕЙ ЖЕ.

21 января 1911.

Мама, я, в сущности, здоров, нахожусь только „под наблюдением" доктора. Всякое местное леченье прекратилось, остается спермин, который действует хорошо. — Доктор очень советует для окончательного упрочения здоровья — шведский массаж. — Журнал (т. е., проэкт его) влачит довольно жалкое существование под напором Вяч. Иванова и его несогласий. Я не могу разобрать, охладел я окончательно, или не охладел. После всех литературных чтений (как третьего дня), руки

опускаются, и перестаешь понимать, зачем и для чего и для кого пишешь и читаешь?— Вячеслав убеждал меня издавать „дневник писателя“, а теперь, после моего отказа, предлагает издавать дневник трех писателей, с совершенно независимыми тремя отделами, объединенный только тем, что все три (А. Белый, он и я) „живут об одном“. Этот последний план всех заманчивей, конечно. Остается решать нам с Пястом. Аничков охладевает к журналу, а мы — к Аничковским пылким статьям...

Люба каждый день ходит учиться немецкому языку. Я всё пишу поэму. Трескучий мороз.

22 янв.

Сегодня идем обедать к Аничковым. Паша выходит замуж и предлагает нам вместо себя свою сестру.

Эти дни опять стало серо и печально на душе. Господь с тобой. Что же ты не пишешь?

Саша.

322.

ЕЙ ЖЕ.

23 января (1).

Мама, послал тебе письмо вчера — и получил твое.— К Аничковым мы вчера не пошли.— Журнал расстраивается.— Телеграмму Н. В. (2) я принял к сведению.— Хочу, чтобы ты жила только в Петербурге — после Ревеля. Господь с тобой.

Ревель. Малая Батарейная. 10. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

323.

ЕЙ ЖЕ.

25 января 1911.

Мама, сегодня пришло твое письмо.— Я очень деятельно пишу поэму, она разростается. — Женя, у которого я был третьего дня, просил послать тебе эту статью (1). „Черный мельник“ (2)—гораздо лучше. Вчера у нас была Тата Гиппиус, завтра будет Аля Мазурова. В четверг я пойду в последний раз к доктору (8-й спермин). Теперь „недостающие соки“ восполнены им, и организм должен сам работать. Доктор считает меня совершенно здоровым и очень крепким физически, хвалит мускулы, говорит, что все недомогания — только нервные. Шведский массаж (у ученого массажиста — курс леченья — в течение месяца ежедневно) — способствует полному восстановлению кровообращения. М. б., я этим и займусь после Москвы (куда поеду 8-ого или 9-ого — вечер 10-ого февраля). Пока и без того чувствую себя крепко, за исключением скверных настроений, от которых даже мускулы слабеют.— Из „Мусагата“ что то еще не пишут. Надеюсь — печатают. Боря пишет из Африки.— С Философовым мы поцеловались, он хотел придти. — У нас тоже отчаянный мороз, и в Ялте — тоже. В Варшаве тебе жить невозможно — еще более, чем в „Слониме“. — У Ивановых третьего дня мне было очень хорошо и тихо. Накануне я пил шампанское (немного, немного) и катал ⁂ на стрелку. Это украсило поэму, хотя и было не слишком великолепно. — Господь с тобой.

Саша.

324.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, ты вероятно увидела сон? Сейчас послал телеграмму. — Всё хорошо. Сейчас был у меня Б. Садовской (2). Веч. придет Аля М. и Пяст. Я купил тебе „Плам. Круг“ (3) и отдам его в переплет. Господь с тобой.

Саша.

Ревель. М. Батарейная 10. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

325.

ЕЙ ЖЕ.

30 января 1911.

Мама, пишу поэму, каждый день по маленькой главе. Доволен ей. Чувствую себя хорошо.

Не верь больше дурацким снам Эмилии (1).

Доктор отпустил меня совсем, но сказал, что для окончательного укрепления советует массаж. Он говорил уже обо мне с массажистом. Курс лечения — месяц, по кр. мере 4 раза в неделю. Массаж связан с гимнастикой и электричеством. Пока я укрепляю мускулы тем, что смотрю борьбу в цирке.

Получил очень хорошие и милые письма от Мережковских из Cannes. Они оба очень рады тому, что я исчерпал инцидент.

Вдруг написал мне Л. Андреев, что он прочитал моего матроса („Поздней осенью из гавани“) и его „потянуло ко мне“, и он, хотя м. б. и не надо мне писать (?) — повинуется влечению души. Всё это — хотя и довольно фальшиво, но всё

таки какое то человеческое побуждение толкнуло его на это. Тем лучше для него. —

У нас были Женя, тетя, Пяст, Аля Мазурова.

О. Дымов (2) приглашал меня поминать Коммиссаржевскую в ее театре — с собой, Андреевым и Чуковским (3). Я, конечно, отказался, тем более, что в этот самый день (10 февраля) читаю в Москве.

Сейчас был с визитом у Чулковых и Городецких, не застал ни тех, ни других. — „Черного Мельника" пришлю тебе, если хочешь, или попрошу Женю. — О Полтаве относ. тебя не знаю, что то сбился. Уж очень далеко, лучше в Петерб.? Перед моим окном на розовом закате — звезда. Господь с тобой.

Саша.

326.

ЕЙ ЖЕ.

3 февраля 1911.

Мама, я так и знал, что ты чувствуешь себя плохо. Я — тоже неровно. Третьего дня был у Вяч. Иванова и раскис — больше от Кузмина и атмосферы всей квартиры. 8-ого февраля мы едем с Вяч. Ив. в Москву, билеты уже взяты. 9-ого утром я остановлюсь на неск. часов на Подсолнечной, где буду говорить с Николаем (потому что кто то, повидимому столяр, которому были заказаны рамы, подал на меня иск на 37 р. земскому начальнику, и мне надо или отложить дело, назначенное на 11 февраля, или дать доверенность Николаю). В Москве пробуду недолго — дня четыре. — Посылаю тебе Черного Мельника. Вчера

были Женя и Чулков. — Сегодня похоже на весну, а морозы были убийственные. Сегодня, наконец, водворилась новая прислуга, еще неизвестно, какая. — „Аполлон“ попросил у меня стихов, я дал три (1). — Поэма опять остановилась, надеюсь, ненадолго. —

Ты чувствуешь себя хуже, вероятно, оттого, что нарушилось спокойствие с этими новыми назначениями. И Ревель приходится жалеть.

Пиши, господь с тобой.

Саша.

Hans Guenter просит авторизацию на переводы моих вещей в Германии. — Философов уехал в Канн, так мы и не виделись, но он прислал милую записку.

Вот и все „литер.“ дела.

327.

ЕЙ ЖЕ.

6 февраля 1911.

Мама, сейчас получил твое письмо. На Москву осенью, конечно, нечего надеяться: довольно надували.

То, что ты в марте будешь в Петербурге, меня радует; но „меблированные квартиры“ — очень больной вопрос. На них можно совершенно испортить себя и душевно и физически; особенно в тетиных краях; я с каждым разом ужасаюсь больше тому, как и где она ютится. Не поискать ли лучше на Пет. ст. или на Вас. остр.? Напиши мне цену. Я думаю, что меньше 50—70 рублей нельзя найти ничего сколько нибудь порядочного. А лучше — 100 (ведь это на 1—2 месяца).

Люба говорит, что, когда ты приедешь в Пбг., тут, мож. быть, все и выяснится. Вот теперь она останется одна без меня и подумает.

По пов. иска я пойду завтра советоваться с Леон. Як. Лозинским (1), который меня для этого любезно приглашает.

Вчера я был вечером у ***. Там было мерзостно: всё то же бесполое хихиканье и поганая голая харя ***. По крайней мере ночью я провожал *** домой (через острова) — на лихаче и против ветра. Ветер все мерзкие впечатления выдул. —

На днях наследство переводится из Варшавы. — Мы мучаемся из за прислуги уже больше недели: уже сменили двух идиоток. Сегодня, наконец, поступила новая — Таня. Ее муж служит наборщиком в Биржев. Ведом. и у нее 8-ми летняя девочка. Запечатаю письмо после пробного обеда.

Кухарка хорошая. Сейчас был славный гимназист со стихами. Идем к Ремизовым.

Господь с тобой.

Саша.

Третьего дня я был в „Кривом Зеркале“ и восхищен Барабановым (Икаром).

328.

ЕЙ ЖЕ.

7 февраля (1) веч.

Мама, вчера послал тебе по ошибке письмо с 3-х коп. маркой — дойдет ли? — Были у Ремизовых — хорошо. Сегодня узнал у Лозинского (2) все необходимое. Завтра еду в М. и на Подс. Люба сей-

час на панихиде по Д. И. Менделееве. Иду в цирк.
Господь с тобой. Целую..

Саша.

Прислуга симпат. и хорошая

г. Ревель. М. Батарейная 10. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

329.

ЕЙ ЖЕ.

8 февраля (1).

Мама, я собрался ехать, но с утра сделалось „тортиколи“ (2). Билет разорвал, и очень рад этому. Не хочу в Москву. Земск. Нач. посылаю по почте (3). Сегодня получил твое письмо. „Балаг.“ не будет, интермедия уже закрылась (4).

Господь с тобой.

Саша.

Ревель. М. Батарейная 10. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

330.

ЕЙ ЖЕ (1).

10 февраля 1911.

Мама, я сейчас был в лавре на панихиде по В. Ф. Коммиссаржевской. (2) Сегодня вдруг весна, всё тает, устаешь от воздуха. Шея прошла. На кладбище пошел, надув и москвичей и петербуржцев (сегодня должен был читать на литерат. утре в театре, а вечером — в Москве). Видел издали Женю. Вчера получил сборник памяти В. Ф. (Она не только не забывается, но выросла за год.) Там — хорошие портреты, и моя речь.

Господь с тобой.

Саша.

331.

ЕЙ ЖЕ.

Мама, я все радуюсь, что не поехал в Москву. Мой доклад кто то прочел за меня (из газеты). Весна, я много гуляю. Вчера вечер. был Александр Павлович (с супругой). Собираюсь скоро к Вильгельмсену (шв. масс.). Квартиры в 3 комн. с ванной почти не бывает, имей это в виду. Письма Толстого я купил.

Господь с тобой.

Саша.

12 февраля. (1)

Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

Ревель. М. Батарейная 10.

332.

ЕЙ ЖЕ.

14 февраля 1911.

Мама, у меня эти два дня, что я не писал тебе, были очень полные. 12-ого вечером пришел Чулков, мы пошли с ним в цирк. Пришел, конечно, как всегда, в решительную минуту. Перед его звонком у меня начались какие то острые мысли, и я сел писать письмо Метнеру — с отказом от издания моих книг в „Мусагете". Письма этого, впрочем, я до сих пор не послал — м. б. и не пошлю, — описать, почему так думал, не могу. — Вечером с Чулковым вернулись и пили чай. Когда он уходил, я почувствовал вдруг, что он бесконечно несчастен и болен, и мне стало остро жаль его. После его ухода — опять писал и читал. Потом — без конца не мог заснуть и тосковал, как давно не бывало (от 3-х до 5-ти час. ночи на 13-е февраля. Не

чувствовала ли ты себя скверно?) Утром всё прошло, но я вдруг решил искать себе отдельную квартиру (об этом мы давно говорили с Любой). Пошел — и сразу нашел: на 8-й линии (угол Набережной) — дверь в дверь с моим массажистом: три меблир. комн. с ванной и телефоном — „для одинокого" — 55 р. Грязновато, хозяйка — купчиха, старая. Есть должны носить из ресторана (в том же доме). Я решил отложить решение до сегодняшнего дня. — Вернулся домой к обеду. Пришел Верховский приглашать меня участвовать в третейском суде между ним и ⁂ (это — очень давняя и грязная история, в нее замешаны многие писатели — [с е к р е т!] (1) — но мы будем разбирать только часть — инцидент с ни в чем неповинным Верховским). Я согласился. Не успел уйти Верх., пришли Мейерхольд и Сюннерберг. Мы очень оживленно говорили до ночи, ели блины. — Сегодня утром мы с Ангелиной были в банках, устраивали дела, получив наконец все деньги (еще 31000 с лишним). Разделили на эт. раз по закону, по настоянию А. и М. Т. — мне 5/8, т. е. девятнадцать с половиной тысяч. Итого, у меня опять 30000 слишком. — Пришел домой, — и не уезжаю. — Решил остаться. Солнце светит, весна, хоть и мороз. — Весь мой несостоявшийся уезд связан с тяжелыми мыслями третьего дня ночью, а всё — с отношением Л. к тебе, которое меня постоянно мучает (мы почти не говорим об этом). Но отъезд не разрешит дела. Иногда я думаю, что всё разрешится как нибудь, когда придет время. А ты что думаешь? В Любе эти дни есть светлое. Кризис с моим отъездом миновал, мож. быть, и это повлияет.

Я чувствую себя, в общем, очень бодро. А ты? Пиши. Господь с тобой.

Саша.

333.

ЕЙ ЖЕ.

17 февраля 1911.

Мама, сейчас пришло твое письмо. Сейчас посылаю Францу желтую картонку и это письмо, завтра ты его получишь. —

———

С Женей я говорил уже довольно давно, с месяц тому назад. Он считает, что не все в руках Любы, и что есть какие то две правды, которые борятся в тебе и Любе помимо вас самих. Я к этому присоединяюсь, в конце концов очень давно — гораздо раньше разговора с Женей. Думаю, что действительно теперь более, чем когда нибудь, нужно предоставить все это времени, потому что средств для немедленного разъяснения всего этого нет в руках ни у меня, ни у тебя (как и ты пишешь), ни у Любы. Я окончательно не вижу возможности и не умею воздействовать на Любу в этом отношении, могу скорее испортить.

———

Пользуюсь тем, что это письмо повезет Франц, а не почта, чтобы сообщить, что, по моим наблюдениям, письма распечатывали иногда (наприм., Любины — ко мне в Ревель); также — что я яростно ненавижу русское правительство („Новое время“), и моя поэма этим пропитана.

———

Пришло письмо от Николая с подробным счетом. Земский начальник оставил иск без последствий. Все счета я аккуратно записываю, и завел новую Шахматовскую книжку—с января 1911 года. Ледник набит. Николай будет чинить загон и продаст лишнее сено и овсяную солому.

14-ого был у меня и обедал Кузьмин-Караваев. 15-ого обедала тетя, после обеда они долго говорили с Любой о тебе, Люба говорит, что хорошо. Я в это время судил ***. *** во всем покаялся и т. д.; всё это было довольно тяжело внутренно,—а внешне — гладко и благополучно. — Вчера днем я был у Поликсены Сергеевны, а вечером — с тетей и Франц. у Ивановых. Сегодня иду к Пясту.

Не посылаю тебе книг, потому что самого интересного сам не прочел, а ты скоро приедешь. „Плам. Круг“ еще не готов. — Господь с тобой. Целую крепко, будь бодра. Саша.

334.

ЕЙ ЖЕ.

21 февраля 1911.

Мама, вчера получил твое письмо. Я, действительно, надеюсь на время; — что всё уладится. А теперь нужно сделать просто перерыв — к обоюдному улучшению отношений. Мне (и Любе) представляется так: когда ты приедешь сюда, не знаю, как лучше — видеться или не видеться тебе с Любой. Люба говорит, что она может очень хорошо с тобой видеться, но что в этом все таки

будет неправда. Это мы увидим потом. Что же касается Шахматова, то лучше всего сделать так: весной я должен ехать достраивать скотный двор; может быть, лучше — с Любой; мы приготовим и наладим хозяйство (огород и пр.) Потом Люба хочет ехать в Erdsegen (около Мюнхена) на все лето, считает, что ей это будет очень полезно — там нечто вроде санатории — с массажем и т. д. Я думаю, что для меня пожить без Любы будет тоже полезно; но пока мне самому не хочется жить в Шахматове долго (без перерыва) в этом году. Это уж — мои собственные стремления, независимые от тебя и Любы. Дело в том, что я чувствую себя очень окрепшим физически (и соответственно нравственно), и потому у меня много планов, пока — неопределенных. Мож. быть, поехать купаться к какому нибудь морю, м. б., — заграницу, м. б., куда нибудь — в Россию. Я чувствую, что у меня, наконец, на 31-ом году определился очень важный перелом, что сказывается и на поэме, и на моем чувстве мира. Я думаю, что последняя тень „декадентства“ отошла. Я определенно хочу жить и вижу впереди много простых, хороших и увлекательных возможностей — притом в том, в чем прежде их не видел. С одной стороны — я „общественное животное“, у меня есть определенный публицистический пафос и потребность общения с людьми — всё более по существу. С другой — я физически окреп, и очень серьезно способен относиться к телесной культуре, которая должна идти наравне с духовной. Я очень не прочь не только от восстановлений кровообращения (пойду сегодня уговориться с массажистом), но и от гимнастических упражнений.

Меня очень увлекает борьба и всякое укрепление мускулов, и эти интересы уже заняли определенное место в моей жизни; довольно неожиданно для меня (год назад я был от этого очень далеко) — с этим связалось художественное творчество. Я способен читать с увлечением статьи о крестьянском вопросе и... пошлейшие романы Брешки - Брешковского (1), который... ближе к Данту, чем... Валерий Брюсов. Всё это — совершенно неизвестная тебе область. В пояснение могу сказать, что в этом — мой европеизм. Европа должна облечь в формы и плоть то глубокое и всё ускользающее содержание, которым исполнена всякая русская душа. Отсюда — постоянное требование формы, мое в частности; форма — плоть идеи; в мировом оркестре искусств непоследнее место занимает искусство „легкой атлетики" и та самая „французская борьба", которая есть точный сколок с древней борьбы в Греции и Риме.

У меня есть очень много наблюдений (собственных) над искусством борьбы, над качеством отдельных художников (которых и здесь, как во всяком искусстве, очень мало — больше ремесленников), над способностью к этому искусству разных национальностей (всего бездарнее, разумеется, русские и итальянцы — и это при большом богатстве внешних данных! Это — падение искусстга до „передвижничества" и до современной итальянской живописи). Настоящей гениальностью обладает только один из виденных мной — голландец Ван-Риль. Он вдохновляет меня для поэмы гораздо более, чем Вячеслав Иванов. Впрочем, настоящее произведение искусства в наше время (и во всякое вероятно) может возникнуть только тогда,

когда 1) поддерживаешь непосредственное (не книжное) отношение с миром и 2) когда мое собственное искусство роднится с чужими (для меня лично — с музыкой, живописью, архитектурой и гимнастикой).

Всё это я сообщаю тебе, чтобы ты не испугалась моих неожиданных для тебя тенденций и чтобы ты знала, что я имею потребность расширить круг своей жизни, которая до сих пор была углублена (на счет должного расширения.) Не знаю, исполню ли я что нибудь в этом направлении. Пока, во всяком случае, займусь массажем и гимнастикой. В конце концов, я только что оправился (мускульно) после того, как надорвался в третьем году в Шахматове. Теперь (даже до гимнастики) я скорей сильнее, чем был тогда.

Масляница прошла очень бодро. Приехала Веригина, которая вышла замуж. Она очень хорошо рассказывает и говорит по русски, вообще — в ней есть милая русская женщина. Скользкость пропала. В сущности, она гораздо умнее и живей ⁂.

Вчера я без конца проводил время с ⁂. (⁂ — прирожденная „гетера“, беснуется не переставая). Мы шатались втроем по городу, были и в цирке и в разных местах. ⁂ — очень милый, тихий и печальный, я думаю, что им придется разойтись. Впрочем, я пока советую им не расходиться. Ведь почти все „наши“ женщины таковы, может быть, еще переменятся и станут серьезнее — хоть некоторые.

Тает, идет дождь и мокрый снег. Потому молодого месяца я еще не видел.

В посту попробую опять писать. У нас будут всю первую неделю лампадки. Господь с тобой.

Саша.

335.

ЕЙ ЖЕ.

24 февр. 1911.

Мама, лучшие склады считаются Кокоревские (Лиговская 50) — за сажень (в вышину) берут 2 р. 50 коп. в месяц (или немногим больше). Есть хорошие склады около Варш. вокзала, где стояли варшавские вещи (1). Наш обойщик (Фольгнер) брал мебель на лето, я узнаю у него возьмет ли. Он живет на Вознесенском. Столяр Гофман живет рядом с нами — очень хороший, хотя и дорогой. В контору запишусь. Обо всем этом напишу тебе скоро.

У моего массажиста была корь (у детей), и я пойду к нему в первый раз только 28-ого. Буду ходить к нему 3 раза в неделю, у него много машин, и электризация.

Вчера приходил Пяст. В субботу он придет рано утром, и мы с ним пойдем гулять далеко — в Шувалово.

Господь с тобой.

Саша.

У меня очень много новых и интересных книг. Что же ты не отвечаешь мне на письмо о гимнастике? Получила ли ты Тропинку с Жениным рассказом?

Зима — в окно опять скучно смотреть.

336.

ЕЙ ЖЕ.

24 февр. (1).

Мама, обойщик берет самое позднее — до и ю н я, но может сделать скоро и потом сдать в склад — сам. Теперь у него свободное время.

Можно это сделать, пока ты будешь в Пб., а если он опоздает, то сам сдаст в склад.

На Троицкой в кварт. бюро я тоже был сейчас. Ни одной квартиры сейчас нет такой, как ты хочешь. Мне посоветовали придти недели за две (в первых числах марта) — тогда могут освободиться. Все такие квартиры — 100—125 р. пока. Так и оказалось, как я говорил, что твои требованья трудные. С Нов. Врем. можно не иметь дела, так как все квартиры, публикуемые там, есть и в „Посреднике“ (бюро).

О столяре Гофмане напишу потом.

337.

ЕЙ ЖЕ.

Мама, а будет ли хороший денщик? — Я очень беспокоюсь о том, как же вы будете жить с тетей вдвоем, если я уеду из Шахматова? — Денщика нужно будет вообще поселить в доме в маленькой комнате.

25 февр. (1).

338.

ЕЙ ЖЕ (1).

Сейчас получил твое письмо. Сегодня уже писал тебе. Женщинам и не следует интересоваться борь-

бой — это выходит почти всегда грязно. Это — ewig-männliche.

Относительно „гетер“ — ты все приводишь пожилые примеры (кроме Ангелины). Впрочем, я не говорю, что все более молодые таковы. Я говорил только об окружающих нас — соврем. писателей. — *** — не француженка, она еще образуется. Она только очень впечатлительна и при разных людях становится разной — обыкновенно им неприятной.

Господь с тобой.

Саша.

339.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, столяр Гофман (Б. Монетная, 17, кв. 20) возьмет буфет на лето. — Вчера мы удивительно хорошо гуляли с Пястом. Прошли пешком из Левашова в Юкки, на шоссе ели хлеб с колбасой, в Юкках пили чай и катались с высокой горы на санях. Там т. н. „русская Швейцария“ — холмы, снежные обрывы и густые сосновые леса. — Сегодня — полу-весна, утомительная, тяжелая и серая. Я ходил по островам. Завтра иду к массажисту. Господь с тобой.

Саша.

27 II 1911.

Сейчас получил письмо от Николая, что всё благополучно; он продал разного (овсяной соломы, ржаной мякоти, сена с Кривой полосы) — на 27 р. 20 коп. (2).

340.

ЕЙ ЖЕ.

28 февраля (1).

Мама, ко мне вчера пришла Гильда (2). Меня не было дома, когда пришла девушка, приехавшая из Москвы, и просила меня придти туда, куда она назначит. Я пошел с чувством скуки, но и с волнением. Мы провели с ней весь вчерашний вечер и весь сегодняшний день. Она приехала специально ко мне в Петербург, зная мои стихи. Она писала мне еще в прошлом году иронические письма, очень умные, но совсем не свои. Ей 20 лет, она очень живая, красивая (внешне и внутренне) и естественная. Во всем до мелочей, даже в костюме — совершенно похожа на Гильду, и говорит всё, как должна говорить Гильда. Мы катались, гуляли в городе и за городом, сидели на вокзалах и в кафэ. Сегодня она уехала в Москву.

А я получил сегодня письма — от тебя и от Бори — из Каира. Квартиры посмотрю, думаю, что очень дороги. К массажисту пойду завтра, сегодня из за Гильды не пошел. Чувствую себя бодро и спокойно.

Деньщик необходим — и чтобы жил в доме. Можно — в девичьей.

1 марта.

Сейчас иду смотреть квартиры.

Получил от Жени очень хорошее письмо.

Всё думаю о Гильде.

Господь с тобой.

Саша.

341.

ЕЙ ЖЕ.

1 марта (1).

Мама, сейчас я осмотрел все квартиры. На Моховой — 140 р. На Морской — сдано. В Прачешном — нельзя держать прислугу, две комнаты не отдельные, без ванны, сдает кокотка — и то 80 р. Брось свое Новое Время. Иначе, как через контору, достать нельзя — там известно всё. Я пойду туда до 10-ого.

Твой Сологуб готов у Шнеля (2), но, я думаю, не стоит посылать его тебе?

Господь с тобой.

Саша.

342.

ЕЙ ЖЕ.

3 марта 1911.

Мама, по моему тоже — хорошо взять Пия (1) в работники: он тихий человек, и особенных работ не требуется. Я не хотел бы устраивать в этом году в Шахматове каких нибудь новых затей.

С остервенением читаю газеты. „Речь“ стала очень живой и захватывающе-интересной. Милюков расцвел и окреп, стал до неузнаваемости умен и широк. Я думаю, ты по приезде в Петербург захочешь быть в курсе дел русской жизни и бросишь нововременские обсоски и вранье.

Поэма стала опять подвигаться. Вчера был в первый раз у массажиста. Очень хорошо. Буду ходить к нему по понедельникам, средам и пятницам ($^1/_2$ 8-ого вечера). Он швед, мы говорили с ним по немецки.

Сологуба всетаки хочу послать тебе, книга хорошо вышла.

Ну вот — китайская война (2).

Господь с тобой.

Саша.

Ты мне привези все мои книги.

343.

ЕЙ ЖЕ (1).

Поздравляю тебя, мама (2).

Вчера вечер. был Пяст. Мне начали посылать корректуры „Мусагета“ (2 листа I тома и стихи в альманахе).

Господь с тобой.

Саша.

Отрезной купон. Адрес отправителя: А. А. Блок. М. *Монетная* 9, кв. 27.

344.

ЕЙ ЖЕ.

8 марта 1911 г.

Мама, с полком я думаю обойдется? Осталось недолго. Кроме того, я думаю вы устали друг от друга, и то, что ты приедешь в Петербург — будет хорошо для Франца. Со службой же вообще, какой бы то ни было, с каждым годом будет всё безъисходнее. Правительства всех стран зарвались окончательно. М. б., еще и нам суждено увидеть три великих войны, своих Наполеонов и новую картину мира. Китай нас не минует — не сегодня — завтра.

Люба видела вчера Женю, сегодня он, м. б., придет к нам. М. П. поправилась, я не был у них давно.

Было много народу. Приходила Ангелина, которой, при всей разительной разнице наших воспитаний, поэма нравится. Получаю письма от Гильды — часто.

Я тут покутил два дня с Чулковым и Судейкиным (1). В эти ночи я научился кататься на колесных коньках; кроме того, я нашел красавицу еврейку, похожую на черную жемчужину в розовой раковине. У нее — тициановские руки и ослепительная фигура. Впрочем, дальше шампанского и красных роз дело не пошло, и стало грустно.

Массаж идет успешно. Швед хвалит мою prächtige Musculatur (2). У меня вокруг спины и груди уже образуется нечто вроде музыкального инструмента.

Я читаю очень интересную и жуткую книгу милого морского офицера Вл. Семенова о японской войне („Расплата"). „Мусагет" ежедневно высылает корректуры — уже 7 листов. Всего будет 12-15. — Завтра (или послезавтра) пойду в квартирное бюро.*

Господь с тобой. Пиши. Саша.

345.

ЕЙ ЖЕ.

11 марта 1911 г.

Мама, пока все мои квартирные хлопоты безуспешны — очень трудные условия: или вонь от

* Я обошел часть Б. Просп., Монетную и Лицейскую — всё не подходит.

хозяев, или холод, или тьма, или — у чорта на куличках, или негде поселить прислугу, или для нее нет кровати, или нельзя готовить, или всё бы ничего, — тогда не менее 100 рублей. Неохотно сдают на короткий срок (1-2 месяца). Меньше, чем на два, едва ли можно взять. — Ты наверно приедешь 20-ого? В крайнем случае, ты мне позволь приплатить свыше 80 рублей. Может попасться очень хорошее, тогда жалко бросать из за 20 рублей? Однако, я поищу еще. Есть и дешевле 80-ти, но всё очень неприятно (например — среди других комнат, всё слышно, рядом — маленький ребенок).

Завтра пойду опять смотреть. Я записался в бюро, мне будут присылать всё подходящее. Сегодня — у меня сильный насморк, а вечером — заседание Общ. ревн. худ. слова, где мне необходимо быть (складывать с себя полномочия члена совета). Поэма двигается по немногу. Письма от Гильды получаю. Какая увлекательная книга Вл. Семенова о японской войне!

Господь с тобой.

Саша.

Сейчас пришло твое письмо. О-го-го, еще и посуда! Ну, постараюсь поискать. Меньше 100р.— не надеюсь.

Очень рад тому, что ты пишешь, и что лучше себя чувствуешь.

Я не уверен, что Коковцев (если он будет) хуже Ст-на (1).

Конверт расклеивал *я*.

346

ЕЙ ЖЕ.

12 марта вечером (1)
Балтийский вокзал

Мама, соглашайся: сейчас я был второй раз на след. квартире: Набережная Вас. О. против Никол. моста (д. 25, кв. 27) — 2-ой этаж — целая отдельная квартира: три больших чистых комнаты, в спальне — две хор. кровати, чистая мебель (безвкусие только немецкое). Ванны, каж., нет. Можно — посуду. При квартире — прислуга, симпатичная эстонка (неизбежная — она бережет квартиру), говор. по русски. Кухня большая — можно спать двоим (есть кровать для прислуги). Недостатки: темно (окна во двор и, м. б. не очень тепло; хотя сегодня — тепло; будут топить печи ежедневно).

Есть рояль и граммофон. Вечером — очень симпатично и тихо. Цена (с эстонкой) — *100* рублей. Если ты согласна, я попробую уговориться, 1) чтобы из них эстонкины 10 р. платила ты (а не хозяева); тогда она будет тебе горничной; 2) чтобы если ты проживешь не 2, а 1½ месяца — взяли 150 р. Я бы советовал брать и *без* этих условий. Лучше найти трудно. От тети — не далеко. Каждые два дня я прохожу мимо на массаж.

Во всяк. случае *телеграфируй немедленно*, согласна или нет.

У меня всё еще насморк, вчера в „Акад." я не был. Сегодня поглощен японской войной (Вл. Семенов и мн. др.) Господь с тобой.

Саша.

347.

ЕЙ ЖЕ.

16 марта 1911.

Мама, относит. квартиры я еще не решил окончательно — брать 2, или 3 комнаты (за 2—60 р., за 3 — 75). Можно взять и 3, по кр. мере, на первый месяц. Во всяком случае, на днях это можно решить, это уж предоставь мне.

Что же касается того, что мы будем в одном доме (1), то это только хорошо. Все обстоятельства изменились, встречаться с Любой вам можно хорошо. Во первых, сама Люба переменилась; во вторых — она не будет жить это лето в Шахматове; в третьих, с будущего года я, по всей вероятности, буду жить один.

Всё будет хорошо. Люба хочет убрать и приготовить квартиру к твоему приезду.

Сегодня пришли последние листы корректуры первой книги (всех — 13). — Сегодня я зван к бар. Дризену на вечер памяти Мусоргского. Пойду, если не устану после массажиста.

Каждый день — весна, по ночам — лед. — Яркое солнце.

Поэма двигается медленно.

Я очень рад, что ты увидишь нашу квартиру. Я полюбил свою комнату.

Новых книг — масса, и очень интересных.

В пятницу у нас будут Ремизовы. В день твоего приезда (22-ого) я иду на лекцию Милюкова („Вооруженный мир и ограничение вооружений").

Господь с тобой.

Саша.

348.

ЕЙ ЖЕ.

19 марта (1).

Мама, что то ты не пишешь. Жду тебя во вторник непременно. Вчера m-me Татаринова (2) мыла квартиру. Сегодня Люба будет убирать.

Сегодня у нас обедает тетя, а вечером я пойду к Пясту. Массажист уже называет меня атлетом, потому что я выжимаю гирю не с большим трудом, чем он. Последние дни у нас много народу, что не неприятно. Очень часто обедает танцовщица Адда Корвин (3) — простая и несчастная.

Очевидно, пишу в Ревель последнее письмо. Здесь весна, третьего дня был первый дождь.

Господь с тобой.

Саша.

Сейчас пришло твое письмо. Я предполагал, что ты себя скверно чувствуешь.

Люба вовсе не переменилась по существу. Но больше нет причин для столкновений. Она живет совсем другой жизнью. Я уверен, что вы можете просто с ней встретиться для того, чтобы не было нелепого избегания друг друга.

Впрочем, обо всем этом трудно писать — и тяжело. Ко всему этому можно только относиться проще — без „отношений".

3 комнаты — 75 рублей. Люба сейчас там. Всё, что нужно, будет (и лампы). Утром я приду к тебе в квартиру.

349.

ЕЙ ЖЕ.

23 марта (1).

Ну, слава богу, что ничего особенного, мама. Я очень беспокоился после телеграммы и ждал письма вчера и сегодня целый день.

Пишу на всякий случай, мож. быть, ты еще получишь письмо. Я думал, собственно, что тебе стало скверно от моего письма. Мне было почему то тяжело, когда я писал. Но это—неверное чувство, всё спокойно. Ты будешь здесь жить тихо.

Лекция Милюкова была для меня очень нужна. Сейчас я был у судебн. следователя, давал свидетельские показания по делу Пяста (один мерзавец, издал без спросу его поэму) (2).

Адда Корвин уехала. Ходит Санжарь — вообще иногда было слишком много народу. Впрочем, это теперь прекратилось.

У нас тоже зима и сугробы. Это циклон, пришедший с севера.

Квартира будет готова. Жду тебя.

Хотя в частности * * * — дрянь, но ты напрасно думаешь, что я не могу „принять“ навязчивости разных людей со стороны. Сам я не навязчив, но допускаю, что есть много людей, которым существенно нужно спрашивать советов и рассказывать про себя. Если бы ты была здорова, я бы против них не имел ничего.

Господь с тобой.

Целую крепко. Саша.

350.

ЕЙ ЖЕ.

7 мая 1911.

Мама, а я сегодня решил пойти к своему доктору (Вихерту) и хорошо сделал: он мне прописал рецепт для десен (там есть и мирра). Это — действит. возобновление цынги. Микробы несерьезные, но такая восприимчивость к ним доказывает вялость всего организма — он недостаточно сильно борется. На две недели мне прописано мазать десны, полоскать часто (перекисью водорода с борной кислотой) и совсем не есть мяса, бульона и всего острого. Это меня радует, потому что мясо мне надоело. Пить ничего не буду. Я полечусь немного, и приеду в Шахматово. Сегодня ел салат с маслом и молодой картофель — очень вкусно. Десны болят мало. — Завтра начинается авиационная неделя. А дождь идет.

8 мая.

Пришло твое письмо. Сейчас был Женя — очень хороший. У Марьи Павловны всё еще одышка. Сегодня идет дождь и снег, холодно. Я мажу десны и полощу рот.

Это хорошо, что Николай живет во флигеле.

Обедал и вечером был Ваня, сильно левеющий. Мы с ним много говорили. Ему, разумеется, только не нужно указывать, что он левеет.

9 мая.

Получаешь ли ты „Речь"? Я уже сегодня не получил. Десны гораздо лучше сегодня. Дождь прошел, мягко и пасмурно. Авиац. неделя опять

отложена — до субботы. Прочитай о катастрофе во Франции (1).

Посылаю письмо.

Господь с тобой.

Саша.

Получил накладную на книги.

351.

ЕЙ ЖЕ.

Мама, сейчас я взял билеты на 17 мая: Любе в Берлин, а себе в Шахматово. Я приеду значит в среду 18-ого рано утром (с почтовым, отсюда в 4 часа дня). Господь с тобой.

Саша.

11 мая (1).

На обороте: Никол. ж. д. Ст. Подсолнечная, с. Шахматово. Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

352.

ЕЙ ЖЕ.

11 мая (1).

Мама, я уже писал тебе сегодня из почтамта, что приеду 18-ого в среду в 6 час. утра. Вышли за мной Николая, лучше на тройке, но без телеги.

Сегодня очень мягкий воздух. Я вышел из ванны и жду Любу. Надписал больше тридцати книг. Вечером жду Пяста. Десны у меня перестали болеть, хотя я всё еще их мажу. В Шахматове еще некоторое время придется воздерживаться от мяса. Очень хочу Шахмат. молока, черного хлеба и яиц.

От тебя еще нет письма из Шахматова. Может быть, больше не буду писать тебе до приезда.

Господь с тобой.

Саша.

353.

ЕЙ ЖЕ.

12 мая (1).

Мама, сейчас пришло твое письмо.

Все такие плотничьи неприятности я испытал в прошлом году—это очень знакомо мне. Конечно, сарай можно строить короче, если ты находишь лишним большой. Афанасий, конечно, взял не дорого, и ему, пожалуй, можно будет прибавить. Во всяк. случае, всё это нужно оставить до моего приезда. Ты скажи ему, что я посмотрю, как и что он делает, и тогда уже можно будет с ним говорить.

Надеюсь, это скоро кончится. Утешаться можно только тем, что всякое строительство неизбежно связано со всеми этими затруднениями.

Очень приятно все, что ты пишешь о Шахматове.

Вчера вечером был Пяст — часов до 3-х утра. А сегодня утром неожиданно пришла Ангелина с матерью. Мне Ангелина очень понравилась. У нее есть кроме того ко мне настоящее чувство. И она недовольна матерью, в конце концов. Нет, ее нельзя так оставлять.

Сейчас иду к Мережковским.

Господь с тобой.

Только бы с плотниками устроилось.

Саша.

354.

ЕЙ ЖЕ.

30 июня (1).

Мама, я сейчас приехал, спал в вагоне, выпил чаю здесь, потому что прозевал Любань, так умывался. Чувствую себя гораздо лучше. Сейчас пойду в банки и пр. Погода серая и прохладная.

Ехать из Подс. можно до Клина с дачным поездом (около 5 час. дня по петерб. времени), а в Клину во время стоянки почтового или следующего (№ 8 пасс.) поезда — дают билеты, если есть места. Я попал в почтовый — спальный II кл., двое соседей не мешали.

Получил на Подс. письмо от Ангелины, которое, м. б., перешлю тебе — она там просит передать тебе разные вещи.

Господь с тобой. Ужасно тяжело всегда прощаться и не знаешь, что сказать, а потом кажется, что не сказал ничего.

Целую тебя.

Саша.

355.

ЕЙ ЖЕ.

2 июля 1911.

Мама, я еду во вторник 5-ого, решив наплевать на числа. Впрочем, это во первых к ночи (11^{15} веч.), во вторых —18-ого по n. st. Билет взял в Париж.

Аничков рекомендовал мне нервного доктора (профессор Гервер). Так как Наук и еще тот доктор, к которому я пошел бы охотнее (Морозов (1), рекоменд. Пястом) — оба заграницей, — то я

пойду хоть к этому, хотя он жизнерадостный жид. Всетаки съумеет выслушать сердце и сказать, где океан мне полезнее. Буду у него в понед. вечером.

Завтра поеду в Царское. Сегодня, вероятно, в Парголово (к Пясту). В Петерб. летняя глушь и провинциальнейшая скука.

Напиши на всякий случай, хоть немного, по адресу: France, Finistère, L'Abervrach, Hôtel des Anges. Может быть, я проживу там несколько дней. — По дороге едва ли буду останавливаться, хотя мой билет годен на 20 суток.

Я уже достал деньги, купил всё, паспорт будет готов в понедельник. Я чувствую себя здоровым, в конце концов, думаю, что от океана окончательно поздоровею.

Завтра жду от тебя письма. Господь с тобой.

Саша.

Вот письмо Ангелины (2).

356.

ЕЙ ЖЕ.

5 июля 1911.

Мама, сегодня уезжаю, вчера получил паспорт.

Вчера был у доктора, он оказался умнее, чем я думал; выслушал, исколол и выстучал меня всего; сердце оказалось в полном порядке, так что купаться я могу, где вздумаю, только не долее $^1/_4$ часа раз в день, зато хоть целый месяц, вообще — как понравится. Нервы в таком состоянии, что „на них следует обратить внимание", но через два-три месяца правильной жизни всё должно пройти. Правильной жизнью он называет — совсем не пить вина и принимать два раза в день

пилюли с новым средством (Арреноль — там есть и бром). Купанье он советует.

Вчера был у Пяста в Парголове, а третьего дня — в Царском. То и другое было совершенно разно и очень хорошо. С Женей мы носились на велосипедах два часа — в Баболово, а с Пястом долго гуляли и сидели в Шуваловском парке.

В субботу я поехал в Парголово, но не доехал; остался в Озерках на цыганском концерте, почувствовав, что здесь — судьба. И действительно, оказалось так. Цыганка, которая пела о множестве миров, потом говорила мне необыкновенные вещи, потом — под проливным дождем в сумерках ночи на платформе — сверкнула длинными пальцами в броне из острых колец, а вчера обернулась кровавой зарей („стихотворение").

Господь с тобой. Целую. Напиши в L'Abervrach.

Саша.

357.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, я здесь, ехать приятно, спал хорошо. Господь с тобой.

Саша.

1 ч. дня. Завтракаю с немцем и перевожу ему кушанья.

358.

ЕЙ ЖЕ (1).

ЕВ А. А. Кублицкой-Пиоттух.

Николаевской ж. д. Ст. Подсолнечная с. Шахматово.

359.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, здесь я обедаю. Сейчас начну жить по среднееероп. времени. В. П. Билибина (2), которая сидит против меня, кланяется вам с тетей.

Господь с тобой. Саша.

Николаевской ж. д. Ст. Подсолнечная. С. Шахматово. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

360.

ЕЙ ЖЕ.

7 VII, 6 ч. утра (1).

Мама, я уже в Берлине, пью кофей. Спал скверно, потомучто был увлечен полетом поезда и ультрафиолетовыми лучами ночника. Удивительный и знакомый запах в Германии. Ясное и прохладное утро, под Берлином прогуливают скаковых лошадей, цветут цветы, рябины в ягодах.— Уже сегодня вечером я буду в Париже, представь себе! Из одной столицы в другую — 16 часов. Поезд пойдет в Бельгии до 100 килом. в час. Это меня так увлекает, что я хочу даже миновать Кельн и Аахен.

Господь с тобой. Саша.

Между Берлином и Кельном — жнут рожь,— всё машинами. Есть красивые горы, туннели и старые замки. Люблю Германию. Мой поезд летел с быстротой, которая всякий раз удивляет.

На конверте: Russland. Via Moscau. Россия. Николаевской ж. д. Ст. Подсолнечная С. Шахматово. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

361.

ЕЙ ЖЕ.

20 (7) июля, 6 ч. веч. (1).

Мама, я остался здесь ночевать, сижу в кафэ и ем мороженое, помогает от жары. Собор опять показался издали — в голубом тумане. Завтра поеду в Париж в 8 час. утра.

Во первых я устал от вагонной духоты; во вторых пришлось пересесть в первый класс (из Hannover'a до Cöln'a), потомучто на Фридрихштрассе сели в мое купэ французские буржуа и австрийский лакей, и стали ругать Россию с таких невообразимо мещанских точек зрения, что я бы не мог возразить, еслибы и лучше говорил по французски.

В Париже буду завтра в 4 часа дня; попробую сейчас же уехать в Брест. Господь с тобой. Целую.

Саша.

На конверте: Russland. Via Moscou. Николаевской жел. дороги Ст. Подсолнечная. С. Шахматово. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

362.

ЕЙ ЖЕ (1).

21 VII 1911, 6 час. вечера (на 2 часа раньше русских).

Мама, вчера еще утром я был на Unter den Linden (2), а вечером я стоял на мосту Гогенцоллернов над Рейном и был в Кельнском соборе, а сейчас пришел из Notre Dame, сижу в кафэ на углу Rue de-Rivoli против Hôtel de Ville, пью

citronnade; поезд мчался еще быстрее, чем в Германии, жара вероятно до 40°, воздух дрожит над полотном, ветер горячий, Париж совсем сизый и таинственный, но я не устал, а напротив чувствую страшное возбуждение. Париж мне нравится необыкновенно, он как то уже и меньше, чем я думал, и оттого уютно в толпе.— А вот и химеры (но их ведь 60 — всех не пошлешь).

Сейчас хочу купить купальный костюм, это почти рядом в Лувре. Всё вообще под рукой, и всё ясно и просто, проще даже Кельна и вообще любой германской сложности. Страшно весело — вокруг гремят и кричат, я сижу почти на улице.

Около Льежа я разговаривал с тамошним студентом, мы обменялись карточками, я ему рассказывал, как французы вчера ругали русских (около Берлина), он уверял, что французы вообще любят русских, что ему нравится мороз и т. д. Показывал мне Бельгию (Huy) (3). Бельгия очень хороша, вся холмистая, с водяными резервуарами и с тучей фабрик. А Франция — Belle France, в ней есть дали, каких нет и в Германии, и не так всё с иголочки, как там.

Сейчас везут передо мной розы.

Завтра утром еду в Брест, где придется переночевать, и только послезавтра утром доеду. Господь с тобой.

Саша.

На лицевой стороне конверта: Russie. Via Moscou. Recommandée. Николаевской ж. д. Ст. Подсолнечная. С. Шахматово. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

На оборотной стороне конверта: Exp. par Alexandre Block. Paris. Rue de Rivoli 83. Hôtel S-te Marie.

*

363.

ЕЙ ЖЕ.

24 июля 1911.

L'Abervrach.

Мама, я здесь уже третий день. Третьего дня — выехал из Парижа, было до 30°, все изнемогали в вагоне, у меня уже начало путаться в голове; так было до вечера. Вдруг поезд пролетел два коротких туннеля — и всё изменилось, как в сказке: суровая страна со скалами, колючим кустарником и папоротником и густым туманом. Это — влияние океана — уже за час до Бреста. В Бресте — рейд полон военных кораблей. Я подумал — и вдруг решил ехать на автомобиле, а не ночевать в гостиннице. 36 километров мы промчались в час. Очень таинственно: ночь наступает, туман всё гуще, и большой автомобиль с фонарем несется по белым шоссе, так что все шарахаются в стороны. И черные силуэты церквей. — Наконец появились маяки и мы, проблуждав некоторое время в тумане, нашли гостинницу и въехали во двор. Люба только что засыпала (1).

Гостинница очень уютная, красивая и удобная. Вчера утром и сегодня солнце. Мы на берегу большой бухты, из которой есть выход в океан, и океан виден за группой скал и островов. Живем окруженные морскими сигналами. Главный маяк (за 10 километров от нас в море) освещает наши стены, вспыхивая каждые 5 секунд. Рядом с ним — поменьше — красный. На берегу — красный и зеленый. Кроме того — значки на берегах — всё для обозначения фарватера. Вчера был легкий бриз, и мы выезжали на парусной лодке в океан, а потом — в порт Аберврака, где стоит угольщик.

Этот угольщик — разоруженный фрегат 20-х годов, который был в Мексиканской войне, а теперь отдыхает на якорях. Его зовут „Melpomène". На носу — Мельпомена — белая статуя, стремящаяся вперед в море. Пустые люки от пушек, а в окнах видны дети. Нет ни брони, ничего, мачты срезаны на половину, реи сняты. А когда-то воевал.

Еще мы заезжали на праздник „Le Pardon de S-te Marguerite", но не дождались процессии. Толпа бретонцев в национальных костюмах должна была сопровождать крестный ход — маленькую часовню носят по дюнам, а потом — танцуют и пьянствуют.

А сейчас я купался, но не выдержал и двух минут — от холода и непривычки. Приятно однако. Вообще, всё здесь хорошо, и мы будем жить, вероятно, здесь. Очень хорошая еда — и всё. Пиши сюда. Идем гулять. Господь с тобой. Саша.

Большая Медведица на том же месте. На юго-вост. — звезда, похожая на маяк. Совершенно необыкновенен голос океана.

364.

ЕЙ ЖЕ.

27 июля (1).

Мама, вчера я получил твое письмо. Здесь так хорошо, что мы остаемся до половины августа (st. n.). Вчера я купался второй раз — в дюнах. Надо идти за два километра, но это искупается теплотой моря и мягким песком. Можно уйти чуть не за пол версты в море. Я не мог вылезти минут 10, так было хорошо.

Мы живем в доме XVII века, который был церковью. Рядом с моей комнатой прячут обломки

кораблей. Здесь самое красивое — дворик нашего отеля со старой смоковницей, с воротами в сад, где груша посажена еще монахами, и со Св. Марком на столбе — без головы (ее отрубили в революцию). Когда поднимешься на гору рядом с нами — видна карта северо западной Франции — от самого западного острова „Oiessent" — до входа в Ламанш. На горизонте постоянно большие корабли, но они не заходят к нам, мы — в большой и уютной бухте, из которой выход в открытое море мимо старого форта (Saizon) на полуострове, который очень дешево продается, можно бы его купить, обработать, посадить деревья и покрыть крышей. Все стоило бы 25000 fr.

Бретонцы — все моряки и рыбаки, редко хорошо говорят по французски. Прилив и отлив — каждые 6 час. 20 минут, отлив такой, что третья часть бухты остается свободной от воды и можно пройти пешком; тогда поднимают креветок и морскую траву. Еда каждый день в 12 часов и в 7 часов — по 5 блюд, не считая ежедневных креветок, артишоков, малины и груш. Всё это стоит с двумя комнатами — по 6 fr.

После купанья мы хотим ехать в Париж и, скорее всего, останемся там недели три — т. е. до Петербурга. Впрочем, до Парижа с неделю поездим по Бретани, главн. образом в Quimper и на тристановские острова.

Недавно в одном из вертящихся маяков умер старый сторож, не успев приготовить машину к вечеру. Тогда его жена заставила двух маленьких детей вертеть машину руками всю ночь. За это ей дали орд. Поч. Легиона. Я думаю, русские сделали бы то же самое.

Аберврак — я думаю — лучшее место в Бретани. „Альбион“ — на севере, но наши окна выходят на запад, так что прямо перед глазами конец Старого Света, а за океаном (здесь как раз нет ни одного острова, только буруны) — Новый Свет. В бурунах года три назад погиб английский пароход, выбросившись на камни в тумане. Можно представить себе ужас океана, только увидев его; пароходы крошечные. Между тем только на днях мимо нас прошла японская эскадра в Шербург. Постоянно ходят военные корабли. Наконец, есть корабли „Hamburg — Amerika Linie“, втрое больше самого большого броненосца (до 8000 человек и груз). И все это кажется маленьким и должно зорко следить за маяками и сигналами только при входе в Ламанш.

Пиши мне сюда, господь с тобой.

Саша.

Получила ли ты мои письма из Вильно, Ковно, Вержболова, Берлина, Кельна, Парижа и Аберврака?

365.

М. А. БЕКЕТОВОЙ (1).

27 VII 1911.

Тетя, тетя, зачем ты переслала мне это письмо? Мы долго рассуждали и решили наконец не посылать денег. Во первых — уже поздно, а *** просит их послать телеграфом. Во вторых, это страшно много (600 fr.), у Любы уже мало осталось, она отдала много *** ***, а между тем нужно долго жить здесь и покупать разные вещи. В третьих боюсь, что не отдадут. Денег роздано

огромное количество и мне очень не хочется давать их совершенно чужим, когда постоянно просят свои, которым невозможно отказать. Очень неприятно отказывать, но надо прекратить, наконец, исполнять все просьбы, а то скоро ничего не останется.

Целую тебя. Нашу жизнь здесь описываю подробнее в письме к маме. Очень хорошо купаться.

Саша.

366.

МАТЕРИ.

30 июля (1). Воскресенье.

Мама, я купался уже пять раз, чувствую иногда разбитость и сплю днем. Это так и следует. Сегодня буду купаться тоже. Писать особенно нечего, здесь скучновато. Надеюсь докупаться до 20 раз и потом ехать по Бретани и в Париж.

Господь с тобой.

Саша.

367.

ЕЙ ЖЕ (1).

31 VII 1911.

Мама, купанье очень хорошо действует.

Я привыкаю к холодной воде, она полезнее теплой. Вчера мы слушали мессу, пели бретонские девушки. Господь с тобой.

Саша.

Сейчас получил твое 2-ое письмо.

Russie. Moscou. Николаевской ж. д. ст. Подсолнечная, с. Шахматово. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

368.

ЕЙ ЖЕ (1).

2 августа 1911.

Мама, сейчас мы пили чай с вареньем под смоквой, и почтальон принес твое веселое письмо. — Мы проводим время так: пьем кофей в 10-м часу, потом гуляем недалеко, потом купаемся (когда прилив бывает перед завтраком). Потом завтракаем — в 12 часов — с англичанами, которые живут с нами. Семейство простое, мы постоянно разговариваем и купаемся вместе. После завтрака ходим гулять далеко. Вчера были в форте Cézon'е, о котором я тебе писал, что он продается. Там разрушенные подъемные мосты, казармы, пороховой погреб, будка для часового, места для пушек, караульная комната. Среди валов можно развести хороший сад. Так как это остров, туда можно пройти только во время отлива. На дне ловят креветок и краббов с кулак величиной (а рядом с нами разводят лангустов, а на фабрике делают иод и соду из морской травы; очень вкусные свежие омары, бывают часто). — Сидя около форта на скалах, мы видели большие пароходы далеко в море. — Возвращаемся до обеда, обедаем в 7 часов, потом гуляем всегда на гору над морем. Очень разнообразные закаты, масса летучих мышей и сов, и чайки кричат очень музыкально во время отлива. На всех дорогах цветет и зреет ежевика среди колючих кустов и папоротников, много цветов. — Сегодня видели высокий старый крест — каменный, как всегда. На одной стороне — Христос, а на другой — Мадонна смотрит в море. Кресты везде. На одной дороге — маленький крестик какого то Yves — написано — priez pour lui (2),

очевидно — самоубийца, или убитый. — Спать ложимся около 10 час. вечера. Купался я сегодня 9-ый раз, уже дольше $1/4$ часа, не могу от удовольствия вылезти из воды, учусь плавать. Всю кожу жжет, вода холодная обыкновенно. — Всё это (кроме купанья) иногда однообразно и скучновато. Развлечение — единственно, когда бывают les Pardons, свадьбы (постоянно), песни, и когда в порт к нам приходят яхты. Вчера на закате вошел в бухту великолепный трехмачтовый датчанин — на всех парусах — он привез лес, который здесь страшно дорог — все каменное и железное. — Очень хорошие собаки, к нам пристает и иногда гуляет с нами хозяйский щенок Фело, сетер породы Спота (3). Раз, когда я купался, он считал своим долгом плавать за мной, страшно уставал, у него билось сердце и приходилось брать его в море на руки. Во время отлива по дну ходят свиньи, чайки, корморaны (4). „La canaille" (5) пожинает великолепную пшеницу, тяжелую, точно вылитую из красного золота. В общем же жизнь, разумеется, как везде, убога и жалка настолько же, насколько пышно ее можно описать и нарисовать (т. е., — вечное торжество искусства.) Разумеется, здесь нет нашей нищеты, но все кругом отчаянно и потно трудится. Этот север Франции, разумеется, беднее, его пожрал Париж, торгуют и набивают брюха на юге. Зато здесь очень тихо; и очень приятно посвятить месяц жизни бедной и милой Бретани. По вечерам океан поет очень ясно и громко, а днем только видно, как пена рассыпается у скал.

Господь с тобой, целую тебя.

Саша.

На конверте: Russie. Via Moscou. Recommandée. Николаевской ж. д. ст. Подсолнечная. С. Шахматово. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух (Madame Koublitzky).

369.

ЕЙ ЖЕ.

7 августа (1).

Мама, сейчас купался 14-ый раз, писать нечего, всё благополучно.

Господь с тобой.

Саша.

Теперь пиши — Paris, p. r.

Russie. Via Moscou. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. Николаевской ж. д. ст. Подсолнечная с. Шахматово.

370.

ЕЙ ЖЕ.

10 авг. четв. (1).

Мама, во вторник мы уезжаем. Стало немилосердно скучно. Пиши в Париж. Получил тетино письмо, поцелуй ее. Сейчас буду купаться 17-ый раз. Господь с тобой.

Саша.

Russie. Via Moscou. Николаевской ж. д. ст. Подсолнечная, с. Шахматово. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

371.

ЕЙ ЖЕ.

12 августа 1911.
L'Aber' Wrach.

Мама, сегодня суббота, а мы уезжаем отсюда, слава тебе, господи, во вторник — прямо в Quimper. Впоследствии будет приятно вспоминать эту гиперборейскую деревушку, но теперь часто слишком заставляют страдать — скука, висящая в воздухе, и неотъемлемое качество французов (а бретонцев, кажется, по преимуществу) — невылазная грязь, прежде всего — физическая, а потом и душевная. Первую грязь лучше не описывать; говоря кратко, человек сколько нибудь брезгливый не согласится поселиться во Франции. Я купаюсь каждый день в море и чувствую себя, однако, опаршивевшим. Грязь копили веками, la canaille вся провоняла от жирной грязи. По языку и по нравам она похожа на латышей — такая же темная и бездарная наглость. — Душевная грязь изобличается прежде всего тем, что во Франции не существует мужчин и женщин. Французская женщина — существо, не внушающее никаких чувств, кроме брезгливости — и то в том случае, если она очень красива и изящно одета. Со мной рядом купаются две таких — величайшие посмешища природы: безукоризненные фигуры, тонкие молодые лица, девически-нежный цвет лица — и холодный, любопытный и похотливый взгляд. Они высовывают из воды все части своего тела, на земле задирают юбки почти на голову; на юбки, при этом, истрачено ровно столько материи, чтобы они могли лопнуть лишь в крайнем и исклю-

чительном случае; и всё — тщетно; они вызывают такие же чувства, как свиньи, ежедневно с восторженным хрюканьем носящиеся мимо нашего колодца и поганящие двор.

Занимательны здешние жители: в них есть чеховское, так как Бретань осталась в хвосте цивилизации, слишком долго служа только яблоком раздора между Англией и Францией. Например, единственный здешний доктор; всегда пьяный старик с длинной трубкой; у него зеленые глаза (как у всех приморских жителей), но на одном — багровый нарост. Он мягок, словоохотлив и глубоко несчастен внешне, но кажется, внутренно счастлив; всегда ему кажется, что его кто то ждет и кто то к нему должен придти; с утра до вечера бегает взад и вперед по набережной. Его давно уже заменил горбатый доктор из соседнего села, приезжающий в маленьком автомобиле; но он не смущается, всегда в повышенном настроении (от аперитивов), рассказывает иностранцам историю соседних замков (всё перевирая и негодуя одинаково на революцию и на духовенство — это через 122 года!) и таскает толстую книгу — жития Бретонских святых; очень интересная книга — я из нее кое что почерпнул. — Он просит похоронить себя в море, потому что предпочитает быть съеденным крабами и лангустами, чем землеными червями.

Другой — был когда то архитектором и рисует в свободное время; но с горькой иронией рассказывает, что не выдержал экзамена в „Ecole des beaux arts“ (1) (хотя и прожил 11 лет в Париже; Париж предстоит им всем, как обетованная земля — всегда и неизменно в виде „Москвы“ для

трех сестер) — и принужден был жениться на дочери фабриканта и заняться выработкой иода и соды. — Он предложил свою карточку для осмотра одного из замков; когда мы пришли туда, то управляющий сказал сурово, что, хотя он и знает Monsieur Glézaux, так как продает ему овощи, но предпочел бы иметь карточку самого M-r le Marquis. (Впрочем, замок мы осмотрели).

Третий — propriétaire (2), удит рыбу, охотится и вспоминает с восторгом, как его напоили в Петербурге, где он был с эскадрой адм. Жерве (3) (это было в 1891 г., но для всех них — 20 лет, как одна минута, потомучто все без исключения пол жизни пьяны).

Хозяин наш — республиканец, соврет всё, что ни скажет; рассказывает о природе Флориды, о своем пребывании в Америке, об уменьи боксировать и о том, что герб Св. Марка — собака, а не лев (последнее — с ожесточенной уверенностью). Он представляется всем смелым мореплавателем, но, кажется, он был поваром на пароходе; это бывает заметно по воскресеньям, когда он сам готовит кушанье.

Супруга его — монархистка и добрая католичка, а потому уморительно ссорится с мужем. Потому же (я думаю) — она отвратительно обращается с маленьким пасынком, который всегда печален и бледен; по ночам плачет в темном корридоре от страха, когда его посылают спать одного.

Даже собаки не бывают грязнее, чем во Франции. Когда щенка Фело искупают, он немедленно бежит спать в навозную кучу, старательно поливаемую фермером навозной жижей; через полчаса любезно приходит и лезет на колени.

Мы живем с англичанами и проводим с ними много времени — даже слишком много, они изрядно надоели. Англичанин — „страна“ (4). У него глухой голос, тонкие ноги и густые седеющие усы; он — Аргентинский корреспондент из Лондона; сообщает по подводному кабелю и посредством фельетонов, написанных под грушей в Абервраке, но помеченных Лондоном, — всё, что может интересовать Аргентинских фермеров — от политики — до спорта (особенно — спорт). Однажды в жаркий день сообщил он в Америку из под груши о том, что в Лондоне на съезде дантистов дебатировался вопрос о челюстях Габсбургов (5). Чтобы эти вести долетели до Америки по подводному кабелю, сооруженному международными компаниями, через весь Атлантический океан — требуется 1—1½ часа. Но так как американское время — на 4 часа разнится от европейского, то Новый Свет узнает на 2½ часа раньше всё, что случается в Старом. Так например, за 2½ часа до падения авиатора в Европе, Америка уже осведомлена о том, убит он, или ранен.

У англичанина — семья: жена, которая одна из первых получила высшее женское образование в Англии; сын 12 лет — очень веселый, шаловливый и здоровенный мальчик, великолепный клоун; и рыже-красная дочь лет 17-ти, которая играет на рояле, танцует на всех балах, и предпочитает Оксфордских и Кэмбриджских студентов — блазированным Лондонским.

Всё семейство — ярые велосипедисты, спортсмэны и великолепно плавают. Мы всегда вместе и едим и купаемся, часто вместе осматриваем достопримечательности. Раз пригласили мы их ехать

в море, но только что миновали последние скалы, пришлось вернуться: у меня приключилась морская болезнь, и они же отпоили меня коньяком. С тех пор я уже на эту удочку не ходил.

Купаться хорошо, а также пить чай после купанья под смоквой. Сегодня буду купаться 19-ый раз. С англичанами нас сближает в большой степени критика французской грязи и горничной; ей 15 лет, но она уже явно предпочитает своим обязанностям корявого матроса.

Есть еще немало интересных жителей, о которых можно бы написать. Сайгонский жандарм, с обжорливой и злою женой; разные морские волки, пьяные ловцы креветок, demi-vierges (6) от 6 до 12 лет, которые торчат целый день полуголые на берегу и кричат друг другу голосами уже сиплыми: „t'as tes garçons pour jouer!" (7). Всё это даже не удивительно: повидимому, это обычный способ „формирования" французской „девы" (pucelle — уменьшительное от блохи).

На днях вошли в порт большой миноносец и 4 миноноски, здороваясь сигналами друг с другом и с берегом, кильватерной колонной — всё, как следует. Так как я в этот день скучал особенно и так как, как раз в этот день, газеты держали в секрете совещание французского посла в Берлине с Киндерлэн-Вехтером (нем. мин. иностр. дел), то я решил, что пахнет войной, что миноносцы спрятаны в нашу бухту для того, чтобы выследить немецкую эскадру, которая пройдет в Африку через Ламанш (разумеется!), и т. д. Сейчас же стал думать о том, что немцы победят французов (а они действительно действуют все время с истинно цивилизованной стремительностью

и наглостью — от Агадира до Конго целая пропасть!), жалеть жен французских матросов и с уважением смотреть на довольно корявого командира миноноски, который проходил военной походкой по набережной. Думаю, что все Аберврачковские чеховцы были одних мыслей со мной, так что, когда миноносцы через несколько часов снялись с якоря и отправились к Шербургу, наступило всеобщее разочарование. Всем, собственно, скучно до последней степени, и все втайне хотят, чтобы что нибудь стряслось. Впечатление такое, что все ничего не делают. Даже garde champêtre (8) скучает, потому что здесь не воруют, la canaille сера и честна; сера, как честна, а честна, как сера.

Плод цивилизации на лицо: в деревушке есть почтовое отделение для посылания открыток на латышско-бретонском наречии со стихами чудовищного пошляка Ботрейля (бретонский Ростан); но стихов и открыток обращать не к кому; разве стоит написать матери о том, что сын утонул (потому что океан топит этих вошек так же, как топил когда то норманнов и бриттов, попрежнему опасны его, хотя и промеренные, caillouxs (9), и попрежнему густые туманы; ни один корабль не может войти даже в этот порт без лоцмана, который в этом веке — отец нашей горничной и получает по 12 франков с корабля). — Но решительно нечего больше писать, потому что faire l'amour (10)—привычное и необязательное занятие (кстати, население во Франции у м е н ь ш а е т с я; в Англии — е щ е в равновесии: 15% рождений и смертей; в Германии — прирост колеблется, рождения уменьшаются).

Я, как истинный русский, всё время улыбаюсь злорадно на цивилизацию дреднаутов, дантистов и pucelles. По крайней мере, над этой лужей, образовавшейся от человеческой крови, превращенной в грязную воду, можно умыть руки. Над всем этим стоит культура, неудачно и неглубоко названная этим именем. Ее я и поеду смотреть — начиная с покачнувшегося иконостаса Quimper'а.

Господь с тобой. Пиши в Париж.

Саша.

372.

ЕЙ ЖЕ.

Quimper, le 16 août 1911.

Мама, вчера мы приехали в Quimper. Жарко. По случаю Assomption (1) — всюду гулянья и масса народу, потому только сегодня утром получили порядочную комнату. Q-r уютный и праздничный, вчера вечером мы были в балагане. Собор не так велик, как я думал, но замечателен. Сейчас пойдем смотреть.

Жить, хотя и дороже, но гораздо культурнее, чем в Абервраке. Кроме того, англичане надоели отчаянно. Они провожали нас даже на вокзал. Здесь, наконец, можно ни с кем не знакомиться.

Господь с тобой.

Саша.

Проживем здесь, по кр. мере, до послезавтра.

На конверте: Russie Via Moscou. Николаевской ж. д. Ст. Подсолнечная. С. Шахматово. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

373.

ЕЙ ЖЕ.

Quimper, le 20 août 1911.

Мама, Quimper очень красив и стар, но я, к сожалению, мало вижу его. У меня жаба („le crapeau“), которая только что кончается. В Абервраке последние дни побаливало горло, но я мало обращал на это внимания, да, кроме того, там нет аптеки и доктора. Когда мы приехали сюда, пришлось пойти к доктору, который велел сидеть 2-3 дня дома. Горло сильно болело, температура поднималась до 37,5, полтора дня я лежал в постели. Дни очень жаркие, так что окна открыты, комната удобная. Сегодня последний день праздников, начавшихся с Assomption. Я сижу у окна, только что прошла сильная гроза; вижу, как балаганщики выбиваются из сил, чтобы заработать напоследок. Передо мной — узкая набережная канала, в который заходят морские приливы (море отсюда только 18 klm.). На набережной — старые каштаны, листья которых уже желтеют и осыпаются, повидимому, от сильной и долгой жары (в Париже всё еще продолжается жара, так что с этой стороны мы ничего не потеряем, оставаясь здесь еще несколько дней).— За каналом — песчаная плошадь, вся застроенная балаганами, а за площадью — высокая гора, поросшая старыми деревьями. Там — парк. Перед моим окном — две карусели, паровая и простая, кончик балагана фокусника и половина цирка с фургонами, где живут: 1) слоненок, отлично умеющий представлять полицейского, а также возить собаку на голове и хозяина на спине; он ревет в разные часы дня

очень громким и убедительным голосом; 2) принц Альберт (обезьяна, которая умеет пить кофей, курить, садиться на горшочек, завертываться в одеяло, ездить на велосипеде и на автомобиле и мн. др.); 3) зебр, который умеет делать всё, что делают цирковые лошади, и 4) собаки, кошки, попугаи, обезьяны и горбатый бычек, которые умеют делать меньше слоненка, принца и зебра, но однако все исполняют свои обязанности исправно. Хозяин всех их любит и хорошо с ними обращается. Иногда видно, как слоненка обливают водой и подвозят ему сено.— Полдня (а сегодня — весь день) — у балаганов толпа. Около уборной слоненка почти всегда теснится группа поклонников. Карусель свистит, музыка играет во всех балаганах разное, в поющем кинематографе воет граммофон, хозяева зазывают, заглушая музыку криками, на улице орет газетчик, а к отелю подлетают бесчисленные автомобили со свистом, воем и клокотаньем: здесь не только масса французов en vacances (1), но и богатые американцы и англичане; то пролетит огромный автомобиль с развевающимся американским флагом, разорванным от ветра; то — автомобиль, на котором сидит огромный черный лев с разинутой пастью — очень талантливо сделанный (оказывается — просто „чудо-вакса“ под маркой „Lyon noir“). Раз подъехал элегантный автомобиль; из него выскочил здоровенный старик, изящно одетый, со страшно развитой нижней челюстью; у него шоффер, которому страшно взглянуть в глаза: такая безмерная наглость и что то еще худшее написано на его лице; в автомобиле — три девушки, почти девочки, с измученными и униженными лицами, похожие на

русских. Кроме того — молодой человек и красавица-мулатка. Очень интересная и жуткая компания.

Я читаю всевозможные „Ie sais tout“ (2) и до десяти газет в день (парижских и местных). Пью до 15-ти чашек чаю и съедаю до 10-ти яиц. Всё это уже надоело, и я хотел бы поскорее поправиться и ехать прямо в Париж, потому что Бретань, при всей прелести, например, Quimper'a, а также некоторых костюмов, которые мы видели, наконец, благодаря праздникам, во всей пышности и во всем разнообразии — все таки какая то „латышия“; отвратительный язык, убогие обычаи и какая то не грандиозная и не много говорящая (за некоторыми исключениями) старина (я не знаю, впрочем, их легенд).

Стихотворение Брюсова „К собору Кэмпера“ могло бы относиться к десятку европейских соборов, но никак не к этому. Он не очень велик и именно не „безгласен“. Все его очарование — в интимности и в запахе, которого я не встречал еще ни в одной церкви: пахнет теплицей от множества цветов; очень уютные гробницы, много утвари, гербов, статуй, сводиков, лавочек и пр. Башни его не очень давно перестроены, готика — прекрасная, но не великая, и даже в замысле искривления алтаря нет величия, хотя много смелости — талантливо, но не гениально.

В улицах Quimper'a — в старом городе — много итальянского, милого и уютного. Особенно напоминают Италию — каналы и мостики. Здесь — слияние двух рек (Kemper (3) и значит по бретонски „слияние рек“).

Несмотря на то, что мы живем в Бретани, и видим жизнь, хотя и шумную, но местную, все-

таки это — Европа, и мировая жизнь чувствуется здесь гораздо сильнее и острее, чем в России [отчасти, благодаря талантливости, меткости и обилию газет — (при свободе печати), отчасти благодаря тому, что в каждом углу Европы уже человек висит над самым краем бездны („и рвет укроп — ужасное занятье!" как говорит Эдгар, водя слепого Глостера по полю) (4) и лихорадочно изо всех сил живет „в поте лица" (5)]. „Жизнь — страшное чудовище, счастлив человек, который может, наконец, спокойно протянуться в могиле", так я слышу голос Европы, и никакая работа и никакое веселье не может заглушить его. Здесь ясна вся чудовищная бессмыслица, до которой *дошла цивилизация*, ее подчеркивают напряженные лица и богатых и бедных, шныряние автомобилей, лишенное всякого внутреннего смысла, и пресса — продажная, талантливая, свободная и голосистая.

Сегодня английские стачки кончаются (повидимому), но вчера бастовало до 250.000 рабочих. Это — „всемирный рекорд", говорят парижские газеты и выражают удивление, что стачка достигла таких размеров в самой демократической стране! При этом, одна Франция теряла до миллиона франк. в день. Англия — нечего и говорить, потому что 60%% англ. промышленности сосредоточено в наиболее пострадавшем Ливерпуле. На сотнях больших пароходов сгнили фрукты, рыба и прочее. Не было хлеба, не было света. Всё это сопровождалось безконечными анекдотами, начиная с того, что лорды (у которых только что отнято их знаменитое veto) уверяли в парламенте, что всё благополучно, — и кончая

обществом эсперантистов, которые уныло сидели на чемоданах на лондонском вокзале и тщетно ждали поезда, мечтая о соединении всех народов при помощи эсперанто. Но они мечтали об этом в „самой демократической стране“, где рабочие доведены до исступления 12-ти часовым рабочим днем (в доках) и низкой платой, и где все силы идут на держание в кулаке колоний и на постройку „супер-дреднаутов“. Именно, все силы—в последние годы, когда Европе *некогда* тратить силы ни на что другое, до того заселены все углы и до того прошли времена романтизма. —

В Германии и Франции — нисколько не лучше. Вильгельм ищет войны и, повидимому, будет воевать. Он сулит нам какие то выгоды в Персии, чтобы мы не совались в марокккский вопрос. Газеты уже исчисляют флоты, военные гавани в Ламанше мобилизуются, французы поминают лихом Наполеона III и собираются „mourir pour la patrie“(6). Всё это вместе напоминает оглушительную и усталую ярмарку, на которую я сейчас смотрю. Вся Европа вертится и шумит, и втайне для этого нет никаких причин более, потому что всё прошло. Еслибы у людей не было животов, то они бы все протянулись и заснули с такой яростью, с какой теперь бастуют, представляют и воюют.

Во всем этом интересно еще то, что все в Европе — свои. Газеты интересуются не только „великими державами“, но не оставляют и Италии и Испании; у всех на языке всегда все части света. В Африке у всех колонии, в Америке — деньги. Реже упоминается Азия, к ней Европа относится как то холодно; но меньше всего по-

ложительно думают и говорят о России, лучше сказать, вообще, о славянском. Славянское никогда не входило в их цивилизацию, и, что всего важнее, пролетало каким то чуждым астральным телом, сквозь всю католическую культуру. Это мне особенно интересно. Я надеюсь наблюсти это тайное вторжение славянского пафоса (его отрасли, самой существенной для меня теперь) в одном уголке Парижа: на задворках Notre Dame, за моргом, есть островок, где жили Бодлэр и Теофиль Готье (7); теперь там в старом доме — польская библиотека и при ней — маленький музей Мицкевича (8) (который читал в Париже лекции в 40-х годах). Иначе говоря, на этом островке, мало обитаемом и тихом, хотя и в центре Парижа, как бы поставлен знак; это — один из ферментов будущего — волшебное зеркало, в котором можно видеть духов Байрона, Мицкевича, революции французкой и славянской и т. д., и т. д.

Ну, надоело писать. Господь с тобой.

Саша.

А вот карточки Кэмпера (9).

На лицев. стороне конверта: Recommandée. Russie. Via Moscou. Николаевской ж. д. Ст. Подсолнечная. С. Шахматово. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. (M-me Koublitzky.)

На обор. стороне конверта: Exp. par M-r A. Block. Francè. Finistère. Quimper. Hôtel du Parc, 3.

374.

ЕЙ ЖЕ.

Quimper le 24 août 1911.
Четверг.

Мама, мы всё еще сидим здесь и, может быть, просидим еще несколько дней из за моей жабы.

Горло болит уже мало, но всё не может зажить. Надеюсь, во всяком случае, хоть в воскресенье быть в Париже. —

Итак, мне не суждено увидать Джиоконду (1). Не знаю, описаны ли в России все подробности ее исчезновения, — здесь газеты полны этим.

22-ого утром я лежал в постели и размышлял (или мне полуснилось — не помню) о том, как американский миллиардер похищает Венеру Милосскую. Через час Люба приносит газету с известием о Джиоконде.

Она была на месте в понедельник в 7 час. утра. В этот день Лувр закрыт для публики, пускают только художников и пр. известных лиц. Народу, однако, было много. Требовалась огромная смелость и профессиональная ловкость, чтобы улучить время снять картину (самый опытный рабочий употребляет на это 2 минуты), пройти через 2 залы, спуститься по маленькой лестнице и снять раму и стекло, нисколько их не испортив (это было сделано в ватер-клозете). Потом, надо было нести картину по улице — она довольно велика и на деревянной доске. — В 10-м часу ее хватились, в 12 уже Лувр был закрыт (и до сих пор не открыт). — Вся парижская полиция на ногах, по последним сведениям предполагают, что нашли след в Бордо, откуда уже ушел пароход в южную Америку. Мона Лиза была куплена у Леонардо Франциском I ым (2) за 12 000 ливров. Если капитализировать эту сумму — то теперь (с 1510 года) это будет 45 миллиардов франков. Всеми этими выкладками и весьма остроумными догадками заняты газеты земного шара. Удиви-

тельна, всетаки, история этой картины. Джиоконда получала письма, хранители Лувра и сторожа наблюдали перед ней всевозможные нервные волнения. Теперь печатают портрет ее мужа вместе с портретами Леонардо.

Во всем этом есть не только трагическое, но что то больное и изнервляющее. Рядом с этим во всем мире происходит нечто неописуемо уродливое — приготовление этой войны, от которой несет не только кровью и дымом, но и какой то коммерческой франко-немецкой пошлостью (одни физиономии дипломатов приводят в уныние). Лига (3) под председательством Ришпена борется с преобладанием технического образования и, кажется, Франция, действительно, готова вернуться к классицизму, но — не слишком ли поздно? — Я ежедневно вижу эти скучающие, плюгавые и сытые лица автомобилистов всех стран. Каждый день где нибудь им выпускают внутренности, но число их неудержимо растет. Недавно автомобиль пропорол брюхо „молодому академику" Ростану (4), но он от этого только удвоился: остался жив сам и обнаружил своего „знаменитого" [уже] сына — плюгавый хамик 15-ти лет, стишки которого уже тоже печатают в газетах.

25 août. Горло улучшается, завтра, надеюсь, уедем в Париж.

Господь с тобой.

Саша.

На конверте: Russie. Via Moscou. Николаевской ж. д. ст. Подсолнечная. С. Шахматово. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

375.

ЕЙ ЖЕ.

27 августа (1). Paris.

Мама, сегодня утром мы приехали в Париж в rapid'e (2), прямо из Quimper'a. Горло улучшается и не пострадало от дороги. Я уже получил твои два письма, одно тетино, одно от Сережи и одно от ***. Наша улица тихая, Париж уютный, жара не смертельная. Буду писать подробнее после.

Господь с тобой.

Саша.

Наш отель в Латинском квартале.

На конверте: Russie. Via Moscou. Николаевской ж. д. Ст. Подсолнечная. С. Шахматово. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

376.

ЕЙ ЖЕ.

Paris 30 août 1911.

Мама, пока я очень устаю от Парижа. Жары прекращаются, но все деревья высохли, на всем лежит печать измученности от тропического лета. Я шатаюсь целые дни; и когда присядешь в кафэ, начинаешь почти засыпать от тысячи лиц, снующих перед носом, непрекращающегося грохота и суматохи и магазинных выставок. Париж — Сахара — желтые ящики, среди которых, как мертвые оазисы, черно-серые громады мертвых церквей и дворцов. Мертвая Notre Dame, мертвый Лувр. В Лувре — глубокое запустение: туристы, как полотеры, в заброшенном громадном доме. Потертые диваны, грязные полы и тусклые темные стены, на которых сереют — внизу — Дианы, Аполлоны, Цезари, Александры и Милос-

ская Венера с язвительным выражением лица (оттого, что у нее закопчена правая ноздря), — а наверху — Рафаэли, Мантеньи, Рембрандты — и четыре гвоздя, на которых неделю назад висела Джиоконда. Печальный, заброшенный Лувр — место для того, чтобы приходить плакать и размышлять о том, что бюджет морского и военного министерства растет каждый год, а бюджет Лувра остается прежним уже 60 лет. Первая причина (и единственная) кражи Джиоконды — дреднауты.— Впрочем, парижанам уже и это весело: на улицах кричат с утра до ночи: „A tu vu la Joconde? Elle est retrouvée! — Dix centimes!“ — Или: „La Joconde! Son sourir et son enveloppe — dix centimes ensemble!“(1)

Тюльери (2) — иссохшая пустыня, где прикармливают воробьев и фотографы снимают буржуа. Такова же — эспланада Инвалидов. Только могила Наполеона — великолепна, там синий свет и благоговейная тишина.

Еще были мы в Jardin des Plantes, где звери совсем провоняли, и в неск. церквах и в музее Carnavalet (3) и много где. Скучно на свете! Пойду обедать — вкусно и дешево. Господь с тобой.

Саша.

На конверте: Russie. Via Moscou. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. Николаевской ж. д. Ст. Подсолнечная. С. Шахматово.

377.

ЕЙ ЖЕ.

Париж, 4 сентября 1911.

Мама, жара возобновилась, так что нельзя показать носа на улицу. Кроме того, я не полюбил Парижа, а многое в нем даже возненавидел.

Я никогда не был во Франции, ничего в ней не потерял, она мне глубоко чужда — Париж не меньше, чем провинция. Бретань я полюбил легендарную, а в Париже — единственно близко мне жуткое чувство бессмыслицы от всего, что видишь и слышишь: 35° (по Цельс.), нет числа автобусам, автомобилям, трамваям и громадным телегам — всё это почти разваливается от старости, дребезжит и оглушительно звенит, сопит и свистит. Газетчики и продавцы кричат так, как могут кричать сумасшедшие. В сожженных скверах — масса детей — бледных, с английской болезнью. Все лица — или приводящие в ужас (у буржуа), или хватающие за сердце напряженностью и измученностью.— В Лувр я тщетно ходил и второй раз: в этих заплеванных королевских сараях только устаешь от громадности расстояний, и нельзя увидать ни одной картины — до того самый дух искусства истребили французы. Очень хорошо в двух местах: в подземельи Пантеона — у могил Вольтера, Руссо (1), Зола и В. Гюго. Почти полная тьма, холод, пустые серые корридоры; от времени до времени сторож впускает толпу — буржуа, англичан, солдат, женщин, детей и захлопывает за ними дверь; тогда интересно смотреть из темного корридора, как в полосе света вдали эта толпа носится за сторожем с визгом, как воронье над трупами.

Потом — вершина Монмартра: весь Париж, окутанный дымом и желто-голубым зноем: купол Пантеона, крыши Оперы и очень тонкий, стройный и красивый чертеж Эйфелевой башни. Но Париж — не то, что Москва с Воробьевых гор. Париж с Монмартра — картина тысячелетней бессмыслицы, величавая, огненная и бездушная. Здесь нет и не

могло быть своего Девичьего монастыря, который прежде всего бросается в глаза — во главе Москвы; и ни одной крупицы московского золота и московской киновари — всё черно-серое море — и его непрестанный и бессмысленный голос. Поднимаешься на Монмартр, и всё это становится понятным. Спустишься — и сейчас же начинаешь дремать среди улицы и даже бульвара. Минутами — жара и бессмыслица становятся гениальными.

Разные кабачки и café-concerts — почти сплошная плоскость. Кощунство привычное, порнография — способная произвести впечатление на гимназиста от III до V класса. Иногда — очень смешной водевиль, или вдруг — поразительная песня, всегда старая (провансальская, например), или повторенная тысячу раз (например, из песен Ivette Gilbert). Почти всё новое — бесстыдно пошло — и наивно.

Вследствие всего этого, я уезжаю сегодня, или завтра в Брюссель, а Люба через неделю уедет прямо в Петербург искать квартиру. — От Бельгии я многого не жду, однако хочу увидать 18 бегемотов в зоологическом саду в Антверпене — и Брюгге. Из Брюгге поеду на родину — в Амстердам (2) и, может быть, еще по Голландии. Оттуда, надеюсь, через Гамбург — в Копенгаген, Эльсинор, а оттуда уже — в Берлин, куда ты и напиши мне (p. r.). В Берлине я буду во всяком случае.

Господь с тобой.

Саша.

На конверте: Russie. Via Moscou. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. Николаевской ж. д. Станция Подсолнечная. С. Шахматово.

378.

ЕЙ ЖЕ.

5 сентября (1).

Мама, я сейчас приехал в Антверпен, собираюсь обедать.

Жара почти такая же. Антверпен, кажется, тоже поган. Завтра или послезавтра поеду в Брюгге. Потом буду стараться держаться ближе к морю.

Господь с тобой.

Саша.

На конверте: Russie. Via Moscou. Николаевской ж. д. Ст. Подсолнечная. С. Шахматово. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

379.

ЕЙ ЖЕ.

6 Septembre 1911.
Anvers.

Мама, вчера я жестоко наврал на Антверпен — он удивителен: огромная, как Нева, Шельда, тучи кораблей, доки, подъемные краны, лесистые дали, запах моря, масса церквей, старые дома, фонтаны, башни. Музей так хорош, что даже у Рубенса не всё противно; жарко не так, как в Париже. Вообще — уже благоухает влажная Фландрия, не все говорят по французски, город не вонючий, как Париж, слышно много немецкого говора, еще чаще — фламандский.

Завтра поеду в Брюгге, или Гент.

Господь с тобой.

Саша.

На конверте: Russie. Via Moscou. Николаевской ж. д. Ст. Подсолнечная, с. Шахматово. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

380.

ЕЙ ЖЕ.

8 сентября 1911.

Мама, Брюгге что то не очень мне нравится пока. Жара возобновилась.

Завтра я переправляюсь в Голландию через Флиссинген. Вчера в Генте нашел очень хорошие примитивы. Здесь местами целые улицы состоят из средневековых громад, но как то в это не веришь, потому что мир стоит не на средних веках и не на Меммлингах (1).

Господь с тобой.

Саша.

На конверте: Russie. Via Moscou. Николаевской жел. дороги Ст. Подсолнечная, сельцо Шахматово. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

381.

ЕЙ ЖЕ (1).

9 сентября 1911.

Сижу на голландской границе и жду поезда в Breskens. Сегодня буду в Флиссингене и Миддельбурге. Это — Зеландия.

Господь с тобой.

Саша.

На конверте: Russie. Russland. Via Moscou Николаевской ж. д. Ст. Подсолнечная. С. Шахматово. Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

382.

ЕЙ ЖЕ.

Rotterdam, 10 сентября 1911.

Мама, вчера я послал тебе карточки из L'Ecluse. Без конца ждал поездов, сидел на plag'е в Heyst'е

(около Остендэ и Бланкебергэ), переехал устье Шельды (полчаса на большом пароходе из Breskens'а в Флиссинген), но ни во Флисс., ни в Миддельбурге не остался, проехал всю Зеландию в Буммель-цуге (вроде наших пассажирских) и остался ночевать в Дордрехте. Там наконец умылся в ванне. Dordrecht — очень красивый город на разветвлении Мааса. Старый собор, а в музее — культ слащавого Ари Шеффера. Везде, как известно, каналы, большие пароходы, польдеры и мельницы. Все это, кажется, напоминает пьесу из „Вестника" — „Путешествие в Италию" (1). В Голландии не так уж весело, в конце концов, — мило, опрятно и водянисто, не оскорбительно.

Из Роттердама, куда я сейчас приехал, я поеду завтра в Гаагу, или в Утрехт, или в Лейден, или в Гарлем, или прямо в Амстердам, еще не знаю наверно, куда. — Здесь всё мосты и воды — самое устье Мааса. А вот Брюгге, из которого Роденбах (2) и туристы сделали „северную Венецию" (Venise du Nord), довольно отчаянная мурья. Лодочник полтора часа таскал меня по каналам. Действительно — каналы, лебеди, среднековое старье, какие то тысячелетние подсолнухи и бузины по берегам. Повертывая обратно: „А теперь новый вид,—n'est pas?" Но ничего особенно нового: другая бузина, другой подсолнух и другая собака облаивает лодку с берега. „А что такое Minnewater?"—„Ah, c'est anglais, n'est pas? „Water"—c'est l'eau, et „Minne" — c'est l'amour (лямюююррр) — n'est pas? (3) — Меммлинг в Брюгге, действительно, замечательный. Завидно смотреть на остендские экспрессы, с таким грохотом и свистом они пролетают мимо Брюгге (это очень

оживленная линия — соединяющая Париж и Кельн с Англией).

Вчера я попробовал читать приморскую газетку, но ничего нового не нашел: везде маневры, Конго все не решено, Джиоконду всё ищут, а в Ницце провалился театр и убил 40 рабочих. Всё это очень характерно для Европы: она иногда любит отдохнуть (par ces chaleurs (4)) и раздавить несколько десятков человек частным образом. — Господь с тобой.

Саша.

На конверте: Russie (Russland). Via Moscou (Moskau). Николаевской ж. дор. Станция Подсолнечная, с. Шахматово. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

383.

ЕЙ ЖЕ.

Amsterdam, den 12 Septembre 1911.

Мама, сегодня утром я получил твое письмо (Люба переслала его из Парижа) о том, что ты будешь жить в Петербурге и что там получена бригада. Страшно обрадовался этому и всё утро у меня было хорошее чувство — единственная отрада здесь, кроме нескольких уголков картин. Мне почти мучительно путешествовать; надоело, мускиты кусают, жара, грязь и отвратительный дух этой опоганенной Европы. В Данию я теперь не поеду, а просто остановлюсь в Берлине и постараюсь как можно скорее быть в Петербурге. Уж не знаю, куда писать тебе, пожалуй к началу сентября вы уедете? — Господь с тобой.

Саша.

На конверте: Russie. Russland. Via Moskau. Николаевской ж. д. Ст. Подсолнечная,[1] с. Шахматово. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

384.

ЕЙ ЖЕ.

13 сентября 1911.

Мама, вчера я написал тебе из Амстердама и сейчас же пошел в банк и на вокзал, взял билет и приехал в Берлин сегодня утром. Едва переехал голландскую границу, стало приятно, очень я люблю немцев. Здесь чисто, я умылся, сегодня пойду в ванну и чувствую себя хорошо, хотя весь искусан мускитами.

Думаю всё время с удовольствием о том, что вы будете жить в Петербурге, и что это так естественно и просто устраивается.

Посмотрю Берлин, если отдохну здесь, может быть, поеду и через Данию. Смотря потому, как квартира. Любу я здесь не застал, очевидно, она проехала прямо в Петербург.

Господь с тобой.

Саша.

Сейчас пойду на почту — за письмами.

На конверте: Russland. Nach Moskau. Николаевской ж. д. Ст. Подсолнечная. С. Шахматово. Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

385.

ЕЙ ЖЕ.

13 сентября (1).

Мама, я не нашел от тебя письма на почте.

А. Б.

*

Берлин.
Russland. Nach Moskau. Николаевской ж. д. станция Подсолнечная, с. Шахматово А. А. Кублицкой-Пиоттух.

386.

ЕЙ ЖЕ (1).

Берлин.
16 сент. 1911.

Мама, сейчас я наконец получил твое письмо от 30 августа. Вот тебе Kaiser и зверье из Зоологич. сада. Я в Берлине отдыхаю, хотя здесь тоже шумно и людно, и хотя я целые дни проводил в музеях. Все музеи (художеств.) я уже осмотрел. Здесь не то, что в Париже, искусство можно видеть и *понимать*. Большого так много, что сразу приходишь в отчаянье, но потом начинаешь вникать и видеть. Хождение по музеям — целая наука и особого рода подвижничество; в Германии (и, надо отдать справедливость, в Голландии и Бельгии) музеи устроены почти идеально в смысле особого уюта и обстановки.

Вчера узнал о покушении на Столыпина. Зоологический сад помог преодолеть суматоху, возникшую от этого в душе. Я здесь слушал посредственную „Прекрасную Елену“ (2) и был в посредственном цирке. Хочу завтра пойти к Рейнгардту (3) — идет Гамлет. Вчера не мог смотреть II-ую часть Фауста, потому-что не нашел нигде русского перевода.

В понед., мож. быть, поеду в Петербург. Жду известий от Любы. — Берлин довольно хмурый, прелести не имеет, но не неприятен. Господь с тобой.

Саша.

Пиши в Петербург. Гл. Почт. до востребования, пока нет квартиры.

На конверте: Russland. Nach Moskau. Николаевской жел. дороги ст. Подсолнечная, с. Шахматово. Александре Андреевне Кублицкой Пиоттух.

387.

ЕЙ ЖЕ.

18 сентября 1911.

Мама, сегодня вечером или завтра утром я поеду, наконец, в Петербург. Надоели мне серый Берлин, отели, французско-немецкий язык и вся эта жизнь. Люба телеграфировала, что нашла квартиру и дала задаток. От тебя что то нет писем — последнее (и единственное) — от 30 августа.

Вчера было очень хорошее впечатление в Гамлете. Смотреть Александра Моисси во второй раз уже значительно хуже, чем в первый (он был Эдипом (1).) Однако, он очень талантливый актер. Это — берлинский Качалов, только помоложе, и потому — менее развит. Впрочем, нужно иметь много такта, чтобы возбуждать недоумение в роли Гамлета всего два-три раза. Несколько мест у него было очень хороших, особенно одно: Гамлет спрашивает у Горацио, седая ли голова была у призрака? „Нет, отвечает Горацио, серебристо-черная, как при жизни". Тогда Моисси отворачивается и тихо плачет.

Офелия была очень милая, акварельная. Великолепный актер играл короля, такого короля в Гамлете я вижу в первый раз. Он был, как две капли воды, похож на Мартына (2), и это оказалось очень подходящим. Были хороши и Полоний, и Горацио,

и Розенкранц, и Гильденштерн, и Фортинбрас (!) и королева, и Лаэрт, при всей неловкости положения этих последних. Я сидел в первом ряду и особенно почувствовал холод со сцены, когда поднялся занавес, и Марцелл стал греться у костра в серой темноте зимней ночи на фоне темного неба. Горацио пришел и сказал, что он только „Ein Stück Horatio“ (3), а Гамлет пришел в теплой шубе — всё это очень хорошо.

Ужасно много разговаривает Гамлет, вчера это мне было не совсем приятно, хотя это естественный процесс творчества и английского и нашего Шекспира: всё благородство молчания и аристократизм его они переселяют в женщин — и Офелия и Софья молчаливы; оттого приходится болтать принцам — Гамлету и Чацкому, как страдательным лицам; но я предпочел бы, чтобы и они были несколько „воздержаннее на язык“. Оба ужасно либеральничают и этим угождают публике, которая того не стоит.

Немецкая публика, впрочем, лучше русской: слушает и кое-что понимает: известной части, конечно, кажется очень смешным Полоний; кроме того, толстая дама, сидевшая рядом со мной, сильно икала после обеда; но все это не особенно мешало мне: у немецкой буржуазии не такие заплеванные и заклейменные лица, как у русской. Были и Моиссиевские барышни с прическами модерн, и всё московско-берлинское, весьма знакомое. Рейнгардт, будучи немецким Станиславским, придумал очень хороший стрекочущий звук при появлении тени: не то петухи вдали, а впрочем — неизвестно что, как всегда бывает в этих случаях.

Буду ждать от тебя письма в Петерб.

Господь с тобой.

Саша.

Мне очень неприятно, что я не привезу никому ни одного подарка. Я тщетно торчал у всех магазинов в Париже, в Берлине и во всех больших городах, но, по моему, в Европе продают исключительно всякую безвкусную дрянь, или же полезные и солидные подштанники, клистиры и т. п., которых не принято дарить.

Гамлет подарил Офелии такую отчаянную дрянь (повидимому, альбом с видами Эльсинора), что ему пришлось притвориться, будто он ей никогда ничего не дарил.

Целую тетю и Франца и хочу их видеть (4).

На конверте: Russland. Nach Moskau. Николаевской жел. дор. станция Подсолнечная, с. Шахматово. Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

388.

ЕЙ ЖЕ.

Петербург.
7 сентября (1).

Мама, я сегодня утром приехал, наконец. Мы пошли смотреть квартиры, очень устали, вернулись завтракать, и нам понравилось очень здесь, так что мы решаем остаться; переменим расположение комнат (2). После завтра нам переклеют обои и починят двери.

Здесь солнце, Горчаковский сад очень красив, сухо, уютно и чисто. Пиши мне, значит сюда. Когда вы приезжаете? Квартиру меньше 100 р. очень трудно найти,

Господь с тобой. Я очень рад, что вернулся.

Саша.

P. S. По Германии я ехал ночью и великолепно спал один в купэ 1 класса, дав пруссаку 3 марки. В России зато весь день и часть ночи принимал участие в интересных и страшно тяжелых разговорах, каких заграницей никто не ведет. Сразу родина показала свое и свиное и божественное лицо.

389.

ЕЙ ЖЕ.

11 сентября (1).

Мама, что жь ты мне не пишешь? Когда вы приедете? У нас все вверх дном: белят потолки и переклеивают обои везде, кроме моей комнаты. Мы поместимся иначе; там, где я спал, будет столовая, а в большой комнате — Любина комната.

Меня уж вызванивали по телефону разные лица, но я мало кого хочу видеть, пока не умоюсь в ванне и не приведу всего в порядок. Дня через 3 это удастся.

Господь с тобой.

Саша.

Советую ехать скорее, квартиру найти трудно.

390.

ЕЙ ЖЕ.

13 сентября (1)
Вторник.

Мама, эту записку ты получишь, надеюсь, уже на станции.

У нас всё приходит в порядок, даже окна вставили, остался только мой балкон. Я получил твое

письмо. Квартиру очень трудно найти — 100 рублей и то трудно, их мало в этом году.

Господь с тобой.

Саша.

Завтра будут еще проводить звонки. Я все еще не вымыт, это становится вопросом — так я опаршивел. Но за лето наползло из чужих квартир много тараканов и клопов — приходится их выводить. Все залито и засыпано жидкостями и порошками — теперь их меньше.

391.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, когда вы переедете, в пнд., или во вторник? У меня бронхит, хотя и небольшой, я только немного гулял сегодня. Завтра днем у меня будет Клюев. А ты бы как нибудь пришла обед., или веч.?

На обороте: Здесь. Угол Итальянской и Садовой. Отель „Дагмар", № 26. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

392.

ЕЙ ЖЕ.

2 октября (1).

Мама, квартиры я искал тогда целый день и всё не подходит. Приходится остаться. Сплю в кабинете — там кровать с ширмой — так больше воздуху.—Получил длинное письмо от Бори. В Москве устраивается наш маленький журнал („Труды и дни Мусагета"). Буду там писать.

Солнце, иду гулять.
Господь с тобой.

Саша.

Зимнее пальто великолепно починили даром.

393.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, подарки очень хорошие, целую тебя, придем обедать.

Саша.

394.

ЕЙ ЖЕ (1).

Лекция В. Гиппиуса превосходна. (2)

395.

ЕЙ ЖЕ.

29 XI (1).

Мама, вчера я был зол оттого, что мне было очень тяжело еще. Сегодня сгладились все воспоминания об ужасах Мариинского театра (2) и осталась одна Хованщина.

Хованщина для меня, оказывается, сыграла очень большую роль. Сегодня я совсем другой, чем вчера. Надеюсь, что начну опять оправляться от того удара, который был кем то нанесéн мне внутренно на той неделе. Источника я еще не знаю, но начинаю подозревать.

Хованщина еще не гениальна (т. е., не дыхание св. духа), как не гениальна еще вся Россия, в которой только готовится будущее. Но она стоит

в самом центре, именно на той узкой полосе, где проносится дыхание духа. То, что она идет в придворном театре — правильно, она откровение только для нас, которым следует постоянно напоминать, у которых память еще детская, короткая. Мы еще этого не затвердили. Для раскольников — эта азбука, уже лишняя, может быть, даже докучная, как для народа — наши „народнические“ волнения и мероприятия.

Господь с тобой.

Саша.

396.

ЕЙ ЖЕ (1).

На панихиду сегодня придем.

Господь с тобой.

Саша.

397.

ЕЙ ЖЕ.

5 XII (1).

Мама, я все забываю тебе сказать, что почти все твои книги ушли в библиотеку в Новгород, за ними приходил ко мне очень милый новгородский интеллигент.

Твои соображения о баррикаде (2) меня до сих пор поддерживают в хорошем настроении относительно поэмы. Кажется, план готов, и вот-вот начну писать; но нервы отчаянно расстроены. Кажется, было бы недурно уехать на несколько дней, но не знаю куда, да и не решаюсь; везде — свое волнение: в Москве — „покоя нет“ (3). В Новгороде — заставят читать стихи или лекцию. Финляндии боюсь.

В субботу я должен был председательствовать на докладе Вяч. Ив. до 3-х часов ночи, и совсем измучился.

Очень хорошее письмо от тети Сони (еще одно), а сегодня — замечательное — от Клюева (с его книгой). Им, главн. образом, и держусь. Нужно тебе его прочесть. Сегодня день провел у букинистов и нашел там много хорошего.

Господь с тобой.

Саша.

И еще я хотел бы показать тебе несколько книжек молодых поэтов, где есть много хорошего.

398.

ЕЙ ЖЕ.

9 XII (1).

Мама, я здоров. Вчера вечером были Женя, Ге и Пяст, и я, от сильного напряжения, скверно чувствовал себя ночью. Может быть, оттого ты видела сон.

Господь с тобой.

Саша.

Посылаю письмо 10-ого утром.

399.

ЕЙ ЖЕ.

19 декабря (1).

Мама, мы будем обедать у вас в первый день. Сегодня была Аля Мазурова, я устал от нее и пошел гулять, но рано вернулся.

Господь с тобой.

Саша.

400.

ЕЙ ЖЕ.

23 декабря (1).

Мама, я иду сейчас к Зинаиде Никол., от которой вчера получил письмо. <Мережковские> уезжают 28-ого в Париж.

Вчера был Пяст.

Господь с тобой.

Саша.

Придем 25-ого (2).

401.

ЕЙ ЖЕ.

Мама, мы собираемся встречать Новый Год у вас. Господь с тобой.

Саша.

Вчера был Женя, а третьего дня меня замучили разговорами разные милые русские люди, так что я чуть не стал „западником“.

28 декабря (1).

402.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, я пишу (2) и всё ничего, только нет прислуги и нечего есть. Завтракаем дома кое-как, а обедаем не дома. Может быть, приду завтра обедать, а мож. быть даже сегодня, ты не приготовляй ничего особенного, я не могу определенно сказать.

Целую.

Саша.

1912 г.

403.

МАТЕРИ.

Мама, получила ли ты ответ от Жени и М. П. и как ты себя чувствуешь? Я написал заключит. стих. к собранию стихотв. (1)

Господь с тобой.

Саша.

15 янв. (2).

На обороте: Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. Офицерская 40, кв. 7.

404.

ЕЙ ЖЕ.

20 I (1).

Мама, сейчас передали по тел., что ты не приедешь, я тебя и не ждал вечером; днем лучше и для тебя и для меня; беспокойно, когда ты по вечерам уходишь. Мне лучше, но я продолжаю избегать выходить на улицу. Настрочил предисловие к дневнику (2), получил разные интер. письма. Господь с тобой. Вот бы ты пришла к.-ниб. днем, или даже утр. — к завтраку, напр. — завтра.

Саша.

На обороте: Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. Городское. Офицерская 40, кв. 7.

405.

ЕЙ ЖЕ.

24 февраля (1).

Мама, сегодня мы целый день провели с Борей. Завтра я лучше не приду, потому что думаю, что

Андрей Белый

вы без меня можете больше сказать друг другу (2). Завтра я иду к доктору. Мне определенно лучше (3). Сейчас — только что вернулся домой — девятый час вечера, буду обедать и жду Пяста. Господь с тобой.

Саша.

Боря собирается к тебе около 2-х.

Наобороте: Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. Городское. Офицерская 40, кв. 7.

406.

ЕЙ ЖЕ.

25 февр. (1).

Мама,

Боря говорил, между прочим, что он в религ. филос. собр. сам хотел к тебе подойти, но не знал, как ты отнесешься, и был очень рад, когда ты пришла к нему на лекции.

В лице Бори есть что-то напоминающее о жизни совершенно другой, поэтому я сегодня особенно зол и преследуем какими то рожами в трамваях. Так как господин, который должен был придти к тебе, относится к той же породе (преследователей и истребителей), то я не мог совершенно перенести его. Вообще, вообще — необходимо еще выдержаться совершенно вне т. н. „людей“, каковы бы они ни были, за несколькими исключениями.

Сегодня я получил от Бори еще письмо. Мы говорили вчера 6 часов. Господь с тобой.

Саша.

Кроме того — сегодня 25-е число (2).

407.

ЕЙ ЖЕ.

21 марта (1).

Мама, мне просто не захотелось идти сегодня на похороны А. П. Ф. (2), и я проспал.

В первый день (3) мы, оказывается, давно решили придти обедать. Пишу на случай, что не приду до воскресенья.

Завтра вечером, вероятно, будем у Ремизовых.

Саша.

Относит. Л. дебюта (4) еще неизвестно.

Наобороте: Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. Городское. Офицерская 40, кв. 7.

408.

ЕЙ ЖЕ.

Мама, не приходи обедать, а приходи вечером (пораньше): Таня заболела, Люба ждет Пашу, но она придет завтра не наверно, поэтому — насчет обеда ничего неизвестно. Пишу это и Жене (и прошу его придти вечером).

Саша.

29 марта (1).

Наобороте: Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. Городское. Офицерская 40, кв. 7.

409.

ЕЙ ЖЕ.

9 апр. ночью (1).

Мама, сегодня я получил книги, делал надписи принесу тебе несколько штук, чтобы некоторые

лица, известные тебе, получили через тебя. Обедал Философов, мы с ним хорошо поговорили. Завтра жду Терещенку (2), а в среду, вероятно, буду у Глазунова. Чувствую себя недурно. Вчера опять был в цирке на борьбе.

Саша.

На обороте: Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. Офицерская 40, кв. 7.

410.

ЕЙ ЖЕ.

11 апреля (1).

Мама, я опять не знаю, когда приду. Вчера утром была Веригина, днем катались с Терещ. и Ремиз., потом обедали у нас, потом я был до 3-его часу ночи у Пяста. Завтра вечером пойду к Глазунову, сегодня всё были разговоры по телефону. После завтра опять будем кататься на автомобиле. Кроме того, на-днях придет обедать Сапунов, мы с ним встретились, он хочет меня рисовать (2). Я мож. быть на днях, всетаки, приду днем. Напиши мне, не можешь ли ты не только раздать несколько книг, но еще и послать с Пием близко живущим от тебя (напр., Городецкому, Мейерх.?).

Тогда я к тебе привезу неск. экземпл.

Саша.

На обороте: Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. Городское. Офицерская 40, кв. 7.

411.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, простуда все еще сильная. Сегодня буду сидеть дома. Вчера вечером у меня был Княжнин (2).

Сейчас принесли цветы и письмо от какой то девушки, которая была на вечере в субботу.

Поздравляю тебя с окончанием именин.

Почитай пропущенные места из Х.-М. (3), которого мне нужно вернуть Кузьмину-Караваеву в воскресенье, так что ты принеси его мне, если завтра или после-завтра придешь.

У Гумилева (4) мне многое нравится.

В Трудах и Днях просмотри хоть самую „понятную" статью — Пяста и Метнера (5).

Вчера я писал тете, узнал ей польский адрес (6).

А вот корректура моей статьи (7).

Приходи, мама.

Саша.

Я забыл вчера палку у вас. Возьму сам.

412.

ЕЙ ЖЕ.

27 апреля (1).

Мама, я подумаю обо всем этом, трудно говорить заранее. Квартиру мы, вероятно, переменим. Сейчас была тетя, мы обедали с ней вдвоем, Люба — в Териоках. Балет меня заботит, хорошо бы поскорей хоть с Глазуновым поговорить, чтобы что нибудь выяснить.

Саша.

413.

ЕЙ ЖЕ.

1 мая (1) утром.

Мама, Глазунов будет свободен в четверг, и мы с ним встретимся у Терещенки в 4 часа. Поэтому я могу немного опоздать к обеду. Может быть, и нет, но на всякий случай — пишу.

Пяст рассказал вчера много интересных вещей. А у тебя осталось тяжелое впечатление?

Саша.

414.

ЕЙ ЖЕ.

6 мая (1).

Мама, сегодня приходил Женя, мы с ним много говорили, и я вдруг совершенно ясно не только понял, но и принял его состояние. Он вступил на путь теософии, попросту говоря, и, раз поняв это, уже нет причин спрашивать, почему и зачем. Теософия в наше время, повидимому, есть один из реальных путей познания мира; недаром ей предаются самые разнообразные и очень замечательные люди во всей Европе.

На днях Боря прислал огромное письмо, которое отчасти помогло мне понять Женины цели. Письмо о Штейнере (2), с которым Боря связал свою судьбу.

Вячеслав прислал мне Cor Ardens с ответом в стихах — очень трогательным.

Вот пока всё.

Саша.

415.

ЕЙ ЖЕ.

10 мая (1) веч.

Мама, квартира найдена, завтра решим окончательно. Угол Кронверкского и Церковной — 2 шага от Биржевого моста. 5-ый этаж (без лифта, но не трудная лестница), угол на юг и восток, виден весь Петербург — крепость, парк, Нева, дворцы. Комнат 6, стоит 80 р. без дров, повидимому, теплая. Дом старый, каменный. Кажется, надо решить. Вчера я смотрел всё вокруг вас, нет ничего.

Устал отчаянно, пол дня бродил. И Люба смотрела, еще сомневается. — Пий принес книги без меня. Люба сейчас на репетиции.

Саша.

На обороте: Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. Офицерская 40, кв. 7.

416.

ЕЙ ЖЕ.

14 мая (1).

Мама, мы так и не сговорились относительно Таты. Я пишу ей, что удобнее всего обедать вместе и притом — у тебя (у нас жарко). Напиши ей (Саперный 10, кв. 63) и назначь день (чтобы она не обманула) на этой неделе, тогда и мы придем. Например, в субботу? Или пятницу? Как хочешь.

Завтра нас позвали обедать к Аничковым (с Ремизовыми). Я понемногу пишу (2).

Саша.

На обороте: Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. Городское. Офицерская 40, кв. 7.

417.

ЕЙ ЖЕ.

2 VI 1912.

Мама, твое письмо со станции я получил.

В Петергофе мы очень хорошо провели вечер — с Пястом и Женей. Вчера у меня был Руманов (1). Пишу подолгу, но не особенно помногу. Составляю детские книжки для Сытина. Жары особенной нет, сегодня целый день ливни. Ем недурно. Лень писать сейчас. Вот, вместо этого, лучше — стихотворение (2) (впрочем, оно написано еще в мае).

Пиши. **Саша.**

Спектакли в Тер. открываются завтра, Люба в хлопотах. Поеду ли, не знаю.

418.

ЕЙ ЖЕ.

5 июня (1).

Мама, за эти дни у меня было много интересного. 2-ого, написав тебе письмо, я пошел к Ремизову и просидел у него весь вечер. Ждем Терещенку. На след. день поехал на открытие спект. в Териоки, и еще в Петербурге (2), что это никого нет (условились ехать компанией). Приезжаю, оказывается, открытие отложено до субботы 9-ого. Впрочем, я не раскаивался. Сидели у них в даче (3), она большая и пахнет, как старый помещичий дом, странно — столько разных людей живет вместе; все вместе ели, пили чай, ходили по их огромному парку. Так как ко мне все относятся хорошо и почтительно, мне было легко. Позже приехал Пяст, мы присутствовали на ре-

петиции, я видел, как Люба танцует испанку — танцует свободно и легко, хотя и по ученически. Трудно судить без декораций и костюмов. Хотя у них еще ничего не налажено и довольно богемно, но духа пустоты нет, они все очень подолгу заняты, действительно. Все веселые и серьезные, по крайней мере, были тогда; впрочем, уже кое-кто ссорится и определяются партии. У Мейерхольда прекрасные дети и такс. За сосновым парком — море, очень торжественное, был шторм, кабинки все разбиты, на горизонте маяк. Ночью мы возвратились в Пб. с Любой (она уже уехала вчера опять) и Пястом. В субботу многие едут их смотреть (и я).

Почти каждый день я работаю помногу. Жить мне очень спокойно одному, и приятная печаль. Очень важно жить одному.

Сегодня заходил Городецкий, который завтра уедет с женой в Италию.

Сегодня пришло твое письмо с хорошими известиями. Шоссе меня очень радует (4). Господь с тобой. Поздравляю тетю с „Topiel“'ю (5).

Саша.

Жары давно не было — прохладно.

419.

ЕЙ ЖЕ.

8 июня (1) вечером.

Мама, писать пока нечего, завтра поеду в Териоки на открытие театра, вероятно, много поедет народу.

Дописал вчерне первый акт. Были у меня еще Пяст, Княжнин и Руманов. И няня Соня. Господь с тобой.

Саша.

420.

ЕЙ ЖЕ.

10 июня 1912.

Мама, вчера я получил письма твое и тетино и поехал в Териоки.

Ехали вместе с Пястом, Сапуновым, Садовским и еще одним, которого ты не знаешь, знакомый Ремизова. Самого Ремизова, к несчастью, не было — Серафима Павловна опять больна. Там нашли еще знакомых. Театр, хотя и небольшой, был почти полный и хлопали много.

Мне ничего не понравилось. О Любе судить мне невозможно, особенно, по вчерашнему спектаклю, где, в сущности, никому и ни в чем нельзя было проявиться. Правда, прекрасную и пеструю шутку Сервантеса (1) разъиграли бойко, — и Люба играла, держалась на сцене свободно, у нее был красивый костюм и грим, но она иногда переигрывала, должно быть, от волнения. Кроме того, были две пантомимы, из которых она участвовала в одной — танцовала; пантомима, по моему, очень бессмысленная и необыкновенно банально придуманная и поставленная Мейерхольдом.

Спектаклю предшествовали две речи Кульбина (2) и Мейерхольда, очень запутанные и дилетантские (к счастью — короткие), содержания (насколько я съумел уловить) очень мне враждебного (о людях, как о куклах, об искусстве, как о „счастьи“). Впечатление у меня было неприятное и не хотелось идти на дачу пить чай, так что мы только немного прошли с Любой вдоль очень красивого и туманного моря, над которым висел кусок красной луны, — и потом я уехал на стан-

цию, где встретил рецензентов (Венгерову и Василевского) (3), одобряющих спектакль.

Люба серьезная, занята всё время, сегодня будет играть „Трактирщицу“ (я не еду), а через неделю—„Мнимого больного“ и пьесу Стриндберга—в обеих большие роли (4). Товарищи ее хвалят.

Назад ехали поздно ночью опять с Пястом и другими. Буду еще смотреть, может быть, Люба и актриса.

Хорошо, что вы продали лес. — Я вспомнил, что на чердаке дома лежат оставшиеся изразцы, которые могут пригодиться, может быть, для новой плиты.

Скажи тетиньке следующее: лист, обыкновенно считается maximum 40.000 букв (а не 640000, как она написала); — австрийская крона (пол гульдена) стоит около 35—40 копеек (в зависимости от сильно-колеблющегося курса. — Буквы в собственной рукописи (и везде вообще) следует считать так: сумму среднюю (букв в строке помножить на число (среднее) строк в странице (когда это сделаешь несколько раз, то уж всегда знаешь приблизительно, сколько букв на странице привыкла оставлять рука). — И наконец: выражение „ad aeternum rei memoriam“ значит буквально—„на вечную память о вещи“ (т. е., что ли, „об одном деле“, „о моем деле“, или просто „о деле“) — в том смысле, чтобы читатель навсегда зарубил на носу.

А нельзя ли поставить эту „Iopiel“ в Териоках?

Сегодня душновато, а до сих пор было прохладно и дожди. Господь с тобой, тетиньку целую.

Саша.

421.

ЕЙ ЖЕ.

14 июня (1).

Мама, в понедельник приезжали ко мне гости — Люба и Франц. Выяснилось, что в пантомиме я принял за Любу Чекан (сидел далеко, а на репетиции эта роль была Любина) и долго бранил Любу за исполнение. Это меня очень радует, потому что очень некрасива была Чекан.

Вчера видел я Пяста, а сегодня придет ко мне обедать Женя, о котором я соскучился. Придет также Алекс. Павлович. Здесь уже третий день — жарко и душно, город за Невой провонял совершенно. Работа моя идет не важно. Сейчас получил от Ремизова, который сегодня уезжает в Черниговскую губ., известие, что Терещенко приезжает I июля.

От Бори — спокойное письмо из Франции.

Люба будет играть большие роли в пьесах Уайльда (2) и Стриндберга — последнее я уж наверно буду смотреть. Вероятно, ей достанется (по кр. м. она очень хочет) у Стриндберга та роль, которая заключает всю пьесу теми самыми словами, которыми кончается Inferno: — „Ave, crux, spes unica!“ (3)

Пока нечего больше писать, господь с тобой.

Саша.

422.

ЕЙ ЖЕ.

15 VI вечер. (1).

Мама, не беспокойся обо мне, когда прочтешь в газетах известие, что Сапунов утонул в море

около Териок. Меня там не было, я не поехал, хотя за 6 часов до этого он меня звал туда по телефону устраивать карнавал.

Мы с ним часто виделись последние дни, он был очень чистый и простой. На днях должен был писать мой портрет.

Сейчас приходил Кожебаткин (2) рассказать об этом.

Вчера мы сидели весь вечер у меня на балконе с Женей и Ал. Павл.

Господь с тобой. Саша.

423.

ЕЙ ЖЕ.

17 июня (1) вечером.

Сейчас, мама, я получил твое письмо. В ночь на 15 июня утонул Сапунов, я писал тебе об этом. Мне было просто очень грустно, я сидел с Женей и Ал. Павл.

Вчера я был в Териоках. Тела так и не нашли.

Был спектакль с участием Любы — играла она светскую старуху в очень пошлой комедии Уайльда. Кое-что сделала всетаки, несмотря на малое число репетиций. Подражала немного Лилиной в Живом Трупе. (2) Я очень измучился от длинных антрактов и разговоров с бесчисленными знакомыми, так что сегодня не мог работать, рано лягу спать.

Люба мож. быть приедет ко мне после завтра и мы начнем ремонт квартиры.

О вещах спрошу Любу. — Опять устал от людей, но они лезут; постараюсь сократить их опять...

Сказано — сделано. Сейчас буду писать письма и отказывать по телефону. Господь с тобой, пока нечего больше писать.

424.

ЕЙ ЖЕ.

21 июня (1).

Мама, работа моя всетаки подвигается, хотя и медленно. Три действия вчерне записаны, остается четвертое действие, отделка, несколько мелочей и несколько вставных песен.

Мне вообще довольно грустно. Вчера пришло твое письмо, в котором ты пишешь, что меня поддерживает бескорыстный любовный воздух—мож. быть, я часто этого не чувствую. Впрочем, я устал вообще, надо будет отдохнуть после окончания пьесы.

Третьего дня ночью приехала Люба, а вчера уже опять уехала. В субботу она играет большую роль (в пьесе Б. Шоу „Доходы мистрисс Уаррэн“ — самое мистр. Уаррэн) и просит не смотреть. В воскрес. будут повторять Трактирщицу, м. б. я поеду — я не видал. Недавно опять похвалили Любу в газетах (2). После Шоу ей предстоит еще большая роль у Стриндберга.

Вчера вечером встретил Алекс. Павловича и затащил его пить чай, он помог скоротать вечер.

Кухарка моя, хотя и неровная, иногда готовит хорошо, а вообще — вполне удовлетворительно.

Вещей Любе пока не нужно. Очевидно, не понадобится и Пшибышевский.

Мне бы хотелось к приезду Терещенки окончить всё вчерне. Не знаю, удастся ли. — Сытинские книжки, если даже их возьмут, будут для детей, стихи всё больше из Неч. Радости. На днях увижу Руманова, а также Верховского, кт. приехал сюда и уже был у меня (не застал).

Последние дни здесь прямо холодно, это лучше жары.

Писал ли я тебе, что осенью в „Альционе" выйдет мой „Театр" (2-е изд. с Песней Судьбы)?

Господь с тобой, целую тетю.

Саша.

425.

ЕЙ ЖЕ.

24 июня (1).

Мама, в нашей квартире (2) уже работают, недели через три можно будет переехать. Вчера я был там долго, сама она мне уже не показалась такой грандиозной, зато вид из окон меня поразил. Хотя фабрики дымят, но довольно далеко, так что не коптят окон. За эллингами балтийского завода, которые расширяют теперь для постройки новых дредноутов, виднеются леса около Сергиевского монастыря (по балтийской дороге). Видно несколько церквей (большая на Гутуевском острове) и мачты, хотя море закрыто домами. Воздух хороший.

Вчера в Исаакиевском соборе служили панихиду по Сапунове, народу было немного и было очень трогательно, Кузмин очень хорошо молился и крестился. После этого мы с Румановым завтракали на крыше Европейской гостинницы, он меня угощал; там занятно: дорожка, цветники и вид на весь Петербург, который прикидывается оттуда Парижем, так что одну минуту я ясно представил себе Gare du Nord (3), как он виден с Монмартра влево. — Сытин уже печатает мои книжки (4), вероятно, с картинками.

Люба вчера не играла, а сегодня будет играть в пьесе Шоу главную роль (которую играла Савина). Я не поеду смотреть, она отсоветовала, а во вторник мы будем, вероятно, выбирать обои.

Господь с тобой. Саша.

Териокская труппа будет еще играть в Оллиле (рядом) в народном театре, принадлежащем г-ну Репину и супруге его, которая жрет сено (5).

426.

ЕЙ ЖЕ.

27 июня (1).

Мама, вчера приехала Люба, мы были на квартире, а потом выбирали обои. Вечером я читал ей оперу, что готово, и ей понравилось. Сегодня к вечеру она уедет опять. В пьесе Шоу осталась собой довольна, чувствовала себя свободно и была красиво загримирована. Я не видал. Вырезки не догадываюсь присылать, их и немного, а в некоторых газетах, которых я не вижу, ругаются (2).

Кое что из того, что ты пишешь, со слов тети, о композиторах, я знаю. Судить, однако, не могу совсем и полагаюсь на судьбу; мало думаю о том, кто будет писать музыку, и будет ли кто; сам для себя некоторые партии распеваю; одно время мне показалось, что выходит не опера, а драма, но выходит всетаки опера: меня ввело в заблуждение одно из действующих лиц, которое, по характеру, скорее драматично, чем музыкально; это — неудачник Бертран.

Сегодня пишу Терещенке.

А что по твоему нужно исправлять в „Незнакомке"? — В Териоках предполагается вечер памяти Сапунова, для чего вытащат, может быть, его декорации к „Балаганчику". Люба будет играть или „Смерть" (как ее привыкли называть актеры), или даму, которая разговаривает с ры-

царем (третья пара); но это будет уже после Стриндберговского вечера. Там Пяст будет говорить вступительное слово и обтесывать актеров, из кот. многие плохо понимают Стриндберга. — На Сапун. вечере Люба будет еще читать — „Мужайтесь, о други“ (3) и что ниб. Лермонтовское. Сапунов очень любил стихи, особенно Лерм. и Тютчева, и в нем самом было роковое и романтическое.

Мейерхольд своим талантом покорил себе всю труппу, и Любу в том числе. Я плохо знаю его идеи, Л. говорит, что он очень развился и окреп в последние годы, когда мы с ним почти не виделись.

В труппе, конечно, раздоры, но надежды не теряются. Публики мало, но и это не смущает —

Бедна моя дорога, —
Но это не страшит,

как говорил где-то Сологуб. —

Мож. быть, устроив квартиру, я и поеду куда нибудь отдохнуть. За границу — не хочу.

В Петров День еду смотреть Кальдерона, где Люба не участвует („Поклонение Кресту“). Вероятно, с Верховским, к которому сегодня, или завтра пойду (и с Пястом). Я совсем не знаю Кальдерона, но думаю, что встречусь с ним скоро и притом — близко.

Жары опять давно нет.

Господь с тобой.

Саша.

Люба сейчас ходит по делам.

427.

ЕЙ ЖЕ.

30 июня (1).

Мама, работа моя подвигается вяло, я чувствую сильную усталость. Третьего дня неожиданно возвратились Ремизовы; вечером я пошел к Верховскому, который живет у Каратыгина, туда же пришли Ремизов, а потом — Гершензон (2). Сидели долго, все более или менее больные, или усталые.

Вчера мы с Верховским ездили в Териоки и смотрели вместе с Любой и Веригиной „Поклонение Кресту“. Были удачные моменты. После этого я без конца и до полного изнеможения спорил с Кульбиным. Возвращались в Петербург с Верховским и Пястом. Стриндберг опять отложен—на 14 июля. Люба на этой неделе, мож. быть, опять приедет. Хотят, кроме Балаганчика, ставить Песню Судьбы, я к этому равнодушен.

Господь с тобой.

От тебя что-то нет письма.

Саша.

428.

ЕЙ ЖЕ.

3 июля (1).

Я думаю, мама, что тетя Соня спутала имя: сестру Аси (2) зовут Наташей, а не Таней. Что это именно она, я почти не сомневаюсь. Она мне тогда очень понравилась — она тихая и русская, в ней есть старинное. Сережиной жизни я окончательно не понимаю — до такой степени, что даже не удивляюсь ничему; я думаю, что он все еще не определился, и судьбы, им играю-

щие, — мальчишеские судьбы, так что события его жизни, хотя и очень разнообразные, можно смешать и поставить в другом порядке, и от этого ничего бы не переменилось. С ним не случилось еще чего то основного и бесповоротного. Может быть, женитьба поможет ему не засиживаться в мальчишках. Впрочем, ему еще мало ведь лет.

У меня нет пока никаких событий с последнего письма. Стало опять очень жарко. На улицах опять фонари, прошли белые ночи. Я хожу иногда в Ботанический сад, там есть скверная простокваша и цветники, из которых многие огорожены заборами, чтобы нельзя было приблизиться. Паровые конки и локомотивы стали топить каким то особенно вонючим углем, вероятно, потому, что „чистой" публики в Петербурге не осталось. Большая часть мостовых разломана. Однако, я хочу постараться дописать оперу здесь.

Это хорошо, что полы красить недорого (3).

Господь с тобой.

Саша.

Как только я написал, что нет событий, так они, конечно, явились. Сейчас прочел о Руманове в „Речи", он уже в тюрьме (4). На днях только он разошелся с женой, переехал, сделал то, что полтора года собирался сделать и что его мучило. Никаких подробностей еще не знаю.

Сейчас пришло твое второе письмо — с Сережиным. Значит, это третья сестра, которой я не знал. То, что пишет Сережа, мне необыкновенно близко именно сейчас. Когда все вокруг или убого, или ужасно, — остается жить только „последним". В последнем мы с Сережей всегда близки, на-

С. М. Соловьев

столько же, насколько далеки во внешнем. Напишу ему.

До сих пор я не был в Царском. Я соскучился о Жене, давно не видел его. Меня удерживает только боязнь „вавилонских систем“ (5) и лень, а впрочем я думаю, что перейду—и через это; мне не хватает его чистоты и благородства среди этого мрака — петерб. зноя, гибели Сапунова, ареста Руманова . . . . , припадков Верховского, нищеты Ремизова, беспокойства за Борю и за Пяста... и т. д., — всего не перечислить.

Вот стихотворение Тютчева.

Господь с тобой.

ДВА ГОЛОСА

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!
Над вами светила молчат в вышине,
Под вами могилы, молчат и оне.

Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги!
Бессмертье их чуждо труда и тревоги;
Тревоги и труд лишь для смертных сердец...
Для них нет победы, для них есть конец.

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
Над вами безмолвные звездные круги,
Под вами немые, глухие гроба...

Пускай Олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец:
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

Перед последней строчкой неожиданно приехала Люба! Скоро она будет играть мужскую роль (Лисардо) в „Поклонении Кресту“. Сейчас едем на квартиру. Вечером она опять уедет.

429.

ЕЙ ЖЕ.

Мама, доехал благополучно, сейчас буду пить кофей на вокзале (1). В вагоне грязь и сосед меня узнал, хотя и недурной молодой человек, но лучше бы не узнавал. Погода ясная. Господь с тобой.

Саша.

13 июля (2), 7 ч. 20 м. утра.

На обороте: Николаевской ж. д. Ст. Подсолнечная. Сельцо Шахматово. Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

430.

ЕЙ ЖЕ.

15 июля,(1) утром.

Мама, я приехал кстати: в пятницу уже звонил ко мне Терещенко, приехавший на два дня; вчера днем он приехал ко мне, мы долго сидели, я читал ему оперу, которая ему понравилась, он сделал несколько замечаний, которые я приму к сведению. Надеется все еще на Глазунова. Терещенко какой то расстроенный и грустный, у него все больны и какие то еще неприятности; это украшает его, согласно обычаям христианского мира, в котором вот уже 1912 лет людей украшают, главным образом, „неприятности".

Пока мы говорили с Терещенкой, пришел Женя, сидел в столовой и пил чай. Потом Терещенко отвез нас обоих на Финляндский вокзал, и мы поспели к самому Стриндберговскому спектаклю. Спектакль был весь праздничный и, несмотря на некоторые частные неудачи, был настоящий.

В. Л. Пяст

Прежде всего Пяст прочел большую речь за черным столом перед рампой, густо заложенной папоротником. Всё первое действие Люба не сходила со сцены и, наконец, по настоящему понравилась мне, как актриса: очень сильно играла. Действие происходит в церкви, Жанна (которую она играла) стоит среди церкви с ребенком на руках и произносит слова, полные страшных предчувствий (пьеса написана тогда же, когда Inferno); Люба говорила, наконец, своим, очень сильным и по звуку и по выражению голосом, который очень шел к языку Стриндберга. Впервые услышав этот язык со сцены, я поразился: простота доведена до размеров пугающих: жизнь души переведена на язык математических формул, а эти формулы в свою очередь написаны условными знаками, напоминающими зигзаги молний на очень черной туче; в те годы Стриндберг говорил исключительно языком молний; мир, окружавший его тогда, был, как грозовая июльская туча, — tabula rasa (2), на которой молния его воли вычерчивала какие угодно зигзаги.

Режиссер (Мейерхольд) и декораторы (с помощью режиссера), повидимому это, если не поняли, то почувствовали, и потому — все 8 картин на сцене не ярко освещенной — задний фон — сине-черный занавес, сквозь который просвечивают беспорядочные огни. Иногда появится на нем красное пятно; все время мелькают на нем, то бутылки с вином (парижское кафэ), то лоснящийся цилиндр и узкий сюртук героя, которого математика Рока загоняет в ужасное; то битая морда сыщика или комиссара; то красное манто кокотки и отсвечивающий рубином крест у нее

на груди; вдруг среди кафэ, в сценическом положении, почти нелепом, проскальзывают черты софокловой трагедии; полицейский комиссар вдруг неожиданно и нелепо начинает напоминать вестника древней трагедии

Ничего, кроме сине-черного и красного. Таковы Софокл и Стриндберг.

Среди публики, очень внимательной довольно многочисленной и непохожей на русскую дачную шваль (много шведов и финнов), была дочь Стриндберга; Пяст представил меня ей, но я, к сожалению, не мог сказать ничего ни по шведски ни по немецки; она — очень высокая худая пожилая женщина в треуголке с белым пером, одета просто; некрасивостью и измученностью очень напоминает отца — напоминает самым лучшим образом; она говорила, между прочим, что Люба играет Жанну лучше, чем гельсингфорская актриса.

Люба приедет на этой неделе и мы переедем на квартиру, которая готова (я был там в пятницу). Жара в Петербурге, и все время, оказывается, была жара. — Из Териок мы ехали с Женей вдвоем (ему тоже понравилось все, и Люба), в вагоне клевали носом от усталости. Он переночевал у меня, а сегодня рано утром ушел, пока я спал.

Разбираю старые бумаги.

Господь с тобой.

Саша.

Сегодня прочел в „Речи“, что Руманова освободили (3).

Опускаю только вечером: такая жара, что нельзя выйти.

431.

ЕЙ ЖЕ.

17 июля (1).

Мама, оба эти дня я роюсь в рукописях, письмах и прочем. Здесь это совсем иначе, чем в Шахматове, кажется целесообразным.

Вчера была смертельная жара. Мы с Пястом отправились с 5-ти часов в Шуваловский парк, выкупались в купальне на озере и до поздней ночи бродили в парке и говорили; осматривали завод торфяных брикетов (Стриндберговское занятие (2). Вода в озере мягкая и теплая, удивительно ободряет. Шуваловский парк, оказывается, нравится мне потому, что похож на Шахматово; не только формы и возраст деревьев, но и эпоха и флора не отличаются почти ничем. И воздух похож. Над озером собирались грозовые тучи, сегодня еще душно, но уже накрапывает дождь. Сейчас я пойду в город, заниматься разными квартирными мелочами.

Твое письмо я получил, как только отправил письмо тебе.

Господь с тобой.

Саша.

432.

ЕЙ ЖЕ.

19 июля (1).

Мама, вчера мы с Любой говорили по телефону и решили переезжать во вторник 24-ого. Я уже написал укладчику и столяру. Письма и журналы уже переведены, ты пиши адрес — Офицерская 57, кв. 21.

Вчера днем перед грозой я опять отправился в Шуваловскую купальню и выкупался — уже один. Сегодня, мож. быть, вечером поеду в Озерки слушать Раисову (2); хотя она и старая и, по моему, жидовка, но всетаки будет петь цыганские песни.

По выражению Философова, переданному Женей, жизнь Мережковских — сплошной пикник. Их снимали для кинематографа: по лестнице спускаются сначала Мережковский, потом Гиппиус, потом Сологуб.

Женя провел очень хорошо несколько дней в Усси-Кирке — „без родителей".

Люба играет все эти дни (кроме пятницы), а в понедельник, вероятно, приедет; тогда же придут укладчики.

Господь с тобой.

Саша.

433.

ЕЙ ЖЕ.

21 июля 1912.

Мама, жара неслыханная, вчера я купался уже два раза, больше ничего нельзя делать. Сегодня поеду в Царское вечером, вчера сговорился с Женей по телефону.

Раисова пела всетаки очень хорошо, к тому же несколько старинных цыганских песен, которые попадаются в „Цыганских песнях в лицах" (1). Она совсем старая и толстая, голос у нее надтреснутый, но большое искусство.

У цыган, как у новых поэтов, все „странно": год назад Аксюша Прохорова пела: „но быть с тобой сладко и странно", а теперь Раисова пела:

„и странно и дико мне быть без тебя, моя лебединая песня пропета".

Озерковский театр на горе, и перед спектаклем все смотрели, как какой то, кажется, Блерио описывал над Петербургом широкие круги на высоте, которой я, кажется, еще ни разу не видел. Почти пропадал из глаз и казался чуть видным коршуном, а, когда пролетал над Озерками, доносился шум пропеллера (кто то в публике сказал: „а вот и голосок его слышен").

Господь с тобой.

Саша.

434.

ЕЙ ЖЕ.

23 июля (1).
Утром.

Мама, я жду Любу и перевозчиков, которые должны сегодня уложить вещи. Петербург похож на Париж в прошлом году, вся трава выжжена даже в Царском. У Ивановых было хорошо. Вчера $1^1/_2$ часа барахтался в купальне в Шуваловском озере, но и это не помогает.

Завтра надеюсь найти от тебя письмо в новой квартире.

Господь с тобой.

Саша.

435.

ЕЙ ЖЕ.

25 июля (1).

Мама, вчера переехали! Пишу совершенно мокрый и грязный, целый день укладываюсь, вожусь

с книгами, на улице — ад. Квартира приятная. Люба уже вчера вечером уехала, страшно занята на этой неделе (5 спектаклей). Вот что: я предлагал Любе по окончании спектаклей съездить в Шахматово на неделю, на две, она очень хочет этого. А ты что думаешь об этом? Нельзя ли погодить красить полы до отъезда? Мы бы приехали тогда; я, мож. быть, прежде Любы, как разберусь (много дела со столяром и проч.). Ответь мне поскорее на это, больше пока ничего не пишу.

Господь с тобой.

Саша.

436.

ЕЙ ЖЕ.

27 июля (1) вечером.

Мама!

Жарко! Больше ничего не могу прибавить! Жду от тебя ответа на предъидущее письмо.

Господь с тобой.

Саша.

437.

ЕЙ ЖЕ.

29 июля (1).

Мама, от тебя что то нет письма, уже пятый день.

Сегодня немного прохладнее. Все эти дни я занимался исключительно уборкой и столярными работами. Через день купался в Шувалове, которое стало теперь очень далеко. Квартира мне

очень нравится. Вчера, по случаю приезда Пуанкарэ (2), были видны где то в порте французские флаги и проследовали за домами чьи-то высокие мачты. Благодаря окнам на две стороны, я могу устраивать сквозняки, этим спасался.

Сережа пишет: „венчание будет в Дедове, 8 или 9 сентября. Я был бы очень рад, чтобы тетя Аля (3) мне написала". Теперь он едет опять в Волынскую губернию. Прибавляет: „Будущим летом надеюсь быть в Шахматове с Таней".

Первый визит на мою квартиру был самый странный. На другой день после переезда я разбирал книги в пыли (только теперь их разбушевавшееся море несколько вошло в берега). Вдруг является доктор ***, отец ***, советоваться, что с ней делать (она больна), узнать, что я думаю о ее любви ко мне и действительно ли я женат (она почему то в этом сомневалась) — с письмом от нее, где она определенно предлагает мне жениться на ней. Часа три мы сидели с ним — он старый шестидесятник, был когда то доктором у *** ***. Кончилось тем, что я написал краткую записку и отдал ему для передачи его дочери (содержание ее в том, что я „люблю только свою жену"). Странно.

Вечером в тот же день пришел ***, как всегда некстати, и, сняв пиджак, по случаю жары, долго мучил меня разговорами. Последним усилием воли я безмолвно запретил ему снять воротник и галстух, которые он уже начал снимать около полуночи.

С тех пор не было еще никого. Столяр не несет полок. Я сижу в нерешительности, ничего не делаю, устал от жары. Моя комната очень кра-

сива. Каждую ночь здесь большие пожары, вчера над Невой было огромное зарево и лучи прожекторов, очевидно, с „Кондэ“.

Господь с тобой.

Что же ты не пишешь?

Саша.

Среди дня: сейчас, наконец, получил письмо от тебя — о жаре; написано в тот же день, как и мое, и такого же содержания!

Теперь буду ждать письма о приезде нашем с Любой в зависимости от краски полов.

438.

ЕЙ ЖЕ.

31 июля (1).

Мама, стало совсем прохладно. Эти два дня мы очень хорошо провели с Пястом. Третьего дня я, соскучившись о нем, приехал к нему на скачки (2) — к концу. Сейчас же он велел мне поставить на „Траха“ в последнем заезде, ручаясь за выигрыш. Я поставил и — трах! проиграл десять рублей. „Трах“ пришел вторым; он очень сконфузился, а я только обрадовался лишнему проявлению непрактичности. Потом мы отправились в автомобиле к Аничкову, который поселился на Каменном острове в восхитительной Мордвиновской даче. Не застав его, приехали ко мне, я показал ему квартиру, и мы пошли в Луна-Парк, где сидели и медленно пили 1 бутылку Шампанского, слушая визги в саду и на сцене. Это было не очень весело. Часу в третьем прибыли в Аквариум и посидели с Аксюшей Прохоровой и ее тетушкой. Потом вернулись ко мне, Пяст ночевал,

утром встали, пили чай и осматривали мои достопримечательности. Позавтракав, поехали в Лесной, а оттуда на извозчике в Мурино, где Пяст купался (а я — нет, было уже холодно). И речка и деревня похожи на Тараканово. Оттуда — в Бугры, старую усадьбу, похожую на дом Эшер (3); очень резко врезается в память профиль холмов и заброшенный дом с химерами против санатории для душевно-больных. Всюду — огромная даль. Когда ехали назад полями, за спиной пылала деревня.

Сегодня утром заходил на 1/4 часа Франц, сегодня уезжает опять в лагерь на маневры. Ему понравилась квартира, он нашел ее даже подходящей для вас. Рассказывал, как его надули с посылкой краски для полу.

У меня сегодня работает столяр. Может быть, к лучшему, что краска только что послана, а то бы вы стали красить полы, и мы не могли бы приехать.

Отвратительная почта. Сегодня прошла неделя, как я написал тебе письмо о нашем приезде, а ответа нет. Не теряются ли мои письма? Я пишу каждые 2 дня с отъезда из Шахматова.

Господь с тобой.

Саша.

439.

ЕЙ ЖЕ.

1 августа (1).

Мама, вчера я запечатал тебе письмо, но не успел опустить, целый день был столяр, а целую ночь — Верховский. Твое письмо пришло вчера, а Любино сегодня.

Люба пишет следующее: она может приехать после 12-ого: в субботу 4-ого — Любин бенефис! (Мисс Гоббс (2) — я не поеду). 11-ого — конец спектаклей.

Я могу приехать несколько раньше, но еще несколько дней не поеду, остаются всякие столярные дела, кроме того, здесь теперь не жарко. Более определенно не могу назначить, приеду опять невзначай.

Любе пишу о крестнице (3).

Господь с тобой.

Саша.

440.

ЕЙ ЖЕ.

3 августа (1).

Мама, писать нечего, все еще занимаюсь квартирой, сейчас собираюсь пойти к Пясту на скачки.

Господь с тобой.

Саша.

441.

ЕЙ ЖЕ.

5 августа (1).

Мама, пишу последнее письмо, приеду на этой неделе.

В Териоки я так и не ездил; вчера был Любин бенефис, мне было бы как то неловко. Вместо того я слушал Вяльцеву (2) — в первый раз после окончания курса в гимназии, когда мы ездили с Гуном в Москву. Она мне необыкновенно не понравилась. Еврейка Раисова неизмеримо лучше.

У Вяльцевой нет ничего, кроме бриллиантов и соболей, никакого обаяния, только уменье петь.

Все рабочие меня надувают самым наглым образом, всё могло бы быть давно готово. — Ключ для гаек я купил у Брабеца (3).

Я устал от Петербурга, чувствую себя довольно вяло и нервно.

Господь с тобой.

Саша.

Очень рад, что ты полюбила Стриндберга.

442.

ЕЙ ЖЕ.

Телеграмма (1).

Пдс Сельцо Шахматово Ал. Андр. Кублицкой-Пиоттух

Остаюсь несколько дней Лоскутной (2) завтра напишу

Саша.

443.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, я не озяб. Подушка хорошая. У меня сидит очень милый студент — поэт.

444.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, вот адрес. Я еще не совсем проснулся. Вчера был в кинематографе.

Студенцов Ник. Павл. Финляндский проспект, д. 1, тел. 153-99.

445.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, я пойду к Мережковским, и, значит, не ручаюсь за обед. Дыня понравилась Пясту, а квартира, кажется, не понравилась Топке, он рычал.

Саша.

446.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама,

Саша (2) рекомендует тебе кухарку, по ее словам, кажется, подходящую.

Сегодня я иду к Ремизову, он болен.

Об этом мне написал Терещенко, которого я увижу завтра, он придет ко мне вечером. Сейчас я с ним говорил по телефону.

Саша.

Сейчас два раза звонил в Тропинку, никто не отвечает.

447.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, вот тебе Русская Мысль. — У нас уже две прислуги!

Сейчас иду в ванну.

Саша.

448.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, вчера в концерте (2) мне было очень хорошо.

Потом сидели у Терещенки с Бакстом и Ремизовым. Сегодня едем кататься. — Я говорил про эти стишки. Покажи их П. С., когда она придет, пусть решит сама.

Саша.

449.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, М. П. (2) говорит, что Пол. Серг. хуже, чем вчера, она лежит, есть жар. Получил корректуру (3) и письмо от тебя.

К Философову мы с Ремизовым вчера не пошли, вчера на обоих нас напала тоска. Сегодня — ничего.

Я всё время пишу (4), мне и нравится и не нравится.

Саша.

450.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, опера кончена — без некот. подробностей. Завтра приедет Терещенко ее слушать. Поэтому я хотел бы прочесть ее сегодня тебе, Любе и тете, если она захочет. Я сейчас пойду гулять, а ты мне ответь, расположена ли ты, чтобы мы с Любой пришли сегодня сейчас же после обеда, и тетю тогда же пригласи!

Саша.

451.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, я пошел гулять, а Люба — на урок к Панченке. — Прочитай дневник С. А. Толстой.

452.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, если Терещенко уедет до чаю, я приду пить чай к вам. Люба сейчас поехала.

Саша.

453.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, я непременно жду вас с тетей завтра к завтраку.

Пошел погулять. Вот Аполлон, статья Гумилева (2), завтра мне отдай.

Вчера вечером у меня был Терещенко.

Саша.

454.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, это хорошо, что вы придете завтракать в четверг. Я пишу.

Саша.

455.

ЕЙ ЖЕ.

Мама, хочешь придти вечером?

У меня будут Женя, Ге и Скалдин. Если устала и не хочешь, не приходи.

14 XI (1).

Саша.

Я писал воспоминания о Бравиче, их уже унесли— в газету „Театр" (2).

456.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, Люба приехала в 9 часов утра, благополучно, только простудилась в дороге, болит горло.

Саша.

457.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, я иду сейчас в рел. фил. собр.

Каблуков (2) пишет, что послал тебе повестку. Люба знает о местах в театр. У нее маленький жар, должно быть простудилась.

Господь с тобой.

Саша.

458.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, тебе очень грустно.

А я думаю о тебе.

Саша.

1913 г.

459. МАТЕРИ (1).

Мама, телефон испорчен, я несколько раз пробовал звонить. Десны очень болели с утра, теперь получше. Не особенно чувствую себя, вчера вечером стало получше, а сегодня — опять. Это и расстраивает нервы.

Саша.

Мне вчера у тети очень понравилось.

Не можешь ли ты сказать на станцию, что у меня обе кнопки не отвечают, я просил швейцара, не знаю, говорил ли он.

460.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, экзема лучше, я сейчас пойду в ванну. Вчера мы с Любой были в кинематографе.

Саша.

461.

ЕЙ ЖЕ.

9 июня 1913.

Мама, писать пока нечего, ничего не случается. Люба вчера играла, вернулась поздно, сегодня опять поедет — в Райволу. Завтра я в последний раз пойду в банк, тогда всё будет готово к отъезду. Напишу тебе откуда нибудь с дороги. Я думаю,

что мы всетаки переночуем в Кельне. Господь с тобой.

Саша.

Ты мне пошли письмо в Париж (poste restante), самое позднее — 18-ого (из Шахматова). Впрочем, я тебе оттуда напишу.

462.

ЕЙ ЖЕ.

12 июня 1913.

Мама, мы почти уложились, скоро едем. Сейчас ушел Михаил Иванович (1), с которым мы виделись каждый день, а теперь долго не увидимся. Я получил оба твои письма. Люба играла в Райволе, была очень довольна, к ней все стали относиться хорошо и очень зовут ее играть с ними на будущий год. Напишу тебе откуда нибудь с дороги, или прямо из Парижа, если будем ехать без остановки. Господь с тобой. Тетиньку целую.

Саша.

463.

ЕЙ ЖЕ.

13 июня (1).

Сейчас мы переезжаем границу, мама, здесь довольно жарко, ехали хорошо. Господь с тобой.

Саша.

Николаевской жел. дор. Станция Подсолнечная Им. Шахматово. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

464

ЕЙ ЖЕ.

28/15 июня 1913.
Париж.

Мама, вчера ночью мы приехали, а сейчас уже идет к вечеру, но я все еще чувствую себя таким усталым, что ничего не воспринимаю. Ехали мы, не останавливаясь нигде, ели весь день в вагоне ресторане. Дорогу эту я ненавижу всю, кроме небольшого куска — прирейнской страны кругом Кельна и Бельгии. — Сегодня я занимался всё всякими ваннами и покупкой дряни, едой и сном. Париж мне скорей нравится, он не такой выжженный и не так воняет, как два года назад. Сейчас придет Люба, она что то покупает, или смотрит в окна, — и мы пойдем куда нибудь обедать.

Мне вся жизнь как то примелькалась.

Господь с тобой.

Саша.

На конверте: Russie. Moscou. Николаевской жел. дор. ст. Подсолнечная, сельцо Шахматово. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

465

ЕЙ ЖЕ.

3 июля 1913.

Мама, я сижу на Монмартре и пью молоко. За мной — Sacré Coeur (1), из которого сильно пахнет ладаном, а передо мной за деревьями — Париж в тумане. Все таки, я больше всего люблю это место, хотя главный вид застроили уже домами, из за которых едва видна Эйфелева башня.

В общем — мне скучно, я брожу с утра до вечера по городу. Между 6-ю и 8-ю мы с Любой обедаем. Раз мы были в Луна-Парке, использовали почти все аттракционы. Горы здесь гораздо меньше. В Лувре я тоже бродил, но мне мало, что понравилось, смотреть трудно. Музей восковых фигур интереснее. Третьего дня я послал тебе Венеру Милосскую (2), получила ли ты ее? Твое письмо я получил вчера. На днях мы поедем, а куда, я еще не знаю. Во всяком случае, к Бискайскому заливу, между Биаррицем и Сантандером. Может быть, Zarauz, а может быть, Saint-Jean-de-Luz. Во всяк. случае, близко от Толозы и тех мест, где родилась Изора (3). Ты мне напиши на всякий случай, пока я не пришлю точного адреса, так: France. Pyrénées, St. Jean de Luz, poste restante. Пришли мне, пожалуйста, адрес Ивановых, я хочу написать Жене. Господь с тобой.

Целую тетю.

Саша.

На конверте: Russie. Moscou. Николаевской жел. дороги, Ст. Подсолнечная, Сельцо Шахматово. Ее превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

466.

ЕЙ ЖЕ (1).

7 июля 1913,
вечером

Мама, вот мы где поселились! Местечко называется Guéthary. Прибавляй на конверте: France, Pyrénées.

Париж мне очень надоел. Вчера вечером мы выехали и ехали всю ночь — 12 часов подряд, сидя, почти не спали, в купе было 8 человек (во Франции нет спального II класса). В 4 часа утра были в Бордо, а около 8-ми — в St Jean de Luz. Обошли его и не нашли помещения. Вернулись на 6 километров назад, в это местечко и нашли этот отель с пансионом, довольно дорого (по 14 франков), зато две комнаты прямо на океан, отдельные столики в столовой и хорошая еда.

Сейчас довольно свежо, погода еще не купальная. Прямо передо мной — океан, ничем не загражденный. Далеко под окнами — терасса из тамариндов и пляж. Волны так шумят, что заглушают железную дорогу, которая проходит сзади отеля (мы на узкой полосе берега, между ней и морем) С моря наш этаж — не то четвертый, не то пятый, а с земли (сзади) — второй. Прибой немногим слабее, чем в Биаррице, который сейчас светится справа от меня совсем близко (меньше 10-ти верст по берегу), и там — вращающийся маяк. Сзади нас — цепь Пириней, невысокая. Можно очень много куда гулять. Пока мне все это нравится, особенно — океан и небо. Сейчас все черное, только — огни Биаррица, какие то далекие огни в океане и просветы в небе. Вся моя комната пропитана морем.

Берега то скалистые, то песчаные, кое-где похоже на Бретань. Сегодня мы всё мылись, засыпали и опаздывали к завтраку и к обеду. Сейчас пойду, опущу письмо и буду спать. Господь с тобой.

Саша.

На конверте: Russie. Moscou. Николаевской железной дороги, станция Подсолнечная, сельцо Шахматово. Ее превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

467. ЕЙ ЖЕ (1).

9 июля 1913
(нов. стиль)

Мама, вот точный адрес: Françe, Basses-Pyrénées, Hotel de la Plage Guéthary.

Сегодня я получил твое письмо, спускаясь с лестницы, чтобы в первый раз купаться. Сегодня только потеплело, а вода еще довольно холодная. Мы купались минут пять, не больше. Очень приятно. Волны сегодня не большие и не бьют.

Ты положила нечаянно эти марки в мое письмо, вместо какого-то другого.

Здесь все так грандиозно, как только может быть. В Бретани мы были около бухты, хотя и большой, а здесь — открытый океан.

Нас перевели вчера в настоящие комнаты, у меня окно во всю стену, прямо на море, я так и сплю, не закрывая его. Кораблей немного, и все очень далеко. Рядом с нами — рыбаки, которые вчера привезли шесть огромных камбал и потрошили их, так что запачкали кровью весь мол. Прямо под окнами у нас — Etablissement des bains, там надо раздеваться в каютках. В самой деревне — тихо и все пропитано запахом цветов. Всюду огромные дали. Сегодня мы купили за 40 сантимов большой букет роз. В оранжерее поспевает виноград, поспеет через 10 дней. Тамаринды, как бузина, растут из под каждого камня, а луга, почти как в Шахматове. Берег похож на Бретонский,

такие-же скалы, папоротники, ежевика, только немногим богаче. Всюду — белые дома и виллы. Биарриц хорошо виден, с другой стороны виден St. Jean de Luz и, кажется, даже Hendaye — последний французский plage — перед Испанией. Все это надо будет изъездить. Пока мы ходили в обе стороны по берегу и по разным шоссе.

Напиши мне о войне, я читал в Пириже Matin, а здесь не вижу газет.

Молодой месяц я увидал справа, когда мы выехали из Парижа. У меня перед окном Большая Медведица, высоко над головой.

Мы уже купили espadrilles, сандалии с веревочной подошвой, и ходим в них. Солнце обожгло мне лицо, так что оно красное, как обваренное. Пока нечего больше писать.

Господь с тобой, целую тетю.

Саша.

На лицев. стороне конверта: Russie. Recommandée. Николаевской жел. дороги, станция Подсолнечная, Сельцо Шахматово. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

На оборотной стороне конверта: Exp. par A. Block, Françe, Basses Pyrénées.

468.

ЕЙ ЖЕ (1).

13 VII 1913.
Нов. ст.

Мама, завтра уже неделя, как мы живем в Guéthary. От тебя давно не было писем. Купались всего 4 раза, из них 2 — сегодня. Сначала было холодно, вчера потеплело, сегодня была страшная

CORRESPONDENCIA | DIRECCION

Мама, завтра уже неделя, как мы живем в Guéthary. От тебя давно не было писем. Купался всего 4 раза, из них 2 — сегодня. Сначала было холодно, вчера потеплело, сегодня была страшная жара, сейчас идет кругом гроза. Купаться очень хорошо. Один день ездил в Биарриц, другой — в Сан-Себастьян. В С.-Себастьяне очень хороший старый город. На рейде стоит [illegible] и спасательная [illegible]

Edición G. G. Galarza, San Sebastian. Cliché Gonzales

Открытое письмо к матери от 13/VII 1913 г.

жара, сейчас ходят кругом грозы. Купаться очень хорошо. Один день провели в Биаррице, другой — в Сан-Себастьяне. В С.-Себастьяне очень хороший старый город. На рейде стоят испанские миноноски. Я провожу много времени с крабами, они таскают окурки и кушают табак. Кормят нас очень много. Завтра — национальный праздник (14 июля) (2), в Биаррице виден фейерверк. Люба мало кушает, старается похудеть и рано ложится спать. Оба мы уже красно-коричневые. Господь с тобой, целую тетиньку.

Саша.

Испания кое-чем похожа на Италию. Скоро я съезжу в Толозу.

На конверте: Russie. Николаевской жел. дор. Ст. Подсолнечная. Сельцо Шахматово. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

469.

ЕЙ ЖЕ (1).

17 (4) июля. 1913.

Мама, от тебя все нет писем, уже дней десять. В день национального праздника мы переезжали в лодке Bidassoa — реку на испанской границе и были в маленьком старом городке Fuenterrabia. Потом, на французском берегу смотрели, как праздновали; танцовали фанданго и другие танцы басков в городке Hendaye и у нас в деревне.

Ездили в St. Jean de Luz и еще раз в Биарриц. Купались всего 8 раз. Погода была холод-

ная, со вчерашнего дня только стало опять теплеть.

Что ты мне не пишешь? Или письма всё еще задерживают в Париже? Господь с тобой.

Саша.

Мне хочется в Шахматово.

На лицевой стороне конверта: Russie. Via Moscou. Николаевской железной дороги; Станция Подсолнечная. Сельцо Шахматово. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

На оборотной стороне конверта: Exp. par A. Block. France. Basses Perénées.

470.

ЕЙ ЖЕ.

19 (6) июля 1913.

Мама, сегодня я наконец получил от тебя письмо, написанное 1 июля; а то уже начинал сильно беспокоиться и думал посылать телеграмму. — Сегодня мы купались 10-ый раз. Эти дни никуда не выезжали. Погода была два дня хорошая, а сегодня опять дождь. Я очень много сплю, иногда даже днем. Вчера мы нашли в камнях в море морскую звезду, спрутов и больших крабов. Это — самое интересное, что здесь есть. Господь с тобой, поцелуй тетиньку.

Саша.

На обороте: Russie. Via Moscou. Николаевской жел. дороги Станция Подсолнечная. Сельцо Шахматово. Ее превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

471.

ЕЙ ЖЕ.

23 (10) июля 1913.

Мама, сегодня я получил твое письмо со вложением Сережиного. — Тамарисы — корявые, низкорослые и пушистые деревья, которые растут, как бузина, из под любого камня и цветут розовыми кистями цветов; ни цветы, ни зелень не пахнут; а Разумник (1), вероятно, где нибудь лечится (от сердца), потому и не отвечает тебе.

Люба научила меня немного плавать, пока еще это трудно. Сегодня я купался 14-ый и 15-ый раз, утром здесь у нас, а днем — в Биаррице. В Биаррице волны больше наших, но на ногах всетаки удержаться легко, только иногда приходится высоко прыгать, потому что волна идет выше роста, как стена, с пеной наверху; это очень весело. Иногда я устаю от купанья и сплю даже днем; вообще много сплю. Дни проходят так: в 8-м часу мы встаем и пьем кофей, потом до завтрака (12-ть часов) гоняем и дразним крабов; после завтрака Люба гуляет, а я сплю, или мы вместе гуляем, или уезжаем до обеда. Купаемся или утром, или днем. Обедаем в 7 часов, потом немного гуляем, Люба ложится спать в 9-10 часов, я читаю (прочел Серафиту Бальзака (2), многое не понял и пропускал, скучно; читаю Шекспира. Засыпаю часов в 11-12, когда мимо проходит Sud-Express (в Мадрид.) Народу в отеле много, мы не знакомимся ни с кем. Днем находит скука и тоска. Каждый завтрак и обед я смотрю на испанку, необыкновенную красавицу, которая живет с нами в отеле; мы называем ее Perla del Oceano (3.)

*

Когда ты получишь это письмо, напиши мне опять Paris poste restante, потому что мы проживем здесь 10-12 дней, не больше.

В Париже Люба будет шить платье и я, пожалуй, тоже. Там проживем с неделю, а потом в Петербург, а оттуда я хочу в Шахматово, (а Люба, верно, в Киев). Господь с тобой, целуем тебя и тетиньку.

Саша.

На конверте: Russie. Via Moscou. Николаевской жел. дороги Станция Подсолнечная. Сельцо Шахматово. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

472.

ЕЙ ЖЕ (1).

27 (14) июля 1913.

Мама, вчера я получил твое письмо перед отъездом в Биарриц, где мы купались и обедали. А сегодня ездили на лошадях из St Jean de Luz'a в Пиринеи — 40 километров по горным деревням. Там очень красиво и лесисто, однообразие береговой полосы пропадает, ни одного тамариса уже нет, много цветов, речки, болота, толстейшие дубы, старые церкви; цветут розы, магнолии, местами душистая акация, поспевает виноград. От жары я в этом году совсем не страдаю, хотя несколько часов в день бывает очень жарко и все время вокруг ходят грозы. — Два раза в день я купался только два дня, в сильную жару. Завтра буду купаться 20-ый раз. Плаваю все лучше. Вероятно, 4 августа (22 июля) в понед. мы уедем и 5-ого будем уже в Париже. Господь с тобой, целую тетиньку.

Саша.

На лицевой стороне carte-lettre: Russie. Via Moscou. Николаевской жел. дор., ст. Подсолнечная, сельцо Шахматово. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

На оборотной стороне: Exp. par A. Block, France Basses Pyrénées, Hôtel de la Plage Guéthary.

473.

ЕЙ ЖЕ (1).

29 (16) июля 1913.

Мама, я сижу в Café в Биаррице. Жара отчаянная. Жду Любу, которая ездит на лошади в манеже. Кажется, пойдем купаться, хотя купались уже утром. Я плаваю с каждым разом лучше.

Сегодня получил твое письмо. Мне давно уже хочется в Шахматово, но не знаю еще точно, когда приеду: до, или после Преображения.

Каждый вечер — гроза, но днем погода пока не портится.

Господь с тобой, целую тетиньку.

Саша.

Твои письма приходят только на пятый день.

На конверте: Russie. Via St. Petersbourg. Николаевской железной дороги, станция Подсолнечная, сельцо Шахматово. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

474.

ЕЙ ЖЕ.

2 августа (20 июля) 1913.

Мама, сегодня Ильин день, но здесь не похоже на это. Эти дни мы провели очень разнообразно. 29 июля (когда я тебе писал) мы снялись на Cartes

postales, я тебе их пришлю. Потом — купались. На следующий день — ездили из Guéthary — на испанскую границу (Hendaye), а оттуда—на извозчике— в Испанию — в деревню Vera в Пиринеях. Там тишина, лесистые долины и скалы, всюду страшные усатые испанцы — стражники. Во всякой деревне и на всяком мосту берут пошлину. Возвращались по горной дороге через Col d'Ibardin, откуда видно, как на карте, — изгиб Бискайского залива, ланды, Биарриц и все городки до испанской границы. Очень долго ездили, часов 5; в это время от купанья у меня оглохло ухо и болело ночью, так что на следующий день я только смотрел из окна, как купалась Люба, а потом мы поехали в Биарриц за деньгами и стали собираться в Париж. В Биаррице ухо уже стало проходить, и я поехал верхом с Любой и с берейтером. Проехали 16 километров, много из них галопом. День был ветряный, мы скакали по берегу моря в ландах к устью Адура, где саженные волны борятся с рекой. Я отвык ездить, да и лошадь не послушная (огромная, тяжелая, гривка подстрижена, любит сахар), так что у меня до сих пор все мускулы болят. — Ухо мое прошло, но на следующий день мы всетаки собрались в Париж (вчера, 1 августа) и уехали для этого в Биарриц. Приехали, — и остались здесь жить, думаю, на неделю. Очень уж жаль расставаться с морем. Уезжать из Guéthary было очень жаль. Наш адрес (на всякий случай) — Biarritz, Place S-te Eugénie, villa Belle-Vue (на море и на цветущие тамарисы); но числа 8-9 мы будем, всетаки, надо полагать в Париже, ты и пиши туда (poste restante), письма пока будут пересылать.

Я хочу купить себе здесь белье. Люба сейчас уже поехала за покупками в Байонну (большой город рядом). Вчера мы купались долго, минут 40, волны сбивали с ног. Ухо мое прошло, только я закрываю его ватой и надеваю шлем для купанья.

Господь с тобой, целую тетиньку.

Саша.

На конверте: Russie. Via St. Petersboug. Николаевской жел. дороги, станция Подсолнечная, сельцо Шахматово. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

475.

ЕЙ ЖЕ.

Биарриц, 5 августа
(23 июля) 1913.

Мама, мы продолжаем жить в Биаррице и купаться. Биарриц наводнен мелкой французской буржуазией, так что даже глаза устали смотреть на уродливых мужчин и женщин. Вероятно от такой société стало трудно найти пропитание, в ресторациях подают всякие отбросы с перцем. Да и вообще надо сказать, что мне очень надоела Франция и хочется вернуться в культурную страну — Россию, где меньше блох, почти нет француженок, есть кушанье (хлеб и говядина), питье (чай и вода), кровати (не 15 аршин ширины), умывальники (здесь тазы, из которых никогда нельзя вылить всей воды, вся грязь остается на дне); кроме того — на поганом ведре еще покрышка — и для издевательства над тем, кто хотел бы умыться, это ведро горничные задви-

гают далеко под стол; чтобы достать его, приходится долго шарить под столом; наконец, ведро выдвигается, покрышка скатывается, и все блохи, которые были утоплены в ведре накануне, выскакивают назад и начинают кусаться. Блохи здесь совершенно голодные, потому что француженки не съедобны, испанки очень стары и еще злее блох, а иностранцы — только мы одни; на персидский порошок я издержал до 1000 франков; всегда ношу мешок порошку в кармане, встречаясь с француженками, держу его наготове.

Третьего дня по случаю воскресенья на пляже был фейерверк; а вчера Люба ездила на лошади, а потом мы ездили в оттокаре (публичный автомобиль) через Cambo и именье Ростана в Пиринеи — Pas de Rolands. Французы переводят это — „путь Роланда" (а я — „здесь нет Роланда"), там есть ущелье, где будто бы прошла вся армия Роланда. (1) Мы тоже прошли через это ущелье, там страшно сильно пахнет ватер-клозетом.

Сегодня утром Люба тоже каталась верхом, а сейчас мы пойдем купаться. Эти дни очень жарко. Господь с тобой, целую тетиньку.

Саша.

На конверте: Russie. Via St. Petersbourg. Николаевской жел. дороги Ст. Подсолнечная. Сельцо Шахматово. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

476.

ЕЙ ЖЕ.

Paris le 9 août (27 июля) 1913.

Мама, мы уже второй день в Париже. Я бегаю, высунув язык, по магазинам и покупаю штаны

всех сортов и прочие безделушки. Люба, конечно, тоже. Билеты в Петербург уже взяты. Мы поедем, я думаю, в среду (сегодня — суббота). По крайней мере, погода прохладная.

От тебя есть только письмо от 18 июля и еще одно, которое меня здесь не застало и не было переслано в Guéthary.

Уезжать из Биаррица было очень жалко. Последние дни я купался по два раза (всего — 32 раза, а Люба — 29). Последний день море было холодное, волны бушевали и не давали ни плавать, ни стоять на ногах. Все это испанско-французское побережье — прекрасная страна.

Сейчас пойду мерить костюм; господь с тобой.

Саша.

Поцелуй тетиньку и напиши в Петербург.

На лицевой стороне конверта: Russie. Via St. Petersbourg. Николаевской жел. дороги Станция Подсолнечная. С. Шахматово. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

На оборотной стороне: Exp. par A. Block, 83, Rue de Rivoli. Hôtel S-te Marie.

477.

ЕЙ ЖЕ.

Париж. 12 августа. (30 июля) 1913 г.

Мама, я получил от тебя здесь уже два письма, не считая того, которое залежалось. Я сейчас сижу в том самом кафэ и за тем самым столом, за которым сидел, когда попал в Париж в первый раз в жизни. Совсем иначе теперь. Париж нестерпим, я очень устал за эти дни; слава богу,

с портными все кончено и завтра днем мы уедем. В пятницу, или в субботу будем в Петербурге. Корректуры, конечно, будут посылать в Шахматово, если будут издавать альманах (1) теперь. У меня нет никаких известий из Петербурга.

К сожалению, тут на днях было воскресенье, магазины закрывались, и мы поехали в вонючем таксомоторе в Версаль. Всё, начиная с пропорций, мне отвратительно в XVIII веке, потому Версаль мне показался даже еще более уродливым, чем Царское село. Возвращались мы через Булонский лес, который весь вытоптан, ибо в демократических республиках буржуа могут, где им угодно, пастись и гадить.

Боюсь таможни, мне сшили здесь (впрочем, англичане) очень хороший костюм.

Теперь напишу тебе из Петербурга. Долго мне там делать нечего (главн. образом — умываться), так что я скоро приеду в Шахматово. Господь с тобой, целую тетиньку.

С а ш а.

На конверте: Russie. Via Moscou. Николаевской жел. дор. Ст. Подсолнечная. Сельцо Шахматово. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

478.

ЕЙ ЖЕ.

Вержболово, 1 августа 1913.
(половина 1-ого ночи).

Мама, редкий случай! Французский путеводитель наврал, и нам приходится ночевать в Вержболове и сидеть завтра до половины третьего. Мы

это узнали только тогда, когда нас отпустили с таможни. Признаться, я не против этого, потому-что взял уже на завтра международное купэ и потому, что мы приехали из Парижа без остановки и без спального вагона (в Кельне не оказалось свободных). В Петербурге будем послезавтра утром, а завтра утром придется осматривать Вержболово. Господь с тобой, целую тетиньку, скоро увидимся.

Саша.

479.

ЕЙ ЖЕ.

3 августа 1913.
Петербург.

Мама, мы сейчас приехали, раскладываем вещи. В таможне все обошлось благополучно и ехали хорошо. Сегодня суббота, потому билет в Шахматово я возьму, вероятно, только в понедельник. — А это — новая парижская бумага. — Напишу тебе, когда приеду.

У меня есть: 6 новых подштанников; 12 чулок — на обе ноги; один костюм; штаны „фантазия"; рабочий костюм; дешевые штаны для квартиры; 2 коробки для манжет; 1 альбом для почт. карточек; 12 бритв; коробка бумаги; 6 крахмальных рубашек; духи с разбитым горлышком; одеколон; 2 коробки японских зубочисток; 1 портсигар и 1 кошелек из Фоки (тюленьей кожи); 1 подвязки; 1 подтяжки; 3 фуфайки; 1 карманная гребенка из настоящей ecaille; 2 пробки; путеводители и cartes postales; у Любы тоже очень много нового — два чемодана, костюм-портной, шляпы, перья, и мн. др.

Господь с тобой, целую тетиньку.

Саша.

В квартире чисто.

Сейчас звонил к Францу, он уехал вчера вечером в Петергоф; говорил со швейцаром, он говорит, что Франц вернется сегодня днем, или вечером.

480.

ЕЙ ЖЕ.

5 августа 1913.
Петербург.

Мама, сейчас я взял билет на 8-е. Приеду на Подсолнечную 9-ого утром (пятница) с дачным поездом из Клина (семичасовой поезд не останавливается на Подсолнечной). Если успеешь получить письмо, пришли за мной Николая с лошадьми.

Здесь — жара и духота, но воздух всетаки — получше Парижа. Вчера мы ездили в Териоки, там встретили Пяста и Бычкова (1). Потом смотрели на соседней станции представление „Нашего театра". Все это было довольно неприятно, Бычков и еще какая то темная личность нагоняли на меня тоску; но Люба зато веселилась, потому что была наряжена в парижское платье. — Вчера у нас завтракал Франц, дал мне деньги, рукопись и пирамидон. У него усталый вид, и он озабочен маневрами.

Убогенькое море в Териоках даже не пахнет ничем.

Господь с тобой, целую тетиньку, скоро увидимся.

Саша.

1914 г.

481.

МАТЕРИ.

1 января (1).

Мама, С Новым Годом.

Мы сегодня выспались и отдохнули. Я бы хотел придти к тебе днем, как в первом полугодии, когда ты будешь одна, а то что то очень давно тебя не видал.

Господь с тобой.

Саша.

482.

ЕЙ ЖЕ.

Суббота 17 мая 1914.

Мама, твое письмо со станции я получил только в четверг днем. Вот описание этих дней: приходил ко мне Мейерхольд, он отдаст на лето цензору (Дризену) Розу и Крест. Благодарил за цикл стихов „Кармен," который появится в апельсинах в августе (1). В четверг завтракал Женя, а вечером полчаса был Пяст, в особые рассуждения мы ни с тем, ни с другим не углублялись. С Кустодиевым (2) простились до осени. Вчера я шлялся по конторам за гонорарами и долго сидел в Сирине с Ив.-Разумником — выбирали бумаги, шрифты, краски и прочее (3), отчего на меня напал конторский сплин. Дописывал кой какие стишки. Вечером звонила Зинаида Николаевна, сначала не застала меня и выспросила Любу обо всяком театральном, потом я к ней позвонил, мы долго говорили. Очень она мила, боюсь, что слишком. Привирает, по обыкновению. Рассказывала историю с Зеленым Кольцом (4) и говорила о том, что положение „их" теперь скверное.

25-ого Люба будет играть одну из актрис в „Трактирщице“ в Териоках, а после этого переедет туда жить.

. . . .

Дни наступили холодные, цветет черемуха.

Л. А. (5) собирается петь в Павловске и в Сестрорецке на той неделе и съездить на несколько дней в Новгородскую губернию.

Вот все пока.

Серебро поместилось все, и осталось еще место (6).

Господь с тобой.

Саша.

Флобера я все не трогаю, надо будет приняться сразу (7). Напиши мне о тете Софе, Николае и березах.

Как видишь по письму, я порядочно устал, и Л. А. — тоже.

483.

ЕЙ ЖЕ.

20 мая 1914.

Мама, инструменты мои должно быть заперты в письменном столе, так что без меня их не достать.

Ничего за эти дни такого, чтобы писать, не было. У Любы сегодня первая репетиция в Куоккале, в воскресенье она играет. Вчера приходил Вл. Ник. Соловьев (1). . . . .

Вечера здесь очень красивые.

Господь с тобой.

Саша.

484.

ЕЙ ЖЕ.

22 мая 1914.

Мама, писать особенно нечего. Ты спрашиваешь о Мейерхольде. Мне кажется, он не врал, и искренно меня любит. Мы говорили с ним тихо — о Лермонтове, о Зеленом Кольце, о цензуре Розы и Креста. Я ему рассказывал всю историю Мережковского с Бейлисом(1) и Розановым.

Люба каждый день репетирует в Куоккале.

Сегодня уезжает в Карлсбад Ал. Ник. Чеботаревская (2).

Мы с ней долго разговаривали вчера о Флобере и всяких литературных мелочах. Она просит меня перевести ей несколько стихов в пьесах Флобера. Просила тебе кланяться, зовет к себе в Силламяги.

Идет дождь. Л. А. уехала на два дня из Петербурга и просила тебе поклониться.

Господь с тобой.

Саша.

485.

ЕЙ ЖЕ.

Суббота, 24 мая 1914.

Мама, на этот раз есть много, о чем писать. Третьего дня после обеда пришел ко мне Женя. Я никогда не видал его в таком отчаяньи. . . .

. . . .

Он говорил, что чувствует, что во всем виноват он, „уронил с аэроплана“, „от слов и спасение и гибель“, и т. д. При этом он чуть не плакал, все лицо дрожало, так что я испугался за него.

Сегодня я обедал у Ивановых и видел Женю и всех. Женя спокойнее, а, может быть, только сдержаннее. Марья Павловна находит, что это слишком „потустороннее спокойствие". Впрочем, он даже шутил за обедом. . . . .

. . . .

Доктора говорили, что это — „истерический психоз", а теперь уже говорят, что „форма, повидимому, тяжелая" и связана с чахоткой (1). Очевидно, что это случилось бы и без Жени рано, или поздно. Однако, он, конечно, способствовал, поддерживая „экзальтированное состояние", как говорит Люба. Я, разумеется, ничем помочь не могу, но, кажется, хорошо сделал, что был у них, Марья Павловна говорила, что собиралась мне писать, чтобы я пришел.

Женя говорит, что он сегодня „понял", что „он до или после смерти претерпит такую же муку, как она", так как „страдать суждено вместе", а что он сейчас не страдает (а, по моему, вероятно, страдает больше ее), это ничего не значит, так как время не имеет значения. Ничего нет удивительнее и непонятнее для меня этих точек зрения; но у Ивановых мне, всетаки, очень понравилось, между пр., обед был страшно вкусный.

Вчера у меня обедал А. В. Гиппиус, вечером я водил его в Луна-Парк. Он поживее, чем в тот раз. Пришла Рус. Мысль со статьей Васи Гиппиус о Розе и Кресте, полемикой З. Н. Гиппиус со Струве (Струве всетаки определеннее) и моими итал. стихами. (2)

Сегодня Люба уехала в Куоккалу — до четверга. Завтра будет играть в Трактирщице, а в среду — в . . . . пьесе (О. Дымова). Я сего-

дня ходил по вашим квартирам. Все уже оштукатурено и не производит впечатления сырости. Мне кажется, за лето высохнет. Но стоить будет подороже 100 р. (вероятно, немного). Приблизит., через неделю, мож. б., выяснится. Кажется, поставят лифты. — Стишки дописываю. — Господь с тобой.

Саша.

486.

ЕЙ ЖЕ.

27 мая 1914.

Мама, я собираюсь на днях послать ящик — с книгами, главным образом, и пришлю тебе накладную. Книг накопилось для Шахматова такое количество, что нет возможности привезти их с собой.

Писать пока нечего. О Жене новых известий не имею. Сегодня Ивановы собирались переезжать в Царское. Господь с тобой. Эти дни ни с кем, кроме Л. А., не вижусь.

Саша.

Сейчас Женя позвонил . . . .
Ивановы вчера переехали.

487.

ЕЙ ЖЕ.

Пятница, 30 мая 1914.

Мама, вчера Люба приезжала на несколько часов. В воскресенье будет играть главную роль в пьесе Лемэтра „Флипот“. На той неделе опять приедет. О своем отъезде я еще не знаю, думаю, что скоро решу. Господь с тобой.

Саша.

488.

ЕЙ ЖЕ.

1 июня 1914.

Мама, я взял себе билет на 8-ое, так что могу приехать в понедельник 9-ого утром (с почтовым поездом). Это еще не совсем значит, что я приеду; если отложу, то напишу тебе так, чтобы ты получила письмо не позже субботы. Вот и все пока. Господь с тобой.

Саша.

489.

ЕЙ ЖЕ.

4 июня 1914.

Мама, я приеду в понедельник, пошли за мной к почтовому поезду. Писать больше не буду, лучше сам расскажу. Господь с тобой.

Саша.

490.

ЕЙ ЖЕ.

22 августа 1914.

Мама.

Я пишу поэму (1).

Вчера и сегодня выяснилось, что Люба назначена в госпиталь Терещенки в Киеве и уедет в Киев 30 августа (2).

Сегодня в Александр. больницу привезли первых раненых с австрийской границы. Они говорят, что в эту войну легче быть убитыми, потому что австрийцы страшно уродуют раненых.

Про Артамонова ходит слух (в общине), что он застрелился после того, как с него сорвали погоны (за Osterode-Soldau) — вероятно, великий князь (3).

Саша.

491

ЕЙ ЖЕ.

31 августа (1).

Мама, мне очень тяжело, что я причиняю тебе беспокойство своим плохим настроением, но я надеюсь, что оно скоро пройдет, и я начну заниматься литературой. Судя по сегодняшней газете, и война скоро кончится (2). Господь с тобой.

Саша.

492.

ЕЙ ЖЕ.

8 IX 1914.

Да, мама, погоди, пожалуй переводить (1). Я поговорю еще с Вайсом (2) и посоветуюсь с кем нибудь, например, с Ивановым-Разумником. Отдавать рукопись я боюсь. Повидимому, „Шиповник" желает просто учинить на основании войны новое мошенничество. Чеботаревская, которая вчера мне звонила, того же мнения. К сожалению, я очень плохо умею говорить с мошенниками, а, главное, я жалею о том, что в прошлом году просто забыл, что это за шайка. Заключение этого договора стоило двух месяцев, а теперь уже очевидно, раз договор заключен и работа сделана, нужно опять требовать письменных обеспечений.

Сегодня праздник, и Вайса нет в издательстве. Завтра я начну этим заниматься.

Люба пишет из Нововилейска, что окончательная цель их путешествия все еще неизвестна.

*

Имя дамы с кольцом мне передали по телефону. Я о ней никакого понятия не имел.

Вчера у меня обедал и был днем Пяст.

Мож. быть, на днях я помещу в „Речи" стихи о войне (3).

Саша.

493.

ЕЙ ЖЕ.

15 сент. 1914.
Вечером.

Мама, что твоя спина?

Сегодня я получил письмо от Любы — с какой то станции, где прошли войска — и наши, и австрийские.

Я каждый день занимаюсь подолгу в Ак. Наук (1), а иногда еще и дома, потому чувствую себя гораздо уравновешеннее.

Саша.

На конверте: Новый Петергоф. Офицерский флигель Каспийского полка № 1, кв. 1. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

494.

ЕЙ ЖЕ.

23 сентября (1), вечером.

Мама, нет ли чего нибудь нового?

От Любы с тех пор не было писем, это меня беспокоит.

В Рус. Слове в воскресенье были мои стихи — оба, которые я послал: „военное" (2), известное тебе, и „Россия" (Грешить бесстыдно, непробудно); кажется, ты и его знаешь.

Рядом с нами поселился Ершов, сегодня переехал. Напиши об этом Марии Павловне.

Господь с тобой.

Саша.

На конверте: Новый Петергоф. Офицерский флигель Каспийского полка № 1, кв. № 1. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

495.

ЕЙ ЖЕ.

25 сентября (1).

Мама, письма от Любы все еще нет.

Я ухожу в академию обыкновенно около 12-ти, а возвращаюсь в 5, или в 6-м.

Вчера я купил у букиниста новое издание словаря Макарова и словарь французской академии 1835 г. (вроде Ларусса, только раза в четыре больше; он скорее толковый, чем энциклопедический). Мож. быть, все это тебе понадобится здесь, а в Петергоф не стоит возить.

На днях мне придется, мож. быть, ходить в Публ. библиотеку, и тогда — в другие часы.

Сегодня — 50 лет смерти Ап. Григорьева. В газетах есть статьи.

Саша.

На конверте: Новый Петергоф. Офицерский флигель Каспийского полка № 1, кв. 1. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

496.

ЕЙ ЖЕ.

вечером 28 IX 1914.

Мама, сегодня я получил, наконец, письмо от Любы — от 19 числа. Она с трудом нашла сво-

бодный час, чтобы написать. Она сидит, отрезанная от всего мира, в большой палате, устроенной ей самой. Из 25 кроватей — 23 заняты ранеными. Устраивать было трудно, потомучто здание было страшно грязное: сначала — кадетский дортуар, потом — стояли войска, потом — австрийский госпиталь, потом — русский госпиталь с монахами и, наконец, — их госпиталь. В корридорах в грязи лежали 200 раненых, которых несколько дней с 6 утра до 11 вечера мыли и переносили в палаты. Обед — полчаса и чай 10 минут, а потом — сестры засыпают, как убитые. Теперь у Любы кровати чистые и все перевязаны. Очень тяжелых дали более опытным сестрам. Однако, одному из Любиных отрезали ногу; на другой день он уже хохотал над какой то шуткой. На операциях доктора всё делают сами, даже бинтуют, так что сестрам легче, чем в Александровской больнице. Люба ничего не знает о войне, только с утра до вечера делает все, что нужно, для раненых.

Люба прибавляет: „Вероятно и ты и мама мне *пишете, когда то получу“.* — Вот тебе адрес более точный: Действующая армия, южный район, 8-ая армия, 5-ый Кауфманский госпиталь на средства Е. М. Терещенко (1) с семьей. Сестре Л. Д. Б.

Вчера вечером у меня был Пяст, а сегодня обедали вчетвером: я, Мейерхольд и две собаки m-me Сувориной, очень хорошо воспитанные, породы loup (2). Кушали.

Сейчас придет ко мне в гости Дельмас, а во вторник — Соловьев (3).

Господь с тобой.

Саша.

На конверте: Новый Петергоф. Каспийский полк, офицерский флигель, № 1, кв. № 1. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

497.

ЕЙ ЖЕ.

5 октября (1).

Мама,

Люба телеграфирует, что здорова и всё хорошо. Телеграмма шла, кажется, четыре дня. Теперь можно писать: Львов, кадетский корпус, 5-ый Кауфманский госпиталь, сестре Л. Д. Б. Люба просит прислать газет и всех целует.

Саша.

На конверте: Новый Петергоф. Каспийский полк, офицерский флиг. № 1, кв. 1. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

498.

ЕЙ ЖЕ.

7 октября (1).

Мама, вчера от Любы пришло очень интересное письмо. Я был у Руманова и устроил Рус. Слово для Любы. Высылка газет сопряжена, всетаки, с затруднениями. Когда приеду, расскажу. Посылать сладкое, по моему, не стоит; пока дойдет, испортится. Там можно купить.

Саша.

На обороте: Новый Петергоф. Каспийский полк, офицерск. флиг., № 1, кв. 1. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

499.

ЕЙ ЖЕ.

14 окт. (1).

Мама.

Тетя вчера получила твое письмо. Она простужена и сидит дома.

Ангелина, которая вчера у меня обедала, хочет узнать о подпоручике Гренад. п. Владимире Ивановиче Кашкарове, который только что поступил в полк из Московского училища, а теперь был болен и лежал в госпитале в Варшаве (?). Если Франц не знает ничего о нем сам, то спроси его, какие раненые офицеры Гренад. полка находятся здесь и в каких госпиталях. Ангелина у кого ниб. из них справится. Я мог указать ей только Судравского в Георг. общине (?).

Ангелине события на пользу.

А я сегодня, слава богу, пойду в Ак. Наук. Соскучился.

Саша.

На конверте: Новый Петергоф. Каспийский полк, офицерский флигель, № 1, кв. 1. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

500.

ЕЙ ЖЕ.

14 окт. (1).

Мама, я все забываю сказать, что билет застрахован давно (у Алферова (2) — 10 р.).

Саша.

На обороте: Новый Петергоф. Каспийский полк, офицерский флиг. № 1, кв. 1. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

501.

ЕЙ ЖЕ.

Мама, надеюсь, что доктор (ст. вр. 74 пех. див. Лихачев из Ораниенбаума*) был уже? (1) Я звонил и в штаб, и к нему и в канцелярию Касп. полка, чтобы вам передали. Д-р обещал приехать сегодня около 2-х.

Саша.

16 октября (2).

На обороте: Новый Петергоф. Каспийский полк, офиц. флиг. 1, кв. 1. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

1915 г.

502.

МАТЕРИ.

27 мая 1915.

Мама, письма от тебя так и нет. Это беспокойно.

Швейцариха открывает твою дверь ключом от верхней квартиры. Я открывал, он действует хорошо. Напиши, надо ли делать новый замок? Я решил пока оставить так. Все равно, и новый может оказаться таким же, и, все равно, ключ у нее же. Люба думает, что можно оставить так.

Писем тебе нет, я заходил, и швейцариха обещала еще раз — принести, как только будет.

Я написал о Розе и Кресте для Базилевского (1). Сегодня собираюсь к бар. Дризену. Базилевский пишет, что Свободный Театр думает о постановке

* Офицерская стрелковая школа, Еленинская ул., 16, тел. Ор. 81.

Р. и К. Ал. Н. Чеботаревская собщила что Немирович - Данченко тоже „думает“ и сказал кому - то об этом. Мож. быть, сегодня пойду еще проститься с Мережковскими. Завтра мы с Пястом собираемся съездить к Чулкову в Царское Село.

Получаете ли вы „Русское Слово“?

Вайс обещает прислать деньги и взять третий том в пятницу (29-ого) (2).

Хорошо бы получить от тебя письмо. Боюсь, что письма теперь будут итти долго.

У меня есть разные мысли, и все кругом красиво, но, всетаки, много усталости.

Господь с тобой. Целую тебя и тетю.

Саша.

503.

ЕЙ ЖЕ.

29 мая 1915.

Мама, сейчас я получил твое письмо и очень обрадовался. Беспокоился о том, что не получаю.

Сегодня ночью опустил письмо от Франца к тебе (1). Вчера швейцариха принесла его без меня.

Посылаю вам с тетей „Стихи о России“ (2). Всё — не заказное.

За два дня я наделал массу дел. Ходил к Дризену. Он сначала кобенился и ссылался на законы, а потом — мне повезло. Он как раз представлялся новому начальнику главн. упр. по делам печати, при чем, один из вопросов был о „Р. и К.“ Он позвонил мне и сказал, что „во внимание к его доводам“, они решили попробовать разрешить все целиком (и заглавие). Сегодня пойду к нему получить ценз. экземпляр. В виде взятки, придется прочесть у него на буд. год доклад о театре.

Потом я прощался с Мережковскими, целовался с обоими. — Слухи очень грандиозные, в связи с близким созывом Думы и промышленным съездом.

Вчера мы с Пястом и Княжниным провели весь день и вечер у Чулковых в Царском Селе. Гуляли и обедали там с проф. Ященкой (3). Все это было довольно приятно. Ходили с визитом к А. Ахматовой (4), но не застали ее.

Л. А. скажу, что ты пишешь. Должно быть, ты чувствуешь себя не хорошо.

Господь с тобой.

Саша.

504.

ЕЙ ЖЕ.

1 июня 1915.

Мама, от „Шиповника“ деньги получены в назначенный день и час. Все рукописи в „Мусагет“ посланы. Цензурованный экземпляр „Розы и Креста“ у меня. Заметка для афиши Базилевскому послана, так что все дела сделаны. Остается Григорьев, корректуры давно уже не было. Получила ли ты „Стихи о России“ для тебя и для тети и письмо от Франца (которое я переслал)? Напиши также о замке. — Здесь холодно и проходят временами дожди. Получил твое второе письмо. Мне эти дни тоскливо.

Займусь еще тем, что пойду в Публ. Библиотеку (сверить драму А. Григорьева).

Люба будет 7-го играть в первый раз (маленькую роль в „Сердце не камень“) (1).

Л. А. говорила, что ей „еще рано“ писать тебе. Должно быть, вы о чем то с ней условились, — как меня „охаживать“?

Ах, ах, скучно. Все известно.

Пиши мне, маминька. Господь с тобой.

Саша.

505.

ЕЙ ЖЕ.

4 июня 1915.

Мама, вот письмо от Франца, которое мне вчера вечером принесли.

Ключа я искал тогда же в жестянках на комоде, но там его нет (там другой маленький франц. ключик, вероятно, от чемодана).

Прислали корректуру моей статьи о Григорьеве (больше половины). Я уже отослал ее назад.

Вчера обедал у меня и провел весь вечер А. В. Гиппиус. Это было приятно, хотя ужасно болтливо.

О событиях в Москве (1) я тоже слышал, а с войны есть много слухов, есть и хорошие.

Сейчас мне звонил Венгеров и задал трудную задачу: во первых — дополнить автобиографию, напечатанную в книге Фидлера (2) (для истории литер. XX века). Во вторых — написать для этой же ист. лит. статью о Поликсене Сергеевне. Последнее очень трудно мне и я сказал, что подумаю. Он говорил, что Брюсов бы согласился, но ему надо сочувственную статью, потому он обращается ко мне, зная мое к ней отношение, и т. д.

Я, действительно, мог бы написать искренно сочувственную статью, но всетаки, как я ни люблю дух стихов П. С. и как ни не люблю

разных бросских талантливостей — меня смущает то, что большая часть стихов так похожа друг на друга. Пожалуй, откажусь.

Господь с тобой.

Саша.

506.

ЕЙ ЖЕ

7 июня 1915.

Мама, я тебе пишу теперь каждые три дня.

Сережа спрашивал в письме о Розвадовском, о Любе и о Франце. Я уже ответил ему. Оказывается, он искал Любу в феврале в Львове — напрасно.

Венгеров опять звонил. Я отказался писать о Поликсене Сергеевне, но автобиографию придется дополнить. Почему то Венгеров написал мне после разговоров, очень ласковое письмо.

Получил я еще хорошее письмо от Минич (1). Приходила известная тебе актриса, которую я не принял. Звонила Ахматова. Вчера днем у меня был Тиняков (2), вечером — Княжнин. Сегодня завтракал и сейчас ушел Женя.

Сегодня мы будем обедать в 5 часов, Люба играет на Путил. заводе.

Здесь тоже холодно и дождливо. Гуляю. Все не знаю, как мне быть. Была одно время страшная тоска, теперь получше.

Господь с тобой.

Саша.

Сейчас получил твое письмо от 5 июня. Люба просит тебя целовать и в страхе отправляется на спектакль.

507.

ЕЙ ЖЕ.

10 июня 1915.

Мама, сейчас я пришел из Публичной библиотеки, где проверял драму Григорьева. Дождь идет, солнце, со вчерашнего дня потеплело, очень красиво.

Кажется, Л. А. написала тебе письмо?

Люба съиграла роль хорошо. В это воскресенье будет играть большую роль („Без вины виноватые“ Островского — мать).

Вчера утром спустили большой дрэднаут. Мы видели из окна, как он съехал в воду. На судах были флаги, царь был. Только пушечной стрельбы не было, некому приветствовать нового товарища, все — в деле.

Получил я записку от ***. Пишу автобиографию, прибавляю много о диде. Все мои воспоминания о нем — очень хорошие. Описываю, как мы с ним собирали растения.

О том, что я был у Дризена, Мейерхольду сказал Нотман (1)

Господь с тобой, целую.

Саша.

508.

ЕЙ ЖЕ.

13 июня 1915.

Мама, по поводу сдачи Львова и прочих событий я обратился к истории Ключевского. Его обобщения действуют оздоровляюще, хотя они доволь-

но печальны. В конце концов, с Петра прошло только двести лет, и многое с тех пор не переменилось. И Петр бывал в беспомощном положении до смешного, затягивая Шведов к Полтаве, а Кутузов (1) затягивал Наполеона к Москве, когда Пушкину было 13 лет; к тому же, очень уж ясна перемена нашей тактики, так что на очищение Галиции смотришь иначе, чем смотрел бы недели три назад. Есть слухи о серьезных (наконец!) укреплениях нашего фронта, хотя и на нашей территории.

Люба разговаривала с представителями рабочих Путиловского завода, и все, что она рассказывала об этом, показывает мне, что она попала в хорошее и большое дело. Завтра предстоит играть, так что Любу уж тошнит от страха.

Я проехал как то вверх по Неве на пароходе и убедился, что Пет., собственно, только в центре — .... — немецкий; окраины — очень грандиозные и русские — и по грандиозности, и по нелепости, с ней соединенной. За Смольным начинаются необозримые хлебные склады, элеваторы, товарные вагоны, зеленые берега, громоздкие храмы, и буксиры с именами „Пророк“, „Воля“, режут большие волны, Нева синяя и широкая, ветер, радуга.

Сочиняю автобиографию и повадился ходить к букинисту, у которого скупаю десятки интересных книг по пятаку. Вчера встретил С. М. Зарудного (сенатор и цыганист, друг Худож. Театра), который, проводив Книппер (2), шатался без дела. Я его завез к себе. Он читал очень хорошо стихи Вольтера, нарисовал меня (совсем не похоже) и рассказал анекдот о том, как К. Р. (3) просил его раз прочесть

мои стихи. Он прочел Незнакомку,* К. Р. возмутился; когда же он прочел „Озарены церковные ступени“, К. Р. нашел, что это лучше. Очевидно, уловил родственное, немецкое.

Встретил я еще Зоргенфрея (4), гулял с ним и сидел в кофейне.

Л. А. была у меня вчера (хотя и написала тебе, кажется, что меня не видит).

Господь с тобой.

Саша.

Письма, которые ты прислала, я получил — разные литературные предложения.

509.

ЕЙ ЖЕ.

16 июня 1915.

Мама, сейчас я звонил Жене. Ивановы все еще на Николаевской, М. П. не встала. Ал. Павл. тоже был болен. Всетаки, собираются переехать. Женя просил кланяться тебе. Ему довольно скверно.

Я передал Л. А. то, что ты пишешь. Она сказала, что ты очень хорошая. Не знаю еще, когда она уедет и куда, и когда я поеду.

В воскресенье я смотрел „Без вины виноватые“ на Путил. заводе. Люба играла главную роль (Кручининой) и многое — хорошо, сбор был почти полный, рабочие очень громко хлопали, маленькая девочка горько плакала от Любиной игры. Вообще спектакль был хороший. Пьеса во многом

* Знает ее наизусть, потому что в Озерках жила „одна женщина“.

устарела, по моему. Я встретил там Л. А., мы вместе сидели.

Вчера весь день у нас были Ада Корвин и сестра милосердия Ранд, приехавшая из Львова. Она много рассказывала интересных и возмутительных вещей, но, главное, всетаки — простых и деловых, что уже гораздо лучше. У нее есть сходство с Любой в отношении к делу, на том они, очевидно, и сошлись. Если не откинуть всех газетных гуманностей и пошлых сентиментальностей, то с войной ничего не поделаешь и никуда ее не уложишь. А военные люди, к счастью, всетаки обходятся без пошлости в этом отношении; просто, там это не нужно; сделано все это для того, чтобы расслаблять и без того дрянной тыл.

Терещенко, разссорившись с Иваницким (1) и с Красным Крестом, поступил добровольцем в автомобильную команду.

Принесли переплеты Бенуа (2). Они сделаны прочно, переврали только в одном месте (я коекак исправил). Взяли недорого, всего, с комиссией, 6 р. 20 коп. Всё это — страшно грубо, не книжно, „роскошное" издание, приспособленное к вкусам . . . . -берлинской „национал-демократии", пригнанное к толстым и грязным пальцам лодзинских банкиров. Картинки, всетаки, недурны.

Господь с тобой.

Саша.

У меня лежит коррект. Григорьева (конец статьи) и все еще не конченная автобиография. Ленюсь.

510.

ЕЙ ЖЕ.

19 июня 1915.

Мама, стало жарко, и я почти ничего не делаю. Гуляю, вчера купался в Шувалове, вода помогает.

Последние листы Флобера прислали. Недопечатан только листок „Содержания". Вайс собирается выпустить книгу в сентябре. Писать нечего и лень. Л. А. посылает меня брать билет в Подсолнечную, а я все не могу собраться. Целую.

Саша.

511.

ЕЙ ЖЕ.

22 июня 1915.

Мама, я взял себе билет на 30-е, значит 1 июля утром буду в Шахматове. Лошадей пришлешь?

Автобиографию, наконец, написал. Страшно неровно чувствую себя — один день хорошо, а другой — тоскливо.

Л. А. уедет на несколько дней раньше. Иду гулять. Целую.

Саша.

512.

ЕЙ ЖЕ.

25 июня 1915.

Мама, пишу тебе последнее письмо, 1-ого июля приеду.

Л. А. уедет завтра.

Люба хочет попасть к Яворской (1), Нат. Ив.(2), с которой она говорила по телефону, обещала ей

всячески содействовать, а, кроме того, Репин (3) прислал ей очень милое письмо (в ответ на ее) и следующее письмо к Яворской (прилагаю)!

Я много гуляю, иногда купаюсь. Господь с тобой.

Саша.

513.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, мне выдали уже билет на почтовый поезд, он ходит, как всегда (5. 25 по Петерб. вр.).

Объявление вывешено, что с 9 VIII ходят поезда в Москву и Петерб. — по шести (вместе с дачными).

Все вообще повидимому благополучно, но я всетаки съезжу.

Сдан Новогеоргиевск (вечерняя газетка — от штаба).

Буду ждать поезда.

514.

ЕЙ ЖЕ (1).

11 авг. утром Пет. Николаевский вокзал.

Мама, здесь все совершенно мирно и обыкновенно, сейчас еще рано, я подожду, пока откроются магазины. Никакой телеграммы, как видишь, посылать нечего. Поговорю с Любой, как поступить. Господь с тобой.

Саша.

На обороте: Подсолнечная. Николаевской ж. д. С. Шахматово. Ее Превосходительству А. А. Кублицкой-Пиоттух.

1916 г.

515. МАТЕРИ.

Мама, я сижу на вокзале в Москве (1), сейчас еду в город, спал хорошо, как в спальном вагоне, всего было 4 челов. в купэ. Около Подсолнечной снег в оврагах и в тенистых местах и в лесу, день тихий серый, так тепло, что я даже в Твери ходил в пиджаке. Господь с тобой.

Саша.

29 III (2) 10 ч. 45 м. утра.

На обороте: Петроград. Офицерская 40, кв. 7. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

516.

ЕЙ ЖЕ.

31 марта 1916. Москва. Тверская 33,
гостинница „Мадрид и Лувр“, комн. № 52.

Мама, я так занят, что только сегодня собрался написать. Открытку ты, надеюсь, получила.

Несмотря на то, что к вечеру устаю до неприличия, чувствую себя в своей тарелке. Каждый день в половине второго хожу на репетицию, расходимся в 6-м часу. Пока говорю, главным образом, я, читаю пьесу и объясняю, еще говорят Станиславский, Немирович и Лужский, а остальные делают замечания и задают вопросы. Роли не-

сколько изменены — Качалов захотел играть Бертрана, а Гаэтана будет играть актер, которого я видел Мефистофелем в гетевском Фаусте (у Незлобина) — хороший актер. Граф, вероятно, Массалитинов. За Качалова я мало боюсь, он делает очень тонкие замечания. Немного боюсь за Алису — слишком молодая и тонкая, м. б. переменим (Вишневский справедливо заметил, что для нее нужны „формочки"). Алискан — Берсенев, думаю, будет хороший. У Станиславского какие то сложные планы постановки, которые будем пробовать.

Третьего дня я был в студии на благотв. вечере читали и играли Станисл., Качалов, Гзовская, Германова, Москвин, Вишневский, Кусевицкий (1) (на контрабасе). Вчера обедал у Станиславского, потом смотрел „Будет Радость" (2) (понравилось, несмотря на многое), в антрактах ходил курить в уборную Качалова, сидел там с ним, Массалитиновым и Берсеневым.

Волнует меня вопрос, повидимому уже решенный, о Гзовской и Германовой. Гзовская очень хорошо слушает, хочет играть, но она любит Игоря Северянина (3) и боится делать себя смуглой, чтобы сохранить дрожание собственных ресниц. Кроме того, я в нее никак не могу влюбиться. Германову же я вчера смотрел в пьесе Мережковского и стал уже влюбляться, по своему обычаю; в антракте столкнулся с ней около уборной, она жалела, что не играет Изору, сказала: „Говорят я состарилась". После этого я, разумеется, еще немного больше влюбился в нее. При этом, говор у нее — для Изоры невозможный (мне впрочем очень нравится), но зато наружность и движения удивительны.

Не знаю еще, когда приеду, до пасхи или после. Напиши. Любе письмо покажи, я ей пишу мало. Что доктор скажет? (4) Господь с тобой.

Саша.

517.

ЕЙ ЖЕ.

4 апреля 1916.

Мама, в четверг я почти наверное буду дома (работы с четверга все равно не будет). Работаем каждый день, я часами говорю, объясняю как со своими. Разумеется, трачу всетаки много сил, но никакой надрывной усталости нет.

На днях провел ночь у Качалова с цыганами и крюшоном, это было восхитительно.

Бертран, Гаэтан и Алискан у меня заряжены; с Изорой проводим целые часы, сегодня наконец к ней пойду — опять говорить. Гзовская и умна и талантлива и тонка, но — страшно чужая.

Скажи Любе, что пока „Розу и Крест“ выражали желание купить Иркутск и Уфа. Я уклонился от решительных переговоров, сказал, что посоветуюсь в Петербурге.

В мае Худ. Театр приезжает с четырьмя пьесами, и мы все опять увидимся.

Встретился с Книппер, она от Алисы уклонилась, хотя я и пробовал ей доказать, что „Ваш шпиц — прелестный шпиц, не более наперстка“ (1) (она пришла утром в театр, действительно, со шпицем). Моя Алиса по наружности более похожа на Изору (Жданова). Капеллан — Массалитинов, граф — Лужский.

Вне театра видел только Пашуканиса. Книги выходят на днях (две) (2). Еще хочу пойти к Вяч. Иванову.

Любе не пишу, покажи ей письмо.

Твое письмо я получил сейчас только, уже начинал беспокоиться. Господь с тобой.

Саша.

518.

ЕЙ ЖЕ.

7 мая 1916.

Мама, сегодня я получил твою открытку. Ольге Алексеевне (1) Люба сказала.

Сегодня в газете написано, что Франц получил Станислава I-ой степ. с мечами за отличие в делах против неприятеля (2).

Перевод интермедий из „Адвоката Пателена" (3), о котором я откровенно высказал свое мнение Поликс. Сергеевне, оказался принадлежащим ей! Я сказал, что это бесталанно, бесстильно и похоже на шансонетку. Она говорила, что не обижена, и по голосу казалось, что так. Эту работу она делала случайно по заказу; теперь, вероятно, откажется.

В банке мне дали отсрочку платежа на две недели (я ходил к Вышнеградскому (4) в правление). Написал письмо Городецкому, которое мне берутся переслать на Кавказ при помощи „Союза Городов" (Штильман) (5). Думаю, что мне всетаки придется заплатить.

Прислугу Люба ищет. — Печатанье 2-ой книги стихов приходит к концу. — Люба репетирует „Старый Закал" (6). — Сегодня у нее будет Катя Манасеина (7).

Напиши мне, очень ли редок сад и не опустилась ли насыпь (8), и не проросла ли сирень от старых корней направо от балкона и акация, где они выкорчеваны? Принялся ли подсаженный шиповник? Как чувствуют себя флоксы, не пропал ли красный? Может быть, обо всем этом судить еще рано; по крайней мере, здесь перепархивает снег.

Я видел с коночного империяла Женю с невестой. Она очень худенькая.

Собираюсь сосредоточиться.

Поцелуй тетю. Господь с тобой.

Саша.

519.

ЕЙ ЖЕ.

11 мая 1916 г.

Мама, я получил твое письмо, и захотел в Шахматово; но, с другой стороны, я, как будто, начинаю писать. Боюсь сглазить.

У нас — хорошая прислуга, приходящая, эстонка. Получает 100.000.030 р. в месяц. Готовит и убирает комнаты очень хорошо.

Катя Манасеина сидела долго и весело болтала. Мы чувствовали себя очень старыми рядом с ней.

С Поликс. Серг. я еще раз говорил по телефону. Она на меня не сердится. Тебе кланяются Е. О. Романовский, который все еще не выходит из дому, и М. Т. Блок, которая предложила мне и Чулкову другой тяжелый дивизион, кот. получил ее брат. Я не отказывался, т. к. это ни к чему не обязывает, а в крайнем случае может пригодиться (1).

Сегодня к нам придет В. Н. Соловьев, мож. б., Стахова (2) и Княжнин.

Я получил из действ. армии очень забавную похвалу своим стихам в „Рус. Слове“ (3).

Пока больше нечего писать. Господь с тобой.

Саша.

Люба ездила со Стаховой в Дудергоф, но еще не решили, какую дачу возьмут. Здесь все еще холодно.

520.

ЕЙ ЖЕ.

17 мая 1916.

Мама, вчера у нас был Женя. 23-его буду его венчать. Он очень хороший. Пясту он будет платить за комнату и стол, а деньги надеется прирабатывать у Руманова в „Ниве“ (ее купил Сытин), где заводится какой то детский отдел. Не знаю, выйдет ли что нибудь из этого.

Впечатление у меня такое, что лето они проживут, а к осени будет труднее.

Третьего дня была Ангелина, с которой мы вели интересные для меня филологические разговоры.

Остатки жасминных кустов, может быть, красивее окончательно срезать, чтобы они шли от корня. Вероятно, некоторые прутья, все равно, померзли.

Здесь становится теплее. Господь с тобой.

Саша.

521.

ЕЙ ЖЕ.

20 мая 1916 г.

Мама, меня беспокоит история с осиновскими (1). Мож. быть, лучше отдать им даром, сказав, что это только пока, по случаю войны?

Книга Корнилова „отчасти переработана“ (2), но, в сущности, и составляет собрание статей, напечатанных в „Рус. Мысли“ — 1909 года — №№ 5, 6, 10 (кажется, в Шахм. нет), а потом — 1911 (?), 1912 и 1913 годов (есть в Шахматове).

На мои книги — большой спрос; присланные из Москвы партии распродаются складом в несколько часов (здесь уже около 500 экз.), так что у меня до сих пор нет авторских экземпляров.

Вышел здешний армянский сборник (Горьковский). Я все время обсуждаю с Тихоновым „Украинцев“ (3). Почти все, что было у меня, я возвратил, до такой степени это слабо. Тихонов уговаривает и пришлет еще партию (гл. обр., Шевченку и народное). В самостоятельности этой литературы и народности я сильно сомневаюсь.

Невзначай пришел Ге, обедал. Он приехал с фронта, загорел и возмужал, состоит уполномоченным Союза Городов. В сущности, все такой же.

Однажды я гулял вечером с Зоргенфреем. Вчера пошел вместе с Купреяновым (4) (который женился) в кинематограф — смотреть Гзовскую; у нее есть искусство, но она всегда суховата.

*** написал мне уже два письма, и всё — не по существу, а с жалобами на Зин. Ник. и какими то ничего не говорящими объяснениями своих симпатий. Я пока не отвечаю, также, как инже-

Е. П. Иванов

нерше (5), которая пишет, в сущности, то же самое (женское и провинциальное).

Вот пока все. Господь с тобой.

Напиши про осиновских.

Саша.

522.

ЕЙ ЖЕ.

23 мая 1916.

Мама, я сейчас обвенчал Женю. Свадьба была простая, благообразная и при солнечном свете, священник показался мне очень милым; между тем и церковь и место и священник — те же, кот. были, когда я был шафером у С. Качаловой.

Женя был причесан гладко и стоял прямо; невеста была в белом платьи, хотя без фаты; Жениными шаферами были я и Пяст, а у невесты — Алекс. Павл. (который тебе кланяется) и Женин сослуживец. Присутствовали какие то родственники (невесты) — в малом числе.

Сегодня я зван обедать к Пясту и пойду.

Сегодня уже довольно жарко.

Поликсена Серг., с которой я вчера довольно долго говорил по телефону, напишет тебе с дачи и будет летом иногда писать. Катю (1) они отправили на юг, и сами поедут на этой неделе.

Лужский написал, что мне до осени приезжать, очевидно, не придется. Покажут они, что сделали, только своему начальству. Музыку Базилевского забраковали (опера и модерн, писала Гзовская), Яновский (2) скоро представит, но скорей всего будет Василенко (3). Декорации вероятно будет отчасти делать Добужинский и театр. художники

(какой то норвежец шлет эскизы, но неудачные). Гзовская пишет, что ей очень трудно, но она кое что сделала.

Люба вчера в первый раз играла в Красном селе, в „Старом Закале“. Говорит, что играла хорошо, и солдаты хохотали. В воскресенье будет играть Агафью Тихоновну (4).

В ночь с 16 на 17 я видел Любовь Александровну (кажется). В 2 часа, вероятно, уже спал.

Что с осиновскими и стало ли теплее? — Господь с тобой.

Саша.

523.

ЕЙ ЖЕ.

26 мая 1916 г.

Мама, обед и вечер на Теряевой улице (1) прошел хорошо. Женина жена была даже довольно оживлена и рассказывала, хотя — все про больницы, так что Пяст старался прекратить разговор — „по гигиеническим соображениям“. Вечером пришел Княжнин. Квартира у Пяста хорошая и большая, так что жить можно довольно отдельно (особенно, летом). Александр Павлович, с которым я опять встретился, думает, что к осени Женя с женой попадут к родным. В день свадьбы они уже там были и, повидимому, благополучно. Что тебе об этом пишет Мария Павловна?

Ко мне еще раз приходил Ге, которого тоже надо устроить в артиллерию. Вчера звонил Е. О. Романовский, который все жалуется на свой „позорный старческий маразм“, так как до сих пор

не выходил из дому. Он и Алекс. Павл. просили передать тебе всякое.

Нет ли у тебя известий от Франца? На войне опять началось что то серьезное.

Мои книжные дела блестящи. „Театра" в две недели распродано около 2000, и мы приступаем уже к новому изданию. „Мусагет" будет выплачивать мне ежемесячно по 250 р. и надеется, что наши счеты кончатся нескоро. К сожалению, такой бумаги уже нельзя найти.

Вчера я заплатил твоему дворнику за Топку, гадостного такса, 4 р. 50 к. Его документы уже пришли, а Пушковы — еще нет. Есть ли у Аннушки деньги, чтобы заплатить за Пушка, когда его документы будут выправлены?

Твой черный ход дворник заколотил планками и проволокой.

Платеж по векселю Городецкого мне пока отложили на неопредел. время, отчасти — на основ. высоч. указа о мораторий, отчасти — повидимому, по каким то личным соображениям.

Газонной смеси я куплю. Поликс. Сергеевна еще просила тебе передать разное. Осталось ли что нибудь от временно высаженных белых роз? Это хорошо, что замерзла клубника — варенья меньше везти. Благотворно ли отразилось на сирени у забора то, что она окопана и что за ней нет березы и яблони?

Гзовская пишет, что в Москве жарко. Смотря ее в кинематографе (еще раз), я убеждаюсь, что Станиславский глубоко прав; она — т. н. „характерная" актриса, и в этом направлении может сделать очень много. Поэтому, я надеюсь придать Изоре на сцене Худ. Т.

очень желательные для меня „простонародные“ черты.

Господь с тобой.

Саша.

Здесь все еще не может установиться тепло.

524.

ЕЙ ЖЕ.

29 мая 1916.

Сегодня писать нечего, мама. Люба с утра уехала играть „Женитьбу“, очень волновалась. Кажется, там будет торжественный спектакль, по случаю полкового праздника.

Господь с тобой.

Саша.

Жарко. Вчера была гроза, и сегодня громыхает.

525.

ЕЙ ЖЕ.

1 июня 1916.

Мама, от тебя что то давно не было письма. Люба играла Агафью Тихоновну очень хорошо, так что солдаты смеялись, и режиссер (Арбатов) наговорил ей приятного. Отчасти это было потому, что перед спектаклем было объявлено о победах, и актеры пели гимны, от этого выходить на сцену потом было легче.

Мне писать нечего; я все эти дни пишу и никого не вижу и не слышу. Господь с тобой.

Саша.

Письмо сейчас получил. Аннушке, которая завтра временно будет у нас (кухарка заболела) передам о Пушке.

526. ЕЙ ЖЕ.

4 июня 1916.

Мама, сейчас, наконец, окончена мною „Первая глава“ поэмы „Возмездие“. С „Прологом“ она составляет 1019 стихов. Если принять во внимание статистику поэм, написанных четырехстопным ямбом, то выходит: у Лермонтова: обе части Демона — 1139 стих. Боярин Орша — 1066 стих. У Боратынского: Бал — 658 стих., Эда — 683 стиха, и только Наложница (Цыганка) — *семь* глав — 1208 стихов. Если, так. образом, мне удастся написать еще 2-ую и 3-ю главы и эпилог, что требуется по плану, поэма может разрастись до размеров *Онегина*. Каково бы ни было качество, — в количестве работы я эти дни превзошел даже некоторых прилежных стихотворцев!

Люба репетирует мелодраму „Две сиротки“ (1) (играть будет мать одной из сироток), а я обедаю с Пушком, который непрестанно служит, но редко получает кушанье, вследствие мясопуста.

Напиши мне, пожалуйста, в какую игру играл с бабушкой Дм. Ив. в ректорском доме и что при этом приговаривали (для первой главы) (2).

На днях я звонил к Жене. У них, по его словам, до сих пор все было благополучно. Они еще раз были у своих — удачно. Ты спрашиваешь меня, что я думаю о его жене, но мне трудно на это ответить, потому что я слишком мало ее видел, и всё — в важные для нее минуты, когда она была в повышенном настроении.

Пишет ли тебе ⁂? Я боюсь, что она, наконец, обидится на тебя, из за меня. Я ⁂ ответить на его бабье письмо (и там — сплетни) не в состо-

янии, а только посылаю „Театр“ с сухой надписью.

Не знаю, посылать ли вам с тетей книги. Ваших экземпляров (в переплетах) у меня еще нет. Если пошлю, то плохенькие экземпляры, чтобы оставить в Шахматове.

Дождь льет. А у вас? — Тепла особого нет.

Писала ли тебе Поликсена Серг.?

Если Ад. Фел. (3) в Сафонове или собирается приехать, спроси его о новых призывах. Я слышал, что то говорили на улице. Господь с тобой.

Саша.

527.

ЕЙ ЖЕ.

7 июня 1916.

Мама, сейчас я получил твое письмо. Поручения исполню. Семена я давно уже купил, поэтому, мож. быть, пойду не к Симу (1) (он в очень уж нежилой части города).

Вчера у нас обедали Княжнин и Соловьев (2). Гораздо веселее этого было мне сегодня гулять в Ботаническом саду.

Здесь тоже холодно. Растительность поправится, когда станет теплее, ты пока не суди.

Писать собственно нечего.

Господь с тобой.

Саша.

528.

ЕЙ ЖЕ.

10 июня 1916.

Мама, как бы это назвать? Перепиши мне это (1), когда захочешь, точно также — в двух экземплярах. Что ты об этом думаешь?

Статья Княжнина о моем Григорьеве (2) в Рус. Мысли интересна новыми фактами (для специалистов, но не для публики).

Лужский пишет, что музыка Яновского (необязательная для театра) недурна (кроме песни Гаэтана).

Дамы пишут любовные письма — ежедневное занятие их.

Я был на днях в Пушкинском доме и в Архиве Ак. Наук. Накупил книг у букиниста. Холода продолжаются.

Господь с тобой.

Саша.

После Крымской войны нашему поражению радовался, между прочим, Хомяков (3).

529.

ЕЙ ЖЕ.

13 июня 1916.

Мама, в Рус. Слове от 5 июня есть статья „Сражение в Галиции. Кавалерийская атака" (1). Вырежи и пришли нам, если найдешь. Там описано дело, в котором участвовал Кузьмин-Караваев (2).

Писала ли ты мне между 5 и 10 июня? Письмо от 10-ого я получил вчера.

У Любы вчера не был спект. в Изм. полку, но она играла в дер. Мурзинке на станции Обухово. Присутствовал местный пристав и мальчишки (на заборе), а вокруг происходило гулянье, так что слова актеров были заглушены. Однако. Люба всех перекричала, и ее только и вызывали. Она получила семь рублей; кроме Любы, играв-

шей Пшибышевского (3), там был акробат и артистка из миниатюра, танцовавшая гопак.

Я эти дни занимался главным образом изучением Шуваловского парка и его парголовских окрестностей. Удивительные места. — На днях завтракал Пяст; там все пока хорошо.

Л. А. *не уехала* еще и не знаю, когда уедет. Я вижу ее довольно редко. Ее Черниг. адрес, на всякий случай: Чернигов, Северянская улица, дом Тищинских (4).

Меня очень радует то, что ты пишешь о Франце.

Господь с тобой.

Саша.

530.

ЕЙ ЖЕ.

16 июня 1916.

Мама, я не боюсь Поликсены Серг., а не еду потому, что надеюсь (м. б., и тщетно) еще что нибудь написать. Глухое лето без особых беспокойств в городе, где перед глазами пестрит, но ничего по настоящему не принимаешь к сердцу, — кажется, единственное условие, при котором я могу по настоящему работать (так было когда то с „Вольными Мыслями", потом — с „Розой и Крестом", теперь — с поэмой). Мне очень печально и неудобно, что это так, но для изменения этих условий надо ждать старости (должно-быть, ждать больше нечего). М. пр., у меня на виске есть наконец седой волос; он уже, кажется, год, или больше, но Люба признала его только теперь. Однако, мне все еще можно сказать, как Дон Карлос сказал Лауре: „Ты молода, и будешь молода еще лет пять, иль шесть..." (1)

Л. А. уедет, вероятно, завтра.

Я достал первый том того „Добротолюбия“, φιλοκαλία Любовь к прекрасному (высокому), о котором говорила О. Форш (2). Это, собственно, сокращенная патрология—сочинения разных отцов церкви, подвижников и монахов (пять огромных томов). Переводы с греческого, не всегда удовлетворительные, „дополненные“ попами, уснащенные церковнославянскими текстами из книг Св. Писания В. и Н. Завета (неизменно неубедительными для меня). Все это — отрицательные стороны. Тем не менее, в сочинениях монаха Евагрия (IV века), которые я прочел, есть „гениальные вещи“ (выражаясь . . . . неумеренно). Он был человеком очень страстным, и православные переводчики, как ни старались, не могли уничтожить того действительного реализма, который роднит его, например, со Стриндбергом. Таковы, гл. обр., главы о борьбе с бесами — очень простые и полезные наблюдения, часто известные, разумеется, и художникам — того типа, к которому принадлежу и я. Выводы его часто неожиданны и (именно по художнически) — скромны; таких человеческих выводов я никогда не встречал у „святых“, натерпевшись достаточно от жестокой и бешеной новозаветной „метафизики“ *, которая людей полнокровных (вроде нас с тобой) запугивает и отвращает от себя.

Мне лично занятно, что отношение Евагрия к демонам точно таково же, каково мое — к двойникам, например, в статье о Символизме.

Вечный монашеский прием, как известно, —

* В смысле „сверхъестественности“ — наперекор естеству.

толковать тексты св. писания, опираясь на свой личный опыт. У меня очень странное впечатление от этого: тексты все до одного остаются мертвыми, а опыт — живой.

Новых слухов о призыве у меня не было. Прочти кавал. атаку в Рус. Слове — очень интересно (5 июня) и пришли (мы брали здесь у соседей). Аннушка все еще у нас, по вечерам уходит. Пушок веселый, служит, вчера вымыт (блохи).

Господь с тобой.

Саша.

531.

ЕЙ ЖЕ.

19 июня 1916.

Мама, от тебя что то нет письма. — Бывшая „Неч. Радость", слава богу, кончается, и пошли уже корректуры последней книги. — Любовь Александровна уехала в пятницу. Когда будешь ей писать, пошли ей одну из этих карточек, а другая — тебе. Господь с тобой.

Саша.

532.

ЕЙ ЖЕ.

22 июня 1916 г.

Мама, ты пиши лучше с каждой почтой хоть несколько слов. За последний шестидневный промежуток я стал очень беспокоиться, видел во сне, что кто то сказал, что ты больна, и собирался посылать телеграмму.

Получила ли ты письмо со стихами? Вероятно, ты чувствуешь себя очень скверно? Приедет ли

Ал. Блок в саду Нардома
17 июня 1916 г.

Пол. Серг.? Мне нечего писать, потому что я эти дни вообще чувствую себя беспокойно, совершенно не могу работать. Господь с тобой.

Саша.

533.

ЕЙ ЖЕ.

25 июня 1916.

Мама, я эти дни пережил отчаянные волнения, но теперь пока все разрешилось. Третьего дня мне сообщили, что призывается сразу 5 лет. Ангелины не оказалось в городе, я послал заказное письмо с вопросом, есть ли мои бумаги (1), чтобы ехать сейчас же на фронт. Кроме неожиданности, меня тревожила неопределенность положения, я не знал, где заказывать платье, можно ли приготовиться в такой короткий срок, и т. д. Вчера выяснилось, что пока призывают только два года (между 5 и 10 июля), больше — вряд-ли (до меня — четыре). Марья Тимоф. вчера сообщила, что бумаги здесь и что здесь как раз находится один из вольноопределяющихся, к которому я на днях пойду узнать все подробности (всех — 18 человек!). Во всяком случае, надо приготовиться к осени, и я думаю теперь же сделать платье и купить все, что нужно, чтобы можно было во время ехать в дивизион; это представляется мне наиболее „приятным“, так как там проще и всего меньше „нравственное давление“, которое неизбежно было бы, как на как. ниб. заводе, так и в Изм. полку (туда путь не закрыт). Во всяк. случае, призыв — дело близкого будущего, хотя есть разные слухи о конце войны.

Княжнина, который призывается, мне удалось, кажется, пристроить на заводе с жалов. 125 р. в мес. Он, кроме всего, еще и совсем болен. Вчера было очень весело — у нас обедали Княжнин и Верховский.

Вчера вечером пришла новая прислуга — молодая и приветливая *, не знаю уж, что будет. Аннушка ушла, Люба дала ей денег и подарила разные платья.

Четвертый том будет печататься в 6000 экз.

Я все еще не могу решиться ехать в Шахматово. Пока еще есть разные дела (кроме возможности писать, повидимому, проблематической). Не знаю, можно ли теперь достать билет заранее, не на вокзале (есть новые правила), так что прислать за мной лошадей, мож. быть, нельзя будет.

Вчера я получил твое письмо. Цены, вероятно, еще поднимутся, в Тверской губ., говорят, не косят меньше 4 рублей. Здесь цены совершенно сумашедшие. Думая иногда о тетиной квартире, я не могу ее себе представить; принципиально, вам бы следовало жить вместе с ней, по кр. мере, до конца войны; на деле это, конечно, трудно осуществить. Однако, война может перевернуть и это. Вероятно, ты теперь ее меньше чувствуешь, в Шахм. не так видно.

Господь с тобой.

Саша.

* Хорошо рекомендована, ее отпустили с места с сожалением и только потому, что к ней будет приходить городовой, а барыня — „старых понятий“.

534. **ЕЙ ЖЕ.**

28 июня 1916.

Мама, я поглощен все время призывом. Вчера у меня провел вечер вольноопределяющийся Страхов — от Беляева (1); человек серый, но доброжелательный; из подробных его рассказов я увидел ясно, что я туда не пойду, и сегодня уже посылаю отказ. Так. обр., это отпадает, что предпринять, я не знаю; знаю одно, что променять штатское состояние на военное едва ли в моих силах.

С Княжниным на заводе пока ничего не вышло; везде — свои, там — справа, тут — слева. Просто людям место в жизни найти трудно.

Все эти хлопоты и мысли, разумеется, не веселят меня; я и кроме этого, действительно, устал. В Шахматово думаю приехать, когда что нибудь выяснится. Сегодня пойду к В. А. Зоргенфрею (Зору) (2), который может что то мне посоветовать.

В Шахматово я, во всяком случае, уже хочу. Писать (поэму), повидимому, больше не удастся.

Стихи, вероятно, слабы — ты права.

Господь с тобой.

Саша.

535. **ЕЙ ЖЕ.**

1 июля 1916 г.

Мама, я был у Зоргенфрея, он, мож. быть, попытается устроить меня куда то.

Третьего дня мы гуляли вчетвером — Пяст, Женя, его жена и я, в Шуваловском парке. Это было приятно.

Я все время хлопочу, чтобы устроить Княжнина.

Надежда еще не потеряна. Вчера вечером он был у меня.

Пока судьба моя так неопределенна, я не могу спокойно ехать в Шахматово.

Господь с тобой.

Саша.

536.

ЕЙ ЖЕ.

4 июля 1916.

Мама, сегодня Зоргенфрей сказал мне, что почти наверно (у него есть знающие люди) призыв — 15-ого. В Шахматово я, значит, не приеду. Люба будет говорить в И. п. (1). Есть еще две возможности (не арт. (2), от которой я оконч. отказался), и я жду ответа от них на днях, но вероятно — уже поздно. С Княжниным, кажется, ничего не вышло. Пока больше нечего писать. Господь с тобой.

Саша.

537.

ЕЙ ЖЕ.

7 июля 1916.

Мама, пишу кратко пока, потому что сегодня очень устал от массы сделанных дел. Сегодня я, как ты знаешь, призван. Вместе с тем я уже сегодня зачислен в организацию Земск. и Городск. Союзов: звание мое — „табельщик 13-ой инженерно-строительной дружины“, которая устраивает укрепления; обязанности — приблизит. — учет работ чернорабочих; форма — почти офицерская — с кортиком, на днях надену ее. От призыва я тем

самым освобожден; буду на офицерском положении и вблизи фронта, то и другое мне пока приятно. Устроил Зоргенфрей. Начальник дружины меня знает. Сам он — архитектор. Более подробно напишу после. Паспорт уже отдал, и он заменен удостоверением, завтра получу подъемные (недостаточные, придется тратить свои деньги). Получу бесплатный проезд во II классе. Жалованье — ок. 50 р. в месяц. Уеду недели через две, а мож. быть и раньше.

Николай (1) призван, вот история! Что вы намерены делать? Не знаю, что еще будет с А. Белым и Пястом. С Княжниным — плохо, он сейчас обедал.

Мне очень необходимы мои сапоги черного товара и белые носки. Пошли мне сапоги и носков не более шести пар (кот. ты мне подарила) *посылками* по почте, иначе ничего не придумаешь. Кажется, каждая посылка должна весить не более 14 ф., потому, вероятно, придется сделать две или три. Можно — без цены. Купить — страшно дорого.

Перешли мне также письмо Иванова-Разумника, посланное им в Шахматово.

Здесь — жара страшная, но я пока в деят. настроении. Дела очень много, так что забываешь многое, что было бы при друг. услов. трудно.

Господь с тобой. Саша.

538.

ЕЙ ЖЕ.

8 июля 1916.

Мама, я обязан выехать 26-ого, так что у меня две недели на приготовление. Я надеюсь, заказав

форму, съездить дня на три в Шахматово. На этот случай — погоди посылать сапоги, мож. быть, я сам их возьму.

Посоветуйся с Кублицкими относит. замены Николая.

Сейчас приходил Чулков, на днях был А. В. Гиппиус. Сейчас позвонил Пяст, мы с ним пойдем погулять.

Форму мне мож. быть можно будет сшить в швальне Изм. полка. Собственно, я уже должен ее носить.

Приеду (если приеду) во всяк. случае не раньше той недели.

Господь с тобой.

Саша.

Сейчас получил твое письмо, в кот. ты все еще не знаешь о призыве.

Люба страшно занята: в воскресенье играет Сюзанну в Женитьбе Фигаро (1). Я мож. быть поеду ее смотреть (в Изм. п.) — (и Чулков также).

Чувствую себя очень бодро. Сегодня разговаривал с начальством и получил подъемные деньги.

539.

ЕЙ ЖЕ.

24 июля 1916.

Мама, у меня почти все уже готово к отъезду. Провожать меня захотели почему то Соловьев (1) и Ангелина. Л. А. здесь, я предлагал ей съездить в Шахматово. Я получил письмо от Франца — беспокойное — о тебе и обо мне, он предлагает обратиться к генералу Бартеневу. Напиши ему,

что я его крепко целую и благодарю, я уж не буду писать, он, вероятно, телеграмму получил.

Люба думает, в случае своего отъезда, поселить у нас Аннушку, которая рада этому; ей предлагали поступить к Але Мазуровой, которая живет очень высоко.

Имей в виду, если Николай тебе не передал, что поезда с Подсолнечной есть два: в 4.14 (идет немного скорее почтового — в Пб. в 7 час. утра) и 4.39 (почтовый) (в минутах я не совсем уверен) (2). Я ехал в простом II классе (3), спальный, конечно, занят (три купэ на весь поезд), а I класса, кажется, совсем нет (в 4. 14), так что тебе остается только почтовый.

Я все время гуляю, и сегодня пойду, солнечный день.

25 июля.

Все сделал и приготовился к отъезду. Господь с тобой, мама.

Саша.

Чулки и наволочки готовы.

540.

ЕЙ ЖЕ.

27 VII (1).

Мама, я подъезжаю к Гомелю, погода теплая, проехал недурно. Вероятно, Л. А. уже будет в Шахм., когда ты получишь это письмо. Твое письмо получил перед отъездом.

Господь с тобой.

Саша.

·541

ЕЙ ЖЕ.

Утро 28 июля (1).

Скоро уезжаю, сижу на вокзале.

Саша.

Наобороте: Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. Николаевской жел. дороги ст. Подсолнечная. Сельцо Шахматово.

542.

ЕЙ ЖЕ.

2 августа 1916.

Мама, я вероятно не буду писать особенно часто и буду писать понемногу. По кр. мере, так мне кажется сейчас. Почвы под ногами нет никакой, больш. частью, очень скучно, почти ничего еще не делаю. Жить со всеми и т. д. я уже привык, так что страдаю пока только от блох и скуки. 2 дня я жил в деревне (не той), теперь мы живем в большом именьи, и некоторые (я в том числе) — в княжеском доме. Блох, кажется, изведем. Дела у меня будут современем другие и в другом месте. Было и жарко, но больш. частью, серо. К массе новых впечатлений и людей я привык в два дня так, как будто живу здесь месяц. Вообще, я более, чем когда нибудь, вижу, что нового в человеческих отношениях и пр. никогда ничего не бывает. Ем очень много, начинаю отсыпаться, все находят меня моложавым.

Я очень соскучился о тебе, Любе, Шахматове, квартире и т. д. Лунные ночи олеографические. Люди есть „интересные“. Княжеская такса Фока и полицейская собака Фрина гуляют вместе.

Господь с тобой. Саша.

Пиши так: Полесских жел. дорог ст. Лунинец, 13-я Инж.-Стр. Дружина В. З. Г. С., мне.

Газеты иногда доходят в 2 дня.

543.

ЕЙ ЖЕ.

7 августа 1916.

Мама, это письмо опустит один из моих товарищей по дороге в Петербург. Любе я пишу более подробно, ты спроси у нее, когда приедешь (не по почте). Я здесь поправляюсь, загораю, ем много, купался, проехал верхом верст 20 и в грузовом автомобиле верст 80. Как только останавливаюсь, — скучно. От лошади я совсем не отвык, устаю мало, хотя часы проводил на солнце в жару градусов 35.

До сих пор нет писем ни от тебя, ни от Любы. Писать надо так: ст. Лунинец Полесских жел. дор., 13-ая Инж.-Стр. Дружина, А. А. Блоку. Напиши мне также о Л. А.

Господь с тобой.

Саша.

544.

ЕЙ ЖЕ.

11 августа 1916.

Мама, сегодня я вместе с большой компанией еду в отряд, напутствуемый любезностями инженера, предложениями вернуться в штаб, если мне не понравится, и т. д. Там у меня будет дело, хотя и немного. Будем, вероятно, переходить с места на место, и письма будут только с оказией, а у меня до сих пор еще не было ни одного письма.

Эти дни я много ездил верхом, и сегодня проеду верст 30. Это приятно. Господь с тобой.

Саша.

545.

ЕЙ ЖЕ.

19 августа (1).

Мама, напиши, пожалуйста, записку вкратце обо всех (у меня нет писем) и передай Ащеулову, десятнику, для меня. Я написал с прошлой окказией подробно Любе, она тебе вероятно показала. У меня работы довольно много. Господь с тобой.

Саша.

546.

ЕЙ ЖЕ.

27 августа (1).

Мама, я здоров, вчера получил твои письма (старые — с начала августа). „Табельщику“ — можно не писать. Дела у меня довольно много. Я пишу тебе длинное письмо, которое пошлю с какой ниб. окказией. Господь с тобой.

547.

ЕЙ ЖЕ.

21 авг. (1).

Мама, сегодня я получил первые письма — от тебя, от Любы и от Кузьминой-Караваевой. Твое письмо очень расстроенное. Мне захотелось домой. Вообще же, я мало думаю, устаю за день, работаю довольно много. Через день во всякую погоду выезжаю верхом на работы — в окопы в поле и на рубку кольев в лес. Возвращаюсь только к 1 часу, к обеду. Потом кое что пишу в конторе,

к вечеру собираются разные сведения, ловятся сбежавшие рабочие, опрашиваются десятники, и проч.

Сегодня воскресенье, дела в сущн. нет, поэтому день проходит тихо. Я проснулся в 7-м часу так как рядом уже копошился начальник отряда. Он — одинокий человек моих лет, семья и имущество остались в Вильне. Он страшно нервный, довольно суетливый, скучает и ищет все время дела, а когда дела нет, старается придумать. Проснувшись, я стал вместе с ним ругать „дачников" (так он называет наш „штаб"), который не присылает нам во время мяса, хлеба и т. д. Это его любимая тема. Потом умылись на крылечке, потом пошли в обоз, разбудив заведующего обозом (ему лет 14 по наружности и по развитию, и разбудить его трудно, м. т., он должен вставать раньше всех, чтобы распределять подводы.) Потом пришли и пили чай, потом я удрал с письмами, потом сидели в конторе и составляли табель. После обеда легли спать, но начальник пришел и стал ругать штаб и говорить о политике. Ему бедному страшно скучно Я опять удрал. Заведующий хозяйством сегодня ночью застрявал в болоте, потому крепко спит; Идельсон собирается в отпуск, Егоров (2) — в штабе; начальник живет один на фольварке и хочет переманить кого ниб. из нас к себе, но мы все упираемся, потому что устроились очень уютно. В избе три комн., блохи выведены. В одной спят Попов (3), Идельсон (4) и Глинка, в другой—Игнатов, Егоров и я, в третьей (кухне)—хозяин или хозяйка и котенок, на чердаке — две миловидные девицы (загнаны нами на чердак), на дворе — стадо гусей, огромная свинья и поросенок. Днем приходит повар

*

и мальчишка Эдуард, повар готовит очень вкусно и довольно разнообразно, обедаем все вместе. Последнее лицо — техник, который скоро уйдет. В сущности, он страшно вредное животное, но для нас, б. ч., элемент увеселительный, а мне в нем даже многое нравится (мы с ним м. пр. устраивали скачки на лошадях, он чувствует природу, хотя глуп и очень циничен). Интересы наши — кушательные и лошадиные (кроме деловых), и живем мы все очень дружно. Я надеюсь, что тебя застанет в Пб. десятник Ащеулов, уморительный старик, хотя он может и приврать. Иногда встречаемся мы тут с офицерами и саперами, иногда — со служащими в других отрядах. По обыкновению — возникают разные „трения". Пол деревни заселено нашими 300-ми рабочими — туркестанцы, уфимцы, рязанцы, сахалинцы с каторги, москвичи (всех хуже и всех нахальнее), петербургские, русины. С утра выясняется сколько куда пошло, кто просится к доктору, кому что выдать из кладовой, кто в бегах. Утром выезжаешь верст за 5, по дороге происходит кавалерийское ученье — два эскадрона рубят кусты, скачут через препятствия и проч. Раз прошла артиллерия. Аэроплан кружится иногда над полем; желтеет; вокруг него — шрапнельные дымки, очень красиво. За лесом пулеметы щелкают. По всем дорогам ездят дозоры, вестовые, патрули, во всех деревнях и фольварках стоят войска. С поля виднеется Пинск, вроде града Китежа — приподнятый над туманом — белый собор, красный костел, а посередине — поменьше — семинария. Один день — жара, так что не просыхаешь ни на минуту, особенно верхом. Другой день — сильная гроза, потом холодно, потом моросит. Очень крупные звезды, Б. Медвед.

довольно низко на гориз., направо — Юпитер. Описать все это — выходит похоже на любую газетную корресп., так что в сущн. нельзя описать, в чем дело. На реке рядом работает землечерпалка, наш штаб хочет заводить катер для доставки нам припасов в распутицу. Телефон обыкновенно испорчен (вероятно, мальчишки на нем качаются). Начальник страшно ругается и очень много говорит о коменданте, расстрелах, повешеньи, каторге, порке и пр. К счатью (а иногда м. б. и напрасно) не исполняет.

К вечеру, когда начинается разговор о том, сколько кто выбросил кубов, сколько вырыто ячеек и траверсов, отчего саперы замедляют с трассировкой и пр., все уже очень хотят спать, даже и начальник иногда; вообще же, он может в любую минуту ночи писать пропуск или ругать дачников. Комитеты, поставляющие нам рабочих, насылают сифилитиков, безруких, больных, так что иногда приходится немедленно отсылать их обратно.

28 августа.

Сегодня опять воскресенье, время прошло довольно незаметно, за это время произошло много домашних событий (не настоящих). Рабочих прибавилось, пришла большая партия сартов, армян и татар, в пестрых костюмах; они живут отдельно, у них своя кухня, и они во всем резко отличаются от русских — не в пользу последних (стройные, чистые, спокойные, красивые, великолепно работают). — Сегодня пришла опять большая партия, к сожал., из Москвы. Теперь у нас уже больше 400 человек.

Я ездил с визитом к военным (саперам) с на-

чальником отряда, приезжал начальник дружины с женой, было много лошадиных, аэропланных, телефонных, кухонных и окопных интересов. На работах мы с Глинкой каждый день проводим все утро. Мы строим очень длинную позицию в несколько верст длины, несколько линий, одновременно роем новые окопы, чиним старые, заколачиваем колья, натягиваем проволоку, расчищаем обстрел, ведем ходы сообщения — в поле, в лесу, на болоте, на вырубках, вдоль деревень. Вероятно, будем и обшивать деревом, и проч. Впереди висит наблюдатель, иногда с работ видны далеко впереди разрывы снарядов, аэропланы обстреливаются тщетно, как почти всегда. Движения вообще почти нет. Мы живем дружно, очень много хохочем. Сегодня я больш. частью сплю, потому что ложусь в 12, а встаю в 6 час. всю неделю. Стоит бабье лето, прохладные безоблачные дни, паутина, желтого еще почти нет. Ближайшие леса почти все из черной ольхи, почва — песок и торф.

Не знаю, когда пошлю тебе это письмо, пошлю когда ниб. с окказией. От тебя и Любы получил старые письма от начала августа.

Понемногу у нас становится много общего; конфеты и папиросы, которые мы покупаем в лавках в более и менее далеких деревнях, сапожные щетки и ваксы; иногда — кровати, мыло. Я ко всему этому привык и мне это даже нравится, я могу заснуть, когда рядом разговаривают громко 5 человек, могу не умываться, долго быть без чая, скакать утром в карьер, писать пропуски рабочим, едва встав с кровати. Походная кровать очень удобная вещь.

Я получил еще письма — от Жени, от Кузьминой-Караваевой и от Вас. Гиппиуса.

4 сентября.

Опять воскресенье, все уехали, единственный день, когда я могу сколько ниб. отвлечься от отряда и написать письмо. Тебе его передаст на днях Конст. Алексеев. Глинка, очень милый, смелый и честный мальчик (табельщик), потомок композитора. Положение усложн. — все мы начинаем скверно относиться к начальству. Глинка, я думаю, расскажет что ниб. об этом, я не хочу писать, и так целые дни об этом разговариваем.

Если хочешь, пришли чего ниб. вкусного вместе с Любой — немного, что бы Глинке было не тяжело вести — для всех нас.

Как твое здоровье, я часто думаю о нем. У меня давно нет известий, мы живем в глуши. Позиция, которую мы роем и обшиваем, интересная, многоверстная, рабочих уже 500 слишком. Детям после войны будет интересно играть в пулеметных гнездах.

Прилагаю письма к Любе и к Л. А.

Я озверел, полдня с лошадью по лесам, полям и болотам разъезжаю, почти неумытый; потом — выпиваем самовары чаю, ругаем начальство, дремлем, или засыпаем, строчим в конторе, иногда на завалинке сидим и смотрим на свиней и гусей. Во всем этом много хорошего, но, когда это прекратится, все покажется сном. Со вчерашнего дня в нашем распоряжении 5 казаков (для порядка). Видимся с саперами, иногда приезжают из штаба. Сегодня к вечеру я жду с нетерпением Егорова и Идельсона, они поехали в штаб и, я надеюсь,

подложат свинью технику Брицу, о котором тоже мож. рассказать Глинка.

Я подумываю об отпуске, но весьма неопределенно, не думаю, чтобы это случилось скоро.

Передай Глинке письмо от себя, от Любы и от Л. А., если она захочет написать. Господь с тобой.

Саша.

На конверте: Маме (5).

548.

ЕЙ ЖЕ.

7 сентября 1916.

Мама, все благополучно, скоро тебе привезут длинное письмо от меня; мне почти невозможно писать, все, кроме воскресений, занято, не только делом, но и всякими дрязгами. Я получил 4-ого гостинцы от Любы и от Л. А., письма от тети, Любы и Л. А. Все это было мне очень приятно и кстати, всех угощаю. У всех нас отнош. с нач-ом до того мерзки, что мож. б. мы уйдем в штаб. Обо всем напишу подробнее. Господь с тобой.

Саша.

549.

ЕЙ ЖЕ.

8 сентября (1).

Мама, в тот день когда я писал письмо, я получил посылки и письма. Глинку в отпуск не пустили, теперь письмо привезет Идельсон, а когда — не знаю. У нас слишком трудно уехать каждому.

Сегодня праздник, работ нет, все утро мы ссорились с начальником и подали ему рапорты, чтобы он нас откомандировал в штаб. Он испу-

гался, кажется, будет перемирие. Он человек не плохой, но больной (истерией), в чем сам признается.

Потом судили рабочих, разбивших улей мужика, а теперь почти все уехали верхом кататься. Я остался, потому что у меня насморк, а завтра нужно опять ехать на работу.

Тепло еще настолько, что я надеваю на себя не все, что у меня есть. К холодам куплю себе в Лунинце шинель или шведск. куртку, или куплю казенную кофту (теплая).

Вчера я послал тебе записку по почте. Я редко пишу, потомучто трудно выбрать время и скучно думать о цензуре.

Сколько мы здесь просидим, неизвестно. Позиция огромная, но работы еще много, потом могут еще прибавить.

Люба уехала? Напиши мне про нее. Тетя и Л. А. писали о твоей болезни в Шахмотове. Тетю поцелуй. Не напишет ли она мне еще как нибудь о тебе?

Писем от тебя всего 4 — последнее от 27 августа. Мне были очень приятны разные вкусные вещи, которые я ел сам и угощал всех. Еще много осталось.

Скоро я получу жалованье, хотя и с вычетами.

Господь с тобой.

Саша.

550

ЕЙ ЖЕ.

9—10 сент. (1).

Мама, это письмо перешлет тебе Наум Ильич Идельсон, он живет (только что переселился) в доме Перцова — Лиговка, 44, надеюсь, позвонит

тебе по телефону. Если вздумаешь, пошли с ним что ниб. небольшое, а можно и ничего не посылать, главное — письмо.

Господь с тобой. Саша.

На конверте: Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. Офицерская 40, кв. 7. тел. 619-88.

Дер. Колбы.

551.

ЕЙ ЖЕ.

17 IX (1).

Мама, эту записку тебе передаст наш повар Цыганов (десятник). Вчера получил все присланное с Ащеуловым, все хорошее.

Сейчас не успею ничего написать, страшно занят. Господь с тобой.

Саша.

552.

ЕЙ ЖЕ.

27 IX (1).

Мама, писать нечего и я устал, пишу только по делу: в железном ящике лежит мой университ. диплом, надо снять с него нотариальную копию и прислать мне (это для того, чтобы меня произвели в зауряд-чиновники — в связи с призывом).

Господь с тобой. Саша.

Куртку я получил, она тесновата и коротка, мне не приходится пока ее носить, б. ч. тепло, а, когда холодно, я надеваю жилет, или очень теплое пальто на вате — короткое (куплено здесь).

553.

ЕЙ ЖЕ.

3 XI (1).

Мама, я подъезжаю к Гомелю, письмо опущу там. В 5 часов уже темно, везде снег. Провожал меня только Егоров. Мне довольно грустно. Спал я много.

Господь с тобой.

Саша.

На обороте: Петроград. Офицерская 40, кв. 7. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

554.

ЕЙ ЖЕ.

3 XI (1).

Скучно, мама, сидеть в Гомеле и ждать поезда. Завтра, мож. быть, буду покупать полушубок в Лунинце. Господь с тобой.

Саша.

На обороте: Петроград. Офицерская 40, кв. 7. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

555.

ЕЙ ЖЕ.

3 XI 12 час. (1).

Подъезжаю, встретил заведующего складом, он сказал, что мы на старом месте, сейчас передаст по телефону, чтобы за мной прислали лошадей. Полушубки мерил, мне не понравились, да и не холодно, в кр. случ., буду носить фуфайку. Письмо опущу в Парахонске. Господь с тобой.

Саша.

На обороте: Петроград. Офицерская 40, кв. 7. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

556.

ЕЙ ЖЕ.

1916, 7 ноября вечером. Им. Парахонск.

Мама, мы сидим с Идельсоном (который тебе просит кланяться) у камина в комнате в княжеском доме после „трудового дня". В доме осталось всего 6 человек, в комнате нас всего 3 — кроме нас, как и тогда, Шлыков (зав. мастерскими) (1). Тихо, мягкий снег, время пошло тише. Ничего не произошло существенного, несущественного (в виде интриг, гл. обр., женских) много. Никуда мы не едем, всё по старому, только — зима. Дни были холодные, но мне тепло в фуфайке и двух одеждах сверху (китель и теплый „пиджак" на вате — на улице). Скучно. Докторшу выпирают, есть новые лица, будущего не видно. С Катонин. и его женой (2) отношения очень милые, Тараевича нет. Мне стало после поездки здесь как то труднее, я еще не забыл многого, потом — зима и лошади нет.

Вчера приезжало начальство — инженер, начальник всех дружин, которого всюду водим, всё показываем, был переполох.

10 часов вечера, сейчас ляжем спать, а завтра прежде 8-ми не встанем. Работы, однако, довольно много — не во все дни. Господь с тобой.

Саша.

Ах, да — я назначен „заведующим отделом" с 1 ноября.

557.

ЕЙ ЖЕ.

13 ноября (1).

Мама, я буду писать, как следует, а сейчас мне надо мой синий билет — отнош. к воинской повин-

ности — лежит в том же несгор. ящике. Пошли его заказным в Парахонск, 13-ая Дружина.

Господь с тобой. Саша.

558.

ЕЙ ЖЕ.

14 XI 1916.

Мама, это письмо передаст тебе Александр Александрович Надеждин — техник и делопроизводитель дружины (1). Пишу я его, сидя в нашей рабочей конторе.

Совсем тепло, весь снег, какой был, стаял. Я иногда езжу верхом — вчера к Ловчу в наши склады, до того — с инженером Тараевичем на его „Урагане" (породистый гад). По вечерам сидим в доме, играя с княгиней в хальму, она играет на рояле, князь тут же засыпает. Третьего дня праздновали свадьбу Катонина, была выпивка, но слишком мало. Несмотря на все это кажущееся разнообразие, я все это время чувствую себя б. ч. тоскливо. Меня Катонин хочет оставить при штабе; Егоров все не едет.

Вчера я послал тебе заказным просьбу прислать мой воинский билет (голубой) из несгораемого ящика.

Надеждину никаких посылок не давай, он едет потом в Москву и в Киев.

Господь с тобой.

Саша.

559.

ЕЙ ЖЕ.

21 XI 1916.

Мама, Егоров привез мне папиросы, письма и посылку Любовь Александровны. Очень, очень благодарен.

Жизнь штабная продолжает быть нелепой. Сегодня, впрочем, я чувствую себя лучше, вероятно, потому что проехал вчера верст 10 на хорошей лошади, мне стало жарко, я обтирался холодной водой и пр.

Княгиня закатывает нашей кампании ужины, от которых можно издохнуть: хороший повар, индюшки, какие то фарши; вчера я едва дышал. Княгиня очень болтлива и напирает, но я к ней чувствую симпатию, потому что первый муж ее застрелился, второй ее ревнует и бьет, она служила в цирке укротительницей боа — и другие подобные достоинства.

Последние дни опять подморозило. Воздух хороший.

Я получил обиженное письмо от Л. Андреева (1) и очень длинное письмо от Немировича, где он описывает все работы. Пишет, что меня не понадобится по кр. мере месяц (от 1 ноября).

Алису играет Лилина. Он боится за Гаэтана, Алискана и нек. других. Очень увлечен. Музыка едва ли будет Рахманинова (он занят), Метнера тоже еще кажется не уговорили. О музыке Нем. пишет хорошо.

Обязанности нач. дружины временно исполняет Лукашевич (2), мы с ним в лучших отношениях, я уже воспользовался этим и повысил плату одному рабочему.

Ты пишешь очень редко. Со станции пришла повестка на какое то заказное письмо. Вероятно, это синий билет? Господь с тобой.

Саша.

Тетино письмо тоже получил, она много написала о тебе.

560.

ЕЙ ЖЕ.

27 ноября 1916.

Мама, жить здесь стало гораздо хуже, чем было летом: гораздо более одиноко, потому что все окружающие ссорятся, проявляя более или менее низменные стороны своего характера, а по вечерам слишком часто происходят ужины „старших чинов штаба" и бессмысленное сидение их (и мое в том числе) в гостиной. От этого все „низшие" чины на нас начинают коситься и образуются партии. — Егоров уехал в отряд.

Положительные стороны для меня — довольно много работы в последние дни, тревожные газеты, которые я теперь всегда читаю, сильный ветер (мне очень тепло, и я надеюсь провести так всю зиму, это гораздо здоровее, если же купить полушубок, то я боюсь простудиться). Сейчас, кроме того, горят на востоке не то леса, не то болота, зарево в пол-неба, колонны дома розовые (вечер) и рядом с заревом встает луна.

Сейчас получил твою короткую записку; я пишу чаще, чем раз в неделю. Был ли у тебя Надеждин? Господь с тобой.

Саша.

Письмо это завтра пойдет заказным.

561.

ЕЙ ЖЕ (1).

Разумеется, мама, можно заменить Ольгой Павловной (2). Сейчас мало думаю о таких вещах, но, вероятно, буду рад, если это случится (т. е.,

с Рус. Мыслью). Письмо получил только что (2 декабря). Здесь совсем тепло, я здоров. Господь с тобой.

А.

К Струве я ничего не пишу, пожалуйста, поклонись ему от меня, если увидишь.

На обороте: Петроград. Офицерская 40, кв. 7. Ее Превосходительству Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

562.

ЕЙ ЖЕ.

7 дек. 1916.

Мама, вероятно, ты получаешь не все письма, например, не получила открытку, в кот. написано, что Ольга Павловна вполне допустима. Вообще, известие о том, что поэма пошла, мне приятно. Пишу я не часто, очень трудно выбрать время, к сожалению, не потому, что много дела, а потому, что жизнь складывается глупо, неприятно, нелепо и некрасиво. Редкие дни бывает хорошо, все остальные — бестолково, противоречиво и мелочно. Надоедает мне такая жизнь временами смертельно, и я жду хоть весны, или лета, чтобы можно было открывать окна и проветривать комнату, полную мелких и пошловатых дрязг. На вызов в театр я почти потерял надежду, и даже не стремлюсь к этому, так все неблагополучно вообще.

От Любы у меня давно нет писем.

Удовольствие мне доставляют твои довольно редкие письма и редкие минуты, когда я остаюсь один (например, вчера к вечеру в поле на лошади).

О XIX веке (1) я всетаки не меняю мнения, да и сейчас чувствую его на собственной шкуре — меня окружают его детища. Есть и ничтожные, есть и семи пядей во лбу, в одном только все сходны: не чувствуют уродства — своего и чужого. Таковы и эстеты и неэстеты, и „красивые" и некрасивые. Современные люди в большом количестве хороши разве на открытом воздухе, но жить с ними в одном хлеву долгое время бывает тягостно.

Егоров приезжал из отряда, мы много играли в шахматы. Он ближе других мне, так как очень ленив; лень современного человека всетаки облагораживает.

Господь с тобой.

Саша.

563.

ЕЙ ЖЕ.

15 дек. (1), веч.

Мама, я получил два твоих письма (последнее — сейчас). Не пишу, кажется, давно, потому что у меня исключительно много работы (Идельсон болен инфлуэнцей), я заведую партией, вместо него. Сижу в конторе с утра часов до 7-ми, а потом начинается ужин, шахматы и пр. Работа бывает трудная, но она скрасила до нек. степени то, о чем я тебе писал.

Письмо от Л. Я. Гуревич я получил, поблагодари ее, пожалуйста, мне оно было очень приятно, но я все еще не успел, как следует, его прочесть.

Судя по твоим письмам (особ., сегодняшнему), тебе уже хуже. В отпуск я не поеду, чтобы не

хотел ехать, не могу сказать. Я был бы рад, если бы все это кончилось. Пока конца нет, пожалуй, здесь лучше, только очень уж одиноко и многолюдно. Я просто немного устал. Очень много приходится ругаться.

Природа удивительна. Сейчас мягкий и довольно глубокий снег и месяц. На деревьях и кустах снег. Это мне помогает ежедневно. Остальное все — кинематограф, непрестанное мигание, утомительное „разнообразие“

Господь с тобой.

Саша.

За переговоры со Струве я тебя очень благодарю, результату их очень рад.

564.

ЕЙ ЖЕ.

6 час. веч. 18 XII(1).

Мама, я сейчас приехал в Лунинец на автомобиле — купить кое что. Сейчас еду обратно.

Письмо о Пашуканисе получил.

Договора нового, очевидно, не надо, деньги ты едва ли получишь сразу. Во всяк. случае, хорошо бы получить экземпляры. „Землей“ заведует не жид, а грузин. Меня беспокоит, что тебе трудно (2). возжаться со всеми этими жуликами.

Я чувствую себя хорошо. Сегодня ночью горел лесопильный завод у нас, а сегодня — на автомобиле — всё это развлечение.

Писать тороплюсь, неудобно.

Господь с тобой.

А.

565.

ЕЙ ЖЕ.

27 декабря (1) утром.

Мама, ты, вероятно, беспокоишься, потомучто я давно не пишу. Каждый день об этом думаю и не могу найти минуты. У меня очень много дела, потомучто я заменяю Идельсона, который был болен, потом уехал. (Вероятно, он будет тебе звонить, ты его не „обременяй“ поручениями, потому что я не думаю, чтобы он теперь питал ко мне особые чувства, как и я не питаю). Кроме дела, начались праздники, и все мы находимся в вихре светских удовольствий, что пока приятно, а иногда очень весело. К сожалению, все вечно болеют и валяются в кроватях, так что надоедает. Я чувствую себя очень хорошо. Приходится много злиться и ругаться при исполнении служебных обязанностей. Шлыков тоже уехал, так что я одну ночь был в комнате один, а теперь — с Книпгаузеном, которого, вообще, люблю, он — ребенок. Бывшие же мои постоянные соседи ничего детского не имеют, а взрослой дряни в них обоих достаточно. Впрочем, все это — вздор, надо только иногда доставлять себе труд огрызаться, иначе „пропадешь“ (правило житейской мудрости).

Если даже меня не вызовут в Москву, я все-таки съезжу в отпуск в будущем; впрочем, когда, — не знаю. Новых договоров с Пашуканисом пока не думаю заключать никаких. Книгу, полученную от тебя, я разрезал, но мало видел — некогда. Получил твою открытку и письмо с договором Струве, но это было уже порядочно давно — до праздников.

*

Надо вставать, уже приходил десятник с докладом, сейчас пойду пить чай и отправлять партию финнов в отряд.

Господь с тобой.

Саша.

Напиши мне, не получала ли ты письма от Любы, или не получала ли тетя?

566.

ЕЙ ЖЕ.

1916 г. 28 декабря, вечером.

Мама, вчера я писал тебе утром, а сейчас могу улучить несколько минут вечером, хотя все время шляются мимо княгиня, гостящие у нее офицеры и прочая пустельга. Имею потребность сказать тебе, что очень хочу, чтобы с Нового Года не повторялись такие мучительные для нас обоих часы и дни, какие были, например, в октябре, или — при встрече этого года. Пожалуйста, не говори об этом моем желании тебе и себе никому, чтобы его не разбить, пусть это останется между нами. Я скучаю о тебе очень часто, и ты мне необходима также, как я тебе. Это — главное.

Не знаю, как встречу Новый Год, вероятно, одному — не удастся. Поздравь тетю с Новым Годом от меня, если ты на нее сейчас не сердита.

Господь с тобой, целую тебя, с Новым Годом.

Саша.

1917 г.

567.

МАТЕРИ.

1 января 1917 года,
вечером.

Мама, вчера я получил твое письмо и Любино, третьего дня — тетино и от Жени. Все письма невеселые для меня (т. е., Женино сюда не относится). Вообще, ужасно тревожно и лучше было вчера к вечеру, так что я склонял всех вместе встретить год. Действительно, уж мы его встретили, встречали сегодня до 8 час. утра и мрачное прошло, но сейчас уже опять беспокойно. Я очень беспокоюсь о тебе, также — о Любе, как она будет потом, как устроится и т. д. (она не жалуется, даже наоборот, но мне не нравится то, что она устраивает).

Сегодня оттепель (как часто бывает), идет дождь пополам со снегом.

Я завалюсь спать сейчас же, даже в шахматы играть с начальником не пойду, что делаю каждый вечер.

Поцелуй тетю за письмо. Пиши мне чаще (или тетя) о твоем здоровьи. Мне вообще здесь трудно, и должность собачья, и надоело порядочно, а без писем особенно трудно. О тебе известий очень долго не было, от Любы — еще дольше.

На новый год у меня было три желания — касающиеся тебя, Любы и войны. В чем они заключаются, — само собой разумеется.

Господь с тобой, целую тебя.

Саша.

568.

ЕЙ ЖЕ.

7—8 января 1917 (1).
Ночью.

Мама, эти дни я получаю письма твои и тетины — о болезни, о докторе, о санатории. Да, я думаю, что в санаторию тебе хорошо поехать, и что, может быть, в Крюкове хорошо. Там, правда... и „чеховская комната“, но эти пошлости могут некоторое время даже помогать, не только не мешать. Вообще, труднее всего решиться, а потом будет уже легче. Главное, что за этим может последовать облегчение, хотя бы некоторое; если это совпадет с поумнением всего человечества (на что надежды мало, по крайней мере, сейчас), можно будет подумать, наконец, и о жизни — и для тебя и для меня. Теперь, между прочим, для санатории самое время, я бы сидел там спокойно и, может быть, перестал бы даже читать газеты: события окончательно потеряли смысл, а со смыслом—и интерес. Мож. быть, я тоже устал нервно, к тому же—немного болен, сижу в комнате дня три (бронхит и осип так, что говорю шопотом, раскашлял и разругал горло). Посидеть недурно, но очень много дела, которое, поневоле, упускается. Сегодня, например, пришло человек 300 новых рабочих, все пришлось свалить на табельщиков.

Сейчас без конца играл в шахматы с Катониным, теперь буду спать. Очень уж неспокойно — думаю о тебе и о Любе. Поцелуй тетю за письма, мне очень важно все, что она сообщает. Господь с тобой.

Саша.

8 янв. Сейчас проснулся, мне, кажется, лучше. Господь с тобой. Саша.

569.

ЕЙ ЖЕ.

8 января (1) к вечеру.

Мама, сегодня я чувствую себя гораздо лучше и почему то веселее. Мож. быть, потому, что я сидел весь день за работой почти один, „с докладами“ приходили мало, я пил чай и писал. Бронхит проходит, я все время принимаю лекарство, сделанное для меня зем-врачихой, посещающей меня (прикомандирована к нам). Очень хорошее средство: вместе взболтаны нашатырно-анисовые капли, ипекакуана и тиокол.

Нас скоро переведут по близости, слухи были, теперь, кажется, оправдываются. Пиши пока по старому адресу, во всяк. случае, это будет тут же. Ничего не имею против, даже доволен.

Сейчас жду, пока уйдут из гостиной рядом княжеские гости, лопочущие по польски, и прошмыгну играть в шахматы к начальнику.

Посылаю (завтра) оба письма вместе, потому-что вестовой Комаров не пришел сегодня, за что я его выругаю.

Пиши почаще, господь с тобой.

Саша.

570.

ЕЙ ЖЕ.

15 января (1).

Мама, я тороплюсь писать, у нас в Др. (2) события, которые могут повернуть всю жизнь мою и почти всех остальных иначе.

Сейчас еду на станцию послать эту записку. Ты не беспокойся, во всяк. случае; если что и будет, то я прежде всего долж. буду быть в Пб. Господь с тобой. Саша.

571.

ЕЙ ЖЕ.

17 января (1) вечер.

Мама, во первых не беспокойся о таких пустяках, как платье. Если бы мне было холодно, я бы оделся теплее, но в мороз я надеваю фуфайку (Франца) и мне жарко, так что я стараюсь этого избегать. Тут происходят вещи гораздо более важные.

Я уже совсем здоров и давно хожу на работу. Идельсон приехал, все привез (я очень всех благодарю), но к сожалению ему очень скоро пришлось уехать по нашим общим делам (хлопоты, справки и пр.), так что я опять один, у меня 2000 рабочих, и т. д. Вчера приезжал генерал, остался доволен, благодарил нас (при нем состояли приятели мои Д. Кузьмин-Караваев и Ал. Толстой (2), с которым мы целовались и пр.). Между тем, положение наше и мое в частности таково, что я скоро могу очутиться в П — ге, но вовсе не в отпуску, или же не буду в состоянии вовсе приехать долгое время. Все мы должны тащить на себе нелегкую работу при таких условиях. Все это, т. е. неопределенность и моя связанность меня беспокоит в отнош. к тебе, т. е., что я не смогу приехать, ты уедешь в санаторию без меня и т. д. Во всяк. случае, расчитывай, что ты уедешь в санаторию, а мне перед этим не удастся выехать. Все-таки, пора, наконец, ехать в санаторию, плюнув на все денежные расчеты и постаравшись преодолеть..... и пр. Мож. быть, поможет усиленное леченье, и ты поправишься к тому времени, когда времена изменятся к лучшему и можно будет начать жить, отдохнув немного. Я совершенно здоров, но устал

и нравственно и физически, Положение выяснится скоро, тогда я напишу. Идельсон приедет тоже скоро, и мне будет, если все останется по прежнему, несколько проще. Рядом с неприятностями есть и приятное и интересное. Господь с тобой, не думай о мелочах, представляй себе все в гораздо более крупных (нелепо крупных) масштабах — это символ нашего времени. Поцелуй тетю за письма, они мне очень важны, но я хотел бы получать хоть короткие, почаще. Господь с тобой.

Саша.

572.

ЕЙ ЖЕ.

Телеграмма (1).

Петроград Офицерская 40
Александре Андреевне Кублицкой.

Не беспокойся скоро выяснится пошли Любе триста рублей Оренбург.

Блок.

573.

Ф. Ф. КУБЛИЦКОМУ-ПИОТТУХ.

Телеграмма (1).

Петроград Офицерская 40, генерал-лейтенанту
Кублицкому-Пиоттух.

Положение немного определяется лучшему едете ли в санаторию телеграфируй

Саша.

574.

ЕМУ ЖЕ.

Телеграмма (1).

Птг. Офицерская 57 Генерал-лейтенанту Кублицкому-Пиоттух.

Выехать невозможно убеди маму ехать с тобой в санаторию извещу когда выяснится положение.

Саша.

575.

МАТЕРИ.

6 февраля (1).

Мама, сегодня я получил твое письмо от 31 января и тетино тоже, и сегодня же пришло известие, что наше дело, *кажется*, обойдется благополучно. Пока не пишу больше ничего, некогда, господь с тобой.

Саша.

576.

М. А. БЕКЕТОВОЙ.

6 февраля (1).

Тетя, сегодня я получил твое и мамино письмо от 31 янв. и вместе с тем, известие, что все обойдется, кажется, благополучно. Очень тороплюсь, спасибо тебе за письма, пиши еще, маме пишу в Крюково.

Саша.

Ф. Ф. Кублицкий - Пиоттух.

577.

МАТЕРИ.

14 февраля 1917.

Мама, сейчас я получил твое письмо из Крюкова. Могу, наконец, сейчас написать. Я редко пишу, потому что некогда и даже почти негде; нельзя сказать, чтобы было много дела всегда, но при той вечной неопределенности, которая здесь во всем, никогда не знаешь, где быть и как быть. У нас в штабе вечные новости и неожиданности. Теперь, например, затихло все то дело, о котором ты знаешь (1), и все повидимому, обойдется (по крайней мере, до следующего раза); зато теперь пришли военные и выставили нас почти из всех помещений, в т. ч., из княжеского дома. Сейчас мы ютимся пока в конторах, но уже поставлен прекрасный барак. Морозы кажется прекратились, пахнет весной уже два дня. Масляницу мы с Надеждиным заканчивали в 3-х отрядах, ели отчаянно много, гораздо больше, чем пили, ночевали на чужих кроватях и без конца ездили на лошадях по снежным лесам и равнинам. Это последнее для меня всегда очень освежительно, но мне сравнительно редко удается это делать, потому что я фактически давно уже почти всегда заведую партией, тщетно мечтая о своем запущенном отделе; Идельсон же окончательно . . . . и почти ничего не делает. В настоящее время он покатил провожать свою супругу, которую выписывал сюда . . . . и не знаю, когда вернется.— Я бы хотел, если все уладится, съездить в отпуск, — в Пет. и в Крюково, а если понадобится — и в Москву. Останавливает меня, кроме занятий (некому заменить), неизвестность

относительно погон; никто не знает, какие носить теперь, а с теми, которые есть, можно налететь на неприятность.— Все бестолково и неопределенно и все бы можно было переделать, еслибы другие люди. У меня самого тоже нет ни инициативы, ни достаточной власти.— Господь с тобой.

Саша.

578.

ЕЙ ЖЕ.

21 февраля (1).

Мама, я пишу опять записку, писать решительно нечего. „Событий" здесь очень много, но все они неописуемы, не имеют ровно никакого смысла и значения. Мне скверно потому, главным образом, что страшно надоело все, хотелось бы, наконец, жить, а не существовать, и заняться делом. Скоро я попрошусь в отпуск и постараюсь его использовать лучше прежнего, если дадут.

Сегодня пришло твое письмо от 12 февраля, шло, следовательно, 9 дней. Я писал тебе неделю назад. Все это дурацкое отсутствие минимальных удобств станет менее заметным, когда можно будет часто иметь дело с лошадьми, ездить верхом. На днях я уже проехал верхом ночью верст восемь, это было очень приятно после зимнего перерыва, хотя морозы еще не совсем прошли.

Писать трудно, потому что кругом орет человек 20, прибивают брезент, играют в шахматы, говорят по телефону, топят печку, играют на мандолине — и все это одновременно (а время дня — „рабочее"!).

Господь с тобой. Саша.

579.

ЕЙ ЖЕ.

24 февраля (1).
Парахонск.

Мама, это письмо пойдет из Москвы с окказией, потому, надеюсь, дойдет до тебя скорее. Однако, поздравляю тебя с 6 марта, потому, что если бы я писал прямо отсюда теперь, письмо дошло бы до тебя только к этому дню.

В отпуск я еще не просился. Бывают дни, когда настроение лучше, как например, сегодня; от каких причин, неизвестно, потому что все по старому. Страшно разнообразная здесь погода, вчера была метель, настоящий снежный буран, а наш барак стоит почти в открытом поле; потому приятно смотреть в окно во все часы. Поле покрыто глубоким снегом, идет вверх, на близком горизонте кучки деревьев (сосен). Это те песчаные бугры, с которых летом иногда можно видеть Пинск. Туда уходит дорога с военным телеграфом, который поет от ветра, там идут длинные обозы без конца, уже много дней. Барак разделен на чуланы, мы живем с Идельсоном, Харуцким (завед. телефонами) и дежурным телефонистом, направо — наша рабочая контора, налево — хозяйственный отдел, через переход — главная контора, рассчетный стол и кабинет начальника. Все эти громкие названия мало соответствуют действительности. В 8 часов утра поднимается гвалт, потомучто все вокруг встают. Приносят чай, умыванье, все бреются и долго валандаются. Обедать и ужинать (в 1 ч. и в 8 ч.) ходят в дом священника в деревню, а среди дня пьют еще чай, где придется. В нашем чулане (всего аршина 4 в шир. и арш. 7 в длину) процве-

тают шахматы, все приходят играть. Сейчас передо мной играют Харуцкий с главным счетоводом. На потолке украшения — сосновые ветки.

Я жду, чтобы Люба приехала в Пб., тогда посмотрю, как поступить. Господь с тобой.

Саша.

580.

ЕЙ ЖЕ.

1 марта 1917.

Мама, письма твои я получаю, хотя и с большим опозданием. Здесь всё по прежнему — надоело всё всем. Единственно, что меня занимает, кроме лошади и шахмат, — мысль об отпуске, который я оттягиваю, отчасти из за того, чтобы использовать его лучше (увидеть Любу, которая, кажется, опять уехала в Москву, я получил от нее телеграмму из Пб., не знаю, когда она вернется). Кроме того, есть вопросы — отсутствие поездов в Европе, отсутствие погон, неопределенность положения (в зауряд-военные чиновники всё еще не перечисляют), и прочий вздор. Идельсон принялся за дело, но сейчас он в Минске на заседании, вернется сегодня или завтра.

Несмотря на то, что это болото забыто не только немцами, но и богом, здесь удивительный воздух, постоянные перемены ветра, глубокий снег, ночью огни в деревенских окнах, все это — как всегда — настоящее. Сегодня ночью, например, мы услыхали, что на фронте началась частая стрельба, заработали прожекторы и ракеты, горизонт осветился вспышками снарядов; мы сели на лошадей и поехали на холмы к фронту; пока

ехали, разумеется, все прекратилось, но ехать было очень приятно и интересно. Ночь темная, тропинка в снегу, встречные деревья и кусты принимаешь за сани, кажется, что они движутся, остовы мельниц с поломанными крыльями, сильный ветер. Мне прислали, наконец, ту лошадь, на которой я ездил в I отряде, очень ее люблю, у нее английская головка.

Господь с тобой.

Саша.

581.

ЕЙ ЖЕ.

9 марта 1916 г. (1) вечером.
Парахонск.

Мама, я собрался после 15-ого в отпуск и увижу тебя. С большой тревогой жду телеграмм в ответ на мои (2), посланные третьего дня утром — тебе и тете. Природа участвует в происходящем — она необыкновенно ярка и разнообразна. Не предупреждай никого о приезде моем в Петербург.

Еслибы я получил успокоительные телеграммы, мне было бы очень хорошо теперь, несмотря на то, что наш фронт — захудалый и Эверт (3) относится к происходящему хуже всех, что отражается на окружающем. — Мы с Идельсоном послали приветственные телеграммы: он — товарищу министра юстиции (4), а я — министру финансов (5).

Только бы получить телеграммы. Повторяю, это трижды в коротком письме, потому что это все, что мне сейчас надо. Господь с тобой.

А.

582.

ЕЙ ЖЕ.

19 марта 1917 г. вечером.

Мама, сегодня приехал я в Петербург днем, нашел здесь одну тетю, завтракали с ней и обедали, рассказывали друг другу разные свои впечатления. Я довольно туп, плохо все воспринимаю, потому что жил долго бессмысленной жизнью, без всяких мыслей, почти растительной. Здесь сегодня яркое солнце и тает. Отдохну несколько дней и присмотрюсь. Несмотря на тупость, все происшедшее меня радует. — Произошло то, чего никто еще оценить не может, ибо таких масштабов история еще не знала. Не произойти не могло, случиться могло только в России.

Минуты, разумеется, очень опасные, но опасность, если она и предстоит, освещена, чего очень давно не было, на нашей жизни, пожалуй, ни разу. Все бесчисленные опасности, которые вставали перед нами, терялись в демоническом мраке. Для меня мыслима и приемлема будущая Россия, как великая демократия (не непременно новая Америка). Все мои пока немногочисленные дорожные впечатления от нового строя — самые лучшие, думаю, что все мы скоро привыкнем к тому, что чуть чуть „шокирует".

Впрочем, я еще думаю плохо. Я очень здоров, чрезмерно укреплен верховой ездой, воздухом и воздержанием, так что не могу еще ясно видеть сквозь собственную невольную сытость (это мой способ применяться к среде).

Думаю съездить к тебе; вообще, могу пользо-

ваться отпуском месяц. Очень жду приезда Любы, которая не пишет ни тете ни мне.

Господь с тобой.

Саша.

20 марта.

Сейчас встал, чувствую только, что приятно быть во всем чистом.

583.

ЕЙ ЖЕ.

23 марта 1917.

Мама, три дня я просидел, не видя никого, кроме тети, сознавая исключительно свою вымытость в ванне и сильно развившуюся мускульную систему. Бродил по улицам, смотрел на единственное в мире и в истории зрелище, на веселых и подобревших людей, кишащих на нечищенных улицах без надзора. Необычайное сознание того, что все можно, грозное, захватывающее дух и страшно веселое. Может случиться очень многое, минута для страны, для государства, для всяких „собственностей" — опасная, но все побеждается тем сознанием, что произошло чудо и, следовательно, будут еще чудеса. Никогда никто из нас не мог думать, что будет свидетелем таких простых чудес, совершающихся ежедневно.

Ничего не страшно, боятся здесь только кухарки. Казалось бы, можно всего бояться, но ничего страшного нет, необыкновенно величественна вольность, военные автомобили с красными флагами, солдатские шинели с красными бантами, зимний дворец с красным флагом на крыше. Выгорели до тла литовский замок и окружный

*

суд, бросается в глаза вся красота их фасадов, вылизанных огнем, вся мерзость, безобразившая их внутри, выгорела. Ходишь по городу, как во сне. Дума вся занесена снегом, перед ней извозчики, солдаты, автомобиль с военным шоффером провез какую то старуху с костылями (полагаю, Вырубову (1) — в крепость). Вчера я забрел к Мережковским, которые приняли меня очень хорошо и ласково, так что я почувствовал себя человеком (а не парием, как привык чувствовать себя на фронте). Обедал у них, они мне рассказали многое, так что картина переворота для меня более или менее ясна: нечто сверхъестественное, восхитительное.

Билеты на ж. д. разобраны надолго, так что выехать к тебе трудно. Пока я жду Любу, которая, вероятно, сейчас у тебя, и все вопросы оставляю открытыми, потому что решительно не знаю, что делать с собой. Отпуск у меня до субботы Фоминой (на законном основании), но я бы охотно не возвращался в Дружину, еслибы нашел здесь подходящее дело. Со вчерашнего дня мои поросшие мохом мозги зашевелились, но придумать я еще ничего не могу, только чувствую, что все можно.

Вчера я получил из дружины твое письмо о Лилиной (2), и тетя получила. Как это я поеду на Фоминой в Москву — не знаю.

Сейчас мне позвонил Идельсон. Оказывается, он через день после меня совсем уехал из Дружины, получив вызов от Муравьева (3), и назначен секретарем Верховной Следственной Комиссии (4). Будут заседать в Зимнем Дворце. Приглашает меня, не хочу ли я быть одним из редакторов

(это значит, сидеть в Зимнем Дворце и быть в курсе всех дел). Подумаю. Сейчас (говорит Идельсон) — вся Литейная и весь Невский запружены народом, матросы играют марш Шопена. Гробы красные, в ту минуту, когда их опускают в могилу на Марсовом поле, производится салют с крепости (путем нажатия электрической кнопки).

Сейчас пойду на улицу — смотреть, как расходятся.

Господь с тобой.

Саша.

584.

ЕЙ ЖЕ.

30 марта 1917 г.

Мама, вчера я записал себе билет на 9 апреля и надеюсь приехать к тебе 10-ого.

Люба приехала давно и живет здесь.

У нас были один вечер Женя с женой, А. В. Гиппиус и В. Н. Соловьев. Кроме них (и Л. А.) я никого эти дни не видел.

Немирович-Данченко прислал телеграмму, приглашает меня в половине Фоминой недели. От тебя я поеду к ним, хотя это время совпадает с окончанием моего отпуска. Это не особенно приятно, потому что своим отпуском я до некоторой степени подвожу других. Не думаю, чтобы я был годен вообще на какую нибудь службу, поэтому я отношусь апатично к тому, как дотянуть эту войну. Во всяком случае, уж никак не с * * *, к которому у меня в конце концов скверное отношение, хотя он ничего дурного мне не сделал, мож. быть, скорее хорошее. Других предложений

я пока не имею. Кроме всего, „служба“ сказалась, т. е., я „одичал“, отвык, как следует, думать, для того, чтобы поправиться от болезни бессмысленной жизни, приспособления к фронтовым нравам и общения с полячками и провинциальными княгинями нужно время.

Время идет ужасно скоро, всё как то скоро приходит, уходит и сменяется другим.

Поздравляю тебя с праздником, который в первый раз будет без жандармов, вследствие чего я его ощущаю почти безболезненно. Господь с тобой

Саша.

585.

ЕЙ ЖЕ.

Спб. 2 апреля 1917.

Мама, в этом году пасха проходит так безболезненно, как никогда. Оказывается теперь только, что насилие самодержавия чувствовалось всюду, даже там, где нельзя было предполагать. Ночью вчера я был у Исаакиевского собора. Народу было гораздо меньше, чем всегда, порядок очень большой. Всех, кого могли, впустили в церковь, а остальные свободно толпились на площади, не было ни жандармских лошадей, создающих панику, ни тучи великосветских автомобилей, не дающих ходить. Иллюминации почти нигде не было, с крепости был обычный салют и со всех концов города раздавалась стрельба из ружей и револьверов—стреляли в воздух в знак праздника. Всякий автомобиль останавливается теперь на перекрестках и мостах солдатскими пикетами, которые проверяют документы, в чем есть свой рево-

люционный шик. Флаги везде только красные, „подонки общества“ присмирели всюду, что радует меня даже слишком — до злорадства.

Третьего дня Немирович-Данченко пригласил нас с Добужинским обедать вместе у Донона (1), но самому ему неожиданно пришлось уехать (из за трудности попасть на ж. д.), так что мы с Добужинским очутились у Донона вдвоем. Туда же зашли случайно из Зимнего Дворца Ал. Бенуа и Грабарь (2), и мы очень мило пообедали вчетвером; сзади нас сидел великий князь Николай Михайлович — одиноко за столом (бывший человек: он давно мечтал об участии в революции и был замешан в убийстве Распутина). Подошел к нему молодой паж (тоже „бывший“, а ныне — „воспитанник школы для сирот павших воинов“). На довольно обыкновенный обед (прежде так было в среднем ресторане) мы истратили по 12 рублей. А у нас в квартире хорошее пасхальное кушанье.

Мне звонила на днях Поликсена Сергеевна. Катя совсем больна от ухаживаний за отцом, который теперь находится в лечебнице на Песках, а Наталья Ивановна, тоже больная, ездит к нему каждый день.

Еще звонили мне Зоргенфрей и Ал. Н. Чеботаревская, которую я увижу завтра у Ремизовых.

Сегодня утром приходил Мейерхольд. Кинематографическая фирма просит „Р. и К.“ (после Худ. театра), надо не продешевить.

Все, с кем говоришь и видишься, по разному озабочены событиями, так что воспринимаю их безоблачно только я один, вышвырнутый из жизни войной. Когда приглядишься, вероятно, над многим придется призадуматься. Впрочем, события еще

далеко не развернулись, что чувствуют более или менее все.

Я забыл написать, что у меня на столе лежит давно письмо Ремизова, где сказано: „я очень благодарен Александре Андреевне: единственный человек принял участие в моей ратной судьбе. Освобожден я по статьям“ таким то.

Вчера пришла телеграмма от Франца тете — он беспокоится о тебе. Мы послали ему успокоительную телеграмму (3).

Сегодня яркий весенний день. У меня стоит корзина мелких красных роз от Любовь Александровны.

Эти дни я много ходил по книжным магазинам, так как мне поручено купить книг для рабочих.

Люба много спит, отдыхает, иногда бывает грустная.

Господь с тобой.

Саша.

Сейчас принесли мне большую корзинку ландышей — неизвестно откуда.

586.

ЕЙ ЖЕ (1).

15 апреля 1917.

Мама, 13-ого я прослушал в театре весь I акт и 2 картину II-ого. Всё за исключ. частностей совершенно верно, и все волнуются (хороший признак). Вишневскому надо дать (взамен) несколько новых слов, Массалитинову надо еще немного разростись, Качалов превосходен, Лужский на верном пути, Гзовская показала только бледный

рисунок, паж и Алиса оставляют желать лучшего (это были не Гайдаров и не Пыжова).

Вечером я был у Гзовской. Обедал в ресторане (с П. Потемкиным) (2). — Вчера (14-го) утром меня вызывал Терещенко. Мы завтракали с ним в „Праге". Он такой же милый, как был, без голоса, говорит, что все время читает только мои стихи. Просит позвонить к нему в П-ге (Любино письмо он читал, но о делах мы почти не говорили). Обедал я у Нелидовых (3) (Гзовской), потом смотрел $1^1/_2$ акта „У Царских Врат" (Х. Т.) (4). Какая Лилина тонкая актриса! В театре взял аванс (1000 р.). Вот пока все деловое.

В театре все время заседают. Может уйти Немирович и почти наверно — Гзовская.

Уверенности в том, что пьеса пойдет на будущий год у меня нет.

Мое намерение — скоро уехать в П-г, где я увижусь с Терещенко. М. б., из этого что ниб. выйдет в смысле „устройства". Я хочу побыть совсем один, потому что всетаки чувствую угнетенность. Что потом, — будет видно. Устал я без дела.

Господь с тобой.

Саша.

Живу в гостиннице.

Всетаки, мне нельзя отказать в некоторой прозорливости и в том, что я чувствую современность. То, что происходит, — происходит в духе моей тревоги. Недаром же министр финансов, отправляясь на первое собрание С. Р. и С. Д., открыл наугад мою книгу и нашел слова: „свергни,

о свергни“ (5). Отчего же до сих пор никто мне еще не верит (и ты в том числе), что мировая война есть вздор (просто, полный знак равенства; или еще: „немецкая пошлость“.) Когда-нибудь и это поймут. Я это говорю не только потому, что сам гнию в этом вздоре.—

На конверте: Николаевской жел. дор. Ст. Крюково. Санаторий Хрущева. Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

587.

ЕЙ ЖЕ (1).

Москва. 17 апреля 1917.

Мама, сегодня вечером я уеду и опущу это письмо на вокзале. Немирович-Данченко сказал мне, что я не понадоблюсь в театре до сентября. Сам он не уходит, но Гзовская почти наверно уходит; что и когда будет с пьесой, не знаю. Отчасти я рад тому, что мой нынешний приезд оказался, в сущности, напрасным, потому что меня все еще почти нет, я утратил остроту восприятий и впечатлений, как инструмент, разбит. В театре, конечно, тоже все отвлечены чрезвычайными обстоятельствами и заняты „политикой“. Если история будет продолжать свои чрезвычайные игры, то, пожалуй, все люди отобьются от дела и культура погибнет окончательно, что и будет возмездием, мож. быть, справедливым, за „гуманизм“ прошлого века. За уродливое пристрастие к „малым делам“ история мстит истерическим нагромождением событий и фактов, безобразное количество фактов только оглушительно, всегда антимузыкально, т. е. бессмысленно.

Сегодня мне нужно зайти проститься с Гзовской и обедать у Алексеевых (2). В сущности, действительно, очень большой художник—только Станиславский, который говорит много глупостей; но он действительно любит искусство, потому что сам — искусство. Между пр., ему „Роза и Крест“ совершенно непонятна и ненужна; по моему, он притворяется (хитрит с самим собой), хваля пьесу. Он бы на ней только измучил себя.

Господь с тобой.

Саша.

Из Петерб. я пошлю Катонину бумагу Каннабиха (3).

На конверте: Николаевской жел. дор. Ст. Крюково. Санаторий Хрущева. Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

588.

ЕЙ ЖЕ.

Московский вокзал.
17 апреля (1) вечером.

Мама, твое письмо я получил сейчас, уже сев на извощика, не знаю, кто передал его в гостинницу. Довольно грустно мне, что я проеду сегодня мимо тебя, но, всетаки, так, пожалуй, лучше. Хотя я еду на очень неопределенное что то, зато останусь один, а мне нужно побыть одному и помолчать. Сегодня я пришел к Гзовской слишком поздно, она ждала ждала и должна была уйти, оставив мне письмо и розу. По слухам (в театре) она поехала подписывать контракт в Малый театр. Потом к Алексеевым я пришел слишком рано и

ушел, боясь опоздать на поезд (если увидишь К. С. (2), скажи ему, что я очень извиняюсь, что не спросил его о часе обеда). То и другое мне, признаться, не жаль, потому что трудно говорить (а с Г. нужна дипломатия, да и с А. (3) некоторая). В конце концов, я весь день слонялся и ел, так что чувствую себя сейчас очень грустно и одиноко. А до поезда дольше, чем я думал, пойду в кинематограф. У меня спальное международное место.

О моем последнем вопросе: я постоянно чувствую себя виноватым даже перед тетей (не говоря о тебе), совершенно искренно; чувствую, что порчу другим жизнь, отчасти, мрачным молчанием. Говорить трудно, и не все скажешь, а есть что то, чего никогда никому не скажешь, и таскаешь это вечно с собой.

Еврейки я, действительно, немного боюсь (серьезно!) (4); но дело не в этом. Это не остановило бы меня от житья в Крюкове, если бы я не висел между небом и землей и не должен был питать какие то мало основательные надежды на Терещенку и др.

Мож. быть, я завтра, хоть мельком, увижу Любу, если она еще не уехала. Это тоже побуждает меня ехать. А больше — ничего.

Петербург гадок. Впрочем, и в Москве эти дни неприютно — отчаянный ветер и временами снег, снег, снег... мало, что трогает, кроме снега. Впрочем, я валандался по уборным и корридорам, говорил с разными театральными людьми. Всем тяжело. Пусть, пусть еще повоюет Европа, несчастная, истасканная кокотка: вся мудрость мира протечет сквозь ее испачканные войной и поли-

тикой пальцы, — и придут другие, и поведут ее, „куда она не хочет". Желтые, что ли (?) (5).

Вокзал уже убирают в красную материю к завтрашнему Интернационалу (6). Пойду в кинематограф.

Господь с тобой.

Саша.

На конверте: Николаевской жел. дор. Ст. Крюково. Санаторий Хрущева. Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

589.

ЕЙ ЖЕ.

Петербург.
19 апреля 1917.

Мама, я приехал вчера только часов в 6 вечера, поезд долго стоял где то под Клином, где я безмятежно спал. Ехал со всем комфортом в I классе на чистой постели, весь день говорил много и плохо по французски с франц. инженером, отчего немного устал. Этот типичный буржуа увязался было за мной, но я улизнул от него и пришел пешком домой, чемодан мой донес солдатик, которого напоили и накормили. Невский без лошадей и повозок, как Венеция, был запружен народом весь, благодаря отсутствию полиции, был большой порядок, всюду говорили речи, у Александра III (Трубецкого) сначала, говорят, была в руке метла, но я ее не видел, ее уже убрали (1). Придя, я обедал, тетя вернулась поздно от Мазуровых. Написал Катонину. Вообще, пишу письма и молчу.

Господь с тобой.

Саша.

А Люба уехала накануне моего приезда.

590.

ЕЙ ЖЕ.

21 апреля 1917.

Поздравляю тебя, мама, с имянинами. Я был на днях у Зоргенфрея, а больше пока нигде. Пашуканис дослал мне книги, какие был должен (кроме переплетенных). Я сегодня в скверном настроении и потому не буду много писать. Целую тебя, господь с тобой.

Саша.

591

ЕЙ ЖЕ

25 апреля 1917.

Мама, сегодня я получил твое письмо от 19 апреля. Отсутствие почты очень расхолаживает писание. В честь твоих имянин я начал принимать бром с валерьяновыми каплями, пока не чувствую результата. Эти дни я сижу один и никого не вижу, только выхожу гулять, и время неизвестно как проходит. Самое приятное — ложиться в постель. Катонину я отправил письмо с бумагой Каннабиха. У несчастной тети невероятное количество хлопот, о которых я только иногда слышу, как она говорит кому нибудь по телефону; я, по всей вероятности, обязан помочь в шахматовских вопросах и т. п., но я не помогаю; как никогда никому не помогал, и не могу помогать. Так. образом, все, по обыкновению, безъисходно. Мож. быть, на днях я попробую выйти из моего серого житья куда нибудь, напр., к Терещенке.

Всего этого я от тебя не скрываю, потому что так тебе же лучше, да ты, кроме того, умна и

недолго способна тешиться побрякушками политического и другого свойства, как тетя. Господь с тобой.

Саша.

Я эти дни читал роман Гюисманса „Там внизу“, там недурно изображена скука всевозможных страстей.

Несчастная ∴ всякими способами добивается меня увидеть, но я пока еще с ней не виделся.

592.

ЕЙ ЖЕ.

27 апреля 1917.

Мама, сейчас я получил телеграмму от инженера (помощника начальника, а мож. быть и нынешнего начальника, если Катонин ушел): „срочно телеграфируйте время приезда в дружину или желание быть откомандированными“. Сейчас же отвечаю: „срока указать не могу, прошу откомандировать если надо“. В этом инженере, которого я видел немного, я сразу почуял врага. Итак, я в дружину не вернусь: надоело.

Завтра ночью буду у Терещенки и спрошу его совета (сейчас сговорился с ним).

Бром, повидимому, помогает: мне легче.

Господь с тобой.

Саша.

Я разбит только душевно. Духовно и физически еще сопротивляюсь. Между прочим: я испугался еврейки именно потому, что „романы“ начинаются всегда в области душевной (которой я не владею),

и потом уже только переходят в другие области более высокие, или более низкие.

А. Б.

Я решил схитрить пока изменив текст телеграммы: „срок пятнадцатое мая, прошу откомандировать, если поздно“ (1).

593.

ЕЙ ЖЕ.

2 мая 1917.

Мама, ты, я думаю, ждешь от меня письма, но я не пишу, потому что ничего нового пока нет. Терещенку я тогда не дождался, в Госуд. совете ночью были освещены окна.

Третьего дня я написал ему краткое письмо с просьбой помочь выйти из положения, но кризис длится, я думаю, что у него нет свободной минуты (1). Подожду еще.

Результатом моей возобновившейся переписки с Пашуканисом было получение книг и 350 рублей. Не начать ли опять с ним переговоры? Он, во всяком случае, весьма меня уважает. Кроме того, я сейчас подсчитывал, и вышло, что бо́льшую часть денег я уже получил с него (следует за все издание не более 3375 р., а получил я 2100). Эти цифры довольно утешительны.

Я перечитывал внимательно свои книги и поэму, и мне они понравились.

Это время я кое кого видел. Воздух временами опять не скучный, пахнет опять событиями.

О твоем письме к *** я знаю, так как однажды видел ее. Ты рассчитываешь на психологические

воздействия, я же в них окончательно не верю (и никогда не верил), и вижу в этом разные комбинации действия воли на расстоянии. Теперь я (и ты своим письмом) отвел эту слепую женщину от тебя и подвел к Любе. Это — род эксперимента, проявления власти; на то и жизнь художника, чтобы играть, пока играется (мы с тобой добры и не употребим игры во зло). В конце концов, то, чего ты боишься, миновало; я уже живу не этим. Питаюсь я теперь воздухом и обещаниями. Страшнее всего — скука. Еслибы мир прекратил свои надоевшие всем и бездарные занятия (я говорю, конечно, о войне), с которыми он лезет и пристает (всякий волен быть бездарным в своей комнате, но навязывать свою бездарность на улице — неприлично), я бы мог, вероятно, сейчас заняться делом; но, пока я вишу в воздухе, поневоле приходится довольствоваться эпистолярными излияниями.

Вас в Шахматове я плохо себе представляю в этом году. Главное — вопрос продовольствия для тебя.

Бумагу я тебе купил, по моему, хорошую, там приложена объяснительная записка.

Как повернется судьба Франца, я тоже не представляю. Во всяком случае, это поворот пока мягкий и ласковый.

Если даже меня возьмут в солдаты, и это, может быть не потрясающе. Во всяком случае, всем нужно помнить, что каждый день приносит новое, и все может повернуться совершенно неожиданно. Жалеть то не о чем, изолгавшийся мир вступил, во всяком случае, в лучшую эпоху. Сейчас самые большие врали (англичане, а также французы и японцы) угрожают нам, пожалуй, больше, чем немцы

это признак, что мы устали от вранья. Нам *надоело*, этого Европа не осмыслит, ибо это *просто*, а в ее запутанных мозгах — темно. Но, презирая нас более, чем когда либо, они смертельно нас боятся, я думаю; потому что мы, если уж на то пошло, с легкостью пропустили сквозь себя желтых и затопили ими не один Реймский собор, но и все остальные их святые магазины. Мы, ведь, плотина, в плотине — шлюз, и никому отныне не заказано приоткрыть этот шлюз „в сознании своей революционной силы."

Бром помогает и на улице теплее, это несколько приподнимает меня над землею. Думаю, что также и твои мысли обо мне. Господь с тобой.

Саша.

Конверт распечатывал я (2).

594.

ЕЙ ЖЕ.

6 мая 1917.

Мама, это письмо опустит на Подсолнечной тетя, которая завтра уезжает. Телеграмму она получила и все сделала. Завтра я ее провожу на вокзал. Завтра же едет с ней Тина и Григорий (1) (последний до Твери), которые будут ей помогать. Ко мне пришла прислуга Агния, хорошая знакомая Аннушки.

От Любы есть два письма. Ей очень нравится Псков (как итальянский город), она живет там очень хорошо и дешево. Надеюсь туда съездить.

Спектакли начнутся, повидимому, позже, чем она думала, потому что труппа не съехалась.

Проводив тетю, я пойду к Идельсону, который

сегодня звонил мне и вторично предлагал занять место редактора сырого (стенографического) матерьяла чрезвычайной следственной комиссии, т. е. обрабатывать в литературной форме показания подсудимых. Так как за это платят большие деньги, работать можно кажется и дома (хотя работы много), я может быть и пойду на этот компромисс, хотя времени (и главное должного состояния) для моего дела у меня очевидно не будет.

Присланная тобой рецензия (2) очень была мне приятна, так как это первый отзыв, который я прочитал о себе в новой России, и этот отзыв отличается по тону от многих предшествующих, так как одновременно и серьезен и холоден (т. е., беспристрастен).

Ответа от М. И. Т—и нет, конечно, так что я буду „устраиваться" помимо него. Если допустить, что у него есть свободные минуты (что мало вероятно), то я могу думать, что он не хочет помогать (это также естественно). Во всяком случае, я обращался к нему не как к высшей инстанции, а как к человеку, которого я люблю и которого считаю одним из очень редких художников. Ко мне он относился всегда необыкновенно честно. Если в этом вопросе мы разных мнений, то это так и останется, я пойду против его мнения, к сожалению, — другим путем, потому что я семь месяцев валял дурака, считаю, что довольно.

Здесь Катонин, с которым я мож. быть найду случай поговорить по душе. Приходится пока ходить все время этими Стриндберговскими путями (Inferno), т. е., без конца заниматься изме-

рениями и вычислениями разных воль и влияний Что делать!

Господь с тобой.

Саша.

595.

ЕЙ ЖЕ.

7 мая 1917 года.

Мама, сегодня я провожал тетю, которая села в поезд благополучно с людьми, собаками и вещами. Потом сидел у Идельсона, который осветил мне деятельность комиссии, о которой я тебе писал, после чего мы с ним поехали в Зимний Дворец, где я познакомился с председателем (Муравьевым). Кроме первого редактора (Неведомского) (1), будут еще два: Л. Я. Гуревич и я. Завтра же я получу работу, которую возьму на дом, и должен исполнять ее в строгой тайне, пока результаты ее не станут известны Временному Правительству. „Легализован" я буду, по всей вер., как Идельсон, т. е., меня „временно откомандирует" непосредственно „Земгорфронт".

Так как я буду иметь возможность присутствовать и на допросах (о чем уже говорил с Муравьевым), дело представляется мне пока интересным.

Мы бегло обошли Зимний Дворец, который почти весь занят солдатским лазаретом. Со стен смотрят утомительно известные Боровиковские (2), вечно виденные в жизненных снах мраморы и яшмы. Версальские масштабы опять поразили меня своей ненужностью. Действительно сильное впечатление произвел на меня тронный зал, хотя материя со ступеней трона содрана и самый трон

убран, потому что солдаты хотели его сломать. В этой гигантской комнате с двойным светом поразительно то, что оба ряда окон упираются в соседние стены того же дворца, и все это гигантское и пышное сооружение спрятано в самой середине дворцовой громады. Здесь царь принимал первую думу, и мало ли что тут было.

В праздник я пойду посмотреть комнаты Николая Романова, сегодня было слишком поздно.

Из всех разговоров, впечатлений и мыслей сегодняшнего дня я многое понял (для себя). Между прочим, Ад. Феликс., которого я опять видел (на вокзале) высказал (как он часто это делает) весьма интересную точку зрения на комиссию. Он очень точно (юридически) умеет формулировать свои мысли, так что мне не раз уже удавалось „наматывать на ус" его соображения. И на этот раз тоже.

Петербург сегодня очень величественен. Идет снег, иногда густой; природа, как всегда, подтверждает странность положения вещей.

На днях я читал в газетах, что Морозов (П. О.), Сакулин (3) и я выбраны в литературную комиссию (4), которая заменит театр.-лит. комитет Александринского театра. Будет ли все это, я еще не уверен, да до этого еще далеко.

596.

ЕЙ ЖЕ.

8 мая (1).

Сегодня я дважды был в Зимнем Дворце и сделался редактором. Муравьев пошлет телеграмму Лодыженскому (т. е., главному моему на-

чальству в Минске), а, так как он на правах товарища министра юстиции, то, я надеюсь, что меня откомандируют. Не знаю, надолго ли, попробую. Сейчас взял себе Маклакова (2) и прошу потом Вырубову, а в пятницу хочу присутствовать на допросе Горемыкина (3). Жалованье мое будет 600 рублей в месяц. Сейчас читал собственноручную записку Николая II к Воейкову (4), о том, что он требует, чтобы газеты перестали писать „о покойном Р“ (5). Почерк довольно женский — слабый; писано в декабре. Его же — телеграмму, чтобы прекратить дело Манасевича-Мануйлова (6). Скучный господин.

Во дворце встретился с Родичевым, с Ольденбургом (7) и разными другими лицами. Сегодня устал, довольно много слонялся. Завтра начну третью бутылку брома.

Вечером сейчас сидел у меня Чулков, рассказывал кое что занимательное о фронте и об общем положении дел.

Господь с тобой.

Саша.

597.

ЕЙ ЖЕ.

Телеграмма (1).

Крюково Моск. Ник.
Санаторий Хрущева.
Александре Андреевне
Кублицкой.

Сделались редактором комиссии пишу

Саша.

Группа, снятая в Зимнем дворце
А. Блок, Л. А. Гуревич, Червинский, Неведомский

598.

ЕЙ ЖЕ.

12 мая 1917.

Мама, я уже совершенно погружон в новую деятельность, которая имеет очень много разных сторон; во всяком случае, это очень трудно и очень ответственно, так что мозги мои напряжены до чрезвычайности. Три дня я очень усиленно работал над Маклаковым, кончил все, кроме внешней отделки.

Сейчас у меня уже Вырубова. Сегодня я с утра толокся в Зимнем Дворце, где было много встреч и разговоров, а в 1 час дня поехал с Муравьевым в автомобиле в крепость, где в течении 5 с лишним часов, с небольшим перерывом, присутствовал на допросе директора департамента полиции Белецкого (1), которого тоже возьму себе. Сообщать содержание всего этого я не имею права, но о впечатлениях говорить всетаки могу. Я ходил по коридорам среди камер, в одну из них заходил. Мимо меня прошел генерал Герасимов (2), знаменитый провокатор, желтолицый, без погон, смущенно поклонился. Допрос происходил в комнате, где допрашивали декабристов; серый день, серые рамы окон, за окном веточка; Белецкий в поношенном пиджаке, умный, хитрый, чрезвычайно много и охотно говорит глухим быстрым голосом. Оборотень немного, острые глаза, разбегающиеся брови на желтом лице. Допрашивает Муравьев, сен. Иванов (3), акад. член Гос.-Совета Ольденбург и Щеголев (4); молчат — Родичев, четыре стенографистки, комендант крепости (добродушный скуластый шт.-капитан), секретарь, редакторы (Неведомский, пришедший под конец, и я). Белецкий сидит

на стуле прямо передо мной за круглым столиком, с которым постепенно подъезжает к председательскому столу; перед ним — зеркало, а сзади него — сидит на стуле солдатик в шинели с ружьем; сначала у солдатика страшно внимательно растопырены брови, потом он устает и дремлет, опершись на ружье, только штык торчит. — Назад возвращался я в дворцовом экипаже.

Напиши обо мне тете, она просила, мне просто трудно писать, потому что завтра опять работа, надо делать мозговые перерывы. Не менее трудно, чем работа, присутствие среди юристов, притом юристов „боевых", на которых сейчас смотрит страна, потому они очень наэлектризованы сами, сильное лучеиспускание (Муравьев). В понедельник я буду на продолжении допроса Белецкого.

Маклаков, может быть, еще талантливее Белецкого, оба умны. Но Маклаков — барин, они с Джунковским (5) — дворяне, белоручки, а эти (Белецкий, Герасимов, мн. др.) — чернорабочие, себе на уме, грязные, это — вся гигантская лаборатория самодержавия, ушаты помоев, нечистот, всякой грязи, колоссальная помойка.

Прилагаю не заставшие тетю записки — твои и Франца.

Два вечера провели у меня: Чулков и Катонин. Оба — люди неискренние, поэтому и это было продолжением труда.

Катонин советует мне совсем уходить из дружины, и сам уходит. Приходил не заставший меня (намеренно — я ушел отдохнуть) Пяст. Гзовская написала, что окончательно ушла — в Малый Театр.

Добужинский звонил, что в Х. Т. идет усиленная работа над Розой и Крестом; надо на днях до его отъезда в Москву (опять для Р. и К.), зайти к нему посмотреть его работу, почти законченную. Еще в какую-то „секцию“ я выбран, но и так некогда.

Господь с тобой. От тебя давно нет писем.

Саша.

599.

ЕЙ ЖЕ.

18 мая 1917.

Мама, очевидно, это будет последнее письмо в санаторию. Вчера пришло твое письмо с рецептом. Насморк у меня умеренный. Агния — очень хорошая прислуга, я много ем в те дни, когда дома. Обеды и завтраки, впрочем, есть и во дворце, пока я ими еще мало пользовался.

Говоря о „Подростке“, о Ницше и Штейнере, о заключении перемирия и выгоне Милюкова и пр., ты ошибаешься только в том, что ставишь слишком резко точки над i. „Демоническая“ точка зрения (т. е., та, которая имеет вес, а следовательно, обладает той или другой долей власти) заключается в том, что при многих злободневных вопросах „да“ и „нет“ ставятся только в скобки, как бы — под ними; на поверхность же эти „да“ и „нет“ не всплывают, и вопрос остается как бы безответным, заданным, но не разрешенным. Стараясь определить, хотя и довольно неясно, эту позицию, я не только нахожусь под влиянием „государственной“ среды, меня окружающей; я думаю, что я выражаю древнюю мысль, которая выражалась, например, греками так: „жизнь не

хороша и не плоха". Вообще, стараюсь найти тот способ висения в воздухе, который всегда старалось найти человечество, взнесенное на гребень волны, на границе между „величием" и „падением".

Тоже, например, о чтении демократических газет; я то читаю „Новую Жизнь" (1), газету демократическую разве по сравнению с „Речью"; читаю потому, что слишком знаю точки зрения „буржуазные" и хочу войти в курс противоположных; скоро, мож. быть, всетаки переменю на эс-эрскую; но эти газеты надо привыкать читать, в них совсем нет того духа сплетни и сенсации, который нам давал ощущение новизны, нет обширных „последних известий", длинных театральных хроник, груды телеграмм от „собственных корреспондентов". Они гораздо серее, так что иногда откроешь и, кажется, что ничего особенного не случилось; там же, что ни день, то события; на самом деле, шестерни движения вертятся действительно не там, куда тычут пальцем благородная и грамотная „Речь" и карикатуры на нее, вроде Биржевок, Нового Времени и т. п. Но это ничего, что в Шахматове вы будете читать „Речь", она, во всяком случае, „широко осведомляет".

А у меня все время „большие дни", т. е., я продолжаю погружаться в историю этого бесконечного рода русских Ругон-Макаров, или Карамазовых (2) что ли. Этот увлекательный роман с тысячью действующих лиц и фантастических комбинаций, в духе более всего Достоевского (которого Мережковский так неожиданно верно назвал „пророком русской революции") называется историей русского самодержавия XX века.

В субботу я присутствовал на приеме „прессы“, которую комиссия осведомляла о своих работах (только . . . .). В понедельник во дворце допрашивали Горемыкина, барственную развалину; глаза у старика смотрят в смерть, а он все еще лжет своим мягким, заплетающимся, грассирующим языком; набежит на лицо тень улыбки — смесь стариковского добродушия (дети, семья, дом, усталость) и железного лукавства (венецианская фреска, порфирная колонна, ступени трона, государственное рулевое колесо), — и опять глаза уставятся в смерть. — После этого мы опять ездили в крепость, опять слушали Белецкого. Вчера в третий раз Белецкий в крепости растекался в разоблачениях тайн того искусства, магом которого он был, так что и в понедельник мы будем опять его слушать, он уже надоел немного, до того услужлив и словоохотлив. Зато в перерыве Муравьев взял меня, под предлогом секретарствования, в камеры. Пошли в гости — сначала, к Воейкову (я сейчас буду работать над ним); это — ничтожное довольно существо, не похож на бывшего командира гусарского полка, но показания его крайне интересны; потом зашли к кн. Андроникову (3); это — мерзость, сальная морда, пухлый животик, новый пиджачек (все они повторяют одинаково: „ах, этот Андроников, который ко всем приставал“). Князь угодливо подпрыгнул — затворить форточку; но до форточки каземата не допрыгнешь. Прямо из Достоевского*. — Потом пришли к Вырубовой (я только что

* М. пр., большую библию на столе я заметил только у Андроникова.

сдал ее допрос); эта блаженная потаскушка и дура сидела со своими костылями на кровати. Ей 32 года, она могла бы быть даже красивой, но есть в ней что то ужасное. В коридоре мы хотели с Идельсоном попробовать их пищу (как пробовали постоянно пищу рабочих), но не поспеть за Муравьевым, который не ходит, а летает. Пришли к Макарову (мин. вн. дел) (4) — умный чиновник.— Потом к Кафафову (дир. деп. полиции); этот несчастный восточный человек с бараньим профилем дрожит и плачет, что сойдет с ума: глупо и жалко. — Потом к Климовичу (дир. деп. полиции), очень умный, пронзительный жандармский молодой генерал, очень смелый, глубочайший скептик. Все это вместе производит сильное впечатление; надеюсь, что еще пойду, навещу всех главных обитателей Трубецкого бастиона. Очень красивы на некоторых из них синие халаты со стоячими воротниками.

Меня опять треплют: в ответ на телеграмму Муравьева Лодыженский (начальник дружины) ответил, что Идельсон уже взят, а выемка из дружин „ценных сотрудников" (это про меня!) вредит их деятельности, поэтому он просил бы отменить просьбу об откомандир. меня. Муравьев ответил письмом (сочиненным Идельсоном), что мне поручена очень ответственная работа, которая займет непродолжительное время, поэтому он настаивал бы на моем откомандировании. Не знаю, что выйдет из этого, меня это уже не волнует, говорят, можно потом продлить еще. Кстати, твоя боязнь пинских болот преувеличена. — Ой, какое длинное письмо, я уж устал.

Gnädige Frau Alexandra Romanow (5) получила наивное немецкое письмо погостить в каком то зам-

ке в Германии. Конечно, письмо это получили мы, а не она.

Читал я некоторые распутинские документы; весьма густая порнография.

Добужинский звонил, говорил, что работа идет усиленным темпом. В театр (Худ.) поступила Тиме (6), есть вероятность, что Изору дадут ей или Кореневой. Не знаю. Надо кончать письмо. Господь с тобой, целую тебя.

Саша.

Люба написала очень хорошее письмо из Пскова, как она ранним утром была в детинце (7).

600.

ЕЙ ЖЕ.

22 мая 1917.

Мама, сегодня я пишу мало, потому что устал и чувствую ответственность за Горемыкина, который мне поручен.

У меня очень много неизгладимых впечатлений (за все эти дни. Особенное — от Протопопова (1) в камере).

Видел я у Добужинского эскизы Розы и Креста. Очень красиво, боюсь, что четвертое действие слишком пышно.

Звонил Женя; у него родилась дочь.

Я выбран в XIII жюри конкурса Островского (Союз драм. писателей).

Почему то, я зашел вчера в рел. фил. собрание. Слушал Мейера, а Карташева не дослушал — ушел. Он кликуша и не любит марксистов, что мне не нравится. Говорил там с М. Л. Толмачевой (2), с Бенуа, с Татой Гиппиус.

Нервы притупились от многих впечатлений. Когда нибудь людей перестанут судить, каковы бы они ни были. В горе и унижении к людям возвращаются детские черты.

Я купил календарь и нашел этот листик, как раз, 23 апреля (3).

Господь с тобой.

Саша.

На конверте: Николаевской жел. дор. Ст. Подсолнечная. Сельцо Шахматово. Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. Заказное.

601.

ЕЙ ЖЕ.

26 мая 1917.

Мама, напиши, как ты в Шахматове. Мне тревожно.

В последние дни я немного разбился в работе, потому что слишком часто бывал во дворце по пустякам. Был только интересный допрос О. В. Лохтиной (поклонницы Илиодора (1) и Распутина) и Виссарионова (вице-дир. деп. полиции) (2). На днях я пойду по всем камерам. Слушать буду еще Штюрмера (3) и Протопопова. Я приму участие в составлении отчета, т. е., мне будет поручено написать какую нибудь часть. Муравьев предлагает характеристики всех.

На основании последнего приказа Керенского (4), я должен итти в войска. Министр юстиции возбудил перед военн. мин-ом Врем. Правит. ходат. об отсрочке для меня (и для нескольких евреев). Повидимому, до 1 сентября, если такую отсрочку дадут. Все почти молодые у нас (с которыми мне

больше всего приходится иметь дело) — евреи. Есть — неприятные, но б. ч. — „приятные“.

Так обстоит мое дело. Посмотрим, что дальше будет.

К Любе я посылал портниху. Люба довольна, играет каждый день. Вещи ее, наконец, пришли.

Я „сораспинаюсь со всеми“, как кто то у А. Белого. Действительно, очень, очень тяжело. Вчера царскосельский комендант рассказывал подробно все, что делает сейчас царская семья. И это тяжело. Вообще, все правы — и кадеты правы, и Горький с „двумя душами“ (5) прав, и в большевизме есть страшная правда. Ничего впереди не вижу, хотя оптимизм теряю не всегда. Все, все они, „старые“ и „новые“, сидят в нас самих; во мне, по крайней мере. Я же — вишу в воздухе; ни земли сейчас нет, ни неба. При всем том, Петербург опять необыкновенно красив. Господь с тобой.

Саша.

Тетю поцелуй.

602.

ЕЙ ЖЕ.

30 мая 1917.

Мама, разная крупа куплена и послана вчера, лучше не нашли. Не беспокойся о моей еде, прислуга хорошая, я ем много, иногда, даже слишком; зато, когда бываю на службе, ем меньше, так что равновесие не нарушается. Мяса много, хлеб хороший (б. ч. черный), масло бывает. Ем много яиц, здесь и во дворце. Скажи тете, что я ее благодарю за письмо. Напиши, какое на тебя впечатление производит Шахматово?

Следует иметь в виду, что скоро могут остановиться все железные дороги (угля нет). Пока об этом говорят больш. частью правые (Родзянко (1) и проч.), но на это есть реальные основания.

Если тебе случится разговаривать с тетей Софой, она, вероятно, будет держаться отрицательного взгляда на верх. следств. комиссию (как ее муж и сын). Этому тоже не удивляйся, такое мнение (мной глубоко не разделяемое) существует даже в среде самой комиссии. Его держатся профессионалы-юристы, для которых юридические нормы представляют священное и никому недоступное место: место недосягаемое даже для „чрезвычайных обстоятельств". Разумеется, тут есть не всегда уловимая тяга к контр-революции.

У меня за последние дни есть несколько приятных впечатлений; во первых — от городских выборов. Я подал голос за социалистический (блок с.-р. с меньшевиками) после многих размышлений и очень был рад, когда выяснилось потом, что швейцар, кухарка, многие рабочие тоже подали голоса именно за этот список (а всех было семь, так что для них выбор был труден), а всякие „домовые комитеты" фрондируют. Вообще, многие ауспиции, которым я, как всегда, склонен верить, говорят мне пока, что надо быть с социалистами.

Во вторых, вчера во дворце после мрачных лиц „бывших людей", истерических сцен в камерах, приятно было слушать Чхеидзе (2), которого допрашивали в качестве свидетеля. Не умный, страшно добрый старый меньшевик, для себя уже ничего ему не нужно. В нем есть детское. В допросе участвовал остервенелый Н. Д. Соколов (3),

по слухам, автор приказа № 1. Во время допроса вошел Керенский: в толстой военной куртке без погон, быстрой походкой, желто-бледный, но гораздо более крепкий, чем я думал. Главное — глаза, как будто несмотрящие, но зоркие, и — ореол славы. Он посидел 5 минут, поболтал, поздоровался, простился и ушел. — Чхеидзе рассказал одно весьма неприятное обстоятельство из недавнего прошлого. Комиссия встретила это, не сморгнув, но я думаю, что это будет иметь последствия.

На улице, среди многих других, я встретил * * *, который спрашивал о тебе. Он был болен и всю революцию пролежал в постели, очень исхудал и, конечно, всем недоволен.

Письма идут все хуже. Напиши, от каких чисел мои письма ты получила.

Кажется, я не писал тебе, что на днях утром я обходил с Муравьевым камеры — обошли 18, в т. числе, Сухомлинова (и жены его, стервы), Штюрмера, Протопопова, Маклакова, Курлова, Беляева, Дубровина (4), Вырубовой. Поразило меня одно чудовище, которое я встречал много раз на улицах, с этим лицом у меня было связано разное несколько лет. Оказалось, что это Собещанский (5), жандармский офицер, присутствовавший при казнях. В камере теперь — это жалкая больная обезьяна.

Очень мерзок старик Штюрмер. Поганые глаза у Дубровина. M-me Сухомлинову (6) я бы повесил, хотя смертная казнь и отменена. Довольно гадок Курлов. Остальные гораздо лучше. С нами ходил доктор Манухин (7), а в коридорах поверял караулы новый командующий пет. округом, генерал Половцов — бравый (8). Было несколько сцен

тяжелых. После этого, долго совещались во дворце редакторы, т. е., Неведомский, Червинский, Любовь Яковлевна и я. Больше, конечно, так болтали.

Женя звал меня крестить в воскресенье, но я из за Горемыкина не мог, и он записал меня крестным отцом. Теперь я уже съизнова погружаюсь в тайны департамента полиции, потому что работаю над Белецким, недаром высидел все его бесконечные допросы.

Писать письма стоит только заказные, остальные, очевидно, пропадают.

Господь с тобой.

Саша.

Погода хорошая, иногда жарко, цветет черемуха (отцветает) и сирень.

На конверте: Николаевской жел. дор. Ст. Подсолнечная. Сельцо Шахматово. Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. Заказное.

603.

ЕЙ ЖЕ.

Телеграмма (1).

Подсолнечной. Никол. Сельцо Шахматово
Александре Андреевне Кублицкой.

Не беспокойся здоров

Саша.

604.

ЕЙ ЖЕ.

3 июня 1917.

Мама, сейчас (утром) ко мне приехала Люба, веселая, немножко загорела, спит на диване.

Я получил твое первое письмо из Шахматова. Также получил телеграмму, на которую ответил. Какой ты видела сон?

Керенский сказал Муравьеву, что его приказ к нам не относится и в комиссии он никого не станет трогать. Приказ касается только тех, кто ничего не делает.

Вчера я присутствовал на трех допросах: Фредерикса (1) (один из самых интересных, как человек), Золотарева (тов. мин. вн. дел, дир. деп. полиции) и генерала Джунковского.

Третьего дня мы обошли утром с Муравьевым 12 камер (произвели на меня впечатление Щегловитов, Ренненкампф, Добровольский (2), Воейков, Вырубова).

Пишу мало и очевидно сегодня буду мало делать.

Погода очень хорошая.

Господь с тобой.

Саша.

На конверте: Николаевской жел. дор. Ст. Подсолнечная. Сельцо Шахматово. Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. Заказное.

605.

ЕЙ ЖЕ.

7 июня 1917.

Мама, Люба была у меня два дня, я ее водил в оперетку в Луна Парк, вообще, она была довольна. Я примирился с тем, что она живет в Пскове, потомучто она там поправится немного, она все жила в городе, а там — деревенское положение.

Здесь последние дни страшная духота и жара.

Пашуканис прислал мне деньги (350 рублей еще) и написал, что он делает опыт печатанья! (а где договор? Довольно странно, но мне некогда об этом думать). Кроме того, сегодня я получил за 3 недели 460 р. жалованья, так что я получаю в месяц министерские деньги.

Работа ответственная. Сегодня Муравьев, прогнав одного из редакторов (за леность), поручил мне привести в известность и порядок все отчеты, что будет нелегко, при беспорядке, которого в комиссии много. У следователей трудно выцарапать допросы, не говоря о важных документах.

Сегодня я должен бы был быть в кадетском клубе, куда m-me Кокошкина, муж ее и В. Д. Набоков (1) созывают несколько литераторов для решения разных предварит. вопросов о подготовке к Учред. Собранию. M-me Кокошкина убеждала меня по телефону в прелести моих стихов и моей любви к России, я же старался внушить ей, что я склоняюсь к с.-р., а втайне — и к большевизму и, что, по моему мнению, сейчас именно любовь к России клонит меня к интернациональной точке зрения, и заступился за травимого всеми Горького. Я хотел пойти, но сейчас только вернулся из дворца с двух допросов, поздно обедал и устал.

В эти дни я получил два твоих письма.

Господь с тобой.

Саша.

На конверте: Николаевской ж. д. Ст. Подсолнечная. Именье Шахматово. Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. Заказное.

606.

ЕЙ ЖЕ.

11 июня 1917.

Мама, тетя написала мне, что у тебя опять болит спина. Я думаю, что этому главная причина — спор с *** ***. Спорить не поможет; эти несчастные слепые люди не видят, какой страшный вред они приносят России, сами того не ведая. Чиновничьи тосты втихомолку (даже такие невинные) могут в конец подорвать государство; нужно быть душевно-безграмотным, чтобы не знать, что один тост родит сотню „большевиков" (также, как один „рескрипт" или „акт" родил их миллион).

Несмотря на то, что положение России сейчас критическое (я много знаю), я продолжаю в общем быть оптимистом, чего сам себе не могу объяснить.

Сегодня я весь день работал во дворце, стараясь привести в приблизительный порядок тот хаос, который там господствовал. Постепенно это удается.

Один вечер я провел в „дворцовой коммуне", где следователи без пиджаков пьют чай с вареньем. Один из них — самый талантливый (русский, специалист по „темным силам") рассказывал мне о Распутине — очень просто и глубоко.

Вчера был большой день: в крепости мы с Муравьевым и И. И. Манухиным обходили наших клиентов. Были „раздирающие" сцены. Штюрмер рылся на полу в книжонках и все, дурацки заплетаясь языком, просил у меня еще (Муравьев ушел куда то, и мы были вдвоем с прокурором здешней суд. палаты — кроме солдат). Протопопов дал мне свои записки. Когда нибудь я тебе скажу, кого мне страшно напоминает этот талантливый

и ничтожный человек. Сухомлинов погано всплескивает своими ладошками. Есть среди них твердые люди, к которым я чувствую уважение (Макаров, Климович), но большей частью — какая все это старая шваль! Когда они захлебываются от слез или говорят что ниб. очень для них важное, я смотрю всегда с каким то особенным внимательным чувством: революционным.

После этого мы обходили крепость: Н. А. Морозов все искал остатки того равелина, в кот. он сидел. Потом мы были в заседании крепостного гарнизонного комитета (вследствие недавнего крупного скандала). Муравьев говорил речи, иногда — очень хорошо (он социалист). Товарищи отвечали, все обошлось хорошо — до следующего раза. Вечером у меня были Идельсон и Егоров (Лодыженский опять пространно пишет обо мне, опять будут отписываться).

Сам я погружен в тайны департ. полиции; мой Белецкий, над которым я тружусь, сам строчит — потный, сальный, в слезах, с увлечением, говоря, что это одно осталось для его души. В этой грубой скотинке есть детское. — Господь с тобой.

Саша.

На конверте: Заказное. Николаевской жел. дор. Ст. Подсолнечная. Именье Шахматово. Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

607.

ЕЙ ЖЕ.

15 июня 1917 г.

Мама, сегодня я пишу мало, очень устал, далеко ходил. Эти дни у меня было несколько интересных разговоров и интересный допрос Маклакова

(и неинтересный—Штюрмера, несмотря даже на пикантные подробности; до такой степени этот господин — пустое место).

От Пашуканиса я получил письмо с пунктами условия, на которые не знаю еще, соглашаться или нет. Заниматься корректурой времени нет. В общем, пункты сводятся к тому, что он будет ежемесячно платить мне по 350 р. до каких то пор, рассчитывая все это из 15%, как и прежде, и печатать театр в 5 000, а стихи в 10 000 экз. (если удастся по типогр. условиям).

Сейчас (поздно вечером) вдруг зашел Идельсон, который сегодня подробно допрашивал Вырубову (по поводу Штюрмера, который ему поручен).

„Исполнительная Комиссия" Дружины, наконец, откомандировала меня, прислав мне выписку из протокола заседания, где сказано, что они „выражают глубокое сожаление по поводу утраты редкого по своим качествам товарища", и считают, что „если состав Верховной Следств. Комиссии будет пополняться такими людьми, то Революционная Демократия должна быть спокойна и уверена в том, что изменники и деспоты отечества не избегнут справедливого приговора народного Правосудия" (!!! Вот что наделала переписка с Лодыженским !!!).

„Есть упоение в бою" — слова Председателя „Пира во время чумы".

Господь с тобой. Саша.

608.

ЕЙ ЖЕ.

19 июня 1917.

Мама, ты мне прислала очень милые „кадетские" стишки (к m-lle Лурье) (1); но меня ужасно

беспокоит все кадетское и многое еврейское, беспокоит благополучием, неуменьем и нежеланьем радикально перестроить строй души и головы. Здесь, у сердца Революции, это, конечно, особенно заметно: вечные слухи и вечная паника (у кадетов она выражается в умной иронии, а у домовладельцев и мелких мещан, вроде прислуги, чиновников и пр., — в отъездах на дачу, запирании подъездов и пр.; но, по существу, разницы нет). На деле — город все время находится в состоянии такого образцового порядка, в каком никогда не был (мелкие беспорядки только подчеркивают общий порядок) и охраняется ежечасно всем революционным народом, как никогда не охранялся. Этот факт — сам по себе — приводит меня иногда просто в страшное волнение, вселяет особый род беспокойства; я чувствую страшное одиночество, потомучто ни один интеллигентный человек — умнее ли он, или глупее меня — не может этого понять (по кр. м., я встречаюсь с такими). Кроме того, я нисколько не удивлюсь, если (хотя и не очень скоро) народ, умный, спокойный и понимающий то, чего интеллигенции не понять (а именно — с социалистической психологией, совершенно, диаметрально другой), начнет также спокойно и величаво вешать и грабить интеллигентов (для водворения порядка, для того, чтобы очистить от мусора мозг страны).

Я это пишу под впечатлением дворца, в котором (в противоположность крепости) я ненавижу бывать — это царство беспорядка, сплетен, каверз, растерях.

За эти дни я был на Съезде Советов С. и Р. Д.,

в пленарном заседании, где Муравьев делал доклад о положении нашей работы (2). Перед этим говорил американец — представитель конфедерации труда; он долго „поучал" собрание, которое сохраняло полное величие, свойственное русским (смеялись тихо, скучали не слишком заметно, для приличия аплодировали). Американец обещал всякую помощь, только бы мы воевали и учились; Чхеидзе, отвечая на это „приветствие", сказал коротко и с железным добродушием: „вы вот помогите нам главное поскорее войну ликвидировать". Тут уж аплодисменты были не американские. Я думал, слушая: давно у них революции не было. Речь Муравьева, большую и довольно сухую, приняли очень хорошо — внимательно и сочувственно.

На другой день допрашивали в крепости беднягу Виссарионова и Протопопова, которого надо было развлечь (он изнервничался, запустил в поручика чайником, бился в стену головой, и пр., — ужасный неврастеник). Развлекли немножко. Было очень душно, и грозы. Я работаю очень много. Господь с тобой.

Саша.

609.

ЕЙ ЖЕ.

23 июня 1917.

Мама, из этих дней только один был интересный — допросы Белецкого, Протопопова и Маклакова в крепости. В остальные я бессмысленно тратил время на заседаниях во дворце по поводу отчета, в котором я, предполагается, буду принимать участие, что я плохо себе представляю.

Состав нашей редакционной комиссии мешает ясности моих собственных соображений, и все пока поворачивается так, что я зря трачу нервы и время. Сегодня я решил схитрить и не пойти, а заняться более серьезным делом дома. Лучше разделаться с одним хаосом, чем, не разделавшись, погружаться в другой, вящщий хаос. Слава богу, что мы хоть обязаны сделать кое-что к Учредительному Собранию (1). Впрочем, и оно опоздает.

От Любы я получил письмо.

Господь с тобой. Саша.

610.

ЕЙ ЖЕ.

27 июня 1917.

Мама, описывать за эти дни особенно нечего, я ушел в себя, очень много работаю и думаю, в связи и не в связи с работой. В Комиссии скоро предстоит выяснить разные неясные для меня вещи, и я попробую или преодолеть некоторые очень неприятные для меня (и не только для меня) там элементы, или устраниться, т. е., уйти, в другое дело (редакторское, а от отчета отойти). Но это еще все не выяснено.

В воздухе — тоже что то неясное, какой то поворот, довольно томительный, что тоже нужно преодолеть (т. е., ждать). Последние дни было даже холодно временами (т. е., погода). Твое письмо шло уже 6 дней! (о том, как в Шахматове глухо). Господь с тобой.

Саша.

Я много гуляю, иногда это приятно.

На конверте: Николаевской жел. дор. Ст. Подсолнечная. Им. Шахматово. Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. Заказное.

611.

ЕЙ ЖЕ.

30 июня 1917.

Мама, сегодня пришло твое письмо от 24-ого, т. е., опять 6 дней.

Нечего удивляться, если письма будут опаздывать, а, может быть, и пропадать. Во всех ведомствах, и у Церетелли (1), приблизительно одно: выгнали много „опытных“ чиновников, которые штрафовали, были строги и т. д. Я на это, как на многое подобное, не склонен раздражаться, так как это — революция. Если пролетариат будет иметь власть, то нам придется долго ждать „порядка“, а, мож. быть, нам и не дождаться; но пусть будет у пролетариата власть, потому что сделать эту старую игрушку новой и занимательной могут только дети. *

Скажи тете, что квартира пока не освобождается, и надежды на это почти нет. Город переполнен, вообще. Где сейчас А. Белый, я точно не знаю.

Эти дни было два интересных допроса (генерала Иванова и Челнокова) (2). Остальное — заседания, „внутренняя политика“ наша, в которую мне приходится втягиваться, что раздробляет силы. Пока мне удалось размежеваться, хотя и не вполне еще, с одним жидом, которого я считаю очень вредным существом; тем более, приходится подчеркивать уважение к „евреям“, действительно, *дельным. Это — всё уже — подробности* жизни, дипломатический обиход, необходимость. В самой

* Увы, на деле будет компромисс, взрослые, как всегда, отнимут у детей часть игрушек, урежут детей.

работе, настоящей, открываются горизонты довольно далекие, но тут уже вступает иногда моя „личная“ жизнь. Так что, вообще, музыка усложняется. Но ведь вся жизнь наших поколений, жизнь Европы — бабочка около свечи; я, с тех пор, как сознаю себя, другого не видел, не знаю середины между прострацией и лихорадкой; этой серединой будет только старческая одышка, особый род головокружения от полета, предчувствие которого у меня уже давно есть.

Насчет „продуктов“ — все „хуже“; пока мне это очень полезно, иногда я ем только раз в день, и чувствую себя от этого крылатей. Господь с тобой.

Саша.

На конверте: Николаевской жел. дор. Ст. Подсолнечная. Именье Шахматово. Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

612.

ЕЙ ЖЕ.

4 июля 1917.
(вечером).

Мама, эти дни в городе — революция, а во дворце — заседания. О революции ты, вероятно, узнаешь из газет; на деле все, всетаки, как всегда, гораздо проще. Есть красивое (пока мало), есть дурацкое, есть тоскливое. Грозного я вижу немного, у меня мысль о немецких деньгах, (1) сложившаяся из ряда впечатлений (2). Но я вижу мало, потомучто очень устаю, то во дворце, то дома, а трамваев со вчерашнего дня нет, так что и кататься нельзя.

Заседают без конца, страшно мешая моей работе. Заседает „пленум“ комиссии, и штуки три подкомиссии, я бываю почти везде, состою, кажется, во всех подкомиссиях, говорю много только в одной, непосредственно касающейся моей работы, а в других только настораживаюсь и слежу за тем, как...., капля по капле, вносят свое разложение и свою вульгарность. Голоса у меня нет, но есть глаза и небольшая способность влиять через других, что я использую, насколько могу.

Была невыносимая духота, а сейчас — грозовой ливень.

Цель моя — отмежеваться в своей работе, большой, сложной и страшно запущенной (другими), а на остальное смотреть со стороны. Кое что мне в этом направлении уже удалось сделать.

Дельмас очень много пела, и я ее часто видел.

Люба прислала письмо с оккавией о том, что она в контрах с дирекцией, которая ведет себя „капиталистически“ (как и следовало ожидать, жулики), а Люба чувствует себя с.-д. и говорила речь, но на ее стороне в труппе оказались только евреи, а русские оказались косными. Т. о., „еврейский вопрос“ опять встал перед нами всеми.

Я борюсь, насколько могу, с жидами, дружу с евреями и до известной границы их ценю и уважаю, и.... прислушиваюсь внимательно к растущему на улице и в России антисемитизму. Несмотря на все, это теперь безболезненнее, чем при Николае II.

Господь с тобой.

Саша.

На конверте: *Николаевской ж. д.* Ст. Подсолнечная. *Именье Шахматово.* Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. Заказное.

613.

ЕЙ ЖЕ.

7 июля 1917.

Мама, сегодня, наконец, я получил твое письмо, и то — от 27 июня. Восстание еще больше нарушило почту. Оно, как ты знаешь уже из газет, подавлено.

Вчера у меня был очень интересный день. Рано утром я шел в зимний дворец пешком, мимо миноносца „Орфей“, мимо разведенных мостов, у которых стояли большие караулы. Трамваи тогда еще не пошли.

Во дворце было длинное заседание, которое все время прерывалось; еще проносились редкие грузовики с пулеметами и ружьями, а уже шла с фронта мимо нас большая велосипедная команда (она заняла теперь „освобожденный“ дворец Кшесинской) (1). Ходили разные слухи, пушка, которая во дворце всегда оглушает, не выстрелила в полдень (в это время крепость еще была „занята“, телефоны ее не работали и мы боялись за своих клиентов). Однако, на заседании мне удалось высказать очень много и выяснить, что мнения разбиты, у всех различны, самому же — временно устраниться от отчета. Это и были мои две цели: изолировать одно . . . . влияние и самому уйти в свою специальность (стенограммы). . . . . . . пробовал злиться, но в конце концов раскис, столькими язвами я его истыкал. Хотя мою точку

зрения признали „аристократической“, тем не менее сказали, что для нее будет найдено применение в моей области (я излагал проэкты отчета Учред. Собранию).

Часа в три к нам приехала следственная комиссия Исполнительного Комитета С. С. и Р. Д. Мы поехали большой кампанией в крепость. Цель была специальная, так как это — начало расследо ванья шпионажа и нем. денег последних дней. Крепостные ворота еще были заперты и охранялись большими патрулями, но крепость была уже „взята“ к этому часу, наших клиентов никто не тронул. Когда они спрашивали, почему стрельба, им отвечали, что поднялась вода (едва ли они этому поверили, слыша пулеметы и залпы). Мы вызвали последовательно для кратких допросов Виссарионова, Курлова, Белецкого, Спиридовича, и Трусевича (2), все они не сказали нам ничего, что было нужно. Так как курловский протокол писал я, то после ходил к нему в камеру и довольно долго с ним разговаривал. Он вел себя искательно-добродушно. Вечером, когда мы вышли из крепости, уже побежали трамваи, дворец Кшесинской был во власти правительства, и на улицах было как то очень весело.

8 июля утром.

Восстание „подавлено“, а сегодня ночью на Неве, на Вас. Острове и во многих местах была стрельба из пулеметов, из ружей, и отдельно, и пачками. Мне очень трудно сидеть политически между двух стульев, но все происходящее частью не возвышается до политики, а частью и превышает ее. Все новые и новые слухи об изменах,

шпионаже и пр., конечно, оправдаются только частью, но за всем этим есть правда легенды. Мы уже знаем, что многое, что казалось невероятным относительно русского самодержавия, оправдалось; легенда, в сущности, вся оправдалась.

О Милюкове вы с тетей напрасно думаете. О ком говорил Бурцев (3), я не знаю и у нас не знают (или некоторые притворяются, что не знают). У меня есть очень неприятные предположения, опять — по слухам. Верить Бурцеву до конца тоже опасно.

Вообще, русский большевизм на практике до такой степени насыщен и перенасыщен чужим самому себе, и всякой вообще политике, что о нем, как о политич. партии, невозможно говорить.

Благодаря сиденью между двух стульев, я лишен всякой политической активности; что же делать? Надо полагать, что этой власти у меня никогда не будет.

Господь с тобой.

Саша.

614.

ЕЙ ЖЕ.

12 июля 1917, вечером.

Мама, сейчас я получил твое письмо от 5 июля, на телеграмму же, посланную после, ответил срочной телеграммой в день получения (9 VII) (1).

Сегодня в городе неприятно — висит объявление Церетелли (от Мин. В. Д.) (2), масса команд, солдатских конных и пеших патрулей. Вообще, поворот направо.

На фронте — тоже неприятно. Я за эти дни опять много всякого переживал, гулял очень много и работал также. На огромном допросе

Крыжановского (3) (интересном, так как он умный человек) мне пришлось быть секретарем и придется быть редактором, так что — много возни с документами. В перерывах этого допроса все время врывалось новое (был день потрясающих слухов), Родичев испускал какие то риторические вопли и плакал, Неведомский с ним сцеплялся и тоже плакал (все, разумеется, касалось „ленинцев“ — здесь и на фронте). Я довольно много говорю с Ольденбургом, который очень милый и простой человек, хотя и совсем другого склада. Вчера мы с ним долго работали во дворце над стенограммами (с секретарем). Сегодня я заходил временами на допрос Хвостова (4) (старого — дяди, а не племянника), а больше занимался мелкими делами.

Опять я не вижу будущего, п. ч. проклятая война затягивается, опять воняет ей. Многое меня очень смущает, т. е., я не могу понять, в чем дело. Всякая вечерняя газетная сволочь теперь взбесилась, ушаты помой выливаются. Сейчас я прочел в вечерней газетке (прежде всего, — во французской „L'Entente“: „Le retablissement de la peine de mort“) (5) „Хотя и „на фронте“, „принципиально“, в „случае бегства“, но, всетаки, это меня как то поразило. И на *** мне тоже иногда смотреть уже мерзко (уж очень временами..., продажно и тупо, — когда вспомнишь *** морду).

Ем я много, чувствую себя хорошо. Сегодня что то не хочется писать, настолько опять не видно будущего.

Господь с тобой.

Саша.

615.

ЕЙ ЖЕ.

16 июля 1917.

Мама, вчера только я получил твое письмо от 4 июля, а третьего дня — тетино от 7 июля! Из писем я увидал, что вы собираетесь ехать сюда. Мож. быть, это под влиянием 4 июля, которое теперь ликвидировано (до следующего раза), и ты раздумала? Тут сложные вопросы: во первых, тебе надо набраться сил и относительного спокойствия к исключительно трудной зиме, и, мож. быть, в Шахматове это всетаки достижимей. Во вторых, квартира тети. Найти, кажется, нет надежды. Тетя пишет, что вы вернетесь на твою квартиру. Как же это будет для тебя и для нее? (1) Что у нас трудно, я тоже знаю, потомучто 1 августа вернется Люба, которая (надеюсь) будет здесь жить. Во всяком случае, напиши поскорее, когда приблизительно вы думаете приехать. Тогда нужно будет выставить некоторые окна в твоей квартире (пока не выставленные, что и лучше от пыли, но перед приездом нужно, чтобы обновился воздух; я туда не заходил, но с Сашей (2) разговаривал как то).

Вопрос о дровах (для всех) будет крайне труден, как и о „продовольствии". Белого хлеба здесь совсем нет, имей в виду; фунт мяса стоит 2 р. 40 к., курица — 7 р., или 2.50 фунт. Мне все это ничего, но как вам с тетей, не знаю. Сколько у тебя денег, тоже не знаю.

Тетя пишет, не приеду ли я. Это и фактически трудно устроить, и, кроме того, я не возьмусь, потомучто держусь колеи, без которой всякой работе — конец. Не спорю, что это было бы

хорошо и для тебя и, мож. быть, для меня, ненадолго; но я даже в Псков, который близко, не смог съездить, боюсь выбиться. Один уезжаю, страшно люблю Шуваловский парк, как будто это — второе Шахматово, и как будто я там жил, так что мне жалко уходить оттуда. Иногда на это уходит даже целый день, но, забывая одно (работу), я, так сказать, не вспоминаю (или мало вспоминаю) другое, так что мне на след. день легко вернуться в дело. Вообще, еслибы не работа, я бы был совершенно издерган нервно. Работа — лучшее лекарство; при всей постылости, которая есть во всякой работе, в ней же есть нечто спасительное. Все является совершенно в другом свете, многое омывается работой. Тебе бы тоже очень надо, еслибы можно было придумать.

Обобщая далее, я должен констатировать, что, как всегда бывает, после нескольких месяцев пребывания в одной полосе, я несколько притупился к событиям, утратил способность расчленять, в глазах пестрит. Это — постоянное следствие утраты пафоса, в данном случае, революционного (закон столь же общий, сколько личный). Поэтому, я не умею бунтовать против кадет и с удовольствием почитываю иногда „Рус. Свободу" (3), которой прежде совсем не понимал (кстати, попроси тетю привезти сюда №№, которые у нее, потомучто мне продолжают присылать всё; у тети, кажется, два номера — тонкие тетрадки). Однако, я сейчас же хочу оговориться, что это — временно, так как, любя кадет по крови, я духовно не кадет, и, будучи во многом (в морали и культурности) ниже их, никогда не пойду с

ними; утрачивая противовес эмоциональный (ибо я, отупев к событиям, не в состоянии сейчас „осветить“ их, „внедриться“ в революцию — термины деп. полиции), ищу постоянно хотя бы рационального (читаю социалистические газеты, например). Но, так как качания маятника во мне медленнее, он не добрасывается эти дни до стихии большевизма (или, добрасывается случайно и редко); и я несколько „отдыхаю“, работая и гуляя. На буд. неделе предстоит много дела.

Вчера я попал случайно к Жене Иванову, видел его жену, — которая тебе просила кланяться и которая изменилась к лучшему, как будто, успокоилась от ребенка, — и свою крестницу. Они меня накормили многими кушаньями. Они получают по 175 р. в месяц, живут в пустой квартире, где нанимают дорогую и сырую комнату, но купили себе диван хороший, и пр., так что — не так плохо, как можно было думать.

Правые (кадеты и беспартийные) пророчат Наполеона (одни первого, другие третьего). В городе, однако, больше (восхитительных для меня) признаков рус. лени и лишь немногие парижские сценки.

Когда устанешь волноваться, начинаешь видеть эту восхитительную добродушную сторону всех великих событий.

Завтра мы будем допрашивать Хвостова-племянника (4) („толстого Хвостова“), величайшего среди всех наших клиентов сплетника и шута.

Здесь тоже всегда горят — не леса, а торф. Думаю, весь сгорит, тушить то лень. Господь с тобой.

Саша.

На конверте: Николаевской жел. дор. Ст. Подсолнечная. Именье Шахматово. Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. Заказное.

616

ЕЙ ЖЕ.

20 июля 1917.
(ночь на 21-е)

Мама, писать не хочется, пишу только потому что прошло четыре дня. Сейчас получил твое письмо, от 12 июля только. Приехала портниха с Любиными вещами, Любе надоело в Пскове, она очень хочет вернуться, приедет 1-ого, или немного позже. Собирается жить зимой в Петербурге. О том, как тете жить, мы подумаем.

Один вечер у меня провел А. В. Гиппиус. Пяст звонил мне, Зоргенфрей — тоже (я его не застал). Много работаю, купаюсь в Шувалове, что очень приятно и полезно. Сейчас долго купался.

Дельмас не уехала (ты спрашиваешь).

Стало опять жарко, мне это хорошо, я очень полюбил жару, мне без нее уже трудно. Господь с тобой.

Саша.

На конверте: Николаевской жел. дор. ст. Подсолнечная. Именье Шахматово. Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. Заказное.

617.

ЕЙ ЖЕ.

24 июля 1917.

Мама, с письмами, как будто, улучшается, пот. что я получил твои письма от 18 и 20 июля.

Сейчас вечер, я только что вернулся из дворца и очень устал. За эти дни, кроме большой очередной работы, происходило следующее: Муравьев и Ольденбург, наговорив мне комплиментов, склонили меня писать в отчете для Учр. Собр. и я выбрал для пробы главу о Протопопове, хотя, по прежнему, очень недоволен выработанным планом, составом, и пр. Меня утешало присутствие Ольденбурга, как председателя редакционной комиссии. Сегодня, однако, с утра выяснилось, что Ольденбург, у которого сегодня ночью был Керенский, ушел — в министры народного просвещения (сам он думает, что это ненадолго, и давно уже хочет идти на войну простым солдатом). Появился Тарле (1), хотя и не заместителем Ольденбурга, но, в качестве редактора, я с ним говорил утром, убедился, что он (для меня) труднее Ольденбурга и забил тревогу, т. е., убедил председателя вновь пересмотреть план (меня поддерживал Неведомский), что мы и будем делать завтра.

Это — „внутренняя“ наша политика. Кроме того, сегодня допрашивали Нератова и Маркова II (2). Последний — очень умный и очень сильный затравленный человек, с хитрецой и с тактом, который позволял ему все время держаться вызывающе, у предела наглости, и высказать много горьких замечаний, среди которых были и „истины“,

Вообще, на меня он произвел сильное впечатление. *

С войны (на юге) — очень плохие слухи, кот., мож. быть, и не оправдаются (будто бы, эвакуирована Одесса, эвакуация сопровождалась еврейским погромом; и будто бы наша румынская армия отрезана). Вообще — мрачно.

С тетей вопрос страшно труден, на квартиру к тебе я зайду насчет дров. Жду Любу, которая во всем этом может помочь, теперь уж недолго ждать.

25 VII

Пока я все это тебе писал вчера, пришел некий композитор Аврамов (3), рассказывал довольно много и интересно об „Обществе Леонардо да Винчи", но сидел целый вечер, так что я страшно устал. — Сегодня приготовляюсь к отчетному заседанию. Господь с тобой.

Саша.

Адрес Алексеевых (3): Каретный Ряд, дом Маркова (№ 4).

618.

ЕЙ ЖЕ.

28 июля 1917.

Мама, я сижу между двух стульев (как, кажется, все русские). От основной работы отбился, а к новой не подступаюсь. Деятельность моя сводится к тому, чтобы злиться на заседаниях и

* Ничего общего с тем, что есть в этом человеке, газеты не передавали. Вообще, печать всего мира (газетная) — страшный бич, мы никогда не читали и не прочтем ни слова правды, все можно только самому видеть.

осиливать языком и нервами, в союзе со многими русскими и евреями, ничтожную кучку жидков, облапивших председателя и не брезгующих средствами для того, чтобы залучить к себе „новых“ (как Тарле). Все это иногда приводит в ужас, иногда гнусно, иногда смешно, вообще же — безъотрадно, потомучто дело стоит, а время идет; русская трагедия (которой нельзя не чувствовать и в Чр. Сл. комиссии) все время граничит с......водевилем. Не стоит об этом говорить много. Мож. быть, я тоже не совсем прав, потомучто 1) слишком чувствую свою арийскую кровь, 2) устал вообще и 3) опять подумываю о „серьезном деле“, каким неизменным представляется мне искусство и связанная с ним, принесенная ему в жертву, опустившаяся „личная жизнь“, поросшая бурьяном.

„О нет! Я терном и волчцами
Посев небесный заглушал,
Земных стремлений плевелами
Его... (забыл дальше. Вл. Соловьев) (1).

Сегодня пришли письма твои и тети — от 24 июля; в обоих, хотя и по разному совершенно, — паника, по понятным причинам: вы окружены дикарями (московскими крестьянами и *** ***) и читаете газеты кадетского уклона, узнавая факты и сплетни только из них, а не из воздуха городов. *

* Вы при начале „наступления“ 18 июня кричали с тетей ура, потому теперь думаете, что все полетит в бездну (тетя более, чем ты). Радуйтесь, что вы — не у власти; не то, что „радуйтесь“, а принимайте меньше участия душевного

Положение, действительно, ужасно; для тех, кто стоит на государственной точке зрения, оно, повидимому, катастрофично. Но, с позволения сказать, можно, не будучи ни анархистом, ни большевиком, можно полагать иначе. Впрочем, „давно, лукавый раб, замыслил я побег в обитель тихую трудов и мирных нег“ (2), если это будет когда нибудь исполнимо.

Что касается деловой стороны письма тети, то я подожду Любу, чтобы обсудить с ней положение, тем более, что ждать недолго, я надеюсь.

Очень жарко и душно, я купаюсь.

Шуваловский парк очень для меня много значит.

Господь с тобой.

Саша.

619.

ЕЙ ЖЕ.

1 августа 1917.

Мама, сейчас уже поздно, и я не буду писать много.

Сегодня утром приехала Люба, мы говорили с ней весь вечер. Пока решили, что она попробует

в этой государственной агонии. Мы — „обыватели“; теперь теряются и более дальнозоркие, чем мы. В утешение нам всем, я могу привести фразу С. В. Иванова, по моему, необыкновенно значительную; он раз сказал: „Все мы, и я первый, виноваты в том, что не умели управлять этими людьми в свое время (о Протопопове и прочих). Оттого все и пошло. И я первый из вас... оставим этот разговор“. Сказал с большим волнением, очень искренним. Отчасти, в ответ на мои упорные речи в Комиссии о том, что все эти люди — глубоко ничтожны были в государств. смысле (что ему очень понравилось; сам он — старый сенатор, бывший товарищ госуд. контролера, кадет, не подавал руки Щегловитову).

поискать квартиру тете и купить тебе дрова. Первое, по моему, почти безнадежно (со слов Жени, который был у меня в воскресенье и ищет квартиру).

На днях у меня был длинный разговор с Феролем (по телеф.), который высказывал разные не лишенные основания угрожающие для Петербурга перспективы (в смысле голода и холода) и мы говорили по этому поводу о вас с тетей. Это также еще может изменить все положение вещей.

Я получил через Струве приглашение Временного Комитета „Лиги Русской Культуры" — вступить туда членом и сказать речь о русской культуре на первом публичном собрании. Ответил длинным письмом, что вступаю, но оговорился, что мне больно, что там нет Горького, а есть Родзянко. Относит. своего выступления — в зависимости от службы (повидимому, кроме Протопопова я возьму себе тему „Последние дни старого режима)" (1). „Временн. Комитет Л. Р. К." — Родзянко, Карташев, Шульгин, Савич (2) и Струве. В числе учредителей (21) — Ольденбург. Как видишь, и я „правею".

Мы всё заседаем, но конец виден, и я постараюсь наладить новую работу, к которой пока не умею приступить.

Все сложнейшие вопросы о будущей зиме мы обсудим с Любой.

От тебя опять не было письма с 28 VII.

Господь с тобой.

Саша.

620.

ЕЙ ЖЕ.

4 августа 1917.

Мама, по твоему последнему письму я вижу, что твое беспокойство все больше питается шахматовской глушью. Тем не менее, хотя я очень понимаю это, я считаю, что теперь тебе надо еще там остаться некот. время, что это будет в общем полезнее. Теперь здесь уже, так сказать, „неинтересно", в смысле революции. Россия опять вступила в свою трагическую (с вечной водевильной примесью) полосу, все тащат „тягостный ярем". Другими словами, так тошно, что даже не хочется говорить. Спасает только работа, спасает тем, что, организуя, утомляет, утомляя, организует. Люба и работа — больше я ничего сейчас не вижу.

Третьего дня допрашивали Гучкова (1). Трудно быть мрачнее его и говорить мрачнее. Вчера я приступил к работе для отчета, весь день делал подготовку. Сегодня пошел на допрос Милюкова, но слышал только его первые фразы, потому что очень торопился: председатель поручил мне сделать спешно, к завтр. дню, большую редакционную работу (для Керенского; я уже ее сейчас сделал).

Прилагаю деловые записки о тетиной квартире (2).

Могу прибавить, что я уже читаю „Рус. Волю"; (3) да и вообще, — „рожденный ползать летать не может" (4)!

Купаюсь, всетаки. Завтра, надеюсь, после еще одного заседания, вырваться купаться. Господь с тобой.

Саша.

3 авг.

В квартире рядом с нами (с черной лестницы) оказалась маленькая комната за 45 рублей в месяц. Мы сейчас же ее взяли, и я заплатил за месяц вперед. Она менее глубокая, чем наши, кажется — пониже, окно (одно) такое же, выходит туда же, как у нас. Мебель вынесут. Там есть ниша (дверь), которую придется заставить шкапом, другую дверь — завесить ковром. Третья дверь выходит в коридор и в переднюю, откуда — „парадный“ выход на Пряжку. У хозяйки (которая служит в аптеке Обуховской больницы — простая какая то особа) — есть две жилицы, которые уходят на службу днем, и два брата на фронте, которые приезжают изредка и ненадолго в отпуск. Топить обещает до 12°. Печка железная, но гофрированная и не круглая. Обои дешевые, но чистые. Поместить необходимую мебель можно. Следовательно, Аннушка будет у нас, а Агнии придется уйти, я с ней говорил, она к тебе не пойдет, потомучто не уживается с горничными; а так — она очень хорошая, и жаль с ней расстаться. Я решил сейчас же взять комнату, потому что 1) это — единственный случай, когда Аннушку можно соединить с тетей без квартиры и 2) всетаки, лучше жить так, чем у нас, пока я здесь, по кр. мере (подобие независимости). 3) Пускай Долгополов пробует присматривать, но квартиру найти едва ли мыслимо, не заплатив 600-1000 рублей за право ее посмотреть; поэтому нужно хвататься за первое, что попадет. 4) Цена дорогая, но — при дровах — не сумасшедшая.

621.

ЕЙ ЖЕ.

8 августа 1917.

Мама, я так устал сегодня, что ничего не описываю. Может быть, вам с тетей и пора возвращаться сюда. Повидимому, тебе уже там все опостылело. Обдумай и напиши; то, что у тебя — квартира, а у тети — комната, это уже много по нынешним временам. Но что будет дальше, не знаю. Господь с тобой.

Саша.

622.

ЕЙ ЖЕ.

12 августа 1917 г. к ночи.

Мама, я опять не способен описывать; работы так много, что я потерял почву и работаю не особенно прилежно. Однако, приготовляюсь к отчету, а в стенограммах мне помогает Люба и нанимаемые мной лица.

По всей вероятности, вам с тетей понадобятся разрешения, для того чтобы въехать в Петербург. Люба достанет их в комиссариате, и я пошлю. Это относится к разгрузке города.

Разные тревожные слухи на сегодня, связанные с начавшимся сегодня Московским Совещанием (1), не оправдались. Наш председатель и другие уехали на Совещание, я пользуюсь этим и усиленно купаюсь, работая пол-дня.

У твоего дворника Люба была несколько раз; все это, насколько можно, она наладит.

Мне бы овладеть темой и подступиться к матерьялу, тогда я опять соберусь.

Господь с тобой. Саша.

1918 г.

623. МАТЕРИ (1).

В воскресенье ждут подписания мира. Если это случится, Наш Путь, № 1, будет сейчас же сдан в типографию. Наш Путь (2) будет несомненно

. . . .

Не лишнее приготовить вторую порцию перевода (3) хотя это сейчас не особенно спешно. Перевод Разумник просит продолжать.

624.

ЕЙ ЖЕ.

26 (13) IV 1918.

Это верно, что я „в вате“, но мне не менее трудно жить, чем тебе, и физически, и душевно, и матерьяльно; кроме того, я с утра до вечера пишу, сосредоточиваясь на одной теме (1), очень мучающей меня и трудной для меня. У Любы тоже большие затруднения, и она не в духе. Оттого у нас в квартире такая тяжелая атмосфера. Потому не будем ссориться.

Саша.

625.

ЕЙ ЖЕ (1)

Мама, в субботу — балет, а не Островский. Репертуар выйдет сегодня вечером. Островский, вероятно, в понедельник.

Завтра у меня будет днем Ив.-Раз., а обед. Княжнин.

В пятницу — заседание.

В субботу я буду читать Розу и Крест во Временном Комитете Гос. театров. Хочет играть, повидимому, Тиме. Ставить собираются в Михайловском театре.

Саша.

Вот избранные стихи в строго-хронологическом порядке, просмотри. Если можешь, перепиши те тексты, которых здесь не хватает (там заложены листки с указанием) (2).

626.

М. А. БЕКЕТОВОЙ.

19 июня 1918.

Тетинька, у меня столько разных забот, что трудно писать. Дела — литер. и театр. — у нас с Любой хорошие. О Любе много пишут в газетах и иногда — хорошо. Она играла Кручинину в „Без вины виноватых“ и кроме того читала „Двенадцать“ в „Доме Рабочих“ (Луна-Парке), где пока очень мало публики, и в Мариинском театре (вечер с Шаляпиным!). Я продал выгодно книги (четвертое издание) (1). Розу и Крест собирается ставить, кроме Худ. Т., — Александринка. Я постоянно заседаю в театральном отделе, где получаю жалованье. Вследствие всего этого, мы можем питаться, что в Петербурге сейчас трудно. Я постоянно хожу по театрам, что входит в круг моих бесчисленных обязанностей. Кроме всего этого, бесчисленные журнальные и газетные дела. Хотелось бы всетаки отдохнуть от города, но это невозможно.

Мама с Францем живут пока там же, мама неважно; Франц может быть получит место, но пока этих мест представляется несколько, и всё не очень определенно. Я не очень часто их вижу. Квартиру они ищут все время, но квартир мало по прежнему, так что это трудно. Вот все, кажется. Целую тебя крепко.

Саша.

О тебе справлялась по телефону С. А. Чурова (2).

627.

МАТЕРИ.

Мама, сегодня в 8 час. вечера у меня будет Тихонов (если не обманет) — говорить по поводу переводов. Это — большое дело при Ком. Нар. Пр. (Тих. и Горький), издается мировая литература — и новые и старые переводы, с предисловиями. План еще вырабатывается.

Хорошо бы, чтобы тетя пришла часу в 9-м, сообразив все, что она может предложить нового. Старые ее списки — у меня, и один из них я дам Тихонову. Сообщи ты также, какие из своих переводов ты считаешь лучшими и какие нужно перерабатывать.

23 IX (1).

Саша.

628.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, сейчас мне звонил Ф. Д. Батюшков (2). „Лесной домик“ исправлен Куприным и при-

нят (3), но Всем. Лит. не принимает рукописей не на машине. Придется переписать (я найду переписчицу), для чего — взять рукопись у Батюшкова в Публ. библиотеке от 11-3 (он не выходит, п. ч. у него сломаны 2 ребра) — мне или тете. Еслиб взяла ее тетя, я эти дни завален делами!

„Куз. Понс.“ и „Куз. Бета“ — у Кузмина, вероятно, тоже пойдут. „История тринадцати“ и „Шуаны“ тоже, вероятно пойдут (4).

Додэ (ни письма с мельницы, ни Джек) не пойдут, есть другие переводы.

1919 г.

629.

МАТЕРИ (1).

Мама, — В. Гюго (2) заказано в Москве 10 000, так что мы будем печатать 15 000, и ты много получишь.

Просмотри, пожалуйста, и исправь Борину корректуру (3) (мне нужно ее отнести в понедельник).

Чуковский — сегодня в 3 часа в Всем. Лит. (Невский 64).

1920.

630.

М. А. БЕКЕТОВОЙ.

16 марта 1920.

Милая моя тетинька, стихи мне очень нравятся, они похожи на бабушкины (1). Мы почти устрои-

лись в квартире, жить можно, хотя и тесно (2). Мебель приходится продавать, и твоей бо́льшую часть тоже — ничего не поделаешь. Золотое зеркало будет сохранено. Из книг твоих продаю немногое, больше — разные детские, причем — твоего сочинения — оставляю.

Ионова (3) я не увижу, он как раз сейчас причиняет мне косвенные неприятности и делает затруднения в литературных делах, касающихся и меня.

На днях получится еще некоторая сумма на твою долю из Всемирной Литературы (4). С продажей вещей деньги еще будут, ты об них не беспокойся.

Мама начала иногда выходить (5). Сейчас помогает мне в редактированьи Лермонтова (6). Мы с Любой страшно устали за все время со смерти Франца, я даже оброс фурункулами, теперь они уже склонны проходить.

Францева (дидина) кровать оставлена, но, если ты приедешь, проще будет выдвинуть от мамы твою кушетку.

Крепко целую тебя.

Саша.

Я забыл тебе написать, что мама пошла к В. П. Билибиной и узнала, что она скончалась, а молодых не застала (7).

Прилагаемую доверенность перепиши точно, засвидетельствуй подпись, где у вас полагается (здесь полагается в домовом комитете) и пришли, или привези мне.

Я надеялся, что письмо свезет к тебе Батюш-

ков (Ф. Д.), который собирался познакомить тебя с лужской интеллигенцией, но он сейчас в больнице.

631.

ЕЙ ЖЕ.

25 марта (1).

Тетинька, Ольга Алексеевна (2) говорит, что вы уже были у Варв. Петр. Шнейдер, в детск. приюте „Светелка". Между тем, я только что узнавал ее адрес для тебя у Ольденбурга. Ф. Д. Батюшков скончался (от язвы в желудке), он и хотел свести тебя со Шнейдерами, которых и Ольденбург знает. Думаю, что это — единственный путь, так как они в Луге — культурный центр, главные интеллигенты. Не могли ли бы вы с Аннушкой переселиться ближе к ним?

Может статься, что я тут добуду тебе какую нибудь работу, но далеко в этом не уверен, потому и не пишу — откуда.

Мама чувствует себя не особенно хорошо. Сегодня, например, у нее болит спина. Впрочем, она понемногу выходит.

Целую тебя, господь с тобой. Саша.

О пенсии тебе напишет Ольга Алексеевна; будет пенсия, а вызовут тебя 27 апреля.

1921 г.

632.

МАТЕРИ.

12 мая 1921.

Мама, вчера я приехал из Москвы с Алянским (1). На вокзале встретила Люба с лошадью

Белицкого (2). Твое письмо я получил 9-ого в Москве, оно меня несколько успокоило. Читать пришлось 6 раз (3 больших вечера и 3 маленьких). Успех был все больше (цветы, письма и овации), но денег почти никаких — устроители ничего не съумели сделать, и условия скверные. Выгоду, довольно большую, я получил от продажи Розы и Креста театру Незлобина, где она пойдет в сентябре (3). В этой продаже помогали Коганы (4) и Станиславский. Это помогло мне также отклонить разные благотворительные предложения, которые делали Станиславский и Луначарский (5), узнав о моей болезни. У меня была кремлевская докторша, которая сказала, что дело вовсе не в одной подагре, а в том, что у меня, как результат однообразной пищи, сильное истощение и малокровие, глубокая неврастения, на ногах цынготные опухоли и расширение вен; велела мало ходить, больше лежать, дала мышьяк и стрихнин; никаких органических повреждений нет, а все состояние, и слабость, и испарина, и плохой сон, и пр. — от истощения. Я буду здесь стараться вылечиться. В Москве мне было очень трудно, все время болели ноги и рука, рука и до сих пор болит, так что трудно писать, читал я, как во сне, почти все время ездил на автомобилях и на извощиках.

Я был у Каменевых (6) в Кремле и у Кублицких. Им живется повидимому хуже, Ад. Феликс. совсем старый. Андрей был очень нежен и трогателен. Фероль худой и злится.

Москва хуже прошлогодней, но всетаки живее Петербурга. Меня кормили и ухаживали за мной очень заботливо. Н. Ал. тебе, вероятно, напи-

шет. — Сейчас ноги почти не болят, мешает, главн. обр., боль в руке, слабость и подавленность.

Тетю поцелуй и пиши. Можно ли спать и есть ли еда? Какие отношения?

Саша.

13 мая. Евг. Федор. (7) узнала сегодня, что ее брат Сережа в Москве умер от тифа, хочет ехать в Москву, я пробую устроить ей командировку.

На конверте: Заказное. Луга, у переезда, дача Васильевой. Марии Андреевне Бекетовой для передачи Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух (8).

633.

ЕЙ ЖЕ.

20 мая (1).

Мама, я получил твое письмо и тетино. Слава богу, если так пока. Но всетаки, многое вы пишете, чтобы меня успокоить.

. . . .

на следующий день поднялась температура до 39, и я слег в постель. Пекелис (2), подтверждающий все, что мне сказали в Москве, находит, что без санатории мне не поправить ни душевного, ни телесного состояния. Поэтому, я спрашиваю сегодня в письме к Н. А. Нолле о санатории Габай, которую она рекомендовала, и где П. С. Коган провел месяца $1^1/_2$. Может быть, на июль и август, перед постановкой пьесы, придется съездить туда.

Преимущества моего положения заключаются в том, что жить спокойно. Я не сообщаюсь ни с кем, даже телефон давно сломан, Люба кормит и лечит меня, так что у меня появились некоторые мысли и я пробую писать (3).

Жар кончается, и я скоро встану, но ходить далеко все равно не могу, да и не хочу.

Поцелуй тетю и напиши.

Саша.

На конверте: Заказное. Луга. У переезда, дача Васильевой Марии Андреевне Бекетовой для передачи Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

634.

ЕЙ ЖЕ (1).

28 мая 21.

Мама, Л. А. Дельмас едет сегодня в Лугу и отвезет письмо. Писать мне нечего интересного; кроме болезни, ни о чем не могу писать и трудно — слабость. У меня уже вторые сутки — сердечный припадок, вроде твоих (2), по словам Пекелиса, я две ночи почти не спал, температура то ниже, то выше 38. Принимаю массу лекарств, некоторые немного помогают. Встаю с постели редко, больше сижу там, лежать нельзя из за сердца. Теперь кажется припадок проходит.

Третьего дня приходил Женя Иванов. Я почти не говорил с ним, потомучто плохо себя чувствовал. Делать тоже ничего не могу. Ну, господь с тобой.

Саша.

На конверте: Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух Луга, у переезда, дача Васильевой.

635.

ЕЙ ЖЕ.

4 VI 21.

Мама, ...

О болезнях писать нестерпимо скучно, но

больше не о чем писать. Делать я ничего не могу, потомучто температура редко нормальная, все болит, трудно дышать, и т. д. В чем дело, неизвестно. Если нервы несколько поправятся, то можно будет узнать, настоящая ли это сердечная болезнь, или только неврозы (1). Нужно понизить температуру. Я принимаю водевильное количество лекарств.

Ем я хорошо, чтобы мне нравилась еда и что нибудь вообще, не могу сказать. Люба почти всегда дома. Незлобин будет платить за пьесу в разные сроки. Вот кажется все.

Саша.

Спасибо за хлеб и яйца. Хлеб настоящий, русский, почти без примеси, я очень давно не ел такого.

На конверте: Заказное. Луга. У переезда. Дача Васильевой Марии Андреевне Бекетовой для передачи Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1907 г.

МАТЕРИ.

Мама, хочешь сейчас придти? М. б., придет Городецкий. Хочешь видеть его? Надеюсь, что он не надует.

Саша.

А Францик?

Примечание: Записка не датирована, но несомненно относится к началу 1907 г., когда Блок был нездоров (ср. письмо 113: „У меня маленький жар, я сижу дома и веселюсь с Городецким“), и не вошла в I т. по техническим причинам. Городецкий — Серг. Митроф., поэт.

НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ

МАТЕРИ.

Мама, я тебя буду завтра ждать.

Примечание: Написано синим карандашом, без подписи.

ЕЙ ЖЕ.

Хорошо, мама, приду. Телеграммы еще нет. Спал ничего. Что же ты забыла про Тютчева?

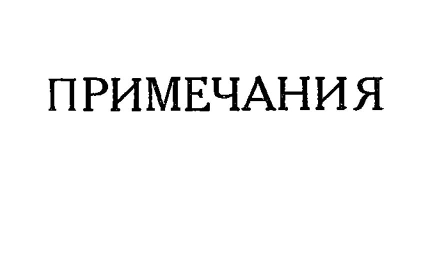
Саша.

ЕЙ ЖЕ.

Мне надоела, мама, твоя голубая бумага, по моему, эта — изящнее, и формат красивее. Также и конверты. Свойство бумаги приблизительно то же.

Примечание: Записка зеленым карандашом, без подписи.

ПРИМЕЧАНИЯ



Примечания за исключением примечаний к письмам № 583—4; 593; 596—2, 3, 4, 5, 7; 597—4; 599—1; 600—1; 601—4; 602—1, 2; 617—1; 620—3; 622, — составлены М. А. Бекетовой.

255. МАТЕРИ.

1. Из Ревеля.

2. Катерина — крестьянка из соседней деревни Шепляково, которая часто работала в Шахматове. В письме сообщалось, что арендатор самовольно продал корову и лошадь.

3. Егор — арендатор, крестьянин из соседней деревни, который за свое краткое пребывание расстроил шахматовское хозяйство.

4. Платон — рекомендованный кем-то работник.

5. Теплов, В. В. — командир армейского полка в Ревеле и его жена — Е. В. Обе семьи сблизились и, живя по соседству, часто видались.

„Известия об очереди“ касаются производства Ф. Ф. Кублицкого в следующий чин по старшинству.

256. ЕЙ ЖЕ.

1. Объявление помещалось в газетах для приискания работника, который должен был заменить арендатора Егора.

2. Комета проходила 10—14 января 1910 г. Чтобы понять отношение Блока к этому явлению, надо знать прежде всего,

что поэтам-символистам было свойственно ожидание близкой кончины мира или то, что называл Мережковский „чувством конца“. Обращаясь мыслью к будущему, они представляли его себе не в реальных формах, а в виде картин библейских (см. конец стихотв. Блока „Экклезиаст“ (I том), чаще всего апокалиптических („Апокалипсис“ — пророческая книга, по преданию написанная учеником Христа Иоанном, изображающая в очень грандиозных и загадочных образах кончину мира). Чувство конца, катастрофы было близко и Блоку с его трагическим миросозерцанием. Все, грозящее катастрофой, не только волновало, но даже радовало его (см. его отношение к войне, к пожарам, к гибели „Титаника“). С другой стороны он связывал все явления природы с жизнью людей, а звезды играют в его поэзии очень большую роль. В пьесе Блока „*Незнакомка*“ главное действующее лицо — женщина-звезда. Такое явление, как комета, должно было привлечь внимание поэта: оно было и необычно, и красиво, и связано с мистическими легендами о конце мира. Заинтересованный тем, что, по исследованию ученых, в хвосте одной из комет, проходивших в то время, есть пары губительного газа, Блок думал, что если комета пройдет поблизости от земли, ее хвост может отравить землю своими газами. Его возбуждение по этому поводу нельзя однако принимать серьезно: Блок заинтересован, взволнован, но едва ли он действительно ждал гибели мира. Не в таком тоне говорит он об этом хотя бы в данном письме. Отношение Блока к кометам подтверждается еще и его стихотворением „Комета“ (III книга стихотвор.):

Ты нам грозишь последним часом
Из синей вечности звезда:
Но наши девы по атласам
Выводят шелком миру „да“ и т. д.

Здесь как будто намек на революционные лозунги, вышиваемые на красных знаменах.

3. Наук, А. А., — доктор по внутренним болезням. Бехтерев, В. М., и Розенбах. П. Я. — психиатры-невропатологи.

257. ЕЙ ЖЕ.

1. Ф. Ф. Кублицкий подумывал одно время о том, чтобы выйти в отставку и служить в интендантстве. Заметка об интендантах, о которой говорит Блок в письме, напечатана в газ. „Речь“ 12/I 1910 г. под названием „Прием на интендантскую службу отставных офицеров“.

2. После того, как С. А. Кублицкая-Пиоттух купила отдельное имение, ей была выплачена из средств Блока третья часть суммы, в которую сестры Бекетовы сообща оценили Шахматово.

3. Бородаевский, В. В. — поэт, автор книг: „Стихотворения“, изд. „Оры“ (II. 1909) и „Уединенный дол“.

4. К письму были приложены вырезки из варшавских газет с некрологами А. Л. Блока.

258. ЕЙ ЖЕ.

1. Мазурова, А. Н., в замужестве Н. Джордж—дочь О. А. Мазуровой, друга семьи Бекетовых.

2. Няня Соня — С. И. Колпакова, бывшая няня поэта.

3. Кн. Эристов, Сидамон Дм., прис. пов., любитель литературы.

262. ЕЙ ЖЕ.

1. День рожденья Ф. Ф. Кублицкого, отчима Блока.

263. ЕЙ ЖЕ.

1. Дверь в соседнюю квартиру, которую Блок присоединил к своей.

2. В конце письма есть короткая приписка карандашом Л. Д. Блок.

264. ЕЙ ЖЕ.

1. Блок придавал большое значение числам. „У кончающего работу открываются глаза — глаза на числа мира. Он умеет считать — это момент п р о з р е н и я... Мое число — 4. Допускаю и другие числа для других — все равно“ (из неопублик. письма к Андрею Белому от 3 февр. 1903 г.). Число 5 было Блоку враждебно (см. дальше, письмо от 22 июня 1910 г.). Очевидно, поэт считал, что число 4 благоприятно ему и в других комбинациях, кроме соединения с числом 5, а числа 3 и 7, как имеющие мистическое значение, казались ему в данном случае особенно важными.

265. ЕЙ ЖЕ.

1. А. П. Иванов и его жена Евг. Алексеевна (урожд. Смирнова).

266. ЕЙ ЖЕ.

1. „Противоречия“. Статья. („Речь“ № 31. 1910 г.)

268. ЕЙ ЖЕ.

1. Портрет не был закончен. Он был очень неудачный и остался у художника.

269. ЕЙ ЖЕ.

1. Плотников — подрядчик, которому были поручены все плотничьи работы по ремонту шахматовского дома.

2. См. Андрей Белый, „Серебряный Голубь“, „Весы“ 1910 г. и отдельное изд. „Скорпион“, М. 1910 г. (стр. 230). Дарьяльский вспоминает стихи Блока, и они напоминают ему сектантское песнопение.

3. Доктор Соловьев — главный врач санатории в Сокольниках, где лечилась мать Блока, Ал. Андр. Кублицкая.

270. ЕЙ ЖЕ.

1. Мать Н. П. Ге — Екатер. Иван., сестра жены Врубеля Н. И. Забелы.

2. Серов, В. А., и Яремич, С. П. — художники. Беклемишев, В. А. — скульптор, ректор Академии художеств.

271. ЕЙ ЖЕ.

1. Приложена рукопись речи о Врубеле на трех страницах. Напечатана в VII т. Собр. сочинений под назв. „Памяти Врубеля“ в измененном виде.

2. Ответ В. И. Иванову на его доклад „Заветы Символизма“ (см. журн. „Аполлон“ 1910, № 8).

272. ЕЙ ЖЕ.

1. 8 апреля Блок прочитал в Обществе ревнителей художеств. слова доклад „О современном состоянии русского символизма“. (См. журн. „Аполлон“ 1910, № 8, изд. отдельно „Алконостом“ в 1921 г.)

2. Ефим — Е. Х. Лавров, садовник и старший работник в имении Менделеевых.

3. Сборник Литературного Фонда.

4. Скалдин, А. Д. — писатель, поэт („Стихотворения", изд. „Оры", П. 1912 г.). О его знакомстве с Блоком см. „Письма Александра Блока". Л. „Колос" 1925. (Письма к А. Д. Скалдину и Скалдина „О письмах А. А. Блока ко мне"); там же рассказано о подозрениях Блока (стр. 177): „... примешался к тому же один случай, заставивший Александра Александровича подозревать меня в большой хитрости (говорить о нем не стоит — не хочется задевать чести одного человека и бередить собственные старые раны)..."

273. ЕЙ ЖЕ.

1. Ершов, И. В. — известный артист, прославившийся исполнением вагнеровских опер. В „Гибели богов" исполнял партию Зигфрида. На упоминаемом спектакле Ершова чествовали по случаю пятнадцатилетия его артистической деятельности на сцене бывш. Мариинского театра. Следует отметить великолепное исполнение Ершовым песни Гаэтана (муз. М. Ф. Гнесина) из драмы „Роза и Крест" на концертных эстрадах.

274. ЕЙ ЖЕ.

1. В. К. Шварсалон — падчерица Вяч. Иванова, впоследствии его вторая жена.

2. Кальдерон — испанский драматург VII века. У Вяч. Иванова ставили его пьесу „Поклонение кресту". Играли артисты и литераторы.

276. ЕЙ ЖЕ.

1. Телеграмма „принята 19/IV 1910 г." из Петербурга.

277. ЕЙ ЖЕ.

1. З. Н. Гиппиус „Собрание стихов“. Кн. 2-я „Мусагет“. М. 1910 г.

278. ЕЙ ЖЕ.

1. Толстой, граф Ал. Н. — беллетрист, драматург и поэт.

2. По всей вероятности, В. И. Самойло, о котором упоминает Блок в автобиографии (сборник Ф. Ф. Фидлера „Первые литературные шаги“, М. 1911.) Ему принадлежит статья „Ал. Блок“, Сборн. „Туманы“, Минск, 1909.

3. Ракитин, Ю. Л. — б. актер Моск. худ. театра, режиссер Александринского театра.

280. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано карандашом, очевидно, через день после предыдущего письма, на что указывает и содержание письма и дата „1 мая“, поставленная на обороте рукою Блока.

281. ЕЙ ЖЕ.

1. Рубка деревьев и чистка леса были любимыми занятиями Блока в деревне.

282. ЕЙ ЖЕ.

1. Николай (Лапин) — старший работник, точнее — приказчик.

283. ЕЙ ЖЕ.

1. Молодые Блоки жили в отдельном флигеле, стоявшем недалеко от дома. Флигель пришел в ветхость, и решено было его перестроить или построить новый.

286. ЕЙ ЖЕ.

1. Крошечная комнатка с окном в сад, где жил гимназистом и юношей Ал. Блок до самой женитьбы. Там же издавался „Вестник“ и написано много стихотворений.

2. Девичья — комната в два окна, выходившая во двор, где помещалась обыкновенно горничная. Один из углов был отгорожен под кладовую, в которой держали сухую провизию.

287. ЕЙ ЖЕ.

1. Сафоново — имение Кублицких старших в 20 верстах от Шахматова.

2. Фра Филиппо Липпи — живописец эпохи Возрождения. К нему относится латинская эпитафия, переведенная Блоком см. книгу III „Стихотворений“).

3. На этом месте была березовая роща, вырубленная после смерти деда и бабушки Блока.

288. ЕЙ ЖЕ.

1. 1910 г.

2. Новая верхняя комната в пристройке.

289. ЕЙ ЖЕ.

1. Кладовую несколько уменьшили, но она осталась на месте.

2. Мельников, П. И. (Андрей Печерский) — беллетрист (автор „В лесах“ и „На горах“), официальный исследователь раскола.

291. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Написано карандашом, по всей вероятности, между 7 и 11 июня, на ст. Подсолнечная, при возвращении в Шахматово.

2. Зимин — владелец магазина ламп и металлических вещей в Гостином дворе.

3. Петров день и Казанская — 29 июня и 8 июля ст. ст.

292. ЕЙ ЖЕ.

1. Бронштейн, Н. — секретарь редакции кн-ва „Польза“ („Универс. библ.“). Жил в санатории д-ра Соловьева в одно время с матерью Блока, с которой вел переговоры о переводах беллетристич. произведений Ришпэна и Рони старшего. Переговоры эти остались без результата.

2. См. в журн. „Образование“ 1908 г., № 7, рецензию Блока о драме Верхарна „Монастырь“, перев. с франц. Эллиса, с предисл. А. Белого, изд. „Универс. библ.“, № 60.

3. Отношение Блока к французам всегда было презрительное, хотя он любил некоторых франц. писателей, особенно Флобера.

293. ЕЙ ЖЕ.

1. 1910 г.

2. См. примечание к письму 264.

294. ЕЙ ЖЕ.

1. Окна в шахматовском доме были одного типа: средние два стекла — цельные, белые, а верхние и нижние — узкие, цветные.

2 „Розас“ — так называл Блок в шутку намалеванный под коньком пристройки серый кружок с белым переплетом, изображающий слуховое окно.

296. ЕЙ ЖЕ.

1. Телеграмма *принята* 5/VII 1910 *г.* на ст. Подсолнечная.

297. ЕЙ ЖЕ.

1. Федор — крестьянин, которого обыкновенно нанимали в Шахматове для земляных работ.

2. На пруде сооружали плотину. Распиленный тополь — один из двух больших серебристых тополей, росших около дома. Он засорял листьями водосточную трубу и портил крышу.

3. Афанасий — мастеровой из соседней деревни Костюнино.

298. ЕЙ ЖЕ.

1. Сборник стихов — „Ночные часы“.

299. ЕЙ ЖЕ.

1. Три московских издательства, выпускавших книги представителей новейших литературных течений.

2. Марья Борисова — девушка из соседней деревни Гудино.

300. ЕЙ ЖЕ.

1. Аристарх — колодезник.

301. ЕЙ ЖЕ.

1. Вероятно об уходе Л. Толстого. Газетной вырезки при письме не сохранилось.

2. Фельетон Д. С. Мережковского — „Религия и балаган" („Рус. слово", 1910, № 211). Начало ответной статьи Блока, задуманной им по этому поводу, напечатано уже после смерти поэта в журнале „Русский современник", 1923 г., стр. 150—152. Негодование Блока было вызвано следующим местом фельетона: приведя слова Блока: „Мы сделали революцию", Мережковский говорит: „По мнению декадентов, русская революция — балаган, на котором Прекрасная Дама — свобода — оказалась „картонной невестой" и „мертвой куклой" и человеческая кровь — клюквенным соком... Я не удивлюсь, если завтра Вяч. Иванов, Ал. Блок и прочие окажутся вместе с Илиодорами и Гермогенами. Кому не кажется нынче свобода „картонной невестой"? Кто не плюет на потухший жертвенник?"

3. Афиша, присланная А. И. Менделеевой, и заметка З. А. Венгеровой при письме не сохранились.

По словам А. И. Менделеевой, весной 1910 г. в Елисейских полях, в здании выставок картин Salon, состоялся доклад одного франц. ученого о поэзии Александра Блока, после которого артисты Comèdie francaise читали во франц. переводе стихи Блока (м. пр. „Незнакомку"), за исключением Л. Б. Яворской, читавшей по-русски.

4. Известные курсы новых языков.

302. ЕЙ ЖЕ.

1. 1910 г.

303. ЕЙ ЖЕ.

1. 1910 г.

2. Это слово написано карандашом.

304. ЕЙ ЖЕ.

1. Начало письма и весь следующий абзац относятся к уходу Толстого, его последней болезни и смерти.

2. Милюков, П. Н. — историк, публицист, лидер партии к-д., министр иностранных дел при Временном правительстве. Родичев, Ф. И. — член Гос. думы, к.-д., мин. по делам Финляндии при Временном правительстве.

3. Метнер, Э. К. (псевд. Вольфинг) — музык. критик и философ.

305. ЕЙ ЖЕ.

1. Редактирование собр. соч. Жуковского не состоялось.

2. Статья о поэтах 80-х годов не была написана.

3. Очевидно, Блок не желал встречаться с Мережковским после статьи, упоминаемой в письме от 31 окт. 1910.

306. ЕЙ ЖЕ.

1. 1910 г.

307. ЕЙ ЖЕ.

1. Полный титул книги неизвестен, так как, к сожалению, в каталог иностранных книг блоковской библиотеки это издание не внесено. — В творчестве Блока „Нибелунги“ отразились дважды (через Вагнера): в поэме „Возмездие“ (см. Пролог,) и в стихотв. „Валькирия“ (Хижина Гундинга) с под-

заголовком „На мотив из Вагнера“ („За гранью прошлых дней“ П. 1920, стр. 24).

Вообще оперы Вагнера — не только музыка, но и текст — производили на Блока сильное впечатление. Весьма вероятно, что образ умирающего Тристана в опере Вагнера „Тристан и Изольда“, срывающего повязку с раны, навеял Блоку последние строки стихотвор. „Идут часы и дни, и годы“ (Кн. III „Стихотворений“).

„Но час настал. Припоминая,
Я вспомнил: нет, я не слуга.
Так падай, перевязь цветная!
Хлынь кровь, и обагри снега“.

308. ЕЙ ЖЕ.

1. 1910 г.

2. Варламов, К. А. — известный артист. В „Дон-Жуане“ исполнял роль Лепорелло.

3. Тетя Соня — С. Г. Карелина, старшая сестра бабушки Блока, Е. Г. Бекетовой.

4. Эрн, В. Ф. — философ и религиозный мыслитель. Автор книг: „Борьба за Логос“, М. 1911 и „Г. С. Сковорода“, М. 1912.

309. ЕЙ ЖЕ.

1. 1910 г.

2. Очевидно, было приложено письмо, адресованное Ал. Андр. Кублицкой.

310. ЕЙ ЖЕ.

1. Барабанов (Икар), Н. Ф. — имитатор балерин, выступавший в театре „Кривое зеркало“.

2. Пьеса Ф. Сологуба — „Заложники жизни“.

3. Карпов, Евт. П. — драматург, режиссер Александр. театра. Арабажин, К. И. — историк литературы и журналист. Ходотов, Н. Н. — актер Александр. театра и драматург.

4. Ливен, М. Г., баронесса — поэтесса, дочь хранителя Эрмитажа.

5. Городецкая, А. А., урожд. Белоконь — жена Серг. Городецкого.

311. ЕЙ ЖЕ.

1. Девет (Вознесенская), А. М. — певица и преподовательница пения. Гречанинов, А. Т. — композитор. Известны его романсы, духовная музыка и детские песни. На текст „Вербочек“, кроме Гречанинова, написали музыку Р. М. Глиэр, Ц. А. Кюи и В. А. Сенилов.

312. ЕЙ ЖЕ.

1. Речь к десятилетней годовщине смерти Вл. Соловьева. См. Сборн. памяти Вл. Соловьева. Изд. „Путь“. М. 1912 (перепеч. в VII т. Собр. соч. Ал. Блока).

2. Кузьмин-Караваев, Д. В. — присяжный поверенный.

3. Гуревич, Л. Я. — беллетристка, литерат. и театр. критик ред.-изд. журн. „Северный вестник“.

4. Блок любил только неожиданные посещения, а когда заранее ожидал гостей, кроме самых близких людей, это всегда его удручало.

313. ЕЙ ЖЕ.

1. „Гугеноты“ — опера Мейербера с романтическим сюжетом „Education Sentimentale“ („Сентиментальное воспитание“) —

название романа Флобера, очень любимого Блоком. Это выражение, применяемое к себе, Блок понимал как воспитание, основанное на чувстве и развивающее мечтательность.

2. „Князь Игорь“ — опера А. П. Бородина.

3. Племянницы Евг. П. Иванова — Вера Никол. и Ольга Никол. Дюковы. Ольгу звали не Люсей, а Люшей.

4. Ведринская, М. А. — драматическая актриса.

5. Вечер памяти Вл. С. Соловьева был устроен Литер. Фондом в Тенишевском уч-ще (см. газ. „Новое время“ 14—15 дек. 1910). П. С. Соловьева *говорила об отношении* Вл. Соловьева к смерти.

6. Книга Е. В. Аничкова — „Предтечи и современники. На западе“.

7. Л. Д. Блок любила старинные вещи. „Слон“ — вышивка с изображением слона и поводильщика в восточном пейзаже, работа прабабушки Блока А. Н. Карелиной; „портфейль“ — того же времени.

314. ЕЙ ЖЕ.

1. 1910 г.

315. ЕЙ ЖЕ.

1. Почтовая открытка. Штемпель: „31. 12. 10.“ Написана карандашом.

316. ЕЙ ЖЕ.

1. Поэма — „Возмездие“.

2. Плевицкая, Н. В. — певица, талантливая исполнительница русских народных песен.

3. Киселев, Н. П. — филолог и библиограф.

4. Замятнина, М. М. — друг семьи Вяч. Иванова.

5. См. Андрей Белый „Офейра“, М. 1921, и „Путевые заметки. Т. I. Сицилия и Тунис“. Берлин 1922.

317. ЕЙ ЖЕ.

1. Аверченко, А. Т. — писатель-юморист.

2. Куприн, А. И. — беллетрист.

3. Написано на шести открытках с силуэтами Ф. Толстого: „*Сцены помещичьей и деревенской жизни* в начале XIX века“.

318. ЕЙ ЖЕ.

1. „Чертова кукла“. Журн. „Русская мысль“, 1911, кн. I—III.

322. ЕЙ ЖЕ.

1. Почт. штамп.: „23 янв. 1911“. Открытка с копией картины из Парижск. Salon'a.

2. „Телеграмма Н. В.“ — неизвестно чья.

323. ЕЙ ЖЕ.

1. Приложена статья Е. П. Иванова „При дверях“; вырезка из петерб. газ. „Утренняя звезда“ 8. X. 1910 (№ 41); в этой же газете напечатано его же „Се оставляется вам дом ваш пуст“ (13. VIII. 910, № 33.)

2. „Черный мельник“ — рассказ Е. П. Иванова, напеч. в журн. „Тропинка“ (1910 г. №№ 21 и 22) и в книге „В лесу и дома“. Библ-ка „Тропинки“, изд. И. Д. Сытина, 1915 г.

324. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано на открытке (К. Сомов „Пастораль“). Почт. штемп. 27. I. II.

2. Садовской, Б. А. — поэт, беллетрист и литер. критик.

3. Федор Сологуб. „Пламенный круг“, изд. журн. „Золотое руно“, М. 1908.

325. ЕЙ ЖЕ.

1. Эмилия — горничная А. А. Кублицкой в Ревеле.

2. Дымов (Перельман), О. Н. — беллетрист и драматург.

3. Чуковский, К. И. — литер. критик, переводчик, автор книг для детей.

326. ЕЙ ЖЕ.

1. В журн. „Аполлон“ 1911 г., № 3, напечатаны под общим названием „Романсы“ стихотв. Ал. Блока: „Пришлица“ (Я не звал тебя — сама ты подошла) „Юность“ (В тихий вечер мы встречались) и „Голоса скрипок“ (Из длинных трав встает луна).

327. ЕЙ ЖЕ.

1. Лозинский, Л. Я. — прис. пов., родств. Кублицких.

328. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата неполная. Почтовый штемпель 8. 2. 11. Открытка с рис. Остроумовой-Лебедевой „С. Петербург. Сфинкс“.

2. Лозинский, М. Л. — поэт и переводчик, сын Л. Я. Лозинского.

329. ЕЙ ЖЕ.

1. Открытка с рис. К. Сомова. Почт. штемп. 8. 2. 11.

2. „Тортиколи̂“ (латинск. torticollis) — сильная боль в шее с местным одеревенением, которое не дает повернуть голову.

3. См. письмо от 3 февр. 1911.

4. „Театр Интермедий“ В. Э. Мейерхольда; там предполагалась постановка „Балаганчика“.

330. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано на открытке с бабочками.

2. Сборник памяти В. Ф. Комиссаржевской, под ред. Евт. Карпова. Скобки [ ] принадлежат Блоку.

331. ЕЙ ЖЕ.

1. Открытка с бабочками. Почт. штемпель 13. 2. 11.

332. ЕЙ ЖЕ.

1. Скобки [ ] поставлены автором.

334. ЕЙ ЖЕ.

1. Брешко-Брешковский, Н. Н. — беллетрист и журналист, автор произведений из быта борцов и цирка и бульварных романов.

335. ЕЙ ЖЕ.

1. В виду перевода Ф. Ф. Кублицкого в другой город Ал. Андр. с мужем уехала из Ревеля. Вещи собирались временно поставить в один из петербургских складов.

336. ЕЙ ЖЕ.

1. По связи с предыдущим письмом следует отнести к 1911г. Написано на бланке обойщика Э. Г. Фольгнера.

337. ЕЙ ЖЕ.

1. По смыслу следует отнести к 1911 г. Написано на открытке с кошкой.

338. ЕЙ ЖЕ.

1. Открытка с собачками, даты нет. Очевидно, отправлена в тот же день, как и письмо, датированное 25 февр.; несомненна связь с письмом от 21 февр. 1911 г.

339. ЕЙ ЖЕ.

1. Открытка с охотничьими собаками.

2. От слов „Сейчас получил письмо" и т. д. до конца — приписка на отдельном листе, отнесенная сюда предположительно.

340. ЕЙ ЖЕ.

1. Судя по смыслу, 1911 г.

2. „Гильда" — героиня пьесы Ибсена „Строитель Сольнес", с типом которой Блок отождествлял девушку, упоминаемую в письме.

341. ЕЙ ЖЕ.

1. Из содержания письма видно, что оно написано в один день с предыдущим.

2. Шнель, А. А. — известный переплетчик.

342. ЕЙ ЖЕ.

1. Пий — денщик Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух.

2. Смотри передовую статью о чайной монополии в Китае в газ. „Речь“ от 2. III. 1911 г., а также сообщение о возможности занятия Кульджи („Речь“ 3. III. 1911 г.).

343. ЕЙ ЖЕ.

1. Почт. штемпель 4 мар. 1911.

2. С днем рожденья (6 марта).

344. ЕЙ ЖЕ.

1. Судейкин, С. Ю. — художник.

2. Перев.: „великолепная мускулатура“.

345. ЕЙ ЖЕ.

1. Коковцев, В. Н., граф—премьер-министр и министр финансов. Ст-н — Столыпин, П. А., премьер-министр.

346. ЕЙ ЖЕ.

1. Очевидно, 1911 г. Написано карандашом.

347. ЕЙ ЖЕ.

1. Блоки жили в это время на Б. Монетной ул.

348. ЕЙ ЖЕ.

1. 1911 г.

2. Татаринова — хозяйка квартиры, которую нанял для матери Блок.

3. Ада Корвин — танцовщица - „босоножка“, выступала в Троицком театре миниатюр.

349. ЕЙ ЖЕ.

1. 1911 г.

2. „Поэма в нонах“ В. Пяста.

350. ЕЙ ЖЕ.

1. 8 мая 1911 г. в Исси-ле-Мулинэ, у старта состязания Париж — Мадрид, аппарат авиатора Трэна упал на группу зрителей, среди которых был убит военный министр и тяжело ранен министр-президент (см. газ. „Речь“, 9. V. 1911 г., № 25).

351. ЕЙ ЖЕ.

1. Открытка. Почт. штемпель 11. 5. 11.

352. ЕЙ ЖЕ.

1. 1911 г.

353. ЕЙ ЖЕ.

1. 1911 г.

354. ЕЙ ЖЕ.

1. По смыслу письма — 1911 г. Написано по возвращении из Шахматова.

355. ЕЙ ЖЕ.

1. Морозов, М. С. — доктор по нервным болезням.
2. Письмо Анг. Ал. Блок не сохранилось.

357. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Написано на открытке с видом Виленского вокзала; приложены две открытки с видами Вильно. Вероятно, все три были в общем конверте, который не сохранился. Написано, очевидно, 6 июля 1911 г., после первой ночи пути, так как выехал Блок из Петербурга 5 июля веч. (см. письма 2 и 5 июля 1911 г.)

358. ЕЙ ЖЕ.

1. Открытка без текста с видом ратуши в Ковно. Почтовый штемпель: Вержболово — Вильно 6. 7. 11.

359. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Написано на открытке с видом железнодорожного моста Эйдткунен — Вержболово. Почтовый штемпель: Вержболово — Вильно 6. 7. 11.
2. Билибину, мать худож. И. Я. Билибина, звали Варвара Александровна. В письме неверно поставлены ее инициалы.

360. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано на трех открытках: две—с видами Берлина, третья—комическая с текстом: „Teure Heimat, sei ge-grüsset.“

Перев.: (Привет тебе, дорогая родина.) Почтовый штемпель: Berlin. 20. 7. 11.

Последняя открытка написана, очевидно, на пути между Берлином и Кёльном.

361. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано на трех открытках с видами Кёльна и приложены три открытки разнообразного содержания: на одной — портрет молодой женщины работы Гольбейна. На конверте бланк: Café Palant, Cöln a. Rh. Почтовый штемпель: Cöln. 20. 7. 11.

362. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано на пяти открытках из серии Notre-Dame de Paris и приложено двенадцать изображений химер собора.

2. „Unter den Linden" (Под липами) — одна из главных улиц Берлина.

3. Huy (Гюи) — город близ железнодор. пути, за Льежем.

363. ЕЙ ЖЕ.

1. Из предыдущих писем известно, что Л. Д. Блок уехала за границу раньше мужа и встретилась с ним в Аберbegin Абервраке.

364. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Несомненно 1911 г. Написано карандашом на десяти открытках с видами Бретани: Аберврака и его окрестностей.

На первой: „L'Aber-Wrach. Grève des Anges." (Аберврак.

Берег Ангелов). Сняты берег и бухта. Рукою Блока сделана пометка: „Наш отель", „Начало отлива"; узкая полоса берега, уходящая вдаль, обозначена стрелкой и надписью: „Там дюны, куда мы ходим купаться".

На второй: „L'Aber-Wrach. Les Régates". Рукою Блока: „парусные состязания".

На третьей: „Environs de Brest. — Port de l'Aber-Wrach. — G. B." (Окрестности Бреста. Порт Аберврака).

На четвертой: „L'Aber-Wrach. Gare construite sur le Quai" (Аберврак. Вокзал на набережной).

На пятой: „L' Aber-Wrach. Le Lavoir Saint. Antoine". (Полосканье белья у колодца св. Антония).

На шестой: „Chapelle du Château de Troménec. Elle renferme la tombe d'un Seigneur de Carman et fut bâtie par le Comte de Troménec pour l'expiation d'un duel qu'il avait accepté". (Часовня замка Троменек. Она заключает могилу некоего сеньёра де-Карман и построена графом де-Троменек во искупление греха принятой им дуэли). Пометка Блока: „Неподалеку от замка Троменека. Очевидно, оба выскочили оттуда пьяные (Карман был у него в гостях) и дрались до тех пор, пока не убили друг друга."

На седьмой: „Landéda — Ruines pittorresques du Château de Troménec". (Ландеда — Живописные развалины замка Троменек). Пометка Блока: Он „fit férace" „noble-homme" — (времена написания Гамлета) во Фр.—Три мушкетера и Louis XIII." Fit fèrace — сражался; noble homme — дворянин.

На восьмой: „Landéda — L'Eglise renfermant le Tombeau de Simon de Troménec, chef de Bande du temps de la Ligua". (Ландеда — Церковь, заключающая могилу Симона де-Троменек, предводителя отряда времен Лиги). Пометка Блока: „Под потолком висит модель фрегата. Очень хорошая статуя божьей матери."

На девятой: „Landéda — Procession de Ste-Marguerite".

(Ландеда — Процессия в честь св. Маргариты). Пометка Блока: „На горе — килом. $1^1/_2$ от нас“.

На десятой: „Landéda (Finistère) — Four à Soude: Brûlage du goëmon“. (Ландеда (Финистер)—Производство соды: сжигание водорослей). Пометка Блока: „морская трава крепкая, как ремни“.

365. М. А. БЕКЕТОВОЙ.

1. Написано на двух открытках с видами Lanrivoaré; на одной — Cimetière des 7777 saints (кладбище 7777 святых).

366. МАТЕРИ.

1. 1911 г. Написано на двух открытках с видами Аберврака.

367. ЕЙ ЖЕ.

1. Открытка. Снимок маяка, видного из Аберврака („величайший из французских маяков, указывающий вход в Ламанш“ — см. примеч. Блока к драме „Роза и Крест“).

368. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано на семи открытках с видами Аберврака и его окрестностей.

2. Priez pour lui. — Молитесь за него.

3. Спот — собака М. Д. Менделеевой, по мужу Кузьминой, сетер особой породы, белый с черными пятнами.

4. Кормораны — морские птицы.

5. „La canaille“ — буквально: „каналья“—не соответствует смыслу этого слова по-франц. Точнее — отребье, голодранцы и т. д.

369. ЕЙ ЖЕ.

1. Открытка с видом окрестностей Аберврака. Почтовый штемпель: 1911 г.

370. ЕЙ ЖЕ.

1. Открытка — вид Аберврака. Почтовый штемпель: 1911 г.

371. ЕЙ ЖЕ.

1. „Ecole des beauxs arts" — Школа изящных искусств.

2. Propriètaire — собственник, помещик.

3. Прибытие французской броненосной эскадры в Кронштадт 11 июля 1891 г. (см. журн. „Нива" 1891 г., № 30, стр. 658 — 662) было связано с так наз. русско-французским алльянсом — союзом царского правительства с франц. буржуазной республикой.

4. „Страна" — выражение Андр. Белого, когда он хочет отметить особую область понятий и представлений с присущими им чертами.

5. Габсбурги — династия, царствовавшая в Германии до Гогенцолернов.

6. Demi-vierges — полудевы.

7. Перев. „Нашла мальчишек, есть с кем играть".

8. Garde champêtre — полевой сторож.

9. Caillouxs — рифы или подводные камни.

10. Faire l'amour — заниматься любовью.

372. ЕЙ ЖЕ.

1. Assomption — праздник Вознесения.

373. ЕЙ ЖЕ.

1. En vacances — на отдыхе, во время каникул.

2. „Je sais tout“ (Я все знаю) — распространенный журнал.

3. Правописание „Kemper“ вм. Quimper объясняется, очевидно, тем, что Блок начал писать по-русски, а кончил по-французски.

4. Цитата из „Короля Лира“ Шекспира.

5. Скобки [ ] поставлены автором.

6. „Mourir pour la patrie“ — умереть за отечество.

7. Готье, Теофиль — поэт и романист, основатель парнасской школы поэзии. Друг Ш. Бодлэра, который посвятил ему „Цветы зла“.

8. Мицкевич, Адам — польский поэт, современник Пушкина.

9. Приложено двенадцать открытых писем с видами Кемпэра. На одном из них деталь собора — конная статуя короля Гралона (см. драму „Роза и Крест“).

374. ЕЙ ЖЕ.

1. „Джиоконда“ — портрет Моны-Лизы синьоры дель-Джиокондо, работы Л. Да-Винчи (Луврский музей в Париже).

2. Франциск I — франц. король, поощрявший искусства.

3. Лига под председательством Ж. Ришпэна.

4. Ростан Эдмонд — современ. французский поэт, неоромантик.

375. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Открытка с портретом Джиоконды: „La Joconde, de Leonard de Vinci. Disparue de Musèe du Louvre le 21 Août 1911. Почтовый штемпель на конверте: 1911 г.

2. Rapide — скорый поезд.

376. ЕЙ ЖЕ.

1. Перев: „Ты видел Джиоконду? Она нашлась! — Десять сантимов!“ — „Джиоконда! Ее улыбка вместе с конвертом — десять сантимов“.

2. Тюльери — бывш. дворец французских королей.

3. Jardin des Plantes — Ботанический сад.

Музей Carnavalet посвящен Старому Парижу.

377. ЕЙ ЖЕ.

1. Пантеон — здание, в подземельях которого погребают знаменитых людей Франции.

Вольтер (Арруэ), Франсуа-Мари и Руссо, Жан-Жак — знаменитые философы и писатели XVIII в.

2. „На родину — в Амстердам“. В то время Блок не знал, что он—немецкого происхождения, и считал себя со стороны отца голландцем.

378. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано на трех открытках с видами Антверпена, вложенных в конверт, на котором почтовый штемпель: 1911 г. На одной из них — Anvers. Rue Leys — пометка Блока: „Я вот в этом поганом доме.“

380. ЕЙ ЖЕ.

1. Меммлинг, Гане — художник фламандской школы XV в.

381. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано на двух открытках с видами Слюйса.

382. ЕЙ ЖЕ.

1. „Путешествие в Италию" — пьеса из „Вестника", гимназического журнала Блока, сочиненная вместе с его двоюродным братом Ф. Кублицким.

2. Роденбах, Жорж — бельгийский поэт и романист.

3. Перев: Minnewater (по-фламандски) — вода любви.

„А, это по-английски, не правда ли? „Water" — вода, „Minne" — любовь — не так ли?"

4. Par ces chaleurs — в жаркое время.

385. ЕЙ ЖЕ.

1. Открытка. Почтовый штемпель: 1911 г.

386. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано на пяти открытках. Из них четыре — силуэты животных худ. Otto Wiedemann и одна — Kaiser Wilhelm II.

2. „Прекрасная Елена" — оперетта Ж. Ж. Оффенбаха.

3. Рейнгардт, Макс—знаменитый немецкий режиссер и директор театра.

387. ЕЙ ЖЕ.

1. „Эдип царь" — греческая трагедия Софокла.

2. Мартин Симеон — шахматовский работник, латыш с очень некрасивой и заурядной наружностью.

3. „Ein Stück Horatio" — „кусочек Горацио".

4. Начиная со слов: „мне очень неприятно" написано на отдельной открытке с видом отеля, в котором останавливался Блок.

К печатной надписи: „Monopol-Hotel, Berlin"—пометка Блока: „с о в е р ш е н н о   н е п о х о ж и й, н о н е л у ч ш е, и не х у ж е."

388. ЕЙ ЖЕ.

1. 1911 г.

2. Квартира на Большой Монетной ул. Петербургской Стороны.

389. ЕЙ ЖЕ.

1. 1911 г.

390. ЕЙ ЖЕ.

1. 1911 г.

391. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Написано на открытке. Почтовый штемпель: 25. 9. 11.

392. ЕЙ ЖЕ.

1. 1911 г.

393. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. По всей вероятности, написано 16. XI. 1911, в день рожд. Блока (см. „Дневник Ал. Блока“, запись от 16 ноября 1911: „Письма. Подарки . . . Обед у мамы“).

394. ЕЙ ЖЕ.

1. Записка красным карандашом, без обращения, подписи и даты.

2. Лекция Вл. В. Гиппиуса о Пушкине из цикла „Пессимизм и религиозное сознание в русской литературе“ состоялась 21 ноября 1911 г. Записка послана, очевидно, вскоре после лекции.

395. ЕЙ ЖЕ.

1. 1911 г.

2. Мариинский театр перестал нравиться Блоку. Он находил, что там царит казенщина и рутина, но „Хованщина" М. И. Мусоргского с Шаляпиным в роли Досифея произвела на него сильное впечатление (см. „Дневник Ал. Блока", запись от 28 ноября 1911).

396. ЕЙ ЖЕ.

1. Записка не датирована. По всей вероятности, обращена к матери и относится к 30 ноября 1911 г., так как в этот день ночью умер Н. Н. Бекетов, брат деда Блока, у которого Блоки бывали (см. „Дневник Ал. Блока", запись от 30 ноября 1911).

397. ЕЙ ЖЕ.

1. 1911 г.

2. „Твои соображения о баррикаде" — см. запись в „Дневнике Ал. Блока" от 3 дек. 1911: „Мама дала мне совет — окончить поэму тем, что „сына" поднимают на штыки на баррикаде." Поэма — „Возмездие".

3. Выражение „покоя нет" встречается в стихотворении Блока „Река раскинулась" (Цикл „На Куликовом поле"); повторено позже в стих.: „Земное сердце стынет вновь", („Ямбы").

398. ЕЙ ЖЕ.

1. 1911 г. (см. „Дневник Ал. Блока", запись 9 дек. 1911 г.: „Вечером пришли Женя, Ге, потом Пяст...")

399. ЕЙ ЖЕ.

1. 1911 г. (см. „Дневник Ал. Блока", запись 26 дек. 1911: „Вчера у мамы уютно обедали... зажигали елку...")

400. ЕЙ ЖЕ.

1. 1911 г., см. „Дневник Ал. Блока“, запись 22 дек. 1911 г.: „Вечером говорил по телефону с З. Н. Г., от которой получили письмо“ и дальше — 23 дек.: „Я пробыл у Мережковских от 4 до 8...“

2. Слова „Придем 25-го“ приписаны синим карандашом на обороте письма.

401. ЕЙ ЖЕ.

1. Открытка с рисунком (мыши) (см. „Дневник Ал. Блока“, запись 26 дек. 1911 г.: „...Кончилось все в 10 часов — моим изнеможением и злостью. Все эти милые русские люди, не ведая часов и сроков, приходят поболтать...“)

402. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Вероятно, 1911 г.

2. „Пишу“ — вероятно, „Возмездие“.

403. ЕЙ ЖЕ.

1. „Собрание стихотворений“, кн. III. Снежная ночь. Книг-во „Мусагет“. М. MCMXII. Последнее стихотв. — „Заключение“ (Благословляю все, что было).

2. Дата не полная. Написано на открытке. Почтовый штемпель: 15. 1. 12.

404. ЕЙ ЖЕ.

1. Открытка. Почтовый штемпель 20. 1. 12.

2. „Предисловие“ — к дневнику О. К. Соколовой, который не был издан. О ней см. в „Дневнике Ал. Блока“: 1911 г. декабрь и 1912 январь и февраль).

405. ЕЙ ЖЕ.

1. Почтовый штемпель на отрывном письме: 24. 2. 12.

2. Первое свидание с Андр. Белым после размолвки.

3. Блок лечился от цынги (см. „Дневник Блока“, запись 2 марта 1912 г.: „Все еще не могу поправиться... Цынга оказалась „гингивитом“)“

406. ЕЙ ЖЕ.

1. 1912 г.

2. И „рожи в трамваях“ и „господина из породы преследователей и истребителей“ Блок связывает с 25-м числом (см. письма от 31 янв. 1910 г. и 22 июня 1910 г., а также примечания к ним).

407. ЕЙ ЖЕ.

1. Отрывное письмо. Почтовый штемпель: 21. 3. 12.

2. Философова, А. П., урожд. Дягилова — известная деятельница по высшему женскому образованию.

3. Первый день пасхи.

4. Дебют Л. Д. Блок в Народном доме; роль Лизы в „Горе от ума“ (см. „Дневник Ал. Блока“, запись от 19. III. 1912 г. На сцене Л. Д. выступала под псевдонимом Басаргиной, взятом в честь декабриста Н. В. Басаргина, ее двоюродного дяди по отцу, впервые в 1913 г., когда Л. Д. Блок играла главную роль на спектакле в пользу Высших женских курсов — в Суворинской школе („Маленький Эйельф“ Ибсена).

408. ЕЙ ЖЕ.

1. Отрывное письмо. Почтовый штемпель: 29. 3. 12.

409. ЕЙ ЖЕ.

1. Отрывное письмо. Почтовый штемпель: 10. 4. 12.

2. Терещенко, М. И. — меценат, издатель („Сирин“), министр финансов и министр иностранных дел при Времен. правительстве. Особенно любил стихи Блока, с которым познакомился через А. М. Ремизова. Для своего будущего театра, который не осуществился, он заказал Блоку сценарий к балету, музыку должен был писать А. К. Глазунов.

410. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Цифра „11“ переправлена на „12“. Почтовый штемпель: 12. 4. 12.

2. Портрет не был написан.

411. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Очевидно, написано 24 апр. 1912 г. на следующий день после именин Ал. Андр (см. „Дневник Ал. Блока“, запись от 23 апр. 1912: „днем у мамы. Вечером Княжнин...“).

2. Княжнин, Вл. — поэт и критик, исследователь жизни и творчества Ап. Григорьева, автор книги „А. А. Блок“. П. „Колос“ 1922 г.

3. „Хаджи-Мурат“ — рассказ Л. Толстого.

4. Гумилев, Н. С. — поэт. Вероятно, говорится о сборнике „Жемчуга“.

5. Статья Вл. Пяста — „Нечто о каноне“ („Труды и дни“, № 1, 1912); статья Э. Метнера — „Мусагет“ (там же).

6. Письмо к М. А. Бекетовой не сохранилось. Адрес — издателя-поляка, предложившего ей перевод пьесы „Topiel“ (Трясина) Ст. Пшибишевского.

7. Корректура статьи „Памяти Августа Стриндберга“. (журнал „Современник“, май 1912 г.).

412. ЕЙ ЖЕ.

1. 1912 г.

413. ЕЙ ЖЕ.

1. 1912 г.

414. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. „Май“ переправлено из „марта“. Год — 1912 (см. „Дневник Ал. Блока“, запись от 4. V. 1912: „Днем — „Cor ardens“ от Вяч. Иванова“)

2. Штейнер, Рудольф — д-р философии, глава антропософской школы, строитель Иоаннова храма в Дорнахе.

415. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Отрывное письмо. Почтовый штемпель. 10. 5. 12.

416. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Отрывное письмо. Почтовый штемпель: 14. 5. 12.

2. „Пишу“ — оперное либретто (будущая „Роза и Крест“). Первый набросок оперы был сделан 12 мая.

417. ЕЙ ЖЕ.

1. Руманов, Арк. Вен. — журналист, представитель газ. „Русское слово“ в Петербурге.

2. Стихотворение „Приближается звук". 3-я строка имеет разночтение с печатным текстом: „В тонком сне прижимаю к губам твою тонкую руку" вместо: „И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку".

418. ЕЙ ЖЕ.

1. 1912 г. (см. „Дневник Ал. Блока", запись от 5 июня 1912 г.)

2. Здесь явный пропуск. Вероятно, после „в Петербурге" — „подумал" или т. п.

3. Дача, нанятая для труппы В. Э. Мейерхольда.

4. Шоссе от Подсолнечной, которое должно было пройти вблизи Шахматова.

5. См. письмо 411, прим. 6.

419. ЕЙ ЖЕ.

1. 1912 г.

420. ЕЙ ЖЕ.

1. Пьеса Сервантеса — „Два болтуна".

2. Кульбин, Н. И. — доктор, художник-футурист, писавший по вопросам искусства.

3. Василевский, Л. М. — поэт, переводчик, театр. критик.

4. „Трактирщица" — комедия К. Гольдони. „Мнимый больной" — комедия Мольера. Пьеса Авг. Стринберга — „Виновны — невиновны".

421. ЕЙ ЖЕ.

1. 1912 г.

2. Пьеса О. Уайльда — „Как важно быть серьезным".

3. „Inferno" (Ад) — роман А. Стриндберга.

„Ave, crux, spes unica!" — „Славься, крест, единая надежда."

422. ЕИ ЖЕ.

1. 1912 г.

2. Кожебаткин, А. М. — секретарь изд. „Мусагет“, основатель изд. „Альциона“.

423. ЕЙ ЖЕ

1. 1912 г

2. Лилина (Алексеева), М. П. — артистка Моск. художеств театра. „Живой труп“ — Л. Толстого. М. П. Лилина исполняла роль матери Каренина.

424. ЕЙ ЖЕ.

1. 1912 г.

2. См. рецензию Л. Василевского: „Театр в Териоках“, где говорится, что в пантомиме „Влюбленные“ „интересны Блок, Веригина“, а в интермедии Сервантеса „Два болтуна“ „выделялись Подгорный, Л. Блок и Лачинов“ („Речь“, 11. VI. 1912, № 157).

425. ЕЙ ЖЕ.

1. 1912 г.

2. Квартира была нанята на углу Пряжки и Офицерской ул. (ныне ул. Декабристов), д. 24/57, кв. 21.

3. Gare du Nord — Северный вокзал.

4. В. Сытиным (в Москве) изданы в 1913 г.: „Круглый год. Стихотворения для детей“ и „Сказки. Стихи для детей.“ Обе книжки с рисунками Г. Алексеева.

5. Репин, И. Е., знаменитый художник, и писательница Н. Б. Нордман-Северова были вегетарианцы.

426. ЕЙ ЖЕ.

1. 1912 г.

2. Пьеса Б. Шоу — „Ни за что бы вы этого не сказали“.

3. „Мужайтесь, о други, боритесь прилежно“ (Два голоса)— стих. Ф. И. Тютчева.

427. ЕЙ ЖЕ.

1. 1912 г.

2. Каратыгин, В. Г. — композитор и музыкальный критик. Гершензон, М. О. — историк литературы.

428. ЕЙ ЖЕ.

1. 1912 г.

2. Ася — Тургенева, А. А., жена Андрея Белого, дальняя родственница И. С. Тургенева; Наташа и Таня — ее сестры. Т. А. Тургенева — жена С. М. Соловьева.

3. Говорится об окраске полов в обновленном шахматовском доме.

4. Об аресте А. В. Руманова см. „Обыск в редакциях и арест журналистов“ („Речь“, 3. VII. 1912, № 179).

5. По сообщению Евг. П. Иванова, речь идет о знаменитой 60-десятичной системе счислений древних вавилонян и покоющейся на ней системе всех мер и весов, включая сюда и меры пространства и времени. Над этой системой ломали головы многие ученые и неученые люди. Е. П. Иванов увлекся ею, читая сочинение Б. А. Тураева „История Древнего Востока“. Его особенно поразила приведенная Тураевым догадка немецкого ученого Лемана, полагавшего, *что меры времени* у вавилонян были органически связаны с мерами длины, а связь эта выводилась из длины секундного маятника, равного двум локтям (основная мера длины вавилонян). Понятие „маятник“ нужно понимать, конечно, не как придаток часового механизма, а как свободно качающийся отвес. На догадке Лемана Евг. П. основал целое построение, заключающееся в том, что маятник мог рассматриваться как

радиус ритмического круга, а радиус, связуя круг с центром, в то же время является стороной вписанного в круг шестиугольника, представляющего собой сомнительную величину, которая приближается к измерению круга линейной мерой. Таким образом вавилонская система является ритмической системой мер и весов, с которой связаны все ритмы, начиная с секунды и кончая ритмом движения солнца и луны, водяных и музыкальных волн, ритмом стихов и движения крови. Ритму Е. П. Иванов придает особое значение, считая его основой всей жизненной гармонии. Как пример гармонического влияния на весь организм он приводит ритмическую гимнастику Далькроза, а про вавилонян, связывавших в своей системе счисления все меры с ритмом, говорит, что они не потеряли „звездного ритма". (Любопытно сравнить у Блока в пьесе „Незнакомка" слова Звездочета:

„Я ритмы утратил Астральных песен моих."

и дальше: „Я утратил астральный ритм", на что поэт ему отвечает: „Я ритм души потерял".)

429. ЕЙ ЖЕ.

1. Блок ездил на короткое время в Шахматово (см. ниже, письмо 31 июля 1912 г.).

2. Написано карандашом на открытке. Почтовый штемпель: 13. 7. 12.

430. ЕЙ ЖЕ.

1. 1912 г.

2. Tabula rasa — чистая доска.

3. См. „Речь" 15. VII. 1912, № 191.

431. ЕЙ ЖЕ.

1. 1912 г.

2. А. Стриндберг интересовался техникой и промышленностью.

432. ЕЙ ЖЕ.

1. 1912 г.

2. Раисова, Р. М. — известная исполнительница цыганских песен.

433. ЕЙ ЖЕ.

1. „Цыганские песни в лицах" — оперетта, либретто Куликова; Блок слушал эту оперетту и позже, в 1915 г. См. его книгу „Стихотворения Аполлона Григорьева", книгоиздательство Н. Некрасова, М. 1916, страница 564 „Составителю этой книги" и т. д.

434. ЕЙ ЖЕ.

1. 1912 г.

435. ЕЙ ЖЕ.

1. 1912 г.

436. ЕЙ ЖЕ.

1. 1912 г.

437. ЕЙ ЖЕ.

1. 1912 г.

2. Речь идет о прибытии президента франц. республики Пуанкарэ на крейсере „Condé".

3. Тетя Аля — мать Блока А. А. Кублицкая.

438. ЕЙ ЖЕ.

1. 1912 г.

2 В. А. Пяст служил в это лето кассиром на ипподроме.

3. „Падение дома Эшэр"—рассказ Эдгара По.

439. ЕЙ ЖЕ.

1. 1912 г.

2. „Мисс Гоббс" — пьеса Джерома К. Джерома.

3. У Л. Д. Блок была крестница в соседней с Шахматовым деревне — Гудино. Ал. А. писала сыну, что крестнице нужно привезти подарок.

440. ЕЙ ЖЕ.

1. 1912 г.

441. ЕЙ ЖЕ.

1. 1912 г.

2. Вяльцева (Бискупская), А. Д. — известная исполнительница песен и цыганских романсов.

3. А. О. Брабец — магазин металич. изделий на Б. Морской.

442. ЕЙ ЖЕ.

1. Телеграмма—принята 13. VIII. 1912 г. Послана из Москвы после краткого пребывания в Шахматове.

2. „Лоскутная" — старинная московская гостиница.

443. ЕЙ ЖЕ.

1. Записка красным карандашом. Ни даты, ни подписи нет. См. в „Дневнике Ал. Блока" запись 20 сен. 1912 г. Судя по упоминанию о „студенте - поэте", очевидно, написано в тот же день.

444. ЕЙ ЖЕ.

1. Карандашная записка. Не датирована и не подписана. Вероятно, 20-е число сентября 1912 г. См. в „Дневнике Ал. Блока" запись 26 сент. 1912 г. („Доктор Студенцев у мамы").

445. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Судя по записи в „Дневнике Ал. Блока" 8 окт. 1912 г., где говорится. м. пр.: „Я знакомился с Топкой", письмо можно датировать 8—9 октября 1912 г.

446. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Судя по записи в „Дневнике Ал. Блока" 10 окт. 1912 г., где сказано, что „мама — без прислуги", письмо, вероятно, послано после 10 окт. 1912 г.

2. Саша — прислуга Блоков.

447. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Судя по записи в „Дневнике Ал. Блока" 21 окт. 1912 г., где говорится, что Л. Д. Блок наняла еще прислугу, дату письма следует считать около 21 октября.

448. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Написано, очевидно, 24 окт. 1912 г. См. запись в „Дневнике Ал. Блока" 23 окт.

2. Концерт певицы Илоны Дуриго.

449. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Написано на открытке с цветным рисунком Allegro. См. запись в „Дневнике Ал. Блока" от 26 окт. 1912 г. 1) „Поздравлять с именинами Философова мы с Ремизовыми не пошли," 2) „записка от мамы", 3) „весь день —опера" следует считать, что письмо написано 25 окт. 1912 г.

2. Загребина, М. П.— близкий друг семьи Соловьевых, воспитательница их детей; жила у П. С. Соловьевой в качестве друга и вела ее хозяйство.

3. В то время мать Блока была корректором журн. „Тропинка“, который редактировали П. С. Соловьева и Н. И. Манасеина.

4. „Пишу“ — „Розу и Крест“.

450. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. См. „Дневник Ал. Блока“, запись 31 окт. 1912 г. (об окончании оперы). Очевидно, письмо послано в тот же день.

451. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты и подписи нет. Написано красным карандашом, очевидно, между 24 сентября и 2 ноября 1912 г., так как судя по записям в „Дневнике Ал. Блока“, первый урок теории музыки, который брала Л. Д. Блок у композитора С. В. Панченко, был 24 сентября, а 2 ноября Л. Д. уехала из Петербурга, и по возвращении уроки не возобновлялись.

452. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Написано, вероятно, 2 ноября 1912 г. См. запись в „Дневнике Ал. Блока“ 2 ноября 1912 г.

453. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Написано, очевидно, 7 ноября 1912 г. См. запись в „Дневнике Ал. Блока“ в этот же день и след. 8 ноября упоминание о посещении Терещенко 6 ноября и о завтраке 8-го).

2. Статья Н. С. Гумилева по поводу Собр. стих. Блока в трех книгах: „Письма о русской поэзии“, „Аполлон“ 1912, № 8 или отдельное издание.

454. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Написано, очевидно, тоже 7 ноября 1912 г. в виде отклика на слова матери, что она придет завтракать.

455. ЕЙ ЖЕ.

1. 1912 г. См. в „Дневнике Ал. Блока“ запись 15 ноября: „Вчерашний день — полный. Утром пишу некролог Бравича“.

2. Газ. „Театр“ № 78, 15 ноября. Статья „Памяти К. В. Бравича“.

456. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Судя по записи в „Дневнике Ал. Блока“, 20 ноября 1912: „Люба вчера утром в 9 часов, когда еще темно, приехала“, следует отнести к 19 ноября того же года.

457. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Письмо можно отнести к 22 ноября 1912 г. См. запись в „Дневнике Ал. Блока“ того же числа с описанием религ.-филос. собрания, на котором присутствовала и мать Блока. Упоминание о том, что у Л. Д. Блок жар, сходится с ближайшей записью 24 ноября: „У Любы опять жар, простудилась“.

Среди писем Блока к матери есть следующая запись карандашом, имеющая несомненную связь с письмом 456:

1) Терещенко везет — кататься.

2) Я написал Каблукову просьбу посылать маме повестки,

3) 2 кресла 2-го ряда записаны и будут взяты Любой.

4) Гонорар — 25 р. — выцарапан.

5) Спросить хочет ли Франц в театр.

Если хочет, значит тете места нет, и нужно позвонить, чтобы Люба ей дала другое.

Против слов: „Терещенко везет — кататься" рукою М. А. Бекетовой написано: „сегодня в 3 часа. Моя приписка". По всей вероятности, эта запись была сделана для сведения Ал. Андр-ы и передана ей М. А. Бекетовой.

2. Каблуков, С. П. — секретарь рел.-фил. общества.

458. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. На обороте письма рукою Ал. А. Кублицкой написано: „Декабрь 1912 года. Люба уезжает". Судя по записи в „Дневнике Ал. Блока" от 21 дек. („Неделя как Люба уехала"), Л. Д. Блок уехала 14 дек. Таким образом, данное письмо следует приурочить ко времени незадолго до 14 дек. 1912 г.

459. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Написано, очевидно, 13 января 1913 г. См. в „Дневнике Ал. Блока" запись от 12 янв. 1913 г. „десны замучили" вечером захожу к тете... уютно, мило" (12 янв. — день рождения М. А. Бекетовой).

460. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Написано карандашом, вероятно, в конце мая или в начале июня 1913 г. (см. запись в „Дневнике Ал. Блока" от 29 мая 1913 г · „Паршь какая-то на щеке").

462. ЕЙ ЖЕ.

1. М. И. Терещенко.

463. ЕЙ ЖЕ.

1. Открытка с видом германско-русской границы. Почтовый штемпель: 13. 6. 13.

465. ЕЙ ЖЕ.

1. Sacré Coeur — монастырь св. сердца. Написано на бланке Monmartre, café restaurant Belle-vue с изображением ресторана и монастыря. Стрелка, сделанная рукою Блока, показывает, где именно он сидел.
2. Фотографический снимок статуи.
3. Изора — героиня драмы „Роза и Крест."

466. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано карандашем на бланке; Hôtel de la Plage. Guéthary.

467. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано на десяти открытках с видами Гетари и приложена еще одна с надписью: Hôtel de la Plage et l'établissement des Bains (гостиница и купальни) и с пометками Блока: „мое окно и мой балкон" и „Любино окно."

468. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано на двух открытках с видами Сан-Себастьяна.
2. Годовщина взятия Бастилии.

469. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано на бланке Hôtel de la Plage Guéthary и приложена открытка с видом Фуэнтеррабии и афиша боя быков в Сан-Себастьяне.

471. ЕЙ ЖЕ.

1. Разумник — Р. В. Иванов (Иванов-Разумник) — изв. критик и историк литературы.

2. „Серафита" — роман О. Бальзака, рекомендованный Блоку Вяч. Ивановым.

3. Perla del Oceano — Жемчужина Океана.

472. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано на Carte lettre, состоящей из четырех отрывных открыток в красках с различными видами (Андалузия, Люшон, Бискайское побережье и Баньер де Бигорр). На оборотной стороне обложки — карта железнодорожной сети Орлеанской компании.

473. ЕЙ ЖЕ.

1. На бланке. Grand Hôtel de France. Cafè Glacier Biaritz.

475. ЕЙ ЖЕ.

1. Роланд — легендарный герой, приключения и подвиги которого отразились во многих литературных произведениях. Наиболее известна поэма итальянца Ариосто „Неистовый Орланд" („Orlando furioso").

477. ЕЙ ЖЕ.

1. Альманах—очевидно, „Сирин“. Сб. первый, СПБ, 1913 г., где впервые напечатана пьеса „Роза и Крест“.

480. ЕЙ ЖЕ.

1. Бычков, Н. П. — инженер, муж В. П. Веригиной.

481. ЕЙ ЖЕ.

1. Год не указан. Всего вероятнее — 1914 г. Написано на открытке с рисунком В. М. Васнецова „Аленушка“.

482. ЕЙ ЖЕ.

1. Цикл стихотворений „Кармен“ (8 стих.) С посвящ. Любови Александровне Дельмас напечатан в кн. 4—5 (за 1914 г.) „Любовь к трем апельсинам. Журнал Доктора Дапертутто“. Ред-изд. В. Э. Мейерхольд.

2. Кустодиев, Б М. — известный художник. Начатый им бюст Блока он потерял.

3. Подготовлялось три тома стихотворений и один том „Театра“ Блока. Издание не состоялось вследствие ликвидации „Сирина“ из-за войны, хотя первый том уже был начат печатанием. См. Иванов-Разумник, „Вершины“. Изд. „Колосс“, Птр. 1923, стр. 240.

4. „Зеленое кольцо“ — пьеса З. Н. Гиппиус. Шла в Александринском театре.

5. Л. А. — Л. А. Андреева-Дельмас, урожд. Тищинская, оперная певица, с которой Блок познакомился в сезон 1913—1914 г., когда она выступала в роли Кармен в театре Музык. драмы.

6. Говорится о столовом серебре, которое клалось в особый ящик и отдавалось на хранение в ломбард.

7. Блок собирался в то время переводить рассказ Флобера „Saint-Julien l'Hospitalier" — „Св. Юлиан страннприимец", как перевел Блок в отличие от перевода И. С. Тургенева: „Св. Юлиан милостивый."

483. ЕЙ ЖЕ.

1. Соловьев, В. Н. — режиссер и теоретик театра.

484. ЕЙ ЖЕ.

1. Известное дело М. Бейлиса, обвинявшегося в ритуальном убийстве, возбуждавшее много толков и служившее темой ожесточенной полемики. История, упоминаемая в письме, произошла на собрании рел.-философ. общества, которое считалось в то время очень либеральным и возбуждало неудовольствие правительства. Д. С. Мережковский, председатель общества, как и большинство тогдашней интеллигенции, был на стороне Бейлиса. В. В. Розанов был против и резко отстаивал свою точку зрения в официальном „Нов. Времени", в то же время он писал в московской купеческой и либеральной газете „Русское слово" под псевд. „В. Варварина" статьи противоположного направления. На одном из рел.-фил. собраний, куда явился Розанов после окончания процесса, Мережковский потребовал, чтобы Розанов был исключен из общества. См. „Записки Петрогр. Рел.-Фил. Общества", вып. IV, 1914—1916. Пгр.

2. Чеботаревская, Ал. Ник. — переводчица.

485. ЕЙ ЖЕ.

1. Здесь говорится о будущей жене Евг. Павл. А. Ф. Горбовой, которая была его сослуживицей по Губстатотделу и заболела острой формой психоза.

2. В „Русской мысли“ 1914 г., № 5, напечатано следующее: статья Василия Вас. Гиппиуса „Роза и Крест“ (подпис. Василий Галахов), в отд. „В России и за границей“ — З. Н. Гиппиус „Открытое письмо редактору Русской мысли“ (в ответ на статью П. Б. Струве. „Почему застоялась наша духовная жизнь?“ „Р. М.“ 1914, № 3, март) и ответ П. Б. Струве „Религия и общественность“. Там же „Итальянские стихи“ Блока: 1. Венеция. 2. Равенна. 3. Флоренция. 4. Фиезоле. 5. Madonna da Settignano. 6. Сиена. 7. Эпитафия Фра Филиппо Липпи.

490. ЕЙ ЖЕ.

1. Или „Соловьиный сад“ или „Возмездие“.

2. Л. Д. Блок готовилась ехать на фронт, проходила краткий курс сестер милосердия и работала в Александровской больнице.

3. Артамонов, Л. К. — ген. от инфант., командовал корпусом, входившим в состав 2-й армии, и был отрешен от командования за отвод корпуса без достаточных оснований во время операции у Сольдау. Слух о том, что с него были сорваны погоны вел. кн. Николаем Николаевичем, не подтвердился. На линии Остероде, Сольдау и Таненберга в восточной Пруссии произошло известное столкновение корпусов 2-й русской армии с 8-й германской, повлекшее за собой гибель двух русских корпусов. Этот эпизод известен под именем сражения при Остероде-Сольдау.

491. ЕЙ ЖЕ.

1. 1914 г.

2. „Война скоро кончится“ — очевидно, в связи с сообщением о победе русских войск на люблинском фронте и разгроме австрийской армии.

492. ЕЙ ЖЕ.

1. А. А. Кублицкая переводила письма Флобера к племяннице для изд-ва „Шиповник." Письма составляют три тома, вышел только один, хотя перевод был закончен.

2. Вайс, Д. Л. — завед. конторой изд-ва „Шиповник". После ликвидации „Сирина" предполагалось передать издание сочинений Блока в „Шиповник", но предложение было отклонено „Шиповником."

3. Стихотворение—„Петроградское небо мутилось дождем", написано 1 сентября под впечатлением проводов Л. Д. Блок, уезжавшей на фронт в качестве сестры милосердия в санитарном вагоне, который ушел вместе с эшелоном, отправлявшимся на войну. („Уходил на войну эшелон.")

493. ЕЙ ЖЕ.

1. Блок работал в то время над собранием стихотворений Апол. Григорьева, разыскивая неизданные стихи его и подбирая материалы для вступительной статьи.

494. ЕЙ ЖЕ.

1. Почтовый штемпель на конверте: 23. 9. 14.

2. Военное стихотворение — „Петроградское небо мутилось дождем" и „Россия" (Грешить бесстыдно) напечатано в „Русском слове", 1914 г., № 217 от 21 сентября.

495. ЕЙ ЖЕ.

1. Почтовый штемпель на конверте: 25. 9. 14.

496. ЕЙ ЖЕ.

1. Терещенко, Е. И. — сестра М. И. Терещенко.

2. Суворина А. А., в замужестве Мясоедова-Иванова — драматическая актриса.

Loup — волк.

3. Соловьев — В. Н.

497. ЕЙ ЖЕ.

1. Почтовый штемпель на конверте; 5. 10. 14.

498. ЕЙ ЖЕ.

1. Открытка. Почтовый штемпель: 7. 10. 14.

499. ЕЙ ЖЕ.

1. Почтовый штемпель на конверте: 14. 10. 14.

500. ЕЙ ЖЕ.

1. Открытое письмо. Почтовый штемпель: 14. 10. 14.

2. *Алфёров — банкирская контора* на Невском пр. Билет — выигрышный.

501. ЕЙ ЖЕ.

1. Доктора звали для Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух.

2. Дата не полная. Написано на открытке. Почтовый штемпель: 16. 10. 14.

502. ЕЙ ЖЕ.

1. Базилевский, Юр. Петр. — композитор, писавший музыку для драмы „Роза и Крест“.

2. Третий том писем Г. Флобера в переводе Ал. А. Кублицкой под ред. А. Блока (не издано).

503. ЕЙ ЖЕ.

1. Письмо с фронта. Отчим Блока Ф. Ф. Кублицкий ушел на фронт в октябре 1914 г.

2. „Стихи о России“, изд. журн. „Отечество“, 1915 г.

3. Ященко, А. С.— проф. Петрогр. унив., Психо-неврол. института и Высш. жен. курсов; филолог.

4. Ахматова, А. А. (урожд. Горенко) — поэтесса.

504. ЕЙ ЖЕ.

1. Л. Д. Блок играла в труппе А. П. Зонова в Куоккале „Сердце не камень“ — пьеса А. Н. Островского.

505. ЕЙ ЖЕ.

1. События в Москве — разгром немецких торговых фирм, спровоцированный „патриотическими кругами“, чтобы отвлечь внимание населения от поражения на фронте и разрухи внутри страны (см. „Слово“ 25 и 31 мая 1915 г.).

2. Первые литературные шаги. „Автобиографии современных русских писателей“. Собрал Ф. Ф. Фидлер (изд. Сытина, М. 1911).

506. ЕЙ ЖЕ.

1. Минич — корреспондентка Блока.

2. Тиняков, А. И. — поэт и литерат. критик.

507. ЕЙ ЖЕ.

1. Нотман (Энритон) — режиссер.

508. ЕЙ ЖЕ.

1. Кутузов-Смоленский, М. И. — фельдмаршал, главнокомандующий в войне 1812 г.

2. Книппер-Чехова, О. Л. — актриса Моск. худож. театра, жена А. П. Чехова.

3. „К. Р“. — литерат. псевдоним вел. кн. Конст. Романова, поэта и переводчика.

4. Зоргенфрей, В. А. — переводчик, поэт.

509. ЕЙ ЖЕ.

1. Иваницкий, Б. Е. — главн. уполномоченный Красного Креста при армии юго-зап. фронта.

2. „История живописи всех времен и народов“ Ал. Н. Бенуа.

512. ЕЙ ЖЕ.

1. Яворская, Л. Б., в замужестве кн. Барятинская — драматическая артистка и антрепренер.

2. Нат. Ив. — Н. И. Манасеина была хорошо знакома с Л. Б. Яворской.

3. Репин — Илья Ефимович.

513. ЕЙ ЖЕ.

1. Ни даты ни подписи нет. Написано карандашом, вероятно, 8 или 9 авг. 1915 г., так как упоминаемая в письме крепость Ново-Георгиевск была сдана 7 августа.

514. ЕЙ ЖЕ.

1. Открытка. Почтовый штемпель: 11. 8. 15.

515. ЕЙ ЖЕ.

1. Блок ездил в Москву по вызову Моск. худож. театра, который собирался ставить „Розу и Крест".

2. Дата не полная. Написано на открытке. Почтовый штемпель: 29. 3. 16.

516. ЕЙ ЖЕ.

1. Кусевицкий, С. А. — дирижер и солист на контрабасе.

2. Пьеса Д. С. Мережковского.

3. Игорь Северянин (И. В. Лотарев) — поэт.

4. Вопрос касается болезни Ал. А. Кублицкой.

517. ЕЙ ЖЕ.

1. Слова Молчалина из „Горе от ума" Грибоедова.

2. Пашуканис, В. В. — московский издатель („Мусагет"), выпустивший в 1916 г. три тома стихотв. Блока и „Театр". В письме говорится о двух первых томах.

518. ЕЙ ЖЕ.

1. О. А. Мазурова.

2. См. „Новое время", 7. V. 1916, № 14427.

3. „Адвокат Пателен" — старинный франц. фарс, который ставили в Александринском театре.

4. Вышнеградский, А. И.— чл. правления Петрогр. междун. коммерч. банка.

5. Городецкий — Серг. Митр., поэт.

Штильман, Г. Н.—публицист, сотрудник „Русской мысли" „Вопросов жизни" и др. изд.

6. „Старый закал"— пьеса кн. А. И. Сумбатова (Южина).

7. Манасеина, Е. М.—дочь Нат. Ив. Манасеиной, драматич. актриса,

8. Летом 1915 г. Блок вырубил много деревьев и старых кустов в шахматовском саду. Кроме того, под его наблюдением была сделана насыпь для цветников налево от балкона.

519. ЕЙ ЖЕ.

1. „Может пригодиться“— в случае призыва Блока на военную службу.

2. Стахова (Врасская), В. С.— актриса Александринского театра.

3. По всей вероятности, это был отклик на стихотворение „Петроградское небо мутилось дождем“ или „Россия“ (Грешить бесстыдно).

521. ЕЙ ЖЕ.

1. „История с осиновскими“— недоразумения по поводу условий сенокоса.

2. А. А. Корнилов. „Молодые годы Михаила Бакунина. Из истории русского романтизма“, М. 1915, изд. М. и С. Сабашниковых.

3. „Сборник армянской литературы“ под ред. М. Горького, изд. „Парус“, Пгр. (1916) г. Там помещены переводы Блока из стихотворений А. Исаакиана (тоже, см. „Поэзия Армении с древних времен до наших дней“ в перев. русских поэтов под редакцией В. Брюсова, М. 1916). Кроме того, Блок участвовал в латышском и финском сборниках; с украинского же не переводил. Горький хотел издать сборники литератур всех народов, входивших в состав Российской империи.

Тихонов, В. А.— драматург и беллетрист.

4. Купреянов, Н. Н.—художник, график. Им между прочим исполнена обложка к „Ямбам“ Блока, изд. „Алконост“.

5. „Инженерша“— одна из поклонниц и кореспонденток Блока.

522. ЕЙ ЖЕ.

1. Катя — Е. М. Манасеина.
2. Яновский, Б. К.— композитор.
3. Василенко, С. Н.— композитор.
4. Роль невесты в „Женитьбе“ Гоголя.

523. ЕЙ ЖЕ.

1. На Теряевой ул. была квартира В. А. Пяста, часть которой заняли молодые Ивановы.

526. ЕЙ ЖЕ.

1. „Две сиротки“— мелодрама Дэннери и Кермона. Блок ошибся: репетировали другую мелодраму —„Два подростка“ (сообщила Л. Д. Блок).

2. Дм. Ив. — Д. И. Менделеев, который часто бывал в доме Бекетовых; во время его посещений бабушка Блока Е. Г. Бекетова нередко раскладывала пасьянсы. Д. И., занятый разговором с А. Н. Бекетовым, не переставал следить за пасьянсом и при каком-нибудь промахе не мог удержаться от восклицания вроде следующего: „Валет-то, сударыня, валет!“ А. А. Блок, очевидно, забыл, в чем дело. Впрочем, в „Возмездии“ об этом не упомянуто.

3. Ад. Фел. — А. Ф. Кублицкий-Пиоттух.

527. ЕЙ ЖЕ.

1. Семенная торговля Ивана Сима „Северный букет“ помещалась на Среднем проспекте Вас. Острова, д. 49.

2. Соловьев — Влад. Никол.

528. ЕЙ ЖЕ.

1. „Это“ — стихотв. „Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух“ (написано синим карандашом). Вошло в книгу III стихотворений, изд. 3-е, дополн., „Алконост“, П. 1921, и в поздн. изд. с небольшими изменениями в пунктуации.

2. „Мой Григорьев“ — „стихотворения Ап. Григорьева“. Собрал и *примечаниями* снабдил Александр Блок. Изд. К. Ф. Некрасова, М. 1916.

Статья В. Н. Княжнина — „Аполон Григорьев — поэт“, „Русская мысль“, 1916, № 5.

3. Хомяков, А. С. — поэт и писатель-слафянофил.

К этому же письму приложен отрывок:

„Щ о т (Л ю б а к у п и л а)
Прыскалка для табака — 3 р.
Богдановский табачный раствор 80 к.
1 фунт шоколада в плитках — лучш.
сорт — для варки 3. 50.“

529. ЕЙ ЖЕ.

1. См. В. Филатов, „Битва в Галиции“. V. Кавалерийская атака (против австрийских полков) „Русское слово“, 5. VI. 1916, № 129.

2. Кузьмин-Караваев, К. К. — ученик студии Мейерхольда.

3. Пьеса Ст. Пшибышевского — „Ради счастья“.

4. В Чернигове жили родные Л. А. Андреевой-Дельмас.

530. ЕЙ ЖЕ.

1. Из „Каменного гостя“ Пушкина.

2. Форш (урожд. Комарова), О. Д. — беллетристка и драматург, публицистка; литер. псевдоним — А. Терек,

В первом томе „Добротолюбия", подаренном Блоком Н. А. Павилович, поэта заинтересовала последняя глава: „Сведения о жизни аввы Евагрия" и „Евагрия монаха наставления о подвижничестве". В этом экземпляре сохранились пометки и подчеркивания Блока на полях и в тексте.

533. ЕЙ ЖЕ.

1. Бумаги — документы и свидетельства, необходимые при поступлении на военную службу, которые, вероятно, были переданы М. Т. Блок на всякий случай. См. письмо от 11 мая 1916 г.

534. ЕЙ ЖЕ.

1. Беляев, С. Т. — артиллерист, командир тяжел. артилл. дивизиона, брат М. Т. Блок.
2. В. Зор — псевдоним поэта Г. А. Зоргенфрея.

536. ЕЙ ЖЕ.

1. И. п. — Измайловский полк.
2. Арт. — артиллерия.

537. ЕЙ ЖЕ.

1. Николай Лапин, шахматовский работник, вернее, приказчик, без которого было бы трудно обойтись в Шахматове. Он был освобожден от призыва по слабости здоровья и жил в Шахматове даже в первые годы революции.

538. ЕЙ ЖЕ.

1. „Женитьба Фигаро" — комедия Бомарше.

539. ЕЙ ЖЕ.

1. Соловьев, В. Н.

2. Против фразы с указанием времени отбытия поездов сбоку рукою Блока прибавлено: „по петербурски“.

3. Блок ездил на короткое время в Шахматово.

540. ЕЙ ЖЕ.

1. 1916 г. Написано карандашом, как и большинство писем с фронта.

541. ЕЙ ЖЕ.

1. Открытое письмо. Почтовый штемпель: 1. 8. 16. Написано, вероятно, на вокзале в Гомеле.

545. ЕЙ ЖЕ.

1. 1916 г.

546. ЕЙ ЖЕ.

1. 1916 г.

547. ЕЙ ЖЕ.

1. 1916 г. Это письмо вложено в отдельный конверт небольшого размера (кроме общего конверта с предыдущим письмом от 9 — 10 сент., на котором есть полный адрес) с надписью: „Маме“. Письмо на 16 страничках; часть его, датированная 21 и 28 авг. — карандашом, а 4 сентября — чернилами. Две чистые страницы в середине письма усыпаны отпечатками штемпелей: „В. З. и Г. С. Главный Комитет по снабжению армии. 13-я Инженерно-Строительная Дружина

1-й Отряд . . . . 191 . . г. № . . . . Действующая армия. 13-я Инженерно-Строительная Дружина. Получено . . . дня . . . . мес. 191 г. № . . . . "; круглые штемпеля 13-й Дружины (один с якорем и топориком): „техник," „инженер". К ним приписка Блока: „Это доказывает, что я сижу один в канцелярии.

2. Егоров, В. Н. — окончил физико-математический факультет Петрогр. унив. и Институт гражд. инжен. В то время был на III курсе института.

3. Попов, Е. И. — в то время студент-юрист IV курса, провинц. университета; в отряде заведывал отделом.

4. Идельсон Н. И. — юрист. Приписка химическим карандашом (очевидно, рукою Н. И. Идельсона): „Письмо передал Н. Идельсон. Лиговка 44, 13 подъезд, кв. 627, телеф. д. Перцова — 627".

549. ЕЙ ЖЕ.

1. 1916 г.

550. ЕЙ ЖЕ.

1. 1916 г.

551. ЕЙ ЖЕ.

1. 1916 г. Написано чернилами.

552. ЕЙ ЖЕ.

1. 1916 г.

553. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Открытка; адрес написан чернилами. Почтовый штемпель 1916 г. Написана по пути в дружину из отпуска.

554. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Открытка; адрес написан чернилами. Почтовый штемпель 1916 г.

555. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Открытка; адрес написан чернилами. Почтовый штемпель 1916 г.

556. ЕЙ ЖЕ.

1. Шлыков — в то время студент одного из спец. институтов.

2. Катонин, Л. И. — архитектор.

557. ЕЙ ЖЕ.

1. 1916 г.

558. ЕЙ ЖЕ.

1. Надеждин, А А. — актер б. Александринского театра и Свободного театра (в Москве).

559. ЕЙ ЖЕ.

1. Вероятно, в ответ на отказ Блока сотрудничать в газ „Русская воля“, в которой принимал ближайшее участие Л. Н. Андреев.

2. Лукашевич, Я. В. — инженер-гражданец; на фронте начальник 1-го отряда.

561. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Почтов. открытка. Штемпель: 3. 12. 16.

2. В „Русской мысли" должна была печататься 1-я глава „Возмездия". Переговоры с редакцией вела Ал. А. Кублицкая. Она же просила сына, нельзя ли заменить в поэме имя Анны Павловны Вревской „Ольгой Павловной" в виду прозрачного намека на Анну Павловну Философову.

562. ЕЙ ЖЕ.

1. Фраза имеет связь с поэмой „Возмездие", где есть характеристика XIX века, начинающаяся словами: „Век девятнадцатый, железный..."

563. ЕЙ ЖЕ.

1. 1916 г.

564. ЕЙ ЖЕ.

1. 1916 г.

2. Издателем „Земли" был А. И. Имнайшвили, который выпустил в 1918 г. две книги стихотворений Блока и „Театр". О нем см. в книге „Письма Александра Блока", Л. „Колос", 1925 г. (стр. 216 — 219, в примеч. В. Н. Княжнина; там же опубликован заключенный в 1918 г. „Домашний договор" на право издания книг Блока).

565. ЕЙ ЖЕ.

1. 1916 г.

568. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата „7 — 8 января 1917" написана чернилами, остальное — карандашом.

569. ЕЙ ЖЕ.

1. 1917 г.

570. ЕЙ ЖЕ.

1. 1917 г.
2. Др — Дружина.

571. ЕЙ ЖЕ.

1. 1917 г.

2. См. статью А. Толстого „Падший ангел“, напечатанную в париж. газ. „Последние новости“ 1921 г., № 413, и отрывок из нее в книге Н. Ашукина „А. А. Блок в воспоминаниях современников и его письмах“, изд. т-ва „В. В. Думнов“, М. 1924.

572. ЕЙ ЖЕ.

1. Телеграмма принята 23. I. 1917.

573. Ф. Ф. КУБЛИЦКОМУ-ПИОТТУХ.

1. Точную дату телеграммы установить нельзя. Так как в ней речь идет о санатории, куда Ал. А. Кублицкая уехала в конце января или в начале февраля 1917 г., отправку телеграммы следует приурочить к этому времени.

574. ЕМУ ЖЕ.

1. Точную дату телеграммы установить нельзя. По связи с предыдущей очевидно, что она послана вслед за первой, на что указывает и почтовый штемпель на ней: „Вторично“. То обстоятельство, что вторая телеграмма послана не на квартиру матери, а по адресу квартиры самого Блока, объясняется тем, что в это время в пустой квартире Блоков жила М. А. Бекетова, и Блок предпочитал, чтобы телеграмма была передана отчиму через нее, не попав в руки матери.

575. МАТЕРИ.

1. 1917 г. Написано карандашом все, кроме даты 6 февраля, написанной чернилами

576. М. А. БЕКЕТОВОЙ.

1. 1917 г.

577. МАТЕРИ.

1. „Дело“ касается злоупотреблений с продовольствием для рабочих, раскрытых отчасти *при* посредстве Блока вследствие чего его ожидало очень нежелательное для него повышение, которое не состоялось. Кроме того, были слухи, исходившие из штаба начальника инженеров армии и из совета З. В. Г. С. в Минске, о возможности расформирования дружины в виду некоторых недочетов в ведении отчетности и работ.

578. ЕЙ ЖЕ.

1. 1917 г.

579. ЕЙ ЖЕ.

1. 1917 г.

581. ЕЙ ЖЕ.

1. Описка в подлиннике: не 1916 г., а 1917.
2. Эти телеграммы утеряны.
3. Эверт, А. Е. — генер. от инф., команд. армиями зап. фронта.
4. Тов. мин. юстиции — Н. К. Муравьев.
5. Мин. финансов — М. И. Терещенко.

583. ЕЙ ЖЕ.

1. Вырубова, А. А., урожд. Танеева — фрейлина и близкий друг б. царицы Алекс. Федоровны и Григор. Распутина.

2. В санатории в Крюкове во время пребывания там Ал. А. Кублицкой лечился сын К. С. Станиславского, и туда часто приезжала мать его (жена К. С.), актриса Моск. худож. театра М. П. Лилина.

3. Муравьев, Н. К. — присяжн. поверенный, участник многих политических процессов, председатель Чрезвычайной следств. комиссии Временного правительства.

4. „Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц, как гражданского, так и военного и морского ведомств“ была учреждена Временным правительством 5 марта 1917 г. Председателем ее, пользовавшимся правами товарища министра юстиции, был назначен московский присяжный поверенный, участник многих политических процессов, Н. К. Муравьев.

Созданная Временным правительством частью из юридических деятелей, связанных с только что ликвидированным строем, Чрезвычайная комиссия не могла и не желала возвыситься до революционного отношения к объекту своих расследований, не подняла дела на высоту политического момента, не вскрыла классовой эгоистической сущности старого режима. Комиссия сосредоточила свое внимание „на особах первых трех классов“, допросив около шестидесяти лиц, но не „посягнула“ на „представителя верховной власти“ — Николая Романова. В своей работе комиссия строго придерживалась юридических норм, действовавших до падения старого режима, применяя к деятелям самодержавия созданные ими же законы и согласно этим законам квалифицируя их преступления. Руководимая, в сущности, каде-

тами, боявшимися революции, комиссия сыграла отрицательную роль — лишила свою деятельность всякого политического значения; желание приостановить развертывание революции определяло все ее действия, обусловило и подбор сотрудников. Собранные ею материалы, изданные в семи объемистых томах, „стенографические отчеты допросов и показаний", представляют значительный исторический интерес. (См. „Падение царского режима". Редакция П. Е. Щеголева, тт. I — VII Гос. изд. Л. 1924 — 1926 гг.).

При комиссии работала редакторская коллегия, выправлявшая стенографические записки опросов. Главным редактором стенографических отчетов стал А. А. Блок (см. письма №№ 594, 595, 596 и след.)

Выбор такого редактора характерен для политического лица комиссии. В своей работе А. Блок был, в сущности, наблюдателем, посторонним зрителем, для которого деятели старого режима представляли чисто „психологический" интерес, как люди, близкие ему в своей классовой сущности. *(Ред.)*

585. ЕЙ ЖЕ.

1. Донон — известный ресторан на Мойке.
2. Грабарь, И. Э. — художник, историк искусства.
3. Эта телеграмма не сохранилась.

586. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано карандашом.
2. Потемкин, П. П. — поэт.
3. Нелидовы — О. В. Гзовская с мужем.
4. „У царских врат" — пьеса Кнута Гамсуна.

5. Из стих. „Еще прекрасно серое небо...“ (напис. 18 окт. 1905 г.)

587. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано карандашом.

2. Алексеевы — К. С. Станиславский и жена его М. П. *Лилина.*

3. Каннабих, Ю. В. — гл. врач санатории в Крюкове. Бумага, о которой пишет Блок, по всей вероятности, заключала в себе свидетельство о нервном расстройстве поэта, которое было настолько сильно, что доктор советовал ему пожить в санатории.

588. ЕЙ ЖЕ.

1. Почтовый штемпель на конверте: 18. 4. 17. Написано карандашом.

2. К. С. — Станиславский, который тоже бывал в санатории у сына и познакомился с матерью Блока, А. А. Кублицкой.

3. Г. — О. В. Гзовская.

А. — К. С. Алексеев (Станиславский).

4. В числе больных, находившихся одновременно с матерью Блока в санатории, была очень красивая девушка, еврейка, которую поэт видел, приезжая на несколько дней навестить мать. Он боялся в нее влюбиться.

5. „Желтые“ в связи с теорией панмонголизма Вл. Соловьева и „Скифами“ Блока. См. дальше, в письме от 2 мая 1917 г. — тот же мотив.

6. Подготовка к первомайским демонстрациям.

589. ЕЙ ЖЕ.

1. Памятник Александру III перед Октябрьским вокзалом — рабо ы скульптора Паоло Трубецкого.

592. ЕЙ ЖЕ.

1. От слов „Я решил“ и до конца — приписка карандашом.

593. ЕЙ ЖЕ.

1. Длительный правительственный кризис, вызванный возмущением широких масс империалистической политикой Временного правительства, имел своей ближайшей причиной выступление министра иностранных дел П. Н. Милюкова, подтверждавшего в ноте от 18 апреля верность правительства союзным договорам готовить и далее продолжать войну, вплоть „до победного конца“. Бурные демонстрации протеста, протекавшие в Петрограде в конце апреля, вынудили Временное правительство пожертвовать двумя наиболее ярыми проповедниками „войны до победного конца“, военным министром октябристом Гучковым и кадетом Милюковым, прозванным за свои аннексионистские стремления „дарданельским“ (вышли в отставку 30 апреля и 2 мая). В коалиционном кабинете, составленном 5 мая, крупный финансист и сахарозаводчик М. И. Терещенко, друг А. Блока, меценат, поклонник рафинированного буржуазного искусства, получил портфель министра иностранных дел. *(Ред.)*

2. Конверт не сохранился.

594. ЕЙ ЖЕ.

1. Тина — горничная Ал. А. Кублицкой.

Григорий — денщик Ф. Ф. Кублицкого.

2. Рецензия Д. Выгодского „У новой грани“ (Поэма Ал. Блока „Возмездие“) — „Новая жизнь“ 1917 г., № 9, 28 IV.

В этой рецензии говорится, что „... Блок впервые посмотрел наружу, на все *окружающее. Вот что заставляет возлагать* на Блока и на его поэму большие надежды".

595. ЕЙ ЖЕ.

1. Неведомский, М. Г. (литературный псевдоним М. Г. Миклашевского). Литературный критик марксистских изданий, близкий к меньшевикам по своим воззрениям и симпатиям. В 1919 г. в Петрограде, в изд. „Коммунист" вышла его книга „Зачинатели и продолжатели. Поминки, характеристики, очерки по русской литературе от дней Белинского до дней наших". На стр. 376 говорится о Блоке как об одном из наиболее искренних и серьезных писателей нашего времени.

2. Боровиковский, В. Л. — известный художник-портретист XVIII в.

3. Морозов, П. О. — историк литературы и театра, библиограф.

Сакулин, П. Н. — историк литературы.

4. О литер. комиссии при б. Александринском театре см. отдел „Театр и музыка" в газ. „Речь", 25. IV. 1917.

596. ЕЙ ЖЕ.

1. 1917 г.

2. Маклаков, Н. А. — член Гос. совета; мин. внутр. дел (в 1912—1915 гг.), шеф жандармов, один из незадачливых „спасителей" царского режима. *(Ред.)*

3. Горемыкин, И. Л. — председ. совета министров и Гос. совета последнего царствования, ярый реакционер. *(Ред.)*

4. Воейков, В. Н. — генерал-майор, дворцовый комендант, пользовавшийся своим официальным положением для личного

обогащения, как и большинство отразителей старого порядка. *(Ред.)*

5. „Покойный Р." —известный Григорий Распутин-Новых, крестьянин Тобольской губернии, хитрый, циничный развратник, эротоман, поражавший своей „мужской силой" распутных светских дам. Используя суеверие и развращенность придворных кругов и правящих сфер, приобрел громадное влияние на мистически настроенную Александру Федоровну и Николая II, а через них на всю правительственную политику. Убит в декабре 1916 г. князем Юсуповым при участии вел. кн. Дмитрия Павловича и члена Гос. думы монархиста В. М. Пуришкевича, рассчитывавших путем устранения Распутина спасти династию. Упоминание его имени в печати было под цензурным запретом. *(Ред.)*

6. Манасевич-Мануйлов, И. Ф.—журналист, чиновник деп. полиции и аферист. В 1916 г. был арестован по распоряжению дир. деп. пол. Климовича вследствие жалобы одного из видных служащих Моск. соед. банка, в которой сообщалось, что М.-М., шантажируя банк, потребовал 25 тысяч руб. за то, чтобы предотвратить расследование деятельности банка следственной комиссией генерала Н. С. Батюшина, осведомителем которой он состоял. По совету Климовича тов. дир. банка дал М.-М. требуемую взятку, записав предварительно №№ билетов, и мошенничество было открыто. Дело „по высочайшему повелению" было прекращено, мин. юст. Макаров был уволен от должности и лишь впоследствии по настоянию мин. юстиции Добровольского в феврале 1917 г. М.-М был осужден.

7. Родичев, Ф. И.—либеральный деятель тверского земства и уездный предводитель дворянства, один из организаторов и член центрального комитета кадетской партии, депутат Гос. думы всех четырех созывов, один из кадетских думских „златоустов", в 1917 г. комиссар Временного правительства по делам Финляндии, состоял в Чрезвычайной

комиссии делегатом от Временного комитета членов Государственной думы. *(Ред.)*

Ольденбург, С. Ф. — непременный секретарь Российской Академии Наук, академик (индаист), министр народного просвещения во втором коалиционном кабинете Временного правительства, образованном после июльских дней; был с апреля месяца введен в состав Чрезвычайной следственной комиссии. *(Ред.)*

597. ЕЙ ЖЕ.

1. Телеграмма принята 9. 5. 1917 г.

598. ЕЙ ЖЕ.

1. Белецкий, С. П. — сенатор, дир. департ. пол., с сент. 1915 г. по февр. 1916 г. тов. мин. внутр. дел.

2. Герасимов, А. В. — генерал для поручений при шефе жандармов; с 1905 по 1909 г. был нач. петерб. охранного отделения.

3. Иванов, С. В. — сенатор, в 1917 г. тов. председ. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.

4. Щеголев, П. Е. — историк литературы (пушкинист) и революционных движений, редактор журн. „Былое". Явившись председателем особой комиссии по расследованию деятельности департамента полиции, был введен в состав Чрезвычайной следственной комиссии. *(Ред.)*

5. Джунковский, В. Ф. — генер., тов. мин. вн. дел при Маклакове, командир отд. корпуса жандармов.

599. ЕЙ ЖЕ.

1. „Новая жизнь“ — орган с.-д. интернационалистов. До октября „Новая жизнь“ постоянно колебалась между соглашательством и революцией, выступая то против Временного правительства, то против большевиков.

„Речь“ — большая ежедневная газета, издававшаяся в Петрограде под редакцией И. В. Гессена и П. Н. Милюкова с 1906 по 1917 год и являвшаяся органом центрального комитета кадетской партии.

„Биржевые ведомости“ — ежедневная газета обывательского типа, издававшаяся с 1880 г. до революции С. М. Проппером. Лишенная постоянной политической программы, являлась типичным образцом буржуазной „желтой прессы“.

„Новое время“ — ежедневная газета реакционного направления, издававшаяся А. С. Сувориным в Петрограде с 1876 по 1917 год и связанная с правительственными кругами. Пользовалась большим влиянием в бюрократическом мире. *(Ред.)*

2. Ругон-Макары — действующие лица серии романов Эмиля Золя — „История одного рода“.

Карамазовы—действующие лица романа Ф. М. Достоевского „Братья Карамазовы“.

3. Андронников, М. М., кн. — чиновн. особ. поручений при святейшем синоде; авантюрист, втиравшийся в доверие влиятельных лиц и высоких „сфер“.

4. Макаров, А. А. — мин. вн. дел и шеф жандармов. 11 апр. 1912 г. в Гос. думе произнес речь по поводу расстрела рабочих на Ленских приисках, в которой была знаменитая фраза: „Так было, и так будет впредь“; в 1916 г. мин. юстиции.

5. Перев.: „Милостивая Государыня Александра Романова“— б. царица Александра Федоровна.

6. Тиме (Качалова), Е. И. — актриса б. Александр. театра.

7. „Детинец“ — древнее название псковского Кремля.

600. ЕЙ ЖЕ.

1. Протопопов, А. Д. — член IV Гос. думы, октябрист. Выдвинутый банковскими кругами при поддержке Распутина, был назначен в конце 1916 года на пост министра внутренних дел. В последние месяцы царизма Протопопов явился проводником самой оголтелой реакции. *(Ред.)*

2. Толмачева, М. Л., урожд. Погодина — беллетристка; пишет преимущественно для детей.

3. Приложен листок из календаря О. Кирхнера 23 апр. 1917 г. (день именин матери Блока), со стихотв. Ал. Блока „Мы шли заветною тропою"; напечат. в книге: „Стихи (1898—1921), не вошедшие в собрания сочинений", изд. „Петроград" Л.—М. 1925, стр. 145.

601. ЕЙ ЖЕ.

1. Лохтина, О. В. — жена д. с. с., инженера, ярая поклонница Распутина и Илиодора.

Илиодор — иеромонах (С. В. Труфанов), черносотенный демагог, известен выступлениями против Распутина, с которым вначале дружил.

2. Виссарионов, С. Е. — вице-дир. департ. полиции; чл. сов. мин. вн. дел.

3. Штюрмер, Б. В. — предс. сов. мин., мин. вн. дел, мин. иностр. дел последнего царствования.

4. Керенский, А. Ф. — лидер трудов. группы Гос. думы, член всех Времен. правительств, премьер-министр, мин. юстиции, воен. мин. и главковерх; в настоящее время в эмиграции, интервенционист, ярый противник советской власти.

5. Подразумевается нашумевшая статья М. Горького „Две души": азиатская — косная и европейская — действенная.

602 ЕЙ ЖЕ.

1. Родзянко, В. М. — октябрист, председатель III и IV Гос. думы, председатель Временного комитета членов Гос. думы в эпоху Керенского, деятельный организатор крупнобуржуазной реакции. Распространявшиеся им слухи о возможности остановки железнодорожного движения вследствие недостатка угля лишь частично основывались на данных о состоянии промышленности юга России. В продолжение всего периода существования Временного правительства на заводах и шахтах Кривого Рога и Донецкого бассейна предпринимателями проводился злостный саботаж. При остром металлическом и угольном голоде крупные запасы металла, угля и кокса скрывались и не вывозились в места потребления, несмотря на наличие подвижного состава. Собственники сознательно запускали и дезорганизовывали производство, затопляя порою шахты и затягивая конфликт с рабочими по вопросам заработной платы и установления рабочего контроля. 16 мая вопрос о саботаже углепромышленников обсуждался на заседании Исполнительного комитета Петроградского Совета, в мае же месяце состоялось в Петрограде совещание горнопромышленников и рабочих юга России. Крупнейший помещик Екатеринославской губернии, связанный кровными интересами с местными капиталистами, М. В. Родзянко явился рупором крупных предпринимателей, отвечавшим на требования рабочих угрозой прекращения добычи угля и вынужденной остановкой всей промышленности и железнодорожного транспорта. *(Ред.)*

2. Чхеидзе, Н. С. — лидер с.-д. (меньшевиков) в III и IV Гос. думе; после февр. революции до конца лета председ. Сов. раб. и солд. депут.; сторонник коалиции с буржуазией, оборонец. *(Ред.)*

3. Соколов, Н. Д. — прис. пов., представитель Сов. раб. и солд. деп. в Чрезв. следств. комиссии; его имя связано с „приказом № 1,“ декларировавшим права солдата.

4. Сухомлинов, В. А. — ген. от кавал., чл. Гос. сов.; с 1909 по 1915 г. воен. министр; в 1915 г. был предан суду и сидел в крепости по обвинению в гос. измене, бездействии и превышении власти и во взяточничестве, но суд над ним состоялся только после февральской революции.

Курлов, П. Г. — ген.-лейт., ком. отд. корпуса жандармов и тов. мин. вн. дел.

Беляев, М. А. — ген. от инф., последний военный министр старого режима.

Дубровин, А. И. — врач; известный черносотенец-погромщик, основатель „Союза русского народа".

5. Собещанский, М. Н. — полковник отдельного корпуса жандармов.

6. Сухомлинова, Е. В., урожд. Гошкевич (по первому мужу Бутович) — жена воен. мин. В. А. Сухомлинова.

7. Манухин, И. И. — доктор мед., инициатор лечения туберкулеза рентгеновскими лучами.

8. Половцев, П. — генерал, командовавший войсками Петроградского военного округа летом 1917 г. В июльские дни руководил подавлением движения и разгромом типографии и редакции „Правды".

603. ЕЙ ЖЕ.

1. Телеграмма принята 1. XI. 1917 г.

604. ЕЙ ЖЕ.

1. Фредерикс, В. Б., граф — ген. от кав., мин. двора и уделов.

2. Щегловитов, И. Г. — статс-секретарь, член Гос. сов., в 1906—1915 г. министр юстиции; выдвинул дело Бейлиса; в 1917 г. председ. Гос. совета.

Ренненкампф фон, П. К. — ген. от кав., нач. карательной экспедиции в 1905 г., в войне 1914 г. командовал армией.

Добровольский, Н. А. — егермейстер, сенатор; с дек. 1916 г. до февральской революции управляющий мин. юстиции.

605. ЕЙ ЖЕ.

1. Кокошкина, М. Ф. — жена члена Гос. думы (к-д) Ф. Ф. Кокошкина.

Набоков, В. Д. — член Гос. думы (к-д), обществ. деятель, управ. делами Врем. правит.

608. ЕЙ ЖЕ.

1. M-lle Лурье—одна из пациенток санатории в Крюкове, где лечилась мать Блока, Ал. А. Кублицкая.

2. Доклад Н. К. Муравьева о работе Чрезвычайной следственной комиссии, напечат. в „Извест. Петрогр. Совета Раб. и Солдатск. Депут.“ № 95 от 28 июня 1917 г. (тоже, см. „Падение царского режима“ ред. П. Е. Щеголева, т. I, Госизд., Л. 1924, стр. IX — XXI.

609. ЕЙ ЖЕ.

1. Обещанный в обращении „К гражданам“ Временного комитета Государственной думы скорый созыв Учредительного собрания намеренно оттягивался Временным правительством. 14 июля 1917 г. срок созыва Учредительного собрания был официально отодвинут до 30 сентября.

611. ЕЙ ЖЕ.

1. Церетелли, И. Г.—мин. почты и телеграфа и мин. внутр. дел Врем. правит.

2. Иванов, Н. И. — генерал, в начале герм. войны главнокомандующий юго-зап. фронтом; 27 февр. 1917 г. был отправлен из ставки в Петроград для подавления революции.

Челноков, М. В. — член Гос. думы (к-д), москов. гор. голова, председатель Союза городов.

612. ЕЙ ЖЕ.

1. Мысль о немецких деньгах была очень в ходу в это время среди обывателей: думали, что революцию „сделали немцы“ посредством своего агента Ленина для того, чтобы произвести смуту и погубить Россию анархией, голодом и т. д. Блок этой версии, конечно, не верил, но не прочь был поверить тому, что Ленин обманул немцев, приняв от них деньги для партии.

2. Со второй половины июня 1917 г. недовольство масс реакционной политикой Временного правительства сильно возросло. 18 июня в Петрограде прошли демонстрации под лозунгами: „Долой десять министров-капиталистов“, „Вся власть советам“. Еще больше революционизировали массы неудача предпринятого Керенским в угоду союзникам и отечественной буржуазии наступления на фронте и попытка министра юстиции П. Н. Переверзева выселить воинской силой анархистов и некоторые профессиональные союзы из захваченной рабочими дачи Дурново. Временное правительство, вопреки договору с Исполнительным комитетом Петроградского Совета, намеревалось вывезти на фронт преданные революции войска, а контрреволюционные генералы угрожали сдачей столицы германцам. Начавшееся движение усилилось при известии о выходе из правительства министров-кадетов (3 июля). Делегаты воинских частей и рабочие делегации стягивались ко дворцу Кшесинской, в котором заседала общегородская конференция петроградской организации большевиков. Учитывая настроение масс, центральный комитет партии решил взять движение в свои руки. Однако момент необходимый для захвата власти еще не наступил. Несмотря на то, что в демонстрациях принимало участие свыше полу-

миллиона рабочих и солдат (на стороне демонстрантов была и Петропавловская крепость, о которой упоминается в письме), движение было подавлено приведенными Керенским с фронта контрреволюционными войсками и юнкерами из окрестностей Петрограда, которые, заняв город, приступили к арестам и погромам. *(Ред.)*

На июльское выступление пролетариата реакционные силы ответили не только вызовом юнкеров и казачьих частей, обстрелом мирных демонстрантов и разгромом типографии и редакции „Правды“, но и широкой клеветнической кампанией. Контрреволюционные элементы, желая посеять смуту в массах и натравить их на наиболее популярных вождей, заслуженных борцов революции, муссировали слухи о „немецких деньгах“ и „немецком шпионаже“. Ренегат Алексинский и Панкратов опубликовали 5 июля с ведома министра юстиции П. Н. Переверзева в бульварной газетке „Живое слово“ сфабрикованные при содействии генерального штаба и контрразведки фальшивые документы, якобы устанавливающие получение „большевистскими лидерами“ от „германских агентов“ денег на ведение агитации, направленной к подрыву „доверия“ русского народа к Временному правительству. *(Ред.)*

613. ЕЙ ЖЕ.

1. Дворец балерины М. Ф. Кшесинской, фаворитки Николая II, служил штаб-квартирой большевиков, которые после подавления восстания июльских дней вынуждены были его покинуть.

2. Спиридович, А. И. — генерал-майор отд. корпуса жандармов, нач. дворц. охраны.

Трусевич, М. И. — сенатор, член Гос. сов.; расследовал дело об убийстве Столыпина в Киеве.

3. Бурцев, В. Л. — *журналист.*

614. ЕЙ ЖЕ.

1. Эта телеграмма не сохранилась.

2. Объявление Церетелли о запрещении демонстрации.

3. Крыжановский, С. Е. — сенатор, член Госуд. сов., тов. мин. внут. дел, последний государ. секретарь.

4. Хвостов — дядя, А. А. — министр юстиции (1915 — 1916), в 1916 году мин. внут. дел и нач. жандармов.

5. „Le rétablissement de la peine de mort" — восстановление смертной казни.

615. ЕЙ ЖЕ.

1. При всей моей близости к матери Блока мы с ней во многом расходились, что вызывало частые конфликты, дурно влиявшие на ее нервную болезнь.

2. Саша — швейцариха.

3. „Рус. свобода" — журнал кадетского направления, издававшийся при „Русской мысли".

4. Хвостов — племянник, А. Н. — член Гос. думы, лидер фракции правых, мин. внут. дел и начальник отд. корп. жандар. в 1915 г.

617. ЕЙ ЖЕ.

1. Профессор истории и публицист Е. В. Тарле, близкий к правым меньшевикам, был привлечен Чрезвычайной комиссией в качестве редактора обширного отчета, который комиссия должна была подготовить для доклада правительству. Из множества отдельных глав этого отчета была приготовлена только одна общая работа А. А. Блока на тему „Последние дни старого режима". *(Ред.)*

2. Нератов, А. А. — член Гос. совета, тов. мин. ин. дел.

Марков 2-й, Н. Е. — член Гос. думы, крайний правый, член

глав. сов. „Союза русского народа“. Крупный помещик Курской губ.

3. Авраамов, Арсений — композитор и теоретик искусства. Ему между прочим принадлежит мысль о симфонии гудков (в Москве) в первую годовщину смерти Ленина.

618. ЕЙ ЖЕ.

1. Из посмертн. стих. Вл. Соловьева „Когда в свою сухую ниву...“ (см. Вл. Соловьев „Стихотворения“, изд. 7-е, М. 1921, стр. 226).

Последнее четверостишие читается так:

„О нет! я терном и волчцами
Посев небесный подавлял,
Земных стремлений плевелами
Его теснил и заглушал“.

2. Из стихотв. Пушкина. „Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит“.

619. ЕЙ ЖЕ.

1. „Последние дни старого режима“ напечат. в журнале „Былое“ № 15 (помечен 1919 годом, вышел в 1921 г.) и отдельно, в дополн. виде, под названием „Последние дни императорской власти“, изд. „Алконост“, II, 1921.

2. Шульгин, В. В. — чл. Гос. думы, национ.; писатель-публицист.

Савич. Н. В. — чл. Гос. думы (октябрист), чл. Врем. комит. Гос. думы.

620. ЕЙ ЖЕ.

1. Гучков, А. И. — основатель „Союза 17 октября“, председат. III Гос. думы, в германскую войну председат. Центр.

военно-промыш. комитета, военный и морской министр 1-го Временного правительства

2. „Деловые записки“ — одна, помечен. „3 авг.“ (дата карандашом), см. ниже, при письме; другая—на обороте письма: записка Л. Д. Блок о продуктах.

3. „Русская воля“ — ежедневная газета, основанная в Петрограде в 1916 году на средства крупных банков членом Гос. думы октябристом А. Д. Протопоповым. Летом 1917 года выражала позицию реакционной крупной буржуазии. Газета закупила ряд представителей мелкобуржуазной интеллигенции (Л. Андреев, А. Амфитеатров и др.), которые проповедывали войну „до победного конца“. *(Ред.)*

4. „Рожденный ползать летать не может“—цитата из „Песни о соколе“ Горького.

622. ЕЙ ЖЕ.

1. Созванное 12 августа 1917 года в Москве Государственное совещание, целью которого было укрепление положения Временного правительства, состояло по преимуществу из представителей буржуазных организаций, генералитета и офицерства. От имени Советов присутствовала составленная из меньшевиков и эс-эров делегация Центрального Исполн. комитета. Представители столичных и провинциальных советов на совещание допущены не были. Государственное совещание не укрепило авторитета Временного правительства, но выступления Керенского, Корнилова и Каледина вскрыли контрреволюционные замыслы буржуазии. *(Ред.)*

623. ЕЙ ЖЕ.

1. Записка карандашом, без даты и без подписи. Рукою Ал. А. Кублицкой (чернил.) помечено: 16 февраля, 1 марта 1918 г.

2. „Наш путь" — литер.-полит. журнал революц. социализма, изд. при ц. к. левых с.-р. (интернационалистов). № I помечен апрелем 1918 г.; там напечатаны между прочим „Двенадцать", „Скифы" и статья Блока „Интеллигенция и революция".

3. Очевидно, перевод Ал. А. Кублицкой романа „Красный вал" Ж. Рони-Старшего, начатый печатанием в „Нашем пути".

624. ЕЙ ЖЕ.

1. Тема — по всей вероятности, „Последние дни старого режима" (см. письмо 619.)

625. ЕЙ ЖЕ.

1. Письмо без даты. Следует отнести к 1918 г. (зима — весна) так как речь идет о чтении пьесы „Роза и Крест" во Времен. комит. гос. театров, заменившем в этом году Театр. комиссию.

2. „Избранные стихотворения" (посм. издание, подготовленное автором) напечат. в 1924 г. изд. „Петроград" (под ред. Л. Д. Блок).

626. М. А. БЕКЕТОВОЙ.

1. 4-е издание — Стихотворения в трех книгах (третья не вышла) и „Театр" изд. „Земля", Петерб. 1918 — 1919 г.

2. Чурова, С. А. (урожд. Вастен) — приятельница М. А. Бекетовой.

627. МАТЕРИ.

1. Написано карандашом. Дата не полная. Следует отнести к 1918 г., так как в этом году возникло изд.-во „Всемирная литература".

628. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано карандашом. Даты нет. Вероятно, конец 1918 г.

2. Батюшков, Ф. Д. — проф. зап.-европ. литературы, критик.

3. „Лесной домик“ — рассказ Эркман-Шатриана, перев. Ал. А. Кублицкой.

4. „Кузен Понс“, „Кузина Бэта“, „История Тринадцати“ и „Шуаны“ — романы Бальзака. Из них „Кузина Бэта“, „Шуаны“ и три рассказа из „Истории Тринадцати“ („Феррагюс — вождь пожирателей“, „Роман в пустыне“ и „Золотоглазая девушка“) переведены Ал. А. Кублицкой.

629. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано карандашом. Даты нет. Вероятно, конец 1918 или начало 1919 г., скорее второе.

2. В. Гюго „Легенда о прекрасном Пекопэне и о прекрасной Больдур“, перев. А. Кублицкой-Пиоттух, изд. „Алконост“, 1919 г. (предисловие Ал. Блока помечено декабрем 1918 г.).

3. Вероятно, корректура печатавшегося в изд. „Алконост“ произведения А. Белого.

630. М. А. БЕКЕТОВОЙ.

1. Стихотворение М. А. Бекетовой (написано 7 февр. 1920 г. в Луге), обращенное к Блоку, начинается так:

На детство нежное твое
С улыбкой я смотрела,
Твой первый лепет, первый стих
В душе запечатлела.

Бабушка Бекетова не раз сочиняла стихи, обращенные к Блоку.

Все они носят юмористический характер, кроме четырех строк, приводимых Блоком в „Автобиографии“

(Так бодрствуя в часы ночные
И внука юного любя,
Старуха бабка не впервые
Слагала стансы для тебя.),

составляющих начало послесловия к стихотворению:

В мечтанья тихо погруженный
И полон богатырских сил. и т. д.

(13 апр. 1898 г.)

2. После смерти Ф. Ф. Кублицкого (27 янв. 1920 г.) Блок с женой переехал в квартиру матери, двумя этажами ниже.

3. Ионов, И. И. — завед. отделом печати при Петроград. Совете деп., а затем — Госиздатом; пролет. писатель.

4. „Всемирная литература“ печатала переводы бабушки Блока, Е. Г. Бекетовой, и его тетки Е. А. Бекетовой (по мужу Красновой).

5. Ал. А. Кублицкая-Пиоттух была больна сильным бронхитом.

6. М. Ю. Лермонтов. Избранные сочинения в одном томе 1814—1841. Редакция, вступит. статья и примечания Ал. Блока. Берлин — Петербург, 1921, изд. З. Гржебина.

7. См. прим. 2 к письму 359.

631. ЕЙ ЖЕ.

1. 1920 г.

2. О. А. Мазурова.

632. МАТЕРИ.

1. Алянский, С. М. — стоял во главе издательства „Алконост“. О его поездке в Москву с Блоком см. кн. М. А. Бе-

кетовой „Ал. Блок. Биографич. очерк“ и К. И. Чуковского „Книга об Ал. Блоке.“

2. Белицкий, Е. Я. — завед. отделом управления Ленинград. Совета, впоследствии издатель „Эпоха“.

3. Из истории несостоявшихся постановок драмы „Роза и Крест“. Собирались ставить (если не считать задуманного, но не возникшего театра М. И. Терещенко): 1. Мос. худ. театр (1915 — 1917), 2. Свободный театр в Москве (1915 г.), 3. Александрин. театр (1918 г.), 4. Михайловский театр (1918 г.), 5. Театр Незлобина (1921 г.), 6. Театр Корша (1921 г.), 7. Кинематографическая фирма (1917 г.). Выражали желание ставить пьесу в Иркутске и в Уфе (1916 г.).

Из осуществленных постановок можно назвать: 1. 1919 г. в б. Таганцевской гимназии играли ученицы школы; 2. Костромского город. театра (1920 г.), постановка Ю. М. Бонди, муз. Б. А. Федорова, балет М. М. Чумакова (см. статью Мих. Сокольникова в альманахе „Земные ласки“, изд. Лит.-худ. о-ва, Кинешма (1922), и 3. 192-й трудовой совшколы 2 ступ. в Ленинграде (1926 г.), силами учеников.

4. Коган, П. С. — историк литерат., критик, президент Ак. худ. наук в Москве, и его жена Н. А. Нолле (издала книгу: „Ал. Блок. Отроческие стихи. Автобиография“. „Первина“, М. 1922 — 1923).

5. Луначарский, А. В. — публицист, драматург и критик, б. народн. комиссар просвещения, академик.

6. Л. Б. Каменев, б. председатель Моссовета, и его жена О. Д. Каменева.

7. Е. Ф. Книпович — друг семьи Блока, организовала в Москве „Ассоциацию по изучению творчества Блока“.

8. Ал. А. Кублицкая сейчас же после отъезда сына в Москву (в начале мая) уехала гостить в Лугу к сестре М. А. Бекетовой.

633. ЕЙ ЖЕ.

1. 1921 г. Написано карандашом.

2. Пекелис, А. Г. — доктор по внутренним болезням, лечивший Блока во время его последней болезни. Им написана история болезни поэта (см. А. Г. Пекелис, д-р мед. „Болезнь и кончина Блока (отчет врача)“. Газ. „Голос России“, № 1025, 6. VIII. Берлин).

3. Работа над поэмой „Возмездие“.

634. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано карандашом (конверт — чернилами). Вложена записка Л. Д. Блок: „Лечит Сашу Пекелис; лекарства мне удается доставать даже редкие, как бромурал и все прочие. Пекелис рекомендует обязательное санаторное лечение, желательно в Финляндии, и об этом будет хлопотать союз писателей в Москве (но это секрет от Саши, он не хочет пока). *Провизии, конечно, много.* Сезон в моем театре кончился. Люба“.

2. У Ал. А. Кублицкой бывали припадки грудной жабы. А. Г. Пекелис лечил и ее.

635. ЕЙ ЖЕ.

1. Ал. Блок умер от воспаления сердечных клапанов. В последние недели его обычная неврастения обострилась, перейдя в психостению, болезнь близкую к психозу.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН К I и II тт. „ПИСЬМА К РОДНЫМ“

*

* Ошибка в примечании.

ПЕРЕЧЕНЬ ПИСЕМ, ВОШЕДШИХ ВО II ТОМ*

1910

255. Матери 9 января 1910 [Петербург]
256. „ 11 января 1910 [Петербург]
257. „ 13 января 1910 [Петербург]
258. „ 16 января 1910 [Петербург]
259. „ 18 января 1910 [Петербург]
260. „ 18 января 1910 [Петербург]
261. „ 22 января 1910 [Петербург]
262. „ 27 января 1910 [Петербург]
263. „ 29 января 1910 [Петербург]
264. „ 31 января 1910 [Петербург]
265. „ 1 февраля 1910 [Петербург]
266. „ 2 февраля 1910 [Петербург]
267. „ 5 февраля 1910 [Петербург]
268. „ 6 февраля 1910 [Петербург]
269. „ 1 апреля 1910 [Петербург]
270. „ 4 апреля 1910 [Петербург]
271. „ 5 апреля 1910 [Петербург]
272. „ 8 апреля 1910 [Петербург]
273. „ 12 апреля 1910 [Петербург]
274. „ 16 апреля 1910 [Петербург]
275. „ 19 апреля 1910 [Петербург]
276. „ (телеграмма) [19 апреля 1910. Петербург]
277. „ 21 апреля 1910 [Петербург]
278. „ 24 апреля 1910 [Петербург]
279. „ 29 апреля 1910 [Петербург]
280. „ [1 мая 1910. В поезде, подъезжая к ст. Подсолнечная, Н. ж. д.]
281. „ 3 мая 1910. Шахматово.

* Даты, заключенные в прямые скобки, принадлежат М. А. Бекетовой. Нумерация писем — продолжение первого тома.

282. Матери 4 мая 1910 [Шахматово]
283. „ 7 мая 1910 [Шахматово]
284. „ 11 мая 1910 [Шахматово]
285. „ 18 мая 1910 [Шахматово]
286. „ 29 мая 1910 [Шахматово]
287. „ 31 мая 1910 [Шахматово]
288. „ 2 июня [1910. Шахматово]
289. „ 3 июня 1910 [Шахматово]
290. „ 7 июня 1910 [Шахматово]
291. „ [между 7 и 11 июня 1910. Подсолнечная]
292. „ 11 июня 1910 [Шахматово]
293. „ 22 июня [1910 Шахматово]
294. „ 25 июня 1910 [Шахматово]
295. „ 29 июня 1910 [Шахматово]
296. „ (телеграмма) [5 июля 1910. Подсолнечная]
297. „ 18 октября 1910 [Шахматово]
298. „ 22 октября 1910 [Шахматово]
299. „ 25 октября 1910 [Шахматово]
300. „ 29 октября 1910 [Шахматово]
301. „ 31 октября 1910 [Шахматово]
302. „ 5 ноября [1910 Петербург]
303. „ 9 ноября [1910 Петербург]
304. „ 10 ноября 1910 [Петербург]
305. „ 16 ноября 1910 [Петербург]
306. „ 16 ноября [1910. Петербург]
307. „ 22 ноября 1910 [Петербург]
308. „ 25 ноября [1910 Петербург]
309. „ 29 ноября [1910 Петербург]
310. „ 3 декабря 1910 [Петербург]
311. „ 8 декабря 1910 [Петербург]
312. „ 13 декабря 1910 [Петербург]
313. „ 16 декабря 1910 [Петербург]
314. „ 20 декабря [1910. Петербург]
315. „ [31 декабря 1910. Петербург]

1911

316. Матери 3 января 1911 [Петербург]
317. „ 6 января 1911 [Петербург]
318. „ 9 января 1911 [Петербург]
319. „ 13 января 1911 [Петербург]
320. „ 17 января 1911 [Петербург]
321. „ 21 и 22 января 1911 [Петербург]

322. Матери 23 января 1911 [Петербург]
323. „ 25 января 1911 [Петербург]
324. „ [27 января 1911. Петербург]
325. „ 30 января 1911 [Петербург]
326. „ 3 февраля 1911 [Петербург]
327. „ 6 февраля 1911 [Петербург]
328. „ 7 февраля [1911. Петербург]
329. „ 8 февраля [1611. Петербург]
330. „ 10 февраля 1911 [Петербург]
331. „ 12 февраля [1911. Петербург]
332. „ 14 февраля 1911 [Петербург]
333. „ 17 февраля 1911 [Петербург]
334. „ 21 февраля 1911 [Петербург]
335. „ 24 февраля *1911* [Петербург]
336. „ 24 февраля [1911 Петербург]
337. „ 25 февраля [1911. Петербург]
338. „ [25 февраля 1911. Петербург]
339. „ 27 февраля 1911 [Петербург]
340. „ 28 февраля — 1 марта [1911. Петербург]
341. „ 1 марта [1911. Петербург]
342. „ 3 марта 1911 [Петербург]
343. „ (при денежном переводе) [4 марта 1911. Петербург]
344. „ 8 марта 1911 [Петербург]
345. „ 11 марта 1911 [Петербург]
346. „ 12 марта [1911. Петербург]
347. „ 16 марта 1911 [Петербург]
348. „ 19 марта [1911. Петербург]
349. „ 23 марта [1911. Петербург]
350. „ 7-8-9 мая 1911 [Петербург]
351. „ 11 мая [1911. Петербург]
352. „ 11 мая [1911. Петербург]
353. „ 12 мая [1911. Петербург]
354. „ 30 июня [1911. Петербург]
355. „ 2 июля 1911 [Петербург]
356. „ 5 июля 1911 [Петербург]
357. „ [6 июля 1911. Вильно]
358. „ [6 июля 1911. Ковно]
359. „ [6 июля 1911. Вержболово]
360. „ 7 июля [1911. Берлин — Кёльн]
361. „ 20 (7) июля [1911. Кёльн]
362. „ 21 июля [8 июля] 1911 [Париж]
363. „ 24 июля [11 июля] 1911. L' Abervrach

364. Матери 27 июля [14 июля] [1911. Абервракl
365. Бекетовой 27 июля [14 июля] 1911 [Аберврак]
366. Матери 30 июля [17 июля] [1911. Аберврак]
367. „ 31 июля [18 июля] 1911 [Аберврак]
368. „ 2 августа [20 июля] 1911 [Аберврак]
369. „ 7 августа [25 июля] [1911. Аберврак]
370. „ 10 августа [28 июля] [1911. Аберврак]
371. „ 12 августа [30 июля] 1911. L'Abervrach
372. „ 16 août [3 августа] 1911. Quimper
373. „ 20 août [7 августа] 1911. Quimper
374. „ 24-25 août [11-12 ав.] 1911. Quimper
375. „ 27 августа [4 августа] [1911] Paris
376. „ 30 août [17 августа] 1911 Paris
377. „ 4 сентября [22 августа] 1911. Париж
378. „ 5 сентября [23 августа] [1911. Антверпен]
379. „ 6 septembre [24 августа] 1911. Anvers
380. „ 8 сентября [26 августа] 1911 [Брюгге]
381. „ 9 сентября [28 августа 1911 [Слюйс]
382. „ 10 сентября [28 августа] 1911. Rotterdam
383. „ 12 septembre [30 августа] 1911. Amsterdam
384. „ 13 сентября [31 августа] 1911 [Берлин]
385. „ 13 сентября [31 августа] [1911] Берлин
386. „ 16 сентября [3 сентября] 1911. Берлин
387. „ 18 сентября [5 сентября] 1911. Берлин
388. „ 7 сентября [1911] Петербург
389. „ 11 сентября [1911. Петербург]
390. „ 13 сентября [1911. Петербург]
391. „ [24 или 25 сентября 1911. Петербург]
392. „ 2 октября [1911. Петербург]
393. „ [16 ноября 1911. Петербург]
394. „ [После 21 ноября 1911. Петербург]
395. „ 29 ноября [1911. Петербург]
396. „ [30 ноября 1911. Петербург
397. „ 5 декабря [1911. Петербург]
398. „ 9—10 декабря [1911. Петербург]
399. „ 19 декабря [1911. Петербург]
400. „ 23 декабря [1911. Петербург]
401. „ 28 декабря [1911. Петербург]
402. „ [1911. Петербург]

1912

403. Матери 15 января [1912. Петербург]
404. „ 20 января [1912. Петербург]

405. Матери 24 февраля [1912. Петербург]
406. " 25 февраля [1912. Петербург]
407. " 21 марта [1912. Петербург]
408. " 29 марта [1912. Петербург]
409. " 9 марта [1912. Петербург]
410. " 11 апреля [1912. Петербург]
411. " [24 апреля 1912. Петербург]
412. " 27 апреля [1912. Петербург]
413. " 1 мая [1912. Петербург]
414. " 6 мая [1912. Петербург]
415. " 10 мая [1912. Петербург]
416. " 14 мая [1912. Петербург]
417. " 2 июня 1912 [Петербург]
418. " 5 июня [1912. Петербург]
419. " 8 июня [1912. Петербург]
420. " 10 июня 1912 [Петербург]
421. " 14 июня [1912. Петербург]
422. " 15 июня [1912. Петербург]
423. " 17 июня [1912. Петербург]
424. " 21 июня [1912. Петербург]
425. " 24 июня [1912. Петербург]
426. " 27 июня [1912. Петербург]
427. " 30 июня [1912. Петербург]
428. " 3 июля [1912. Петербург]
429. " 13 июля [1912. Петербург]
430. " 15 июля [1912. Петербург]
431. " 17 июля [1912. Петербург]
432. " 19 июля [1912. Петербург]
433. " 21 июля 1912 [Петербург]
434. " 23 июля [1912. Петербург]
435. " 25 июля [1912. Петербург]
436. " 27 июля [1912. Петербург[
437. " 29 июля [1912. Петербург]
438. " 31 июля [1912. Петербург]
439. " 1 августа [1912. Петербург]
440. " 3 августа [1912. Петербург]
441. " 5 августа [1912. Петербург]
442. " (телеграмма)[13 августа 1912. Москва]
443. " [20-е сентября 1912. Петербург]
444. " [20-е чис. сент. 1912. Петербург]
445. " [8 или 9 окт. 1912. Петербург]
446. " [После 10 окт. 1912. Петербург]
447. " [около 21 окт. 1912. Петербург]

448. Матери [24 октября 1912. Петербург]
449. „ [27 октября 1912. Петербург]
450. „ [31 октября 1912. Петербург]
451. „ [Между 24 сент. и 2 ноября 1912. Петербург]
452. „ [2 ноября 1912. Петербург]
453. „ [7 ноября 1912. Петербург]
454. „ [7 ноября 1912. Петербург]
455. „ 14 ноября [1912. Петербург]
456. „ [19 ноября 1912. Петербург]
457. „ [22 ноября 1912. Петербург]
458. „ [Незадолго до 14 декабря 1912. Петербург]

1913

459. Матери [13 января 1913. Петербург]
460. „ [Конец мая — нач. июня 1913. Петербург]
461. „ 9 июня 1913. [Петербург]
462. „ 12 июня 1913. [Петербург]
463. „ 13 июня [1913. С русско-германской границы]
464. „ 28 (15) июня 1913. Париж.
465. „ 7 июля [21 июня] 1913 [Париж]
466. „ 7 июля [25 июня] 1913 [Гэтари]
467. „ 9 июля [27 июня] 1913 [Гэтари]
468. „ 13 июля [31 июня] 1913 [Гэтари]
469. „ 17 (4) июля 1913 [Гэтари]
470. „ 19 (6) июля 1913 [Гэтари]
471. „ 23 (10) июля 1913 [Гэтари]
472. „ 27 (14) июля 1913 [Гэтари]
473. „ 29 (16) июля 1913 [Биарриц]
474. „ 2 августа (20 июля) 1913 [Биарриц]
475. „ 5 августа (23 июля) 1913 [Биарриц]
476. „ 9 août (27 июля) 1913. Paris
477. „ 12 августа (30 июля) 1913. Париж
478. „ 1 августа 1913. Вержболово
479. „ 3 августа 1913. Петербург
480. „ 5 августа 1913. Петербург

1914

481. Матери 1 января [1914. Петербург]
482. „ 17 мая 1914 [Петербург]
483. „ 20 мая 1914 [Петербург]
484. „ 22 мая 1914 [Петербург]

485. Матери 24 мая 1914 [Петербург]
486. „ 27 мая 1914 [Петербург]
487. „ 30 мая 1914 [Петербург]
488. „ 1 июня 1914 [Петербург]
489. „ 4 июня 1914 [Петербург]
490. „ 22 августа 1914 [Петербург]
491. „ 31 августа 1914 [Петербург]
492. „ 8 сентября 1914 [Петербург]
493. „ 15 сентября 1914 [Петербург]
494. „ 23 сентября [1914 Петербург]
495. „ 25 сентября [1914 Петербург]
496. „ 28 сентября 1914 [Петербург]
497. „ 5 октября [1914. Петербург]
498. „ 7 октября [1914. Петербург]
499. „ 14 октября [1914. Петербург]
500. „ 14 октября [1914. Петербург]
501. „ 16 октября [1914. Петербург]

1915

502. Матери 27 мая 1915 [Петроград]
503. „ 29 мая 1915 [Петроград]
504. „ 1 июня 1915 [Петроград]
505. „ 4 июня 1915 [Петрогргд]
506. „ 7 июня 1915 [Петроград]
507. „ 10 июня 1915 [Петроград]
508. „ 13 июня 1915 [Петроград]
509. „ 16 июня 1915 [Петроград]
510. „ 19 июня 1915 [Петроград]
511. „ 22 июня 1915 [Петроград]
512. „ 25 июня 1915 [Петроград]
513. „ [8 или 9 августа 1915. Подсолнечная]
514. „ 11 августа [1915. Петроград]

1916

515. Матери 29 марта [1916. Москва]
516. „ 31 марта 1916. Москва
517. „ 4 апреля 1916. [Москва]
518. „ 7 мая 1916 [Петроград]
519. „ 11 мая 1916 [Петроград]
520. „ 17 мая 1916 [Петроград]
521. „ 20 мая 1916 [Петроград]

522. Матери 23 мая 1916 [Петроград]
523. „ 26 мая 1916 [Петроград]
524. „ 29 мая 1916 [Петроград]
525. „ 1 июня 1916 [Петроград]
526. „ 4 июня 1916 [Петроград]
527. „ 7 июня 1916 [Петроград]
528. „ 10 июня 1916 [Петроград]
529. „ 13 июня 1916 [Петроград]
530. „ 16 июня 1916 [Петроград]
531. „ 19 июня 1916 [Петроград]
532. „ 22 июня 1916 [Петроград]
533. „ 25 июня 1916 [Петроград]
534. „ 28 июня 1916 [Петроград]
535. „ 1 июля 1916 [Петроград]
536. „ 4 июля 1916 [Петроград]
537. „ 7 июля 1916 [Петроград]
538. „ 8 июля 1916 [Петроград]
539. „ 24—25 июля 1916. [Петроград]
540. „ 27 июля [1916. В поезде, подъезжая к Гомелю]
541. „ 28 июля [1916. Гомель]
542. „ 2 августа 1916 [Им. Парахонск]
543. „ 7 августа 1916 [Им. Парахонск]
544. „ 11 августа 1916 [Им. Парахонск]
545. „ 19 августа [1916. Дер. Колбы?]
546. „ 27 августа [1916. Дер. Колбы?]
547. „ 7 сентября 1916 [Дер. Колбы?]
548. „ 8 сентября [1916. Дер. Колбы?]
549. „ 9—10 сентября [1916] Дер. Колбы?
550. „ 21, 28 августа, 4 сент. [1916. Дер. Колбы?]
551. „ 27 сентября [1916. Дер. Колбы?]
552. „ 27 сентября [1916. Дер. Колбы?]
553. „ 3 ноября [1916. Подъезжая к Гомелю]
554. „ 3 ноября [1916. Гомель]
555. „ 4 ноября [1916. Подъезжая к станции Парахонск]
556. „ 7 ноября 1916. Им. Парахонск
557. „ 13 ноября [1916. Им. Парахонск]
558. „ 14 ноября 1916 [Им. Парахонск
559. „ 21 ноября 1916 [Им. Парахонск]
560. „ 27 ноября 1916 [Им. Парахонск]
561. „ [2 декабря 1916. Им. Парахонск]
562. „ 7 декабря 1916 [Им. Парахонск]
563. „ 15 декабря [1916. Им. Парахонск]
564. „ 18 декабря [1916. Лунинец]

565. Матери 27 декабря [1916. Им. Парахонск]
566. „ 28 декабря 1916 [Им. Парахонск]

1917

567. Матери 1 января 1917 [Им. Парахонск]
568. „ 7—8 января 1917 [Им. Парахонск]
569. „ 8 января [1917. Им. Парахонск]
570. „ 15 января [1917. Им. Парахонск]
571. „ 17 января [1917. Им. Парахонск]
572. „ (телеграмма) [23 января 1917. Лунинец]
573. Ф. Ф. Кублицкому-Пиоттух (телеграмма) [конец января — нач. февраля 1917. Лунинец]
574. Ф. Ф. Кублицкому-Пиоттух (телеграмма) [конец января — нач. февраля 1917. Лунинец]
575. Матери 6 февраля [1917. Им Парахонск]
576. М. А. Бекетовой 6 февраля [1917. Им. Парахонск?]
577. Матери 14 февраля 1917 [Парахонск]
578. „ 21 февраля [1917. Парахонск]
579. „ 24 февраля [1917. Парахонск]
580. „ 1 марта 1917 [Парахонск]
581. „ 9 марта 1916 [1917] Парахонск
582. „ 19—20 марта 1917 [Петроград]
583. „ 23 марта 1917 [Петроград]
584. „ 30 марта 1917 [Петроград]
585. „ 2 апреля 1917. С. Петербург
586. „ 15 апреля 1917 [Москва]
587. „ 17 апреля 1917. Москва
588. „ 17 апреля 1917. Москва
589. „ 19 апреля 1917. Петербург
590. „ 21 апреля 1917 [Петроград]
591. „ 25 апреля 1917 [Петроград]
592. „ 27 апреля 1917 [Петроград]
593. „ 2 мая 1917 [Петроград]
594. „ 6 мая 1917 [Петроград]
595. „ 7 мая 1917 [Петроград]
596. „ 8 мая [1917. Петроград]
597. „ (телеграмма) [9 мая 1917. Петроград]
598. „ 12 мая 1917 [Петроград]
599. „ 18 мая 1917 [Петроград]
600. „ 22 мая 1917 [Петроград]
601. „ 26 мая 1917 [Петроград]
602. „ 30 мая 1917 [Петроград]

603. Матери телеграмма [1 июня 1917. Петроград]
604. „ 3 июня 1917 [Петроград]
605. „ 7 июня 1917 [Петроград]
606. „ 11 июня 1917 [Петроград]
607. „ 15 июня 1917 [Петроград]
608. „ 19 июня 1917 [Петроград]
609. „ 23 июня 1917 [Петроград]
610. „ 27 июня 1917 [Петроград]
611. „ 30 июня 1917 [Петроград]
612. „ 4 июля 1917 [Петроград]
613. „ 7—8 июля 1917 [Петроград]
614. „ 12 июля 1918 [Петроград]
615. „ 16 июля 1917 [Петроград]
616. „ 20 — 21 июля 1918 [Петроград]
617. „ 24—25 июля 1917 [Петроград]
618. „ 28 июля 1917 [Петроград]
619. „ 1 августа 1917 [Петроград]
620. „ 4 и 3 августа 1917 [Петроград]
621. „ 8 августа 1917 [Петроград]
622. „ 12 августа 1917 [Петроград]

1918

623. Матери [16 февраля 1 марта 1918. Петроград]
624. „ 26 (13) апреля 1918 [Петроград]
625. „ [Зима — весна. 1918. Петроград]
626. „ 19 июня 1918 [Петроград]
627. „ 23 сентября [1918. Петроград]
628. „ [конец 1918? Петроград]

1919

629. Матери конец 1918 или начало 1919 [г. Петроград]

1920

630. М. А. Бекетовой 16 марта 1920 [Петроград]
631. 25 марта [1920. Петроград]

1921

632. Матери 12—13 мая 1921 [Петроград]
633. „ 20 мая [1921. Петроград]
634. „ 28 мая 1921 [Петроград]
635. „ 4 июня 1921 [Петроград]

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Главнейшие опечатки в I томе „Письма к родным“:

страница:	*напечатано:*	*должно быть:*
21	маме, а сейчас	маме, она сейчас
105	но без „прозорливости“	не без „прозорливости“
106	богатствам	богатство
132	возможность	возможности
156	всегда сохранились	всегда сохранялись
234	об Ибсене в театре	об Ибсене в театре (2)
235	(Женин Андреев (2)	Женин Андреев (3)
„	Вчера Венгеров (3)	Вчера Венгеров (4)
„	Гиппиус (4) прочла	Гиппиус (5) прочла
236	Пешехонов (5)	Пешехонов (6)
248	Сегодня получнли	Сегодня получил я
251	17 марта 1099.	17 марта 1909
254	Синию Птицу	Синюю Птицу
260	Хотим купаться	Ходим купаться
305	помещика (Шидловского)	помещика (Шатловского)
308	Диана и Стрелка	Диана и Орёлка
312	ск. 1. XII. 1908 г.),	ск. 1. XII. 1909 г.),
332	„Сотружества“	„Содружества“
323	Зязя и Варя—две поповны	Варя — В. Б. Новикова, кухарка. Зязя — А. С. Любимова, дочь священника
339	В. Комиссарский	В. Коммиссаржевской.
343	Эттингер, П. Д.	Эттингер, О. Г. *
347	Статья Блока:	3. Статья Блока:
„	3. Рассказы	4. Рассказы:
„	4. Эллис	5. Эллис
„	5. Жена Г. И. Чулкова	6. Жена Г. И. Чулкова.
349	истории литературы	историк литературы

* „Скандальная лекция“ (см. письмо 160) была прочитана не П. Д. Эттингером, искусствоведом и библиофилом, а его однофамильцем.

Главнейшие опечатки
во II томе:

страница:	*напечатано:*	*должно быть:*
64	уедешь санаторию	уедешь в санаторию
83	Филипп	Филиппо
114	„Мусагата“	„Мусагета“
117	Hans Guenter	Hans Guenther
168	Francè.	France.
178	Septembr	september
187	эта азбука	это азбука
196	статью — Пяста и Метнера	статью—Пяста. И Метнера
202	aeternum	alternam
215	В. Л. Пяст	В. А. Пяст
238	Пириже	Париже
242	Perénées	Pyrénées
256	связана	связано
293	φιλοκάλια Любовь	„Φιλοκάλια“ — Любовь
300	от них	о них
309	низко на гориз.,	низко над гориз.,
„	счатью	счастью
315	3/XI 12 час.	4/XI 12 час.
370	социалистический (блок с.-р.	социалистический блок (с.-р.
387	„Хотя и на фронте“	Хотя и „на фронте“
429	роль Лепорелло	роль Сганареля
433	Дымов (Перельман), О. Н.	Дымов (Перельман) О. И.
445	Мартин Симеон	Мартин Симсон
449	Дягилова	Дягилева
457	Н. А. Павилович	Н. А. Павлович

Редактор *М. А. Бекетова.* Технич. ред. *Г. Л. Гилес.* Сдано в набор 23/X—1931 г. Подпис. к печ. 3/VII—1932 г. № 19. Ленгорлит № 4506. Тираж 4250. Форм. бум. 74×105 см. Зак. № 161. Печ. лист. 34¼. Тип. зн. в 1 п. л. 50000. Бум. лист. 8¼.
Типография „Печатный Двор",
Ленинград, Гатчинская 26.